

НОМОТНЕТКА:

Философия. Социология. Право

2023. Том 48, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философских наук, профессор
(Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор
(Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
(МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор
(Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор
(Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор
(НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор
Московского государственного института культуры
(Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор
Всероссийского государственного университета юстиции,
профессор (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор
(Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор
(Институт философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор
(Софийский университет имени Св. Климента Охридского,
Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор
(Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Штопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор
(Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор
(Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор
(Высшая школа экономики)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусьяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru, roshepfov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 21,6. Дата выхода 30.06.2023. Оригинальный макет подготовлен от делом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 217 Драч Г.В., Тихонов А.В., Хмелевской Д.О. Взаимосвязь бытия и мышления в философии Парменида и Платона

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 228 Малько А.В., Маркунин Р.С. Методология исследования юридической аномии

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 235 Авилова Ж.Н., Ботнарюк И.А. Коммуникативные практики студенческой молодежи в формате онлайн и офлайн (на примере БГТУ им. В.Г. Шухова)
- 244 Лебедева Л.Г. О социокультурных характеристиках старших и младших поколений современных россиян
- 255 Рассолова Е.Н., Галкин К.А. Современное развитие гражданской науки. Анализ успешных практик
- 264 Юдина Т.Н., Бормотова Т.М. Восприятие бедности и неравенства в российском массовом сознании: женский взгляд

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 277 Баган В.В., свящ. Роль носителей знаний о каноническом праве в становлении мирского (светского) юридического образования в России
- 285 Калинина Е.В. Этико-правовые вызовы прогрессивного пространства массовых коммуникаций
- 295 Купцова О.Б. Формирование технико-юридической культуры молодежного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области
- 302 Пойминов Н.М. Доктрина панславизма в политико-правовом учении Н.Я. Данилевского
- 308 Смирнова М.Г. Источники права как формы закрепления социальных притязаний

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 317 Дегтярев М.В. Всё более усложняющаяся сложность права
- 326 Коцюмбас М.С. Особое мнение судьи в конституционном судопроизводстве
- 333 Мельников П.А. Сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов: современное состояние и эволюция процедуры
- 341 Ряшин М.П. Современное состояние и перспективы развития наукоградов на территории Российской Федерации

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ

- 352 Ивашина Р.А., Почепцов С.С. Смыслы понятия «свобода» в идеальном государстве Платона
- 359 Кочук И.А., Кожемякин Е.А. Кинорепрезентация жестокости: жанровые конвенции и зрительская интерпретация

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 374 Резник С.В., Римский А.В. Христианство и пацифизм: история и современность
- 383 Спирин Т.В. Религия и философия: возможность синтеза (С. Кьеркегор и П. Флоренский)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 396 Егоров Н.С., Кузнецов А.В. Авторство в современном культурно-технологическом дискурсе

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 406 Есман О.С., И Лань. Потенциал инноваций музыкального образования КНР
- 413 Липич В.В., Маслакова А.В. Религиозные предпосылки социальной концепции Русской Православной Церкви

NOMOTHETIKA:

Philosophy. Sociology. Law

2023. Volume 48, No. 2

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor
(Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor
(North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor
(Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpopier, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (Higher School of Economics)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ 77 – 77840 от 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 21,6. Date of publishing 30.06.2023. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 217 Drach G.V., Tikhonov A.V., Khmelevskoy D.O. The Relationship of Being and Thinking in the Philosophy of Parmenides and Plato

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 228 Malko A.V., Markunin R.S. Methodology for the Study of Legal Anomie

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 235 Avilova Zh.N., Botnaryuk I.A. Communicative Practices of Students in Online and Offline Format (On the Example of V.G. Shukhov BSTU)
- 244 Lebedeva L.G. About the Socio-cultural Characteristics of the Older and Younger Generations of Modern Russians
- 255 Rassolova E.N., Galkin K.A. Modern Development of Citizen Science. Analysis of Successful Practices
- 264 Yudina T.N., Bormotova T.M. Perception of Poverty and Inequality in the Russian Mass Consciousness: A Woman's View

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 277 Bagan V.V., Priest. The Role of Carriers of Knowledge About Canon Law in the Genesis of Public Legal Education in Russia
- 285 Kalinina E.V. Ethical and Legal Challenges of the Progressive Space of Mass Communications
- 295 Kuptsova O.B. Formation of the Technical and Legal Culture of the Youth Parliament at the Legislative Assembly Nizhny Novgorod Region
- 302 Poyminov N.M. The Doctrine of Pan-Slavism in the Political and Legal Doctrine of N.Y. Danilevsky
- 308 Smirnova M.G. Sources of Law As a form of Consolidation of Social Claims

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

- 317 Degtyarev M.V. The Increasing Complexity of the Law
- 326 Kotsumbas M.S. Dissenting Opinion of a Judge in Constitutional Proceedings
- 333 Melnikov P.A. Collecting Signatures in Support of Candidate Nomination: Current Status and Evolution of the Procedure
- 341 Ryashin M.P. Current State and Prospects for the Development of Science Cities on the Territory of the Russian Federation

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 352 Ivashina R.A., Pocheptsov S.S. The Meanings of the Concept of "Freedom" in Plato's Ideal State
- 359 Kochuk I.A., Kozhemyakin E.A. Cinema Representation of Cruelty: Genre Conventions and Spectators' Interpretations

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 374 Reznik S.V., Rimsky A.V. Christianity and Pacifism: History and Modernity
- 383 Spirin T.V. Religion and Philosophy: The Possibility of Synthesis (S. Kierkegaard and P. Florensky)

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 396 Egorov N.S., Kuznetsov A.V. Authorship in the Modern Cultural and Technological Context

THESIS

- 406 Esman O.S., E Lan. The Innovation Potential of Music Education in China
- 413 Lipich V.V., Maslakova A.V. Religious Prerequisites of the Social Concept of the Russian Orthodox Church

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 111.1

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-217-227

Взаимосвязь бытия и мышления в философии Парменида и Платона

Драч Г.В. Тихонов А.В., Хмелевской Д.О.

Южный Федеральный Университет,
Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
E-mail: gvdrach@sfd.ru, avtikhonov@sfd.ru, dhmelevskoy@sfd.ru

Аннотация. Авторы обращаются к двум основополагающим понятиям западноевропейской философии – бытию и мышлению. Данные категории вновь в центре внимания благодаря философии корреляционизма или спекулятивного реализма. Мыслители упомянутого направления совершают попытку преодолеть прочную связь бытия и мышления, сосредоточив свою критику на фигуре И. Канта. Однако основоположниками анализируемых категорий выступают античные мыслители – Парменид и Платон. Древний Элеат впервые провозглашает принцип «бытие и мышление одно и то же», где главную роль играет шарообразное бытие, позволяющее человеку постигать ее истину. В свою очередь Платон вводит баланс в этот тезис, указав на схожее устройство человека и онтологии с помощью образа линии в VI книге «Государства». Между тем мыслитель обосновывает существование небытия как иного по отношению к бытию, что дает возможность представить множество идей в основе сущего, а не единое сферообразно.

Ключевые слова: бытие, мышление, корреляционизм, Платон, Парменид

Для цитирования: Драч Г.В., Тихонов А.В., Хмелевской Д.О. 2023. Взаимосвязь бытия и мышления в философии Парменида и Платона. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(2): 217–227. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-217-227

The Relationship of Being and Thinking in the Philosophy of Parmenides and Plato

Gennady V. Drach, Andrei V. Tikhonov, Daniil O. Khmelevskoy

Southern Federal University
105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don 344006, Russia
E-mail: gvdrach@sfd.ru, avtikhonov@sfd.ru, dhmelevskoy@sfd.ru

Abstract. The authors of the article turn to two fundamental concepts of Western European philosophy – being and thinking. These categories are again in the spotlight thanks to the philosophy of correlationism or speculative realism. Thinkers of the mentioned direction make an attempt to overcome the strong connection of being and thinking, focusing their criticism on the figure of I. Kant. However, the founders of the analyzed categories are ancient thinkers – Parmenides and Plato. The ancient Eleatic for the first time proclaims the principle of «being and thinking are the same», where the main role is played by a spherical being that allows a person to comprehend its truth. In turn, Plato introduces balance into this thesis, pointing out the similar structure of man and ontology with the help of the image of the line in the VI book of Republic. Meanwhile, the thinker justifies the existence of non-being as other in relation to being, which makes it possible to present a multitude of ideas at the heart of existence, and not a single sphere-like.

Keywords: being, thinking, correlationism, Plato, Parmenides

For citation: Drach G.V., Tikhonov A.V., Khmelevskoy D.O. 2023. The Relationship of Being and Thinking in the Philosophy of Parmenides and Plato. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 217–227 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-217-227

Введение

В XX веке метафизика критиковалась с двух философских традиций – аналитической и континентальной. Первая традиция постулировала необоснованность метафизических высказываний, а вторая производила деконструкцию фундаментальных категорий «ума» (νόος) и «бытия» (ὄν). Например, следуя за философом Рудольфом Карнапом, высказывание Джорджа Беркли «существовать – значит быть воспринимаемым» (Esse est percipi) [Беркли, 1978] является метафизическим, поскольку понятия «существовать» и «воспринимать» – предикаты и, следовательно, в представленном предложении качество будет определяться через качество, которое не подходит под категорию протокольных предложений. Тогда как философы континентальной традиции в лице постмодернизма, и здесь самым ярким примером будет служить философия деконструкции Жака Деррида, производят свержение метафизики изнутри. Краткая схема метода деконструкции, согласно Ж. Деррида, заключается в двух фазах: первая фаза предполагает поиск и переворачивание в онтологии иерархии оппозиций, образцовым примером оппозиции и иерархии в ней выступает отношение между душой и телом; второй шаг подразумевает редукцию зависимости второго термина к первому: в нашем примере душа становится зависима от тела [Lawlor, 2023]. Затем деконструкции подвергается и разумный субъект, который, как утверждал Декарт, обладает сознанием благодаря мышлению любого объекта. Помимо того, что разумный субъект находится в ауто-зависимости от помысленного объекта, со своей стороны различие сознательного и подсознательного в субъекте формирует фрагментарно-рационального субъекта, тем самым идентичность человека испытывает внутренние разрывы [Enwald, 2004].

Несмотря на вышеприведенную критику метафизики, мы можем констатировать возвращение к мышлению и бытию. Возобновление актуальности проблематики отношения между этими понятиями произошло в рамках пара-академической конференции журнала Collapse [Маскау, 2007] секции «Спекулятивный реализм» в 2007 году. Четыре философа – Йэн Грант, Рэй Брассье, Грэм Харман и Квентин Мейясу совершают попытку критики прочной взаимосвязи мышления и бытия, называя это отношение корреляционизмом. Под проблемой корреляционизма философы предполагают, что мы имеем доступ только к соотношению мышления и бытия, а не к чему-то одному из них в отдельности [Харман, 2020, с. 11].

Таким образом, мы не можем представить мышление без бытия и наоборот. Соображаясь с этим, упомянутые мыслители стараются «пересобратить» философию и дать ей возможность постигать реальность как таковую, без репрезентации спаренного отношения бытия и мышления.

Однако существуют попытки пересмотреть и наследие классической философии, принимая во внимание проблему корреляции бытия и мышления, а в частности – античный период европейской философии. Примером такого обращения является работа Й. Гранта «Идеализм: история философии» [Dunham et al., 2011]. В отечественной литературе попытку сопоставить теоретические разработки К. Мейясу и наследие средневековой философии предпринимает Д.А. Федчук в работе «Голос “Единого”: Альберт Великий, Фома Аквинский и Дунс Скот» [Федчук, 2019].

Однако Парменид – это первый философ, усомнившийся в данности физического мира, который совершил качественное изменение в философии, повернув свое изыскание от первоосновы мира (ἀρχή) к тому, что «есть» (εἶμι) [Гатри, 2017, с. 50]. Парменид учит,

что истина присуща вечному и неизменному бытию (ὄν), и доступна она только уму (νόος) и акту мышления (νοεῖν). Соответственно, сила подобного философского открытия сравнивается У.К.Ч. Гатри с фундаментальным заявлением Р. Декарта "Cogito ergo sum". Тем самым Парменид исключил из философских изысканий область природы на долгие годы и направил философскую традицию на изучение отношения бытия и мышления [Rockmore, 2021, с. 166]. Спустя некоторое время, в эпоху высокой классики античного мира, Платон снова обратил внимание на открытие Парменида и посвятил одноименный диалог этому мыслителю, а также продолжил попытку переоценки концептов бытия, небытия и мышления в диалоге «Софист» [Cherniss, 1932].

В связи с этим мы можем предположить, что проблема взаимосвязи бытия и мышления, помимо учения И. Канта, восходит к упомянутым греческим философам, а следовательно, нам необходимо реконструировать связь категорий «νόος» и «ὄν» в учениях Парменида и Платона.

Взаимосвязь «νόος» и «ὄν» в философии Парменида

При анализе философского содержания поэмы Парменида «Περὶ φύσεως» принято пропускать проэмий, поскольку, как утверждал Корнфорд, в этой части произведения не содержится ничего философски важного [Wilkinson, 2009, p. 71]. Однако было бы неправомерно разделять цельный труд древнего мыслителя, отдавая предпочтение какой-либо части поэмы в ущерб другой, поскольку произведение философа находилось в определенном историческом контексте, и, помимо прочего, содержание и форма «О природе» явно дополняют друг друга. Например, как утверждает А.В. Ахутин [2007, с. 572], проэмий позволяет настроить внимание для восприятия учения Парменида. Вводная часть «О природе» изобилует художественным символизмом: путешествие на летающей колеснице, явление богов перед юношей и подробное описание ворот Дня и Ночи и т.д. В то же время в символизме нельзя упускать имплицитные дихотомии: покой и путешествие к вратам, юноша и богиня, божественное и смертное, День и Ночь. Все вышеперечисленное предваряет логику Парменида: «бытие есть, а небытия нет» (ἔστι γὰρ εἶναι, μηδὲν δ' οὐκ ἔστιν) [В 2 DK] (здесь и далее текст Парменида приводится по изданию [Лебедев, 1989]). Золотая колесница, в которой перемещается курор, вероятно, отсылает к богу солнца Гелиосу, поскольку его традиционно репрезентируют юноши в золотой колеснице. Бог же перемещается по небу в колеснице, а отблески от нее – это свет солнца. Тем самым Гелиос излучает очищающие лучи, разгоняющие тьму и освобождающее нас от скверны [Зелинский, 2014, с. 38]. Можно также предположить, что Девы Дочери Солнца олицетворяют лучи самого Гелиоса, очищающие поэта и его мышление ото лжи. В то же время, как отмечает Г.В. Драч, метафоры пути и юноши выступают символами самопознания через образ путешествия [Драч, 2003, с. 256]. В свою очередь, немецкий филолог В. Йегер видит в проэмий вовсе явный образ религиозного откровения, переданного богами смертному юноше [Йегер, 2021, с. 206]. Иными словами, вводная часть произведения Парменида отсылает нас к личному опыту рефлексии, используя символы и образы религиозного откровения, и готовит читателя к открытию истины природы.

После проэмий богиня правосудия (Δίκη) рассказывает путешественнику, что ему откроется истина и как ему следует говорить о мнимом. Существует только два пути, по которым человек может следовать: пути истины (ἀλήθεια) и мнения (δόξα), – заключает богиня Правды. Первый путь обращается к геометрически совершенному бытию, которое обладает истиной и постигается с помощью рационального начала человеческой души.

Второй путь повествует о мнении, где философ показывает обыденное представление о действительности [Целлер, 2012, с. 61]. На пути мнения человек начинает совмещать бытие и небытие в своем мышлении о мире, и тем самым все мироздание открывается ему в качестве смеси из природных стихий, например, огня [В 6 DK].

Богиня Правды провозглашает ключевой тезис для философии Парменида – мыслить и быть есть одно и то же (... τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι) [В 3 DK]. В то же время историко-философской науке известны несколько переводов, следовательно, и трактовок данного отрывка: «одно и то же есть мысль и то, о чем она мыслит» [Досократики, 1999] С. Трубецкого; «мышление – это то же самое, что и существование этой мысли» [Mansfeld, 2005] Я. Мансфилда; «ибо это одно и то же, что можно помыслить и что может быть» [Burnet, 1920, p. 130] Дж. Бернета. Как мы видим, каждый перевод вводит свою интерпретацию отношения бытия и мышления: например, в варианте Я. Мансфилда вовсе пропадает категория «бытия», что позволяет нам предположить наличие субъективного идеализма в учении античного мыслителя.

В то же время, согласно мнению А.Х. Коксона, соответствие контекстуального и метрического методов анализа произведения позволяет утверждать, что третий фрагмент является продолжением предыдущего и выглядит так: «ни изъяснить (οὔτε φράσαις), ибо мыслить то же, что быть» [Сохон, 2009, p. 297]. Тем не менее именно в данном фрагменте мы встречаем глагол «мыслить» (νοεῖν). Обращаясь к эпосу Гомера, можно обнаружить употребления слова «мыслить» (νοεῖν) в качестве глагола, связанного с чувством зрения, но это слово также означает и акт созерцания с помощью ума [Hermann, 2004, p. 46]. В то же время особенность «νοεῖν» заключается в характере причастности бессмертной части человека к божественному и вечному бытию. Сам процесс мышления — прыжок от единичных вещей ко всеобщим истинам, на которых основаны дедуктивные доводы, отмечает У.К.Ч. Гатри [Гатри, 2017, с. 47]. Благодаря этому, употребление слова «νοεῖν» Парменидом в своей поэме имплицитно указывает нам на религиозное откровение, что дополняет символический ряд поэмы.

Стоит отметить, что парменидовский концепт бытия встречается нам в разных грамматических категориях: как инфинитив «εἶναι», как причастие «τὸ ἐὶν» или вообще в качестве логической связки «есть» (ἐστίν), что затрудняет как перевод поэмы мыслителя, так и понимание его философии. Категория «бытия» в философском значении обнаруживается в поэме Парменида не сразу. Философ логически дифференцирует свою онтологию с помощью дедукции, на две категории: на то, что есть (ἐστίν), и на то, чего нет (οὐκ ἔστιν) [В 2 DK]. Глагол «ἐστίν», с грамматической точки зрения, отсылает нас к некоему субъекту (третьего лица единственного числа), который должен «быть». Определение объекта или субъекта существования — сложная задача. Англоязычные исследователи указывают на множество трактовок разыскиваемого объекта. Например, «существующим» может быть как «единое», так и «бытие», «истина», «разум» или «сущее», утверждает Арнольд Герман [Hermann, 2004, p. 184]. В данном отрывке мы впервые встречаем «τὸ ἐὶν», причастие единственного числа, настоящего времени, образованное от глагола εἶμι, значение которого переводится как «быть», «являться». Однако причастие «τὸ μὴ ἐὶν» дословно переводится как не бытийствующее или не существующее, но в работе А.В. Лебедева отражено как «...то, чего нет...». Внимательно рассматривая приведенный отрывок, можно отметить некоторую философскую логическую тавтологичность. Сообразуясь с этим, есть разные исследовательские позиции на онтологию мыслителя. Например, А.В. Лебедев определяет метафизику элеата как «дедуктивная» [Лебедев, 2008, с. 543]. В свою очередь, В. Виндельбанд именуется демонстрируемую метафизику древнего мыслителя как «абстрактную онтологию» [Виндельбанд, 1997, с. 54]. Подобной бинарной оппозицией и логической тавтологией [Гатри, 2017, с. 43] Парменид пытается ответить на конкретную философскую проблему, которая определяет объект, скрытый глаголом «ἐστίν». Смотря перспективно, древний мыслитель включает разные концепты в свою философию, одним из которых является космология. Именно парменидовские открытия в сфере космологии занимали умы античных философов. Однако, как утверждает Ч. Х. Кан, центральной проблемой древнего мыслителя была не космогония, а проблема познания и истины [Kahn, 1969]. Таким образом философ задает вопрос об условиях истинного познания чего-либо, а не описывает первопричину сущего,

однако в поэме первоначало сущего все же будет определено как «бытие» (ἐόντος). Наименование исследовательского метода Парменида, которым он явно отделяет себя от предшествующей философской традиции, как замечает Чарльз Х. Кан, выражено в слове «διζήσιός», переводимое как «изыскание», однако оно может быть рассмотрено как синонимичное слово ионического диалекта «ἰστορίη», значение которого переводимо как «исследование» и предполагает в качестве объекта исследования природные стихии.

Отношение бытия и небытия выражено в поэме логическим способом. Из поэмы Парменида выводима одна истинная предпосылка – «только бытие есть, небытия нет» (ἔστι γὰρ εἶναι, μηδὲν δ' οὐκ ἔστιν) [B 2 DK]. Остальные две предпосылки, утверждающие существование или несуществование бытия и небытия (οὐκ ἔστιν) или их тождественность, исключаются из-за их противоречия главной аксиоме [Троицкий, 1887, с. 152]. Значение небытия выражается в том, что оно ускользает от упоминания, иными словами, когда мы совершаем попытку выразить небытие, то происходит вытеснение небытия бытием. В то же время есть предположение, что небытие является вспомогательным понятием для полагания онтологии, являясь пустым по своему значению, и в самом произведении небытие отождествляется с пустым пространством [B 8 DK].

Взаимосвязь бытия и мышления Парменид выражает тем, что в истинно существующее философ включает мысль, указывая на единственно верный путь к истинно существующему через мысль (νόημα). Другими словами, мыслить о чем-либо можно лишь тогда, когда данный объект существует. Например, если помыслить Ахилла из эпической поэмы Гомера, то Ахилл будет существовать как часть Илиады, которая объективно существует в качестве эпоса. Поэтому неверно отдавать прерогативу существования мыслимому объекту, например, сказочной Бабе Яге; необходимо следить за точностью мысли и определять конечный объект, на который направлено мышление.

Таким образом, Парменид совершил качественный поворот в философии, отвернувшись от первичных стихий в природе и обратившись к поиску истины в рациональном ключе. Тем самым философ разделил мироздание на две части: одна принадлежит истине, другая относится ко мнению. В свою очередь, человек занимает промежуточную позицию между этими частями, воспринимает физическую реальность, при этом имеет доступ к истинному бытию с помощью способности мыслить (νοεῖν). В проэмии «О природе» поэт, используя художественные образы, акцентирует наше внимание на важной роли личного откровения, где истина открывается путем рефлексии, путешествием в свое размышление. Акт мышления можно представить как быстрое погружение в человеческое сознание и открытие логики бытия и небытия. Взаимосвязь бытия и мышления выражена в превалировании бытия над человеческим сознанием, поскольку человек обладает лишь частью бессмертного – умом (νοῦς).

Взаимосвязь «νοῦς» и «δῶν» в философии Платона

Обратимся к диалогам мыслителя зрелого периода, согласно периодизации А.Ф. Лосева: «Геэтет», «Софист», «Парменид», «Государство». Выбор упомянутых диалогов продиктован одной из центральных проблем философии Платона — познания. Именно в разработке данного философского концепта, по мнению Ж. Делеза, содержится основная мотивация онтологии Аристокла – «отбор» [Делез, 2011, с. 329], поскольку именно в гносеологической философской конструкции отражается онтологическая картина мира Платона, продиктованная природой человека.

Трасилл озаглавил диалог «Геэтет» так: «О знании». Рассматриваемый диалог посвящен не столько миру становления, сколько природе знания, где собеседники приходят к выводу существования следующих типов знания: знание как «фантазия» или представление (φαντασία ἄρα καὶ αἴσθησις) (152b11-c1) (пер. Т.В. Васильевой [Платон, 1994]); знание как истинное мнение (ἡ ἀληθὴς δόξα ἐπιστήμη εἶναι) (187b5 – 6); знание как истинное мнение,

совмещенное с объяснением (μὲν μετὰ λόγου ἀληθῆ δόξαν ἐπιστήμην εἶναι) (201c9-10)» (пер. И.А. Протопоповой [Платон, 2019]). «Фантазия» (φαντασία ἄρα καὶ αἴσθησις) заключена в недолжном схватывании, основанном на чувствах, сущности предмета. В таком случае предмет познания быстро передвигается, меняется, и зафиксировать истинное положение предмета с помощью чувств – невозможно (Plat. Theaet. 160a). В свою очередь, истинное мнение (ἡ ἀληθῆς δόξα ἐπιστήμη εἶναι) – более точное определение предмета познания по сравнению с пассивным восприятием. Для определения такого типа знания философ обращается к природе человека, а именно: мыслитель обращается к памяти. Платон определяет память души через образ «восковой дощечки» (κέρυινον ἐκμαγεῖον), где качество памяти зависит от индивидуальных способностей души, в то же время память – дар богини Мнемосины. Ложное мнение формируется посредством неправильного сопоставления информации, поступающей из чувств, с оттисками (σημεῖον) на памяти. Другими словами, познание зависит от чувств, памяти и мысли, то есть от индивидуальной природы человека (Plat. Theaet. 195d). Истинное же мнение прибавляется понятийным аппаратом или логосом (μὲν μετὰ λόγου ἀληθῆ δόξαν ἐπιστήμην εἶναι), приближая истинность к субъекту. Объяснение, прибавленное к знанию, бывает трех типов: «изображение мысли в звуке» (τὸ μὲν γὰρ ἦν διανοίας ἐν φωνῇ), «переход от начал к целому» (διὰ στοιχείου ὁδὸς ἐπὶ τὸ ὅλον), «отличительный признак вещи» (τῶν ὄντων τὴν διαφορὰν τῶν ἄλλων). В конце диалога Сократ признает подобающим только последний тип объяснения, так как постижение отличительного признака предмета познания укрепляет его различие среди других подобных предметов, также позволяет более точно определить сущность вещи.

Таким образом, Платон, подобно Пармениду, рассматривает проблему знания; но с позиции философского антрополога указывая, что чем больше мы погружаемся в свои душевные способности, тем мы более точны в различии вещей, а следовательно – в знании. Однако в «Софисте» был рассмотрен подробный переход от чувственного познания (αἴσθησις) к рассудочному (διάνοια), но не была рассмотрена высшая умственная способность человека – ум (νοῦς).

Благодаря разуму (νοῦς) человек, рассматривая сущее вокруг него, имеет возможность взойти на уровень идеального бытия, отмечает А.В. Тихонов [Тихонов, 2003, с. 13]. Сосредоточим наше внимание на диалоге «Софист», в котором рассматривается разумная способность души (νοῦς).

В упомянутом диалоге слово «νοῦς» фигурирует гораздо чаще в отличие от диалога «Тезтет», где «νοῦς» не имел значения высшей способности познания. В рассматриваемом диалоге Платон ставит перед собеседниками вопрос: «кто такой софист?» Философ с помощью диалектики исследует софиста, но не прибегает к их излюбленному методу – эристике, представляющей собой вид дискуссии, проводимый с помощью вопросов, ответов и дефиниций, уговоренных заранее [31, с. 24]. В свою очередь диалектика, неотъемлемая часть философской деятельности, касается исключительно содержания обсуждаемой вещи без подмены понятий и злоупотребления софистических уловок [Шичалин, 2017, с. 14].

В «Софисте» платоновская онтология строится на пяти высших родах, которые также являются основой для диалектического рассуждения: сущее (οὐσία), движение (κίνησις), покой (στάσις), тождественное (αὐτός) и иное (ἕτερος). Небытие трактуется как идея иного, которая имеет важное значение по меньшей мере в двух отношениях: для отличия идей друг от друга и для исследования природы лжи [Богомолов, 2019]. Соответственно, небытие или не-сущее обнаруживается Платоном через вопрос о лжи (Plat. Soph. 236d). Поскольку софисты используют ложь в своих эристических целях, подменяя тезисы друг другом, то философ исследует бытие (сущее) с не-сущим (небытие), чтобы более точно определить природу своих оппонентов. Платон обращается к философскому наследию ранних древнегреческих философов, а именно к Пармениду [Тихонов, 2022]. Афинский мыслитель, обобщая онтологии предшествующих философов, выделяет две точки зрения на бытие: оно едино

либо множественно. Однако обе позиции Платон находит ошибочными, поскольку их трудно опровергнуть (Plat. Soph. 243e). Затем философ обращает наше внимание на два других противоположных подхода определения природы бытия: первый свойственен тем, кто считает, что оно материально («тела и бытие как одно и то же») (τὰ τὸν σῶμα καὶ οὐσίαν ὀριζόμενοι) (Plat. Soph. 246b), а второй – тем, кто считает, что бытие – идеи (νοητὰ ἄττα καὶ ἀσώματα εἶδη) (Plat. Soph. 246c) (пер. И.А. Протопоповой [Платон, 2019]). Платон подвергает критике и эти воззрения: приверженцы первого подхода вынуждены признать существование нематериальных феноменов, например, справедливости, а приверженцы бестелесного бытия признают движение бытия. После критики всех позиций философ заключает, что бытию присуще одновременно движение и покой, что кардинально отличает Платона от Парменида Элейского. Изучая бытие, Платон прибавляет к движению и покою «тождественное» и «иное». Инаковость превращает бытие в не-сущее (τὸ μὴ ὄν), но является сущим, согласно причастности (μέτεστι) к самой сущности (οὐσία). Причастность к сущности объясняется через различие одного от другого, следовательно, инаковость присутствует везде. Другими словами, иное выраженное в не-сущем, есть отрицание, которое слито с бытием, поскольку оно – проявление иного (Plat. Soph. 257b–259d).

С опорой на анализ диалога «Парменид» А.Ф. Лосева рассмотрим его структуру и содержание. Начало диалога открывают рассуждения Зенона о единстве существующих вещей (Plat. Parm. 127e–128e). Зенон утверждает, что множественность всех существующих вещей основывается на том, что предмет может быть как одинаковым по отношению к другому предмету, так и различным. Согласно замечанию Сократа, философская позиция Зенона ничем не отличается от позиции Парменида. В поэме Парменида «О природе» бытие едино; с точки зрения Зенона бытие немножественно. Онтологические представления молодого Сократа подвергаются критике со стороны собеседников элеатов – так начинается критический анализ теории идей Платона. Любая вещь или объект может совмещать множество признаков или качеств: анатомическое строение человека состоит из множества органов, однако он остается единым. В то же время, поскольку правая рука не тождественна левой ноге, то идеи этих частей не тождественны и не едины. Далее теория идей Сократа подвергается ряду вопросов, например, могут ли идеи существовать отдельно от вещей (Plat. Parm. 130a–e) или если идея участвует в организации вещей, то как отличить идею от вещи (Plat. Parm. 132a–133a)?

После того как мы убедились в апоритичности теории идей Сократа, необходимо обратиться напрямую к понятию «εἶδος». Сущность вещей, как отмечает Э. Целлер, обнаруживали в εἶδος, в котором содержится нечто общее для одного класса предметов физического мира [Целлер, 2012, с. 115]. Другой позиции придерживается историк философии Н.Я. Грот, утверждая, что истинно сущее, выраженное в идеях, заключено в понятиях ума [Грот, 2007, с. 83]. Отечественный исследователь А.Ф. Лосев допускает понимание идей как понятий, так и образцов вещей. По мнению Люка Бриссона, Платон ассоциирует моральные ценности, как и факты, качества вещей, с εἶδος, что позволяет исследователю назвать Платона предшественником морального реализма [Бриссон, 2019, с. 145]. С.В. Месяц, опираясь на «Метафизику» Аристотеля, проводит прямую параллель между идеями и числами [Месяц, 2010, с. 37].

Философ, несмотря на затруднения в теории идей, продолжает обращаться к данному концепту в работах позднего периода. Обратим внимание на VI книгу «Государства», где мыслитель продолжает, подобно Пармениду, деление мира на две области: зримого, или становления (γένους), и незримого, или умопостигаемого (νοούμενου). Образом этой дифференциации выступает линия, на которой помимо онтологического деления мира, происходит деление способностей человеческой души в познании сущего. Прямая разделена на

две равные части, каждая из которых также делится надвое. Мир становления занимает первые два отрезка, которые соответствуют образам (теньям, отражениям), а вторая часть полностью посвящена незримому – идеям. В первой части образ относится к образцу как неподлинное к подлинному. Второй отрезок, расположенный выше предыдущего, постигается с помощью диалектической способности души (τοῦ διαλέγεσθαι δυνάμει) (Plat. Rep. VI 510b), которая была продемонстрирована в диалогах «Софист» и «Парменид». Диалектическая способность души исключительна по своей природе, для прямого постижения идей ей не требуется первая ступень познания – предметы физического мира (Plat. Rep. VI 511c). Однако существует и другой способ восхождения к вечным идеям – это метод дианоэтики (διάνοια), в котором человек постигает интеллигибельные объекты через предметы повседневного мира [Benson, 2010, p. 196].

Принимая во внимания диалоги «Теэтет», «Софист», «Парменид» и «Государство», где одним из центральных мест выступали рассуждения о рациональных способностях человека, мы можем заключить, что предпосылкой для обращения к онтологии выступает природа души. Платон, подвергая критике ранних греческих философов, приходит к выводу, что небытие смешано с бытием и небытие выражается в акте отрицания как иного. Онтологические воззрения Аристокла включают такие категории о бытии, как сущее (οὐσία), движение (κίνησις), покой (στάσις), тождественное (αὐτός) и иное (ἕτερος). Другими словами, человек делит мир согласно строению собственной души, от мнения или представления (αἴσθησις, δόξα) к рассудку (διάνοια, μέτεψι εἶδος), а затем к высшей способности души – уму (νόος, ἀλήθεια). Иными словами, человек путешествует между мнением и истинным бытием, телом и душой. Душа имеет способность к диалектике, где артикулирует великими родами при акте познания идей.

Заключение

На основе сказанного можно отметить следующее. Парменид ввел в философию прочную связь бытия и мышления, а также поставил проблему иерархии в этой дихотомии, отдавая онтологическое первенство бытию, что оспаривается или подтверждается переводами третьего фрагмента поэмы. Идеальное совершенство бытия, религиозные образы в поэме и парадокс экспликации небытия, ставит под вопрос развитие философии как таковой, что обсуждается Платоном в диалогах «Парменид», «Теэтет» и «Софист».

В свою очередь, Платон переосмысляет статус небытия, делая его иным по отношению к бытию, тем самым утверждая, что небытие существует и позволяет человеку отличать предметы друг от друга и проводить подобное различие в сфере идей. В то же время Платон детализирует парменидовское разделение мира на истину и мнение в VI книге «Государства», где мир представлен двумя сферами – зримого и незримого. Бытие и мышление между собой имеют более равноправный статус, в отличие от учения Парменида, поскольку онтологическая картина мира Платона совпадает с душевным устройством человека и наоборот: душа движется от чувственного восприятия вещей до множества вечных идей, затем познает эти интеллигибельные сущности умом.

Список источников

- Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды. 1999. Пер. А. Маковельского. Минск: Харвест, 784 с.
- Платон. Собрание сочинений в 4 т. 1990–1994. Общ. ред. Л. Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль.
- Платон. Софист. Пер. И.А. Протопоповой. СПб.: Платоновское философское общество, 2019. 261 с.
- Платон. Парменид. 2017. Пер. Ю.А. Шичалина. СПб.: Издательство РГХА, 261 с.
- Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. 1989. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Ред. А.В. Лебедева. М.: Наука, 576 с.

Список литературы

- Беркли Д. 1978. Сочинения. М., Мысль, 523 с.
- Ахутин А.В. 2007. Античные начала философии. СПб., Наука, 784 с.
- Богомолов А.В. 2019. Апофатическая проекция учений о материи в философии Платона, Аристотеля и Плотина. *Манускрипт*, 5: 91–94.
- Делез Ж. 2011. Логика смысла. М., Академический Проект, 472 с.
- Бриссон Л. 2019. Платон. М., Rosebud Publishing, 262 с.
- Виндельбанд В. 1997. История философии. Киев, Ника-Центр, 553 с.
- Гатри У.К.Ч. 2017. История греческой философии в 6 т. Т. II: Досократовская традиция от Парменида до Демокрита. СПб., Владимир Даль, 845 с.
- Грот Н.Я. 2007. Очерк философии Платона. М., КомКнига, 192 с.
- Драч Г.В. 2003. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М., Гардарики, 318 с.
- Зелинский Ф.Ф. 2014. История античных религий. Том 1–3. СПб., Алетея, 864 с.
- Йегер В. 2021. Теология ранних греческих философов: Гиффордские лекции 1936 года. СПб., Владимир Даль, 350 с.
- Лебедев А.В. Парменид из Элеи. 2008. Античная философия: Энциклопедический словарь Общ. ред. П.П. Гайденко, М.А. Солоповой и др. М.: Прогресс-Традиция, 896 с.
- Месяц С.В. Учение Платона об идеях-числах. Космос и душа. Вып. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 28–82.
- Тихонов А.В. 2022. Парменид исторический и Парменид платоновский: точки соприкосновения. *Научная мысль Кавказа*, 4(112): 50–55.
- Тихонов А.В. 2003. Проблема микро- и макрокосмоса в философии Платона: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Ростов-на-Дону, 20 с.
- Троицкий М. М. 1887. Элементы логики. М., Книжный магазин В. Думнова, 152 с.
- Федчук Д.А. 2019. Голос «Единого»: Альберт Великий, Фома Аквинский и Дунс Скот. СПб., РХГА, 304 с.
- Харман Г. 2020. Спекулятивный реализм: введение. М., РИПОЛ классик, 290 с.
- Целлер Э. 2012. Очерк истории греческой философии. М., Канон+, 352 с.
- Шичалин Ю.А. Введение. Платон. Парменид. Пер. Ю.А. Шичалина. СПб., Издательство РГХА, 2017. 261 с.
- Benson H.H. 2010. Plato's philosophical method in the Republic: The Divided Line (510b–511d). *Plato's Republic: A Critical Guide*, Cambridge, 188–208.
- Burnet J. 1920. *Early greek philosophy*. London, 394 p.
- Cherniss H. F. 1932. Parmenides and the Parmenides of Plato. *The American Journal of Philology*, 53(2): 122–138.
- Mackay R. (Ed.). 2007. *Collapse, Volume 3: Unknown Deleuze Vol. 3*. MIT Press. 464 p.
- Coxon A. H. 2009. *Fragments of Parmenides*. Parmenides Publishing. 461p.
- Dunham J., Grant I.H., Watson S. 2014. *Idealism: The history of a philosophy*. Routledge. 344 p.
- Enwald M. 2004. *Displacements of Deconstruction-The Deconstruction of Metaphysics of Presence, Meaning, Subject and Method*. Tampere University Press. 251 p.
- Hermann A. 2004. *To think like god*. Parmenides Publishing., 394 p.
- Kahn C.H. 1969. The thesis of Parmenides. *The Review of Metaphysics*, 22(4): 700–724.
- Lawlor L. Jacques Derrida. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/derrida/> (Дата обращения: 17.04.2023).
- Mansfeld, J. 2005. Minima Parmenidea. *Mnemosyne*, 58(4): 554–560.
- Rockmore T. 2021. *After Parmenides: Idealism, Realism, and Epistemic Constructivism*. University of Chicago Press, 208 p.
- Wilkinson, L.A. 2009. *Parmenides and to eon: reconsidering muthos and logos*. Bloomsbury Publishing. 167 p.

References

- Ahutin A.V. 2007. *Antichnye nachala filosofii*. [The ancient beginnings of philosophy.]. SPb., Publ. Nauka, 784 p.
- Berkli D. 1978. *Sochineniya* [Essays.]. M., Publ. Mysl', 523 p.

- Bogomolov A.V. 2019. Apofaticheskaya proekciya uchenij o materii v filosofii Platona, Aristotelya i Plotina. [Apophatic projection of the teachings on matter in the philosophy of Plato, Aristotle and Plotinus.]. *Manuskript*, 5, 91–94. (In Russian).
- Brisson L. 2019. Platon. [Plato.]. M., Publ. Rosebud Publishing, 262 p. (In Russian).
- Vindel'band V. 1997. Istoriya filosofii. [History of philosophy.]. Kiev, Publ. Nika-Centr, 553 p.
- Gatri U.K.CH. 2017. Istoriya grecheskoj filosofii v 6 t. T. II, Dosokratovskaya tradiciya ot Parmenida do Demokrita. [The History of Greek Philosophy in 6 vols. Vol. II, The Pre-Socratic tradition from Parmenides to Democritus.]. SPb., Publ. Vladimir Dal', 845 p.
- Grot N.YA. 2007. Oчерк filosofii Platona. [An essay on Plato's philosophy.]. M., Publ. KomKniga, 192 p.
- Delyoz ZH. 2011 Logika smysla. [Logic of meaning.]. M., Publ. Akademicheskij Proekt, 472 p.
- Dosokratiki. Doeleatovskij i eleatovskij periody. [Pre-Socratics. Pre-Eleatic and Eleatic periods.]. 1999. Minsk, Publ. Harvest, 784 p.
- Drach G.V. 2003. Rozhdenie antichnoj filosofii i nachalo antropologicheskoy problematiki. [The birth of ancient philosophy and the beginning of anthropological problems.]. M., Publ. Gardariki, 318 p.
- Zelinskij Ф.Ф. 2014. Istoriya antichnyh religij. Tom 1-3. [The history of ancient religions. Vol. 1–3.]. SPb., Publ. Aletejya, 864 p. (In Russian).
- Jeger V. 2021. Teologiya rannih grecheskih filosofov, Giffordskie lekcii 1936 goda. [The Theology of the early Greek Philosophers, Gifford Lectures of 1936.]. SPb., Publ. Vladimir Dal', 350 p.
- Lebedev A.V. 2008. Parmenid iz Elei. [Parmenides from Elea.]. Antichnaya filosofiya, Enciklopedicheskij slovar'. M., Publ. Progress-Tradicija, 896 p.
- Mesyac S.V. 2010. Uchenie Platona ob ideyah-chislakh. [Plato's teaching about ideas-numbers.]. Kosmos i dusha. Vyp. 2. M., Publ. Progress-Tradicija, p. 28–82.
- Platon. Sobranie sochinenij v 4 t. 1990–1994. [Collected works in 4 vols.]. Obshch. red. L.F. Loseva, V.F. Asmusa, A. A. Taho-Godi. M., Publ. Mysl'.
- Platon. 2019. Sofist. [Sophist.]. SPb., Publ. Platonovskoe filosofskoe obshchestvo, 261 p.
- Tihonov A.V. 2003. Problema mikro- i makrokosmosa v filosofii Platona. [The problem of micro- and macrocosm in Plato's philosophy.]. Rostov-na-Donu, 20 p.
- Tihonov A.V. 2022. Parmenid istoricheskij i Parmenid platonovskij, tochki soprikosnoveniya. [Historical Parmenides and Platonic Parmenides, points of contact.]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 4(112), 50–55.
- Troickij M.M. 1887. Elementy logiki. [Elements of logic.]. M., Publ. Knizhnyj magazin V. Dumnova, 152 p.
- Fedchuk D.A. 2019. Golos «Edinogo», Al'bert Velikij, Foma Akvinskij i Duns Skot. [The voice of the "One", Albert the Great, Thomas Aquinas and Duns Scott.]. SPb., Publ. RHGA, 304 p.
- Fragmenty rannih grecheskih filosofov. 1989. V. 1. Ot epicheskikh teokosmogonij do vozniknoveniya atomistiki. [Fragments of early Greek philosophers. Part 1. From epic theocosmogonies to the emergence of atomistics]. Ed. A.V. Lebedeva. M., Publ. Nauka, 576 p.
- Harman G. 2020. Spekulativnyj realizm, vvedenie. [Speculative Realism, an introduction.]. M., Publ. RIPOL klassik, 290 p.
- Celler E. 2012. Oчерк istorii grecheskoj filosofii. [An essay on the history of Greek philosophy]. M., Publ. Kanon+, 352 p.
- SHichalin YU.A. 2017. Vvedenie. [Introduction.]. Platon. Parmenid. SPb., Publ. RGHA, 261 p.
- Benson H.H. 2010. Plato's philosophical method in the Republic: The Divided Line (510b–511d). *Plato's Republic: A Critical Guide*, Cambridge, 188–208.
- Burnet J. 1920. Early greek philosophy. London, 394 p.
- Cherniss H. F. 1932. Parmenides and the Parmenides of Plato. *The American Journal of Philology*, 53(2): 122–138.
- Mackay R. (Ed.). 2007. Collapse, Volume 3: Unknown Deleuze Vol. 3. MIT Press. 464 p.
- Coxon A. H. 2009. Fragments of Parmenides. Parmenides Publishing. 461p.
- Dunham J., Grant I.H., Watson S. 2014. Idealism: The history of a philosophy. Routledge. 344 p.
- Enwald M. 2004. Displacements of Deconstruction-The Deconstruction of Metaphysics of Presence, Meaning, Subject and Method. Tampere University Press. 251 p.
- Hermann A. 2004. To think like god. Parmenides Publishing., 394 p.
- Kahn C.H. 1969. The thesis of Parmenides. *The Review of Metaphysics*, 22(4): 700–724.

- Lawlor L. Jacques Derrida. The Stanford Encyclopedia of Philosophy URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/derrida/> (Дата обращения: 17.04.2023).
- Mansfeld, J. 2005. Minima Parmenidea. *Mnemosyne*, 58(4): 554–560.
- Rockmore T. 2021. After Parmenides: Idealism, Realism, and Epistemic Constructivism. University of Chicago Press, 208 p.
- Wilkinson, L. A. 2009. Parmenides and to eon: reconsidering muthos and logos. Bloomsbury Publishing. 167 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.01.2023
Поступила после рецензирования 18.04.2023
Принята к публикации 01.05.2023

Received January 18, 2023
Revised April 18, 2023
Accepted May 01, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Драч Геннадий Владимирович, доктор философских наук, профессор, научный руководитель структурного подразделения Института философии и социально-политических наук, Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Россия

Gennady V. Drach, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Supervisor of the Structural Subdivision of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Тихонов Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, кафедра истории зарубежной и отечественной философии, Института философии и социально-политических наук, Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Россия

Andrei V. Tikhonov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of the History of Foreign and Domestic Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Хмелевской Даниил Олегович, магистрант, Институт философии и социально-политических наук, Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Россия

Daniil O. Khmelevskoy, master student, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 340.11

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-228-234

Методология исследования юридической аномии

Малько А.В., Маркунин Р.С.

Тольяттинский государственный университет,
Россия, 445056, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14
E-mail: nauka@sarrpa.ru

Аннотация. В современный период возросло внимание исследователей к аномии как явлению, вызывающему негативное отношение общественности к социальным и правовым явлениям, включая законность и правопорядок. Юридическая аномия, выступая разновидностью социальной, до настоящего времени недостаточным образом подвергалась изучению в рамках правовых исследований. Для выработки эффективной стратегии и применения конкретных мер по борьбе с юридической аномией требуется ее глубокое изучение с использованием различных методов познания. Целью данного исследования является установление конкретных причин развития юридической аномии в обществе и определение ее структурных компонентов. Авторами показаны различные понимание аномии и эволюция представлений о ней с учетом конкретной исторической эпохи. Проанализирована взаимосвязь социальной, политической и юридической аномии. Обоснован системный характер рассматриваемого явления. Определены структурные элементы юридической аномии и особенности их функционирования. Приведена статистическая информация, показывающая причинно-следственные связи развития аномии в российском обществе. Сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения аномии и разработки новых приемов и способов борьбы с подобным деструктивным явлением.

Ключевые слова: юридическая аномия, безнормие, девиантное поведение, нигилизм, общество, государство

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176 (<https://rscf.ru/project/23-28-00176/>)

Для цитирования: Малько А.В., Маркунин Р.С. 2023. Методология исследования юридической аномии. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 228–234. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-228-234

Methodology for the Study of Legal Anomie

Alexander V. Malko, Roman S. Markunin

Togliatti State University,
14 Belorusskaya St, Tolyatti 445056, Russia
E-mail: nauka@sarrpa.ru

Abstract: In the modern period, the attention of researchers to anomie has increased as a phenomenon that causes a negative attitude of the public towards social and legal phenomena, including law and order. Legal anomie, being a kind of social anomie, has been insufficiently studied in the framework of legal research, which substantiates the relevance of the topic of this article. To develop an effective strategy and apply specific measures to combat legal anomie, it is required to study it in depth using various methods of cognition. The purpose of the article is to establish the specific reasons for the development of legal anomie in society and to determine its structural components. The article shows a different understanding of anomie

and the evolution of ideas about it, taking into account a specific historical era. The interrelation of social, political and legal anomie is analyzed. The systemic nature of the phenomenon under consideration is substantiated. Structural elements of legal anomia and features of their functioning are determined. Statistical information is given, showing cause-and-effect relationships in the development of anomie in Russian society. The conclusion is made about the need for further study of anomie and the development of new techniques and methods of combating such a destructive phenomenon.

Keywords: legal anomie, normlessness, deviant behavior, nihilism, society, state

Acknowledgements: the study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00176 (<https://rscf.ru/project/23-28-00176/>)

For citation: Malko A.V., Markunin R.S. 2023. Methodology for the Study of Legal Anomie. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 228–234 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-228-234

Введение

В современном обществе граждане по-разному реагируют на окружающие их социальные явления. Это зависит от многих факторов, в ряду которых можно назвать потребности населения, их взгляды, интересы и т. д. В различной степени эти факторы оказывают свое воздействие на правовую реальность, в том числе и негативное. Одним из явлений, негативным образом оказывающих воздействие на правовую жизнь членов общества, вызывая при этом противоречия внутри социума, выступает юридическая аномия.

Термин «аномия» впервые был использован Э. Дюркгеймом, который рассматривал его исключительно в качестве социальной категории, связанной с изменениями в обществе. Данное явление имеет свое окончание и преодолевается обществом, переходящим в новое состояние социальных ценностей. Окончание перехода подтверждается изменением моральной и правовой базы, воссозданием социального контроля внутри общества под новые идеи [Дюргейм, 1996].

Р. Мертон в последствии указывал, что аномию следует рассматривать как ситуацию, при которой происходит конфликт культуры и социальных норм. В данном случае возникает явное несоответствие между целями общества и доступными методами их достижения, в связи с чем граждане прибегают к альтернативным методам, которые являются незаконными [Ортг, 1989].

Складываясь в правовой сфере регулирования вышеописанная ситуация становится причиной нарушения законности и низкого уровня правопорядка в обществе. Подавляющее большинство научных исследований рассматривают категорию аномии исключительно в сфере социологии [Малинина, 2013; Кривошеев, Кочергин, 2022], что создает потребность научных разработок в рамках иных наук, в том числе и юриспруденции. В этой связи требуется глубокий анализ юридической аномии с установлением ее структуры и конкретных причин появления и развития в обществе.

Целью исследования является установление конкретных причин развития юридической аномии в обществе и определение ее структурных компонентов

Перспектива использования различных методов познания в процессе изучения юридической аномии

Выделяя характерные черты аномии, ученые формируют свое понимание данного явления, используя при этом различные методы познания.

Обращаясь к *историческому методу*, мы убеждаемся, что первые описания состояний общественной жизни, при которых граждане сознательно игнорируют общественные нормы и ценности, встречаются в древнегреческих работах Платона. Подобное состояние

описывалось как безнаказанное и неуправляемое. Научное значение термин «аномия» приобрел после трудов Ж.М. Гюйо, который акцентировал внимание на положительном характере данного явления, включающего в себя освобождение от различных догм и правил [Плетнев, 2012]. В дальнейшем Р. Агню в ходе своих исследований предложил «Общую теорию напряженности», в которой выделял ряд источников проявления аномии на уровне личности [Agnew, 1992].

Юридическая аномия является отдельным проявлением социальной аномии, что приводит нас к выводу о системном строении этого явления. В этой связи требуется установить взаимосвязи категорий социальной, политической и юридической аномии, для чего следует воспользоваться системным методом познания.

Изначально социальная аномия характеризуется состоянием безнормия, отсутствием четко зафиксированных моральных и нравственных правил, в связи с чем проявляются факты отклоняющегося поведения субъектов. Однако причины ее существования связаны не только с недостаточностью новых норм, но также с их противоречивостью и избыточностью. В такой реальности субъект оказывается в состоянии непонимания, каким именно нормам следовать в данной ситуации, что вызывает дезорганизованность, тревогу и приводит к самоизоляции и асоциальному поведению. В этой связи можно говорить о системности такой проблемы, как аномия. Ее влиянию подвержены все социальные институты, а распространение затрагивает базовые основы, на которых формируется целостность общества. Итогом выступает разрушение механизмов социального регулирования и любых доверительных отношений между различными субъектами [Хаирова, 2016]. Общество, страдающее аномией, характеризуется, помимо отсутствия социального консенсуса между классами, еще и рассогласованием внутри института семьи, что приводит к нарушению процесса передачи ценностей и идеалов от поколения к поколению, в том числе и правовых установок. Семейные ценности начинают приобретать противоречивый и стихийный характер. На подобную проблему в последнее время часто обращают внимания ученые, не исключая правоведов [Заячковский, 2010].

Однако со временем к социальному аспекту аномии добавляется и политический. Политическая аномия проявляется в виде отсутствия доверия к политическим партиям, общественным объединениям и снижением заинтересованности в пропагандируемых ими ценностях.

Одним из основных недостатков действующей российской политической системы можно назвать отсутствие четко определенной цели развития. Нехватка национальной идеи государственного также развития приводит к появлению иных негативных последствий (нигилизму, коррупции и т.д.) [Пахтусов, Сорокин, 2011]. При изучении проблемы высокого уровня нигилизма в нашем государстве, высоких показателей коррупции, политической апатичности граждан, часто можно встретить объяснения этим тенденциям переходным периодом российского общества [Кудрявцев, 2022, с. 140]. Однако считаем, что это объяснение мало обоснованно, поскольку переход к капиталистическим механизмам, новой модели экономики и политического устройства произошел уже довольно давно. В этой связи вышеназванные негативные явления, свойственные нашей правовой системе, связаны, скорее, не с затянувшимся переходным периодом, а с недостатком в настоящее время элементов, способствующих удержанию политической аномии на минимальном уровне. Среди них можно обозначить, как было сказано выше, отсутствие национальной идеи на государственном уровне. Попытки ее создания в последние годы выглядят искусственными, варианты включают идеи развития спорта, укрепления ценностей семьи и материнства. Органы государства часто оперируют категорией «традиционные ценности», однако их понимание не находит четкого отражения в основных направлениях правовой политики¹.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

Все это приводит к отстранённости населения от политической жизни в связи с несоответствием закреплённых норм желаниям субъектов и с их несогласием по вопросам определения ценностей, которые стремится защитить государство.

Политическая пассивность граждан при аномии соседствует с нигилистическим отношением к публичной власти и правовым институтам, отсутствием доверия к деятельности властных субъектов, повышением уровня безразличия к политическим процессам и снижению легитимности власти. Политическая аномия в дальнейшем способствует разрушению привычной системы социальных норм, которая поддерживала в обществе стабильность, в связи с чем субъект испытывает психологические трудности, что в конечном счете приводит к девиантному поведению и совершению уже юридически значимого противоправного деяния.

Юридическая аномия проявляет себя в постепенном обесценивании законности и правопорядка, несоответствии целей общества и средств их достижения, предлагаемых государством, отсутствию доверия между обществом и органами публичной власти, устойчивом правовом нигилизме. При юридической аномии субъект, совершая деяния, не считает нужным сверять их с действующей системой нормативных установок, демонстрируя тем самым пренебрежительное отношение к ним.

Правовые регуляторы становятся неэффективными, в связи с чем достижение целей происходит со стороны общества с нарушением установленных норм. Влияние права в качестве регулятора общественных отношений теряет свою силу. Невыполнение норм права показывает их мертвую природу, поскольку они утрачивают социальное назначение. Права не существует в случае отсутствия его реализации в поведении людей и организаций. Анализировать право невозможно при неработающем механизме его реализации на практике [Явич, 1976].

Таким образом, мы можем наблюдать системный характер аномии и ее трансформацию из социальной аномии в политическую, а в дальнейшем в юридическую формы.

Структурно-функциональный метод позволяет установить внутреннее содержание юридической аномии и особенности функционирования его компонентов между собой. Исходя из анализа юридической аномии можно выделить такие структурные элементы данного явления: 1) субъект в виде физического или юридического лица; 2) объект, составляющий общественные отношения, связанные с отрицанием правовой нормы в качестве регулятора общественных отношений; 3) содержание, выражающееся в совершении субъектами деяний, не согласованных с интересами государства и общества.

Использование **статистического метода** позволяет проанализировать период 2019–2021 годов, который можно обозначить как постепенный выход из состояния аномии российского общества. Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики за указанный период¹, наметилась тенденция снижения количества самоубийств с 17 192 случаев в 2019 до 15 615 в 2021 году. Количество совершенных убийств также сократилось с 7 302 до 5 839 случаев. При этом в социальной сфере фиксируется повышение общего уровня доходов населения. На основании этого можно предположить появление долгосрочных планов у населения, планирование своей экономической деятельности и т.д. Государственный механизм признал наличие проблемы бюрократизма и коррупции, что повлекло изменения в действующем законодательстве, направленные на совершенствование способов противодействия этим деструктивным явлениям. Помимо этого, вышеназванная статистика указывает на рост числа студентов, обучающихся по программам высшего образования в очной форме. Данный показатель также снижает уровень аномии в стране, поскольку для личностей, подверженных аномии, характерен низкий уровень образования [Cao, Zhao R., Ren, Zhao J., 2010, p. 627].

¹ См.: Российский статистический ежегодник. 2022 : Стат. сб./Росстат. М., 2022. 691 с.

Однако, анализируя аномию, нельзя не сказать о степени влияния среды, в которой развивается и живет личность. Ряд зарубежных правоведов доказывают существование теории «развитых окон» [Kelling, Wilson, 1982]. В ней авторы обосновывают идею о том, что антисоциальное поведение и беспорядки способны создавать городскую среду, в которой подобные акты поведения поощряются обществом. В этой связи важно совершенствование методов работы правоохранительных органов по противодействию правонарушениям. По статистике МВД за 2022 год, регионами с высоким уровнем преступности в стране можно считать Амурскую область, республика Алтай, Бурятию, Забайкальский край ¹. Все они относятся к Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам, в которых самые высокие показатели безработицы в стране – по информации Федеральной службы государственной статистики, в Дальневосточном округе уровень безработицы доходит до 6,5 % от общего числа трудоспособного населения, а в Сибирском – 7,2 % за период с ноября 2020 г. по январь 2021 г.² Эти регионы также занимают лидирующие места по потреблению алкогольной продукции ³. Поскольку, согласно статистическим данным, уровень преступности повышается при увеличении показателей безработицы, правовая политика, осуществляемая государством, должна быть направлена на преодоление безработицы и решение проблем низкого уровня жизни населения.

Заключение

Использование различных методов познание в процессе изучения юридической аномии позволило сделать ряд выводов, в частности о причинах юридической аномии. Подобными причинами выступает как отсутствие необходимых правовых норм в обществе, так и противоречивость имеющихся, которые не отвечают потребностям современного общества. Также были установлены структурные компоненты юридической аномии в виде объекта, субъекта и содержания, которое выражается в деяниях, не согласованных с интересами как государства, так и общества.

Подводя итог, отметим, что в процессе действия юридической аномии изменяются признаки законности, поскольку строгое и неукоснительное соблюдение всех нормативных предписаний не выполняется субъектами правоотношений. Большинство участников игнорируют нормативные требования, либо нарушают их. Подобные действия сопровождаются малоуспешными попытками государства каким-либо образом помешать развитию этой тенденции.

Противостояние аномии должно осуществляться одновременно с формированием новой системы ценностей, которая бы отвечала требованиям социума и предусматривала активизацию доверительных отношений между обществом и публичной властью. В этой связи изучение категории юридической аномии с применением различных методов научного познания является важной основой для разработки и применения на практике способов борьбы с этим деструктивным правовым явлением.

Список литературы

- Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда. М., Канон, 432 с.
Заячковский О.А. 2010. Проблемы правовой социализации в условиях аномии российского общества. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 9: 15–27.

¹ См.: РИА новости. Рейтинг регионов по преступности. 31.10.2022. URL https://ria.ru/20221031/rejting_prestupnost-1827922290.html (Дата обращения 6.02.2023).

² См.: Сайт федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/38.htm (Дата обращения 6.02.2023).

³ См.: Призова Е. Трезвая Россия» назвала самые пьющие регионы // Российская газета 20 дек. 2022. URL: <https://rg.ru/2022/12/20/reg-urfo/nazvany-samye-trezvye-i-samye-piushchie-regiony-rossii.html?ysclid=icgqts0r9s15421459> (Дата обращения 6.02.2023).

- Кривошеев В.В., Кочергин Д.Ю. 2022. Развитие концепции аномии: специфика социальной патологии в обществе травмы. *Социальная компетентность*, 4: 334–343.
- Кудрявцев В.Н. 2002. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 238 с.
- Малинина К.О. 2013. Механизм формирования социальной аномии. *Национальная безопасность / Nota Bene*, 6: 134–143.
- Пахтусов С.С., Сорокин И.В. 2011. Системный анализ политической аномии в России. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 9: 248–252.
- Плетнев А.В. 2012. Динамика выхода современного российского общества из состояния аномии. Автореф. ... дисс. канд. социологич. наук. СПб., 27 с.
- Хаирова С.И. 2016. Нормы и аномия в полиэтническом обществе. В кн.: Межкультурные взаимодействия в поликультурном обществе. под ред. А.И. Лучинкиной. Симферополь. Изд. ИП Хотеева Л.В.: 63–79.
- Явич Л.С. 1976. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 285 с.
- Agnew R. 1992. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 30(1): 47–87.
- Cao L., Zhao R., Ren L., Zhao J. 2010. Social Support and Anomie A Multilevel Analysis of Anomie in Europe and North America. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 54(4): 625–639.
- Orru M. 1989. Weber on Anomie. *Sociological Forum*, 4(2): 263–270.
- Wilson J.Q., Kelling G.L. 1982. Broken Windows. *The Atlantic Monthly*, 249(3): 29–36.

References

- Durkheim E. 1996. O razdelenii obshchestvennogo truda. [On the division of social labor]. M., Publ. Canon, 432 p.
- Zayachkovsky O.A. 2010. Problemy pravovoj socializacii v usloviyah anomii ros-sijskogo obshchestva. [Problems of legal socialization in the conditions of the anomie of Russian society]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 9: 15–27.
- Krivosheev V.V., Kochergin D.Yu. 2022. Razvitie koncepcii anomii: specifika soci-al'noj patologii v obshchestve travmy. [Development of the concept of anomie: the specificity of social pathology in the society of trauma]. *Social'naya kompetentnost'*, 4: 334–343.
- Kudryavtsev V.N. 2002. Prestupnost' i нравы perekhodnogo obshchestva. [Crime and mores of a transitional society]. M., Publ. Gardariki, 238 p.
- Malinina K.O. 2013. Mekhanizm formirovaniya social'noj anomii. [The mechanism of formation of social anomie]. *Nacional'naya bezopasnost' / Nota Bene*, 6: 134–143.
- Pakhtusov S.S., Sorokin I.V. 2011. Sistemnyj analiz politicheskoy anomii v Ros-sii. [System analysis of political anomie in Russia]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 9: 248–252.
- Pletnev A.V. 2012. Dinamika vyhoda sovremennogo rossijskogo obshchestva iz sosto-yaniya anomii. [The dynamics of the exit of modern Russian society from the state of anomie]. Abstract ... diss. cand. sociological Sciences. SPb., 27 p.
- Khairova S.I. 2016. Normy i anomiya v polietnicheskom obshchestve. [Norms and anomie in a multi-ethnic society]. In: Intercultural Interactions in a Multicultural Society. Ed. A.I. Luchinkina. Simferopol. Publ. IP Khoteeva L.V.: 63–79.
- Yavich L.S. 1976. Obshchaya teoriya prava. [General Theory of Law]. L., Publishing house Leningrad. un-ta, 285 p.
- Agnew R. 1992. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 30(1): 47–87.
- Cao L., Zhao R., Ren L., Zhao J. 2010. Social Support and Anomie A Multilevel Analysis of Anomie in Europe and North America. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 54(4): 625–639.
- Orru M. 1989. Weber on Anomie. *Sociological Forum*, 4(2): 263–270.
- Wilson J.Q., Kelling G.L. 1982. Broken Windows. *The Atlantic Monthly*, 249(3): 29–36.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2023

Поступила после рецензирования 10.03.2023

Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023

Revised March 10, 2023

Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Alexander V. Malko, Doctor of Law, Professor, Honored Active Science of the Russian Federation, Togliatti State University, Togliatti, Russia

Маркунин Роман Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Roman S. Markunin, candidate of Juridical Sciences, associate Professor, Togliatti state University, Togliatti, Russia

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.77
DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-235-243

Коммуникативные практики студенческой молодежи в формате онлайн и офлайн (на примере БГТУ им. В.Г. Шухова)

Авилова Ж.Н., Ботнарюк И.А.

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46
E-mail: janna-avilova@mail.ru

Аннотация. Динамические процессы переориентации моделей коммуникаций студенческой молодежи под влиянием развития Интернета обуславливают необходимость актуальной социальной диагностики. В связи с недостаточной изученностью этого вопроса целью исследования является выявление специфики коммуникативных практик студенческой молодежи в формате онлайн и офлайн. В основе анализа лежат данные опроса «Исследование социальных сетей связей студенческих групп (в сети Интернет)», предпринятого авторами в сентябре – ноябре 2022 года. Результаты исследования показали, что интернет-коммуникации, активно используемые всеми участниками опроса в качестве ресурса практически во всех сферах деятельности, имеют свою специфику, обусловленную рядом функций социальных сетей, а также закономерностями создания и использования медиаконтента различными интернет-сообществами. Повышенная активность в использовании Интернета благоприятствует смещению баланса коммуникации молодых людей в пользу виртуального общения, между тем реальные межличностные контакты сохраняют большую ценность и актуальность для студенческой молодежи. Полученные результаты открывают возможность для принятия управленческих решений по выработке ключевых ориентиров направления эффективной государственной молодежной политики.

Ключевые слова: коммуникации, молодежь, общение, социальные сети, виртуальное пространство, офлайн, онлайн

Для цитирования: Авилова Ж.Н., Ботнарюк И.А. 2023. Коммуникативные практики студенческой молодежи в формате онлайн и офлайн (на примере БГТУ им. В.Г. Шухова). *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 235–243. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-235-243

Communicative Practices of Students in Online and Offline Format (On the Example of V.G. Shukhov BSTU)

Zhanna N. Avilova, Irina A. Botnaryuk

V. G. Shukhov Belgorod State Technological University,
46 Kostyukova St, Belgorod 308012, Russian Federation
E-mail: janna-avilova@mail.ru

Abstract. Dynamic processes of reorientation of communication models of students under the influence of the development of the Internet cause the need for urgent social diagnostics. The purpose of the study is to identify the specifics of the communicative practices of students in the online and offline format. The analysis is based on the data of the survey "Research of social networks of student groups (on the Internet)",

undertaken by the authors in September–November 2022. The results of the study showed that Internet communications, actively used by all survey participants as a resource in almost all spheres of activity, have their own specifics due to a number of functions of social networks, as well as patterns of creation and use of media content by various Internet communities. Increased activity in the use of the Internet favors a shift in the balance of communication of young people in favor of virtual communication, meanwhile, real interpersonal contacts retain great value and relevance for students. The obtained results open up the possibility for making managerial decisions on the development of key guidelines for the direction of effective state youth policy.

Keywords: communications, youth, communication, social networks, virtual space, offline, online

For citation: Avilova Zh.N., Botnaryuk I.A. 2023. Communicative Practices of Students in Online and Offline Format (On the Example of V.G. Shukhov BSTU). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 235–243 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-235-243

Введение

Общение в сети Интернет, став за последнее десятилетие неотъемлемым атрибутом повседневной жизни как форма массовой коммуникации, в настоящее время представляет собой достаточно привычный и удобный способ взаимодействия современной молодежи. В России Интернетом пользуются люди всех возрастов, но молодежь, являясь первым цифровым поколением, как правило, делает это более активно и значительно раньше начинает применять информационные технологии. Значимость Интернета для молодежи подтверждается и результатами всероссийских опросов. Как сообщает РБК со ссылкой на исследование, проводимое Mediascope для измерения объема и структуры интернет-аудитории, доля пользователей Интернета в России среди молодежи приблизилась к 100 %¹. При этом не утихают споры о том, является ли столь масштабное распространение Интернета благом или злом, заменяется ли реальное общение виртуальным [Martes, 2017; Гришаева С.А., Ключаев К.В. 2019].

В своих нормах и привычках поведения, ценностных ориентирах и поведении онлайн и офлайн молодые люди принципиально отличаются от пользователей более старшего поколения, проводя значительно больше времени в интернет-пространстве, в частности в различных социальных сетях. Несмотря на то, что базовые проблемы, а также жизненные устремления и притязания современной молодежи за последнее десятилетие принципиально не изменились, невозможно отрицать влияние постоянного присутствия Интернета практически на все социальные процессы, сопровождающие жизнь молодого человека, характер его общения, специфику досуговых предпочтений и т.д. Интернет не просто становится частью повседневной реальности студенческой молодежи, а нередко заменяет ее, становясь базовым контекстом жизни и формируя ее в виртуальном пространстве через новые коммуникативные практики.

Неопределенность и новизна этого процесса, а также направленность структурных изменений коммуникативных практик молодежи в формате онлайн и офлайн вызывают вполне предсказуемый интерес со стороны не только академических исследователей, но и тех, кто вовлечен в активную прикладную работу с молодежью [Руденкин, Руденкина, 2019]. Данная сфера представляет интерес философов, социологов, психологов, политологов, педагогов, лингвистов, разработчиков программ, создателей интернет-контента и др. Сама специфика интернет-общения нередко определяет новые направления междисциплинарных исследований [Кураева, 2017; Самсонова, 2018].

¹ РБК: Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100 %. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения: 05.11. 2022).

В результате развития интернет-технологий научным сообществом активно рассматриваются вопросы возникновения коммуникативно-социального пространства в сети Интернет [Юдина, Захарова, 2015; Шарков, 2019; Воробьев, Ретинская, 2022; Григорьева, 2022]. Исследованиям сетевого общества как масштабного, глобального «сетевого проекта» производства знания, задающего вектор развития человечества, посвящены научные работы отечественных ученых [Игнатов, 2018; Чебунина, 2019; Безбогова, 2017; Андрамонова, 2015 и др.]. Изменения коммуникативного поля молодежи, обусловленные влиянием интренет-пространства рассматриваются в трудах ряда ученых [Петрунева, 2019; Гришаева, Клюваев, 2019; Левин, 2020; Руденкин, Руденкина, 2019; Самсонова, 2018; Малых, 2020].

Целью исследования является выявление специфики коммуникативных практик студенческой молодежи в формате онлайн и офлайн. Достижение цели потребовало проведения анализа удовлетворенности студентов качеством общения в социальных сетях и в реальной жизни, эмоционального состояния во время использования социальных сетей, преимуществ онлайн-коммуникаций для студенческой молодежи.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает студенческая молодежь. Предметом исследования являются коммуникативные практики студенческой молодежи в формате онлайн и офлайн. Сбор информации осуществлялся методом анкетного опроса респондентов с помощью Google-форм на основе квотной выборки (квоты по профилю специальности и курсу обучения студентов, полу), N = 2000. Данная выборка является репрезентативной по отношению к генеральной совокупности, соответствующей основным пропорциям студенческой молодежи БГТУ им. В.Г. Шухова (общая численность студентов очной формы обучения БГТУ им. В.Г. Шухова в 2022 году составила 6 293 человека).

В исследовании приняли участие 62,6 % респондентов мужского пола и 37,4 % женского, в возрасте 17–25 лет.

Обработка результатов исследования производилась с помощью программного продукта Vortex 10, а также программы Excel для работы с электронными таблицами.

Информационной базой исследования стали статистические и социологические данные в сфере массовых коммуникаций, отечественная и зарубежная научная литература в сфере распространения интернет-коммуникаций, трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе, отечественные и зарубежные информационные ресурсы Интернет и другое.

В исследовании использованы адекватные целям и задачам апробированные методы и методики: анкетирование, статистические методы обработки результатов: контент-анализ, анализ средних значений, корреляционный анализ и др.

Результаты и их обсуждение

В современном мире виртуальные социальные сети – привычные спутники жизни практически любого человека: они позволяют быть в курсе последних общемировых и национальных событий и новостей о жизни друзей и знакомых; позволяют узнавать больше о том, что интересует индивида: существует более миллиона разнообразных сообществ, посвященных любым видам хобби и иного времяпровождения. Через социальные сети люди знакомятся, назначают встречи и могут общаться со своими друзьями, знакомыми и коллегами, которые находятся за несколько сотен километров [Безбогова, 2017; Левин, 2020].

Большинство студентов, находясь в Интернете, в первую очередь посещают социальные сети. Столь высокий уровень популярности социальных сетей неслучаен: в настоящее время в них «сконцентрированы не только возможности для общения, но и разнообразная аудио-, видео- и текстовая информация» [Олейникова, 2015]. Именно социальные сети зачастую являются основным каналом коммуникации и социального взаимодействия в студенческой среде.

По результатам исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенного в апреле 2022 г. и посвященного наиболее популярным социальным сетям и мессенджерам, в пятерку наиболее востребованных мессенджеров и социальных сетей вошли WhatsApp (87 %), YouTube (75 %), «ВКонтакте» (62 %), а также Telegram (55 %) и «Одноклассники» (42 %) ¹.

Сами социальные сети нередко классифицируются исследователями по различным основаниям, например: по степени открытости (открытые и закрытые), по объему пользователей, по характеру публикуемого контента (медиафайлы или тексты), по возможности синхронизации данных с другими сетями и т.д.

Как показал исследование, все опрошенные студенты, независимо от пола, курса обучения, программы подготовки и профиля специальности, активно используют ВКонтакте, Instagram ², Telegram, TikTok, Одноклассники, Twitter, YouTube, Viber, WatsApp, Facebook ³ и другие социальные сети. При этом подавляющее большинство студентов (82,42 %) подписаны на аккаунты БГТУ им. В.Г. Шухова в социальных сетях.

Анализ распределения времени нахождения в социальных сетях показал, что в большей степени студенческая молодежь проявляет интерес к общению (45,17 %), а также просмотру видео (17,78 %), просмотру новостей (17,48 %), прослушиванию музыки (17,23 %), играм (2,34 %). Отмечая роль социальных сетей в своей жизни, большинство студентов выделили прежде всего их значение как средства общения. При этом чаще всего студенты формируют запросы по следующей тематике: образование, саморазвитие (64,09 %), отдых, развлечения (48,11 %), спорт, здоровый образ жизни (33,12 %), работа, трудоустройство (24,25 %), политика (22,11 %), культура (20,02 %), путешествия (17,78 %), мода, стиль (17,48 %), экономика (13,2 %), жизнь знаменитостей, медийных персон (10,51 %), знакомства (9,76 %) и др. Огромный информационный ресурс Интернета привлекает студентов с точки зрения легкости и доступности практически любого контента. Именно из сети Интернет студенты предпочитают получать новости, слушать музыку, находить друзей и общаться.

В целом большинство опрошенных студентов удовлетворены качеством общения в социальных сетях (табл. 1). Для респондентов в возрасте 19–20 лет этот показатель оказался наиболее высоким. В то же время часть студентов подчеркнула следующие причины неудовлетворенностью качеством общения в социальных сетях: *«Токсичное общение», «Общаюсь с ботами», «Люблю живое общение», «Сбор персональных данных мессенджерами», «Для меня там нет общения, лишь передача информации», «Люди в соцсетях ведут себя иначе, чем в обычной жизни», «Это неживое общение. Это всего лишь общения и места для разведения, лжи, рекламы, пропаганды, и никогда не заменит реальное общение», «Предпочитаю личное общение», «Многие не соблюдают правила орфографии и пунктуации при написании текстовых сообщений», «Множество неверных, оскорбительных, местами жестоких выражений и мнений. Попытки людей вывести на конфликт других пользователей», «Полная безнаказанность действий потенциального «вредителя» в соцсетях», «Отсутствие зрительного контакта с собеседником. Возможность неправильного восприятия мысли, выраженной в тексте», «Люблю общаться вживую. Вижу мимику, понимаю тон речи», «Проблемы со связью, долгое ожидание ответа от собеседника, отсутствие понимания в некоторых ситуациях из-за не установленного зрительного контакта и неправильно прочтенной интонации», «Много нецензурной лексики. Фейковые новости. Недостоверность информации», «Невозможность полноценно считывать эмоции собеседника».*

¹ ВЦИОМ: Российская аудитория социальных сетей и мессенджерах: изменения на фоне спецоперации. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-messendzherov-izmeneniya-na-fone-spcoperacii> (дата обращения: 04 ноября 2022).

² Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

³ Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

Таблица 1
Tabl 1

Распределение ответов на вопрос:
«Удовлетворены ли Вы качеством общения в социальных сетях?»
Distribution of answers to the question:
«Are you satisfied with the quality of communication in social networks?»

Варианты ответов	Количество выборов ответа	Количество опрошенных, %
1. Да	1065	53,04
2. Скорее да, чем нет	738	36,75
3. Скорее нет, чем да	70	3,49
4. Нет	36	1,79
5. Затрудняюсь ответить	99	4,93
Всего	2008	100,00

Как видим, основная причина неудовлетворенности общения онлайн, по мнению студентов, заключается в том, что, искажая коммуникационные процессы, контакты в сетях не способны заменить общение в реальности. Несмотря на это, анализ эмоциональных состояний, проявляемых во время использования социальных сетей и отмечаемых респондентами, показал, что в целом преобладает благоприятный эмоциональный фон, для которого характерны: интерес (51,64 %), положительные эмоции (47,66 %), спокойное эмоциональное состояние (37,95 %). Возможный эмоциональный негатив, по мнению опрошенных, может быть обусловлен следующим: эмоциональный дискомфорт (4,48 %), агрессивность, враждебность (2,39 %), отрицательные эмоции (2,89 %), сожаление из-за большого количества времени, проведенного в социальной сети (7,92 %).

Распределение ответов на открытый вопрос анкеты: «Сколько времени в сутки Вы проводите в социальных сетях?» показало достаточно большой диапазон (от 30 минут до 12 часов), среднее время составляет 3–4 часа. Большинство опрошенных студентов эта ситуация устраивает, в то же время значительная часть молодых людей все-таки пытались сократить время нахождения в социальной сети, отмечая, что такое количество времени они считают избыточным и планируют сократить его в пользу общения офлайн с друзьями и близкими, спорта, отдыха на свежем воздухе, чтения и т.п. (рис. 1).

Полученные данные подтверждают, что белгородские студенты достаточно критично оценивают качество общения в социальных сетях в целом, а также количество времени, отводимое нахождение в интернет-пространстве. Отмечая преимущества формата общения в социальных сетях, студенты БГТУ им. В.Г. Шухова выделили такие, как доступность (67,68 %), простота и легкость (52,89 %), возможность самопрезентации и самовыражения (27,39 %), подача данных в визуальной форме (24,65 %), возможность наблюдения за жизнью других людей (20,37 %), возможность просмотра большого количества материалов других пользователей (19,82 %), анонимность (17,18 %), лаконичность (12,85 %), возможность контакта с образцами для подражания (7,67 %).

Особое значение молодежь придает возможности доступного общения на расстоянии с помощью социальных сетей и мессенджеров.

Как видим, Интернет предоставляет возможность общения людям со схожими интересами, независимо от того, как далеко друг от друга они живут, и позволяет поддерживать связь с близкими тем студентам, которые учатся вдали от дома.

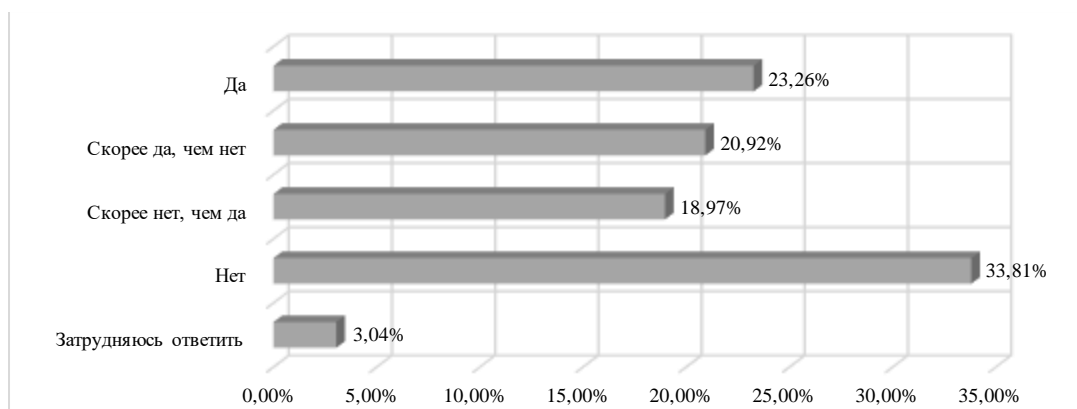

Рис. 1. Пытались ли Вы сократить время нахождения в социальной сети?
Fig. 1. Have you tried to reduce the time spent on the social network?

Преимущества и позитивные возможности использования Интернета студенты отмечали намного чаще, чем недостатки («залипание в сети», «отсутствие визуального контакта», «фейковые новости» и т.д.).

Выбирая предпочтительные варианты проведения досуга в реальной жизни (офлайн), опрошенные респонденты выделили: прогулки на природе, спорт, встречи с друзьями, чтение книг, просмотр фильмов (сериалов), занятие творчеством (хобби) и др. Подавляющее количество студентов (92,73 %) удовлетворено качеством общения в реальной жизни, независимо от того, проживает ли студент совместно с родителями или отдельно. В то же время характерно, что среди респондентов женского пола доля удовлетворенных этим аспектом составляет только 34,27 %, в то время как для респондентов мужского пола она равна 58,46 %.

Анализ ответов на вопрос «Если Вы не удовлетворены качеством общения в реальной жизни, поясните, пожалуйста, что Вас не устраивает?», позволил выявить следующие наиболее часто упоминавшиеся причины: нехватка времени на общение, отсутствие стабильного круга общения, неуверенность в себе, отсутствие друзей.

Проведенный анализ показал, что настоящее время интернет-пространство стало открытым и доступным коммуникативным полем для представителей российской студенческой молодежи. Несмотря на увеличение виртуального общения молодых людей в силу повышения активности в использовании ресурсов Интернета, мы можем наблюдать сохранение интереса к коммуникативным практикам в формате офлайн. Как видим, непосредственное общение и межличностные контакты сохраняют высокую ценность для респондентов, несмотря на важность виртуального пространства и интернет-коммуникации.

Заключение

Разнообразие видов интернет-коммуникаций определяет предпосылки освоения новых моделей социального поведения не только в виртуальном пространстве (онлайн), но и в сфере реального взаимодействия молодых людей (офлайн). Неуклонный интерес, интенсивность и характер использования социальных сетей молодежью подтверждают высокую степень интеграции онлайн-коммуникаций в коммуникативные практики во всех аспектах жизни молодого человека. При этом социальные сети, «создавая возможность для всестороннего общения людей в интернете, содействуют распространению больших объемов информации среди численно и территориально рассредоточенной аудитории» [Хусаинова, Мингазетдинова, 2018].

Результаты проведенного исследования подтверждают, что интернет-пространство воспринимается молодежью не только как важнейший информационный ресурс для решения образовательных и практических задач, общения, отдыха и проведения досуга, но и как среда обитания, дополняющая повседневную реальность.

В рамках данного исследования выявлено, что молодые люди в равной степени удовлетворены качеством общения в обоих форматах: офлайн и онлайн. Вероятнее всего, в будущем при большей степени удовлетворенности молодежь будет предпочитать интернет-коммуникации, при малой степени – интерес сместится к живому общению в реальной жизни. Многочисленные исследования динамических процессов переориентации моделей коммуникативных практик студенческой молодежи под влиянием всеобщей информатизации общества говорят о том, что воздействие социальных сетей будет определенно усиливаться за счет своих «информационных выгод». В то же время, как показал проведенный опрос, непосредственное взаимодействие и живое общение сохраняет свою ценность и актуальность в молодежной среде.

Вполне закономерно особый интерес представляет поиск перспектив и выявление новых коммуникативных возможностей Интернета с точки зрения разработки новых образовательных, информационных, политических и других технологий. Неизменно важным является исследование формата общения онлайн и офлайн в единстве и совокупности, без противопоставления одного другому. Все это требует дальнейшего рассмотрения и открывает перспективы исследований.

Список литературы

- Андрамонова В.В. 2015. Социальные сети: теоретико-методологический аспект исследования. *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*, 21: 148–152.
- Безбогова М.С. 2017. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи. Дис. ... канд. психол. наук: (19.00.05). М., 212 с.
- Воробьев В.П., Ретинская В.Н. 2022. Образно-символические аспекты формирования государственной идентичности молодежи в эпоху Интернета. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 1: 59–71.
- Григорьева Е.А. 2022. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия. *Социологические исследования*, 2: 161–163.
- Гришаева С.А., Клюваев К.В. 2019. Коммуникативные практики молодежи в социальных сетях. *Цифровая социология*, 2(3): 4–9. DOI 10.26425/2658-347X-2019-3-4-9.
- Игнатов М.А. 2018. Понятие «сеть» в современной науке и философии. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 43(3): 408–413.
- Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. 2022. Социология Интернета. М., Изд-во Юрайт, 424 с.
- Кураева С.А. 2017. К методологии исследования социальных сетей. *Научные труды московского гуманитарного университета*, 5: 5. DOI: 10.17805/trudy. 2017.5.5.
- Левин Л.М. 2020. Особенности поведения в социальных сетях у молодежи: поисковое исследование (на примере социальной сети «ВКонтакте»). *Человеческий капитал*, 1(133): 85–91. DOI: 10.25629/hs.2020.01.09.
- Малых С.В. 2020. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи. *Социология*, 1: 312–316.
- Олейникова Е.Ю. 2015. Интернет-практики современного студенчества (на примере вузов г. Хабаровска). *Современные проблемы науки и образования*, 1(1): 14–17.
- Руденкин Д.В., Руденкина А.И. 2019. Интернет в социальной реальности современной российской молодежи: тренды и риски. *Juvenis scientia*, 1: 43–48.
- Самсонова Н.Н. 2018. Особенности социального поведения молодежи, активно использующей различные виды интернет-коммуникаций. *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание»*, 7(8): 60–62.
- Тулохонова И.С., Отбоева С.Д. 2018. Интернет-технологии как фактор воздействия на студенческую молодежь. *Вестник современных исследований*, 93(24): 179–184.
- Хусаинова А.Р., Мингазетдинова Р.Ф. 2018. Межличностная коммуникация в социальных сетях. *Филологический аспект*, 11(43): 253–259.

- Чебунина О.А. 2019. Социальные интернет-сети в процессе социализации современной российской молодежи: специфика влияния и социализационные риски. Дис. ...канд. социол. наук: (22.00.04). Майкоп, 174 с.
- Шарков Ф.И. 2019. Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций. *Коммуникология*, 4: 32–40.
- Юдина Е.Н., Захарова С.А. 2015. Социальные сети в свете научных парадигм. *Труд и социальные отношения*, 3: 22–34.
- Marres N. 2017. *Digital sociology: The Reinvention of Social Research*, Polity Press. Cambridge, UK, 59 p.

References

- Andramonova V.V. 2015. Sotsial'nyye seti: teoretiko-metodologicheskii aspekt issledovaniya. [Social networks: theoretical and methodological aspect of the study]. *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya: problemy i rezul'taty*, 21: 148–152.
- Bezboгова M.S. 2017. Sotsial'nyye seti kak faktor formirovaniya sotsial'nykh ustanovok sovremennoy molodezhi [Social networks as a factor in the formation of social attitudes of modern youth]: Diss. ... cand. psychol. sciences. Moscow, 212 p.
- Chebunina O.A. 2019. Sotsial'nyye Internet-seti v protsesse sotsializatsii sovremennoy rossiyskoy molodezhi: spetsifika vliyaniya i sotsializatsionnyye riski [Social Internet networks in the process of socialization of modern Russian youth: the specifics of influence and socialization risks]: Dis. ... cand. of social sciences. Maykop, 174.
- Grigor'yeva Ye.A. 2022. Tsifrovyye neravenstva: prichiny, formy, posledstviya. [Digital inequalities: causes, forms, consequences]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya*, 2: 161–163.
- Grishaeva S.A., Klyuvaev K.V. 2019. Kommunikativnyye praktiki molodezhi v sotsial'nykh setyakh [Communicative practices of youth in social networks]. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2(3): 4–9. DOI 10.26425/2658-347X-2019-3-4-9.
- Ignatov M.A. 2018. Ponyatiye «set'» v sovremennoy nauke i filosofii. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 43(3): 408–413.
- Kasyanov V.V., Nechipurenko V.N. 2022. Sotsiologiya Interneta [Sociology of the Internet]. Moscow, Publ. Yurayt, 424 p.
- Khusainova A.R., Mingazetdinova R.F. 2018. Mezhlichnostnaya kommunikatsiya v sotsial'nykh setyakh [Interpersonal communication in social networks]. *Filologicheskii aspekt*, 11(43): 253–259.
- Kuraeva S.A. 2017. K metodologii issledovaniya sotsial'nykh setey [Toward a methodology for the study of social networks]. *Nauchnyye trudy moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 5: 5. DOI: 10.17805/trudy. 2017.5.5.
- Levin L.M. 2020. Osobennosti povedeniya v sotsial'nykh setyakh u molodezhi: poiskovoye issledovaniye (na primere sotsial'noy seti «VKontakte») [Features of behavior in social networks among young people: exploratory research (on the example of the social network «VKontakte»)]. *Chelovecheskiy kapital*, 1(133): 85–91. DOI: 10.25629/hc.2020.01.09.
- Malykh S.V. 2020. For mirovaniye virtual'noy identichnosti universitetskoy molodezhi. [Formation of virtual identity of university youth]. *Sotsiologiya*, 1: 312–316.
- Marres N. 2017. *Digital sociology: The Reinvention of Social Research*, Polity Press. Cambridge, UK, 59 p.
- Oleynikova Ye.YU. 2015. Internet-praktiki sovremennogo studenchestva (na primere vuzov g. Khabarovska) [Internet practices of modern students (on the example of universities in Khabarovsk)]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 1(1): 14–17.
- Rudinkin D.V., Rudenkina A.I. 2019. Internet v sotsial'noy real'nosti sovremennoy rossiyskoy molodezhi: trendy i riski [The Internet in the Social Reality of Modern Russian Youth: Trends and Risks]. *Juvenis scientia*, 1: 43–48.
- Samsonova N.N. 2018. Osobennosti sotsial'nogo povedeniya molodezhi, aktivno ispol'zuyushchey razlichnyye vidy internet-kommunikatsiy [Features of the social behavior of young people actively using various types of Internet communications]. *Sovremennaya nauka*, 7(8): 60–62.
- Sharkov F.I. 2019. Sotsial'nyye seti kak osnova formirovaniya prostanstva publicnykh kommunikatsiy. [Social networks as the basis for the formation of the space of public communications]. *Kommunikologiya*, 4: 32–40.

- Tulokhonova I.S., Otboeva S.D. 2018. Internet-tekhnologii kak faktor vozdeystviya na studencheskuyu molodezh' [Internet technologies as a factor influencing student youth]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 9.3(24): 179–184.
- Vorob'yev V.P., Retinskaya V.N. 2022. Obraznosimvolicheskiye aspekty formirovaniya gosudarstvennoy identichnosti molodezhi v epokhu Interneta. [Figurative and symbolic aspects of the formation of the state identity of youth in the Internet era]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 1: 59–71.
- Yudina Ye.N., Zakharova S.A. 2015. Sotsial'nyye seti v svete nauchnykh paradigim [Social networks in the light of scientific paradigms]. *Trud i sotsial'nyye otnosheniya*, 3: 22–34.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.04.2023
Поступила после рецензирования 02.05.2023
Принята к публикации 25.05.2023

Received April 2, 2023
Revised May 2, 2023
Accepted May 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Авилова Жанна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

Zhanna N. Avilova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Management, V.G. Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia

Ботнарюк Ирина Александровна, аспирант направления подготовки «Социология управления», Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия

Irina A. Botnaryuk, Graduate Student of Sociology and Management, V.G. Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia

УДК 316.346/.482/.613

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-244-254

О социокультурных характеристиках старших и младших поколений современных россиян

Лебедева Л.Г.

Самарский государственный экономический университет,
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141, оф. 412

E-mail: ludleb@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – проверка гипотезы о существенных различиях социокультурных черт старших и младших возрастно-поколенческих групп (поколений) россиян как основы «актуальных или потенциальных напряжений и конфликтов в социальном пространстве». Эмпирической основой статьи послужили материалы авторского социологического исследования с оценками респондентов в отношении основных черт разных поколений россиян. Результаты показали, что динственное качество, которое, по мнению подавляющего большинства респондентов, присуще в очень малой степени как старшему, так и младшему поколениям – это космополитизм. Три типа менталитета (коллективизм, безразличие, индивидуализм) присущи старшему и младшему поколениям в очень разной степени и пропорциях. Сделан вывод о том, что либеральный тренд, связанный с процессом индивидуализации, не обошел стороной Россию, но консервативный тренд (соответственно, консервативная идентичность) в России сохраняет свои относительно прочные позиции. Социокультурные черты (характеристики, качества) поколенческих групп россиян определяют их многообразные взаимоотношения и, соответственно, тенденции и перспективы развития всего общества.

Ключевые слова: поколения, коллективизм, индивидуализм, индифферентность, типы ментальности

Для цитирования: Лебедева Л.Г. 2023. О социокультурных характеристиках старших и младших поколений современных россиян. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 244–254. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-244-254

About the Socio-cultural Characteristics of the Older and Younger Generations of Modern Russians

Lyudmila G. Lebedeva

Samara State University of Economics,
141 Sovetskoi Armii St, Samara 443090, Russia

E-mail: ludleb@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to test the hypothesis of significant differences in the socio-cultural traits of older and younger age-generational groups (generations) of Russians as the basis of «actual or potential tensions and conflicts in the social space». The empirical basis of the article was the materials of the author's sociological research with the respondents' assessments of the main features of different generations of Russians. The only quality that, according to the overwhelming majority of respondents, is inherent to a very small extent in both the older and younger generations is cosmopolitanism. Three types of mentality (collectivism, indifference, individualism) are inherent in the older and younger generations in very different degrees and proportions. The liberal trend associated with the process of individualization has not bypassed Russia, but the conservative trend (respectively, conservative identity) in Russia retains its relatively strong positions. The socio-cultural features (characteristics, qualities) of generational groups of Russians determine their diverse relationships, respectively, trends and prospects for the development of the whole society.

Key words: generations, collectivism, individualism, indifference, types of mentality

For citation: Lebedeva L.G. 2023. About the Socio-cultural Characteristics of the Older and Younger Generations of Modern Russians. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 244–254 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-244-254

Введение

Проблема социокультурных характеристик старших и младших поколений современных россиян связана не только с вполне конкретными качествами тех или иных возрастно-поколенческих групп сегодняшних россиян, но и с вопросами о перспективах развития современных поколений и их взаимоотношений в условиях нынешнего переходного и переломного состояния российского общества. От существующих социокультурных характеристик возрастно-поколенческих групп россиян зависит весь комплекс их разнообразных взаимоотношений, соответственно, тенденции и перспективы развития всего общества.

С учетом сказанного обозначенную проблему можно считать органической частью более широкой проблемы: что характерно для современных поколений и межпоколенческих взаимоотношений в условиях общества травмы – межпоколенческие конфликты и дезинтеграция социума или выработка нового опыта сотрудничества поколений, соответственно, их межпоколенческая солидарность и интеграция?

Поставленные вопросы стали особенно актуальными после начала специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 года. В острых социально-политических условиях особенно ясно проявляются существующие в обществе проблемы и тенденции. Вместе с этим в процессе информационных, а точнее, смысловых войн, решаются как судьбы стран и обществ, так и будущее гуманитарно-нравственных ценностей, которые человечество вырабатывало веками и тысячелетиями [Адамьянц, 2020, с. 123]. Сравнительно недавние социологические исследования, отражающие социальную ситуацию в российском обществе в связи со специальной военной операцией, показали, например, что «адаптация к доминированию официального нарратива выражена сильнее, чем его воздействие на коллективные представления россиян» [Звоновский, Ходыкин, 2022, с. 38]. Можно сказать, что эта социальная ситуация дополнительно подтверждает роль и силу так называемого генотипа социальной общности (того или иного народа) и коллективных представлений, сложившихся в ходе социально-исторического развития. Это говорит также об актуальности и необходимости глубокого изучения генотипа социальной общности – российского народа и его коллективных представлений.

Отмеченные вопросы обусловили тему и исследовательскую цель статьи. Справедливо ли считать, что у возрастно-поколенческих групп россиян (старших, средних и младших возрастов) существуют очень различные (даже антиномичные) социокультурные характеристики? Вместе с этим являются ли существующие различия социокультурных черт возрастно-поколенческих групп россиян непреодолимым барьером для межпоколенческой солидарности и интеграции?

При выяснении обозначенных вопросов необходимо учитывать некоторые методологические проблемы. Одна из таких проблем – взаимосвязь индивидуального и коллективного в социальной жизни, в социальных взаимодействиях и отношениях и несводимость коллективного к индивидуальному (эмерджентность). Н. Генов определяет социальное взаимодействие как «обмен материей, энергией и информацией между индивидуальными и коллективными социальными акторами в сети социальных отношений и в ходе социальных процессов» [Генов, 2022, р. 32]. Взаимодействия возрастно-поколенческих групп естественным образом включают в себя как индивидуальные, так и коллективные взаимодействия (и сопутствующие им отношения). И на это, вслед за Н. Геновым, обращает внимание И.Ф. Девятко: социальные взаимодействия коллективных акторов «имеют эмерджентные

свойства и не могут быть редуцированы к кумулятивным эффектам индивидуальных взаимодействий» [Девятко, 2022, с. 165]. В то же время, несомненно, что индивидуальные качества (прежде всего, мировоззренческие качества, ценности, ментальность) взаимодействующих индивидов (актеров) неизбежно влияют на качественную определенность (содержание и целевую направленность) тех или иных коллективных взаимодействий (и сопутствующих им отношений) – в том числе на уровне поколенческих групп на всех уровнях – микро-, мезо- и макроуровне.

Перспективы взаимоотношений (и преемственности) поколений определяются в конечном счете тем, какой формируется в обществе молодежь. При этом необходимо учитывать, что в публицистической литературе, а под ее влиянием и в общественном сознании, порой распространяются те или иные мифы, например, о современной молодежи, которые иногда вынужденно обсуждаются и в научной литературе [Богачева, Сивак, 2019]. Чтобы отделить реальное от мифического, важно обсуждать проблему мифов (как и другие проблемы) с использованием конкретно-социологических материалов.

Цель исследования – проверка гипотезы о существенных различиях социокультурных характеристик возрастно-поколенческих групп россиян.

Объекты и методы исследования

Эмпирической основой статьи стали материалы авторского социологического опроса в январе 2020 г. Анкетным опросом охвачены респонденты от 16 до 69 лет (620 человек) по репрезентативной выборке с учетом возраста, пола и территориально-поселенческой структуры населения Самарской области; ошибка выборки с вероятностью 95 % не превышает 5 %.

Социологический анализ основных различий ментальных смыслов и социокультурных характеристик возрастно-поколенческих групп россиян был проведен в отношении трех целевых групп респондентов:

1) 16 лет – 24 года ($n = 202$) – в молодом возрасте люди, как правило, еще тесно связаны с родительской семьей, завершают школьное образование и получают профессиональное, начинают трудовую жизнь, многие также вступают в брак;

2) 25 лет – 44 года ($n = 205$) – в среднем возрастном периоде люди включены в интенсивную трудовую деятельность и связаны, как правило, не только с родительской семьей, но и со своей собственной, с заботами как о детях, так и о родителях;

3) 45–69 лет ($n = 213$) – в старшем возрасте люди все менее активно участвуют в трудовой деятельности, больше внимания и заботы уделяют семье, внукам, а также и самим себе.

Результаты исследования

Для начала рассмотрим, как в общем плане воспринимается проблема межпоколенческих взаимоотношений (в частности проблема противоречия «отцов и детей») респондентами разных возрастно-поколенческих групп (рис. 1).

У всех групп респондентов, как показывает рисунок 1, мнения (оценки) по сути оказались однотипными, очень близкими. Является «достаточно актуальной» – такова преобладающая оценка проблемы противоречия «отцов и детей»; соответствующий ответ выбрали 63,4 % респондентов по всей выборке. Чуть больше таких голосов в младшей группе (67,3 %), чуть меньше – в средней и старшей группах (соответственно, 62,0 и 61,0 %). К этим оценкам (голосам) следует добавить и более категоричные оценки: «является одной из самых острых». В итоге более чем три четверти респондентов в каждой возрастной группе признают проблему противоречия «отцов и детей» «достаточно актуальной» или даже «одной из самых острых» в нашем обществе.

В связи с проблемой «отцов и детей» логично предполагать, что в основе этого противоречия находятся существенные различия в ментальности соответствующих возрастно-поколенческих групп.

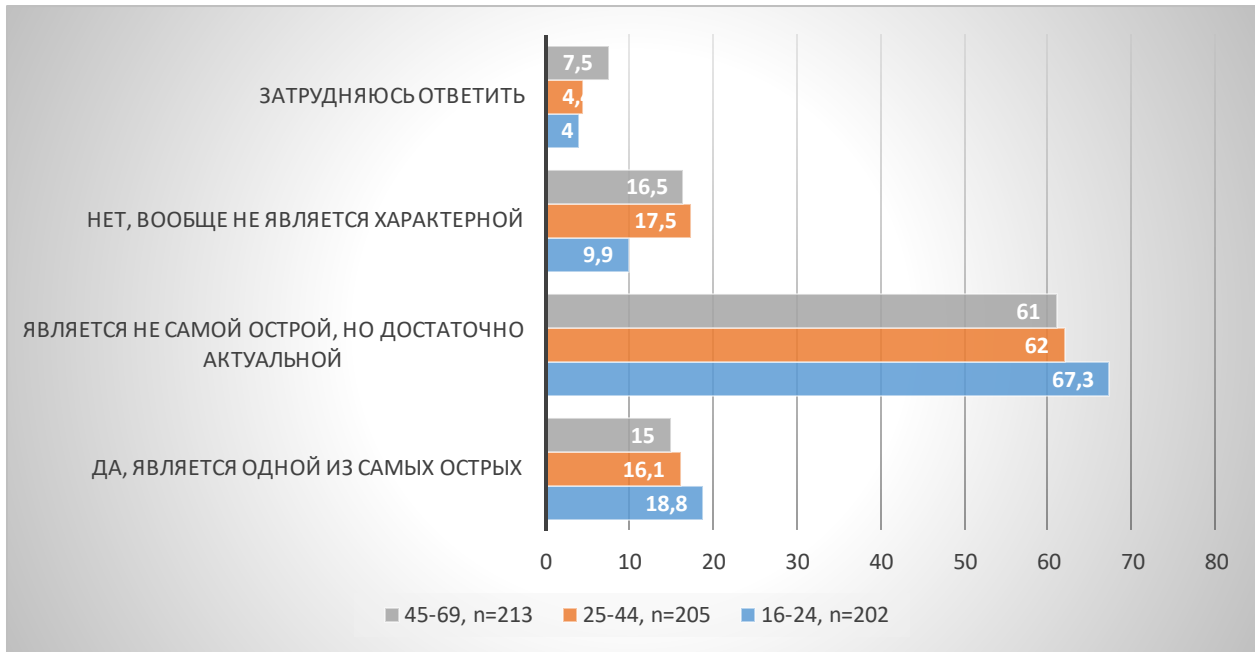

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, является ли проблема противоречия «отцов и детей» одной из самых острых в нашем обществе?» – % (n)

Fig. 1. Distribution of answers to the question: «In your opinion, is the problem of the contradiction of «fathers and children» one of the most acute in our society?» – % (n)

При этом под типом ментальности (или структурой субъективного опыта, когнитивной моделью) понимаются «характерные для индивида особенности восприятия мира» [Александров, Кирдина, 2012, с. 6]. Критерии ментальности, соответственно, и типы ментальности могут быть различными. Например, в зависимости от набора критериев (по сути типичных качеств личности) исследователями выделяются типы ментальности: «западный» и «незападный», «индивидуалист» и «коллективист» [Александров, Кирдина, 2012, с. 9]. Естественно, что существуют и некие промежуточные, срединные, переходные, смешанные типы с чертами крайних типов ментальности.

Тип ментальности предопределяет формирование тех или иных морально-психологических установок личности и в целом жизненную позицию индивида. А вместе они (тип ментальности, установки личности, жизненная позиция) регулируют реальное поведение человека. При этом жизненная позиция в зависимости от типа ментальности и установок личности может быть либо активной, либо пассивной (а пассивная, в свою очередь, может быть либо конформистской, либо эскапистской) [Зубок и др., 2021, с. 83].

С учетом сказанного при определении списка основных качеств поколений (в анкете для опроса) учитывалось, что «симметричные ответы могут указать на точки конфликтов (актуальных или потенциальных) или напряжений в социальном пространстве» [Ядов, 2004, с. 146]. Например, качество «Чувство ответственности» сопоставляется с «симметричным» качеством «Безответственность».

Какие основные «линии» противоречий «отцов и детей» образуются в виде различных качеств, присущих тем или иным поколениям (табл. 1)?

Единственное из перечисленных качеств, которое, по мнению подавляющего большинства респондентов, присуще совсем в малой мере как старшим, так и младшим поколениям, это – космополитизм. В отношении других качеств заметна тенденция – то, что признается присущим в достаточно большой мере одним поколениям, одновременно признается лишь в малой степени присущим другим поколениям. Различные качества, присущие тем или иным поколениям, образуют основные «линии» противоречий «отцов и детей» (хотя и не в сильной, а в умеренной степени).

Таблица 1
 Table 1

Распределение ответов на вопрос о том, что больше всего присуще старшим и младшим поколениям, – по всей выборке, % от числа респондентов ($N = 620$) и ранги
 Distribution of answers to questions about what is most inherent in the older and younger generations – across the entire sample, percentages of the number of respondents ($N = 620$) and ranks

Ответы (качества)	Присуще старшим поколениям		Присуще младшим поколениям	
	%	Ранги	%	Ранги
Чувство ответственности	71,9	1	19,7	5
Патриотизм	59,5	2	9,5	10
Внимание и забота	48,7	3	14,5	7
Доверие друг к другу	36,8	4	18,1	6
Коллективизм	35,3	5	10,5	8
Недоверие друг к другу	6,9	6	26,9	4
Индивидуализм	6,5	7	54,8	1
Космополитизм	5,0	8	10,2	9
Равнодушие	4,2	9	41,5	3
Другое	2,4	10	4,2	11
Безответственность	1,1	11	42,1	2
Итого	278,3		252,0	
Коэффициент корреляции (r)	–0,427		–0,427	

Коэффициент корреляции (r) между оценками качеств, больше всего присущих старшим и младшим поколениям, показывает умеренную, среднюю ($-0,427$), но отрицательную связь (табл. 2). Это подтверждает наличие проблемы противоречия «отцов и детей» как «достаточно актуальной» (хотя и не крайне «острой») в нашем обществе.

Проанализируем ментальные особенности, присущие разным поколениям, используя принцип матрицы применительно к социальным установкам личности (рис. 2 и 3). Данные матрицы на рис. 3 показывают, что (по оценкам респондентов, имевшим возможность выбирать несколько вариантов ответов) три типа ментальности присущи младшим поколениям почти в одинаковой мере: выборы качеств индивидуализма составили 96,9 % всех респондентов, выборы качеств индифферентности – 78,6 %, выборы качеств коллективизма – 72,3 %, однако, с первенством качеств индивидуализма.

Таким образом, социологические материалы свидетельствуют о существенных внутр поколенческих и межпоколенческих различиях противоречивого характера (вплоть до противоположностей) в социокультурной ментальности россиян. При этом в отношении отрицательных социокультурных характеристик (качеств) старшие поколения и младшие поколения в глазах всей массы респондентов «выглядят» не только по-разному, но в некоторой мере даже в качестве «противоположных» друг другу. Однако в отношении положительных социокультурных характеристик (качеств) старшие поколения и младшие поколения в глазах всей массы респондентов «выглядят», хотя и весьма по-разному, но не в качестве «противоположных» друг другу.

Данные матрицы на рис. 2 показывают, что (по оценкам респондентов, имевшим возможность выбирать несколько вариантов ответов) три типа ментальности присущи старшим поколениям в очень разной мере: выборы качеств коллективизма составили 252,2 % от всех респондентов, выборы качеств индифферентности – 16,1 %, выборы качеств индивидуализма – 7,6 %, при этом с явным преобладанием качеств коллективизма.

	Общее благо	Тип ментальности: «Коллективизм» Качества: Чувство ответственности 71,9%; Патриотизм 59,5%; Внимание и забота 48,7%; Доверие друг к другу 36,8%; Коллективизм 35,3%. <i>(Всего = 252,2%)</i>
Социальная антипатия	Тип ментальности: «Индифферентность» Качества: Недоверие друг к другу 6,9%; Космополитизм 5,0%; Равнодушие 4,2%. <i>(Всего = 16,1%)</i>	
Тип ментальности: «Индивидуализм» Качества: Индивидуализм 6,5%; Безответственность 1,1%. <i>(Всего = 7,6%)</i>		Личное благо

Рис. 2. Типы ментальности на основе распределения ответов на вопрос о том, что больше всего присуще старшим поколениям, % от числа респондентов (*n*) на основе табл. 1

Fig. 2. Types of mentality based on the distribution of answers to the question of what is most inherent in older generations, percentages of the number of respondents (*n*) based on table 1

	Общее благо	Тип ментальности: «Коллективизм» Качества: Чувство ответственности 19,7%; Доверие друг к другу 18,1%; Внимание и забота 14,5%; Коллективизм 10,5%; Патриотизм 9,5%. <i>(Всего = 72,3%)</i>
Социальная антипатия	Тип ментальности: «Индифферентность» Качества: Равнодушие 41,5%; Недоверие друг к другу 26,9%; Космополитизм 10,2%. <i>(Всего = 78,6%)</i>	
Тип ментальности: «Индивидуализм» Качества: Индивидуализм 54,8%; Безответственность 42,1%. <i>(Всего = 96,9%)</i>		Личное благо

Рис. 3. Типы ментальности на основе распределения ответов на вопрос о том, что больше всего присуще младшим поколениям, % от числа респондентов (*n*) на основе табл. 1

Fig. 3. Types of mentality based on the distribution of answers to the question of what is most inherent in the younger generations, percentages of the number of respondents (*n*) based on table 1

Обсуждение результатов

Приведенные социологические материалы показывают весьма противоречивую картину социокультурных характеристик возрастно-поколенческих групп россиян. Различные качества, присущие тем или иным возрастно-поколенческим группам, образуют основные «линии» противоречий между ними (хотя и не в сильной, а в умеренной степени). Многие другие социологические исследования также показывают наличие существенных межпоколенческих и внутрипоколенческих различий (даже «разрывов»); в частности, это относится и к поколению миллениалов [Радаев, 2020, с. 58]. Приходится согласиться с тезисом, что «последствия двух глубочайших культурных травм, пережитых российским обществом в

1980–1990-е годы... будучи в значительной мере преодолены, ощущаются до сих пор, осложняя процессы интеграции общества» [Хагуров, Остапенко, 2019, с. 471].

Вопрос о перспективах развития современных поколений и их взаимоотношений многогранен и обсуждается не только в нашей стране. На основе многолетних международных исследований Р. Инглхарт и К. Вельцель сделали вывод об идущем процессе «межпоколенческого изменения ценностей» в модернизационном духе [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 145]. Норвежские ученые М.А. Шейен и Б. Хвинден (М.А. Schøyen, B. Hvinden) на примере пяти европейских государств всеобщего благосостояния посвятили свой анализ такому аспекту, как «солидарность поколений и устойчивость государственного благосостояния» [Schøyen, Hvinden, 2018]. Такой вопрос согласуется и с результатами многих российских исследований. В частности, признается, что решение многих проблем, определяющих сознание и поведение молодого поколения, его «уверенность в себе и в завтрашнем дне... связаны больше с социальной сферой жизнедеятельности общества» [Дагаев, Филатова, 2022, с. 598].

На рубеже XX–XXI вв. в развитых европейских странах внимание исследователей привлекло сравнительно новое противоречие (в духе конфликта поколений) в социально-экономической сфере. Так, на фоне серьезных проблем для молодежи (прежде всего безработицы и отсутствия адекватных для молодежи социальных гарантий) одновременно улучшилось благосостояние пожилых людей. В связи с этим появились попытки определить модель социально-экономической политики, которая одновременно обеспечивает благосостояние детей и пожилых людей [Esping-Andersen, Sarasa, 2002]. Разумеется, подобные попытки ограничены рамками рыночной экономики. Однако и в этих условиях государственная социальная политика может «сказать» более или менее веское слово. Указанную проблему следует учитывать и в российском обществе.

Многочисленные травматогенные события российской истории XX века в значительной мере определили облик общества, черты коллективной ментальности, особенности социального поведения россиян. И в настоящее время сохраняются следы этих «поломок», проявляющиеся не только в слабости социальной горизонтали, индифферентности, социальном эскапизме, но и в своеобразной «зацикленности» на проблемах прошлого, тоске массового сознания по «жесткой руке», продолжающихся ожесточенных публичных дискуссиях по поводу того, как правильнее интерпретировать давние трагические события [Волков, 2022, с. 17]. В частности, результаты нашего исследования показывают весьма значимое место такой комплексной характеристики, как «индифферентность», занявшей срединное (промежуточное) положение между комплексными характеристиками «индивидуализм» и «коллективизм» в матрице типов ментальности в отношении как младших, так и старших поколений (см. рис. 2 и рис. 3).

Особо следует остановиться на проблеме космополитизма как одного из качеств, которое, по мнению подавляющего большинства респондентов, присуще совсем в малой мере как старшим, так и младшим поколениям (см. табл. 2 и табл. 3). Немецкого социолога Ульриха Бека (Ulrich Beck) принято считать одним из родоначальников (пионером) космополитической социологии и общества риска; проблеме космополитизма (его сути и реальности) он посвятил целую серию книг [Beck, 1992; Beck (ed.), 2014]. Вряд ли следует сомневаться в том, что космополитизм как явление и мировоззренческая позиция получил широкое распространение в мире под влиянием процессов глобализации. Несомненно, что Россия также не осталась в стороне от этих явлений и процессов. Вместе с этим космополитизм в российском обществе встретил весьма серьезное сопротивление в лице традиционных (консервативных) ценностей и установок россиян (иначе говоря, в лице так называемого генотипа и коллективных представлений российского социума). Этим можно объяснить то, что глубина проникновения и утверждения космополитизма оказалась сравнительно небольшой среди как старших, так и младших поколений россиян. Но про индивидуализм нельзя сказать то же самое, что про космополитизм. Индивидуализм получил в молодом

поколении россиян весьма заметное развитие (см. табл. 1, рис. 2 и рис. 3). И это можно связывать с глубоким и разнообразным влиянием рыночной экономики и адекватных ей социальных отношений. Однако и в этой сфере проявилось влияние не только исторически глубоких (из глубины веков) традиционных (консервативных) ценностей и установок россиян, но и сравнительно недавней советской истории и ценностей советского общества (включая коллективизм).

Что могло способствовать существенному сохранению коллективистских ценностей, особенно среди старших поколений, и не очень сильному распространению, утверждению индивидуалистских ценностей даже среди младших поколений (см. рис. 2 и рис. 3) в российском социуме? Думается, что это можно связывать с особенностями развития российского государства в последние десятилетия как социального государства и сохранением (хотя и не в полной мере – не так, как в советский период) традиций патернализма на уровне государственной политики. Именно патерналистские особенности государственной политики в России (в том числе и на уровне различных трудовых и предпринимательских организаций) сглаживали появившиеся в условиях рыночной экономики социальные противоречия, отражавшиеся на положении и взаимоотношениях людей с разными социальными и возрастными статусами.

Однако важно обратить внимание и на «другую сторону медали», противоположную коллективизму, – на индивидуализм.

Смысл «индивидуализации», по оценке З. Баумана, состоит в освобождении человека от предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли [Бауман, 2005, с. 181]. Таким образом, индивидуализация вполне согласуется с либеральной концепцией развития общества, в том числе семьи и брака. В индивидуализированном обществе внутренний позыв личности распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению принижает значение социальных причин и коллективных действий [Бауман, с. LII–LIII]. В результате общество движется «от общности к обособленности» [Бауман, с. XLIX].

Н. Генов [Genov, 2018] ставит на первое место положительные стороны индивидуализации, отражающей общий процесс увеличения свободы в обществе. Но при этом он подчеркивает, что могут быть как конструктивные, так и деструктивные последствия индивидуализации. В самом деле, с одной стороны, индивидуализация сочетается с повышением возможностей человека решать жизненные проблемы эффективно и автономно. С другой стороны, индивидуализация ведет к атомизации общества, к ослаблению солидарных связей членов общества, в том числе даже на уровне семьи.

Образование противоречивых социокультурных характеристик – социокультурной ментальности – у разных возрастно-поколенческих групп россиян по сути стало своеобразной социокультурной травмой для российского общества. Иначе говоря, образовавшиеся в последние десятилетия социокультурные водоразделы между возрастно-поколенческими группами россиян можно рассматривать в качестве составной части (или одной из граней) общества травмы.

Однако – хотя в развитых странах Запада все более заметно проявляет себя либеральная тенденция, сопряженная с процессом индивидуализации [Бауман, 2005; Genov, 2018], и эта тенденция не обошла стороной и Россию – все же в России именно консервативная тенденция (соответственно, консервативная, а не либеральная, идентичность) сохраняет свои сравнительно прочные позиции. В частности, по социологическим данным, в своем отношении к семье в России «подавляющее большинство респондентов всех возрастно-поколенческих групп проявляет консервативную тенденцию» [Lebedeva, 2021].

Как формируется поколенческая идентичность? Д.С. Петрунина сформулировала так: «Поколенческая идентичность формируется через повседневное взаимодействие между членами одного поколения, посредством воспроизводства доминирующего дискурса» [Петрунина, 2022, с. 58]. Однако, думается, что это неполное определение, с неполным набором

признаков. Представители (члены) любого поколения общаются (и испытывают влияние) не только с представителями своего поколения, начиная с семьи (дети общаются с родителями, а не только со сверстниками). Это же относится к учебным, трудовым и общественным организациям. Иначе не было бы преемственности поколений и преемственной связи поколений. Более того, идентичность формируется не только по принципу подражания – «хочу быть подобным, подобной», но и по принципу отвержения – «не хочу быть подобным, подобной».

Заключение

Различные качества, присущие тем или иным поколениям, образуют основные «линии» противоречий «отцов и детей» (хотя и не в сильной, а в умеренной степени). Три типа ментальности (коллективизм, индифферентность, индивидуализм) присущи старшим и младшим поколениям в очень разной мере и пропорциях. Старшим поколениям индивидуализм и индифферентность присущи в минимальной мере, а коллективизм в максимальной мере. Младшим поколениям все три указанные качества присущи почти в одинаковой мере, но с некоторым преобладанием индивидуализма.

Либеральная тенденция, сопряженная с процессом индивидуализации, не обошла стороной и Россию, но все же именно в России консервативная тенденция (соответственно, консервативная идентичность) сохраняет свои сравнительно прочные позиции. Идентичность формируется не только по принципу подражания кому-либо, чему-либо, но и по принципу отвержения кого-либо, чего-либо. Для общества важно не только умело развенчивать негодные, отрицательные «образцы для подражания», но и активно культивировать образцы для подражания, отвечающие интересам общества. В этом огромная роль принадлежит разнообразным массмедиа, которые не должны подчиняться одному «золотому тельцу», а должны контролироваться государством и общественностью (гражданским обществом) с учетом интересов общества.

Список литературы

- Адамьянц Т.З. 2020. Актуальные смыслы современной социокультурной среды. *Общественные науки и современность*, 5: 121–130. DOI 10.31857/S086904990012327-1.
- Александров Ю.И., Кирдина С.Г. 2012. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход. *Социологические исследования*, 8: 3–12.
- Бауман З. 2005. Индивидуализированное общество. Перевод с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. Москва: Логос: 390.
- Богачева Н.В., Сивак Е.В. 2019. Мифы о «поколении Z». Москва: НИУ ВШЭ, 64 с.
- Волков Ю.Г. 2022. Социокультурные травмы современного российского общества. *Социологические исследования*, 3: 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0
- Дагаев Р.Р., Филатова Я.С. 2022. Генезис картины мира и аксиологических ценностей молодого поколения. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 47(3): 593–600. DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-593-600.
- Девятко И.Ф. 2022. *Genov N. The Paradigm of Social Interaction. (Routledge Advances in Sociology)*. London, New York: Routledge. Рец. И.Ф. Девятко. *Социологические исследования*, 5: 164–167. DOI 10.31857/S013216250018909-2.
- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. 2022. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции. *Социологические исследования*, 11: 38–53. DOI 10.31857/S013216250021524-9.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. 2021. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования. *Вестник Института социологии*, 12(3): 79–98. DOI 10.19181/vis.2021.12.3.738.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. Москва: Новое издательство, 462 с.

- Петрунина Д.С. 2022. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов. *Социологические исследования*, 2: 57–64. DOI 10.31857/S013216250018036-2.
- Радаев В.В. 2020. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть). *Социологический журнал*, 26(3): 30–63. DOI 10.19181/socjour.2020.26.3.7395.
- Хагуров Т.А., Остапенко А.А. 2019. Динамика мировоззренческих установок молодежи Кубани. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 19(3): 470–480. DOI 10.22363/2313-2272-2019-19-3-470–480.
- Ядов В.А. 2004. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «не своих» групп и сообществ (1999–2002 гг.). Москва: Аспект Пресс, 326 с.
- Beck U. 1992. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage Publications, 260 p.
- Beck U. (ed.) 2014. *Ulrich Beck: Pioneer in Cosmopolitan Sociology and Risk Society*. Cham: Springer, 193 p. DOI 10.1007/978-3-319-04990-8
- Genov N. 2018. *Challenges of Individualization*. London: Palgrave Macmillan, 254 p. DOI 10.1057/978-1-349-95828-3.
- Genov N. 2021. *The Paradigm of Social Interaction*. L.; N.Y.: Routledge, 192 p. DOI 10.4324/9781003215028.
- Esping-Andersen G., Sarasa S. 2002. The generational conflict reconsidered. *Journal of European Social Policy*, 12 (1): 5–21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0952872002012001560>.
- Lebedeva L.G. 2021. Attitude to the Family: Generational Aspect. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*, Value 106, Samara, Published by European Publisher, pp. 982–988. DOI 10.15405/epsbs.2021.04.02.117.
- Schøyen M. A., Hvinden B. 2018. Intergenerational Solidarity and the Sustainability of State Welfare. In: Taylor-Gooby P., Leruth B. (Eds) *Attitudes, Aspirations and Welfare*, Palgrave Macmillan, Cham: 137–181. DOI https://doi.org/10.1007/978-3-319-75783-4_5.

References

- Adam'yanc T.Z. 2020. Aktual'nye smysly sovremennoj sociokul'turnoj sredy [Actual meanings of the modern socio-cultural environment]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5: 121–130. DOI 10.31857/S086904990012327-1.
- Aleksandrov YU.I., Kirdina S.G. 2012. Tipy mental'nosti i institucional'nye matricy: mul'tidisciplinarnyj podhod [Types of mentality and institutional matrices: a multidisciplinary approach]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 8: 3–12.
- Bauman Z. 2005. *Individualizirovanoe obshchestvo* [Individualized society]. Ed. V.L. Inozemceva. M., Publ. Logos: 390 p.
- Bogacheva N.V., Sivak E.V. 2019. Mify o «pokolenii Z» [Myths about «generation Z»]. M., NIU VSHE, 64 p.
- Volkov YU.G. 2022. Sociokul'turnye travmy sovremenno go rossijskogo obshchestva [Sociocultural traumas of modern Russian society]. *Sociologi-cheskie issledovaniya*, 3: 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0
- Dagaev R.R., Filatova YA.S. 2022. Genezis kartiny mira i aksiologicheskikh cennostej mladogo pokoleniya [Genesis of the worldview and axiological values of the young generation]. *НОМОТНЕТКА: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 47(3): 593–600. DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-593-600.
- Devyatko I.F. 2022. Genov N. *The Paradigm of Social Interaction*. (Routledge Advances in Sociology) [The Paradigm of Social Interaction. (Routledge Advances in Sociology)]. London, New York: Routledge. Rec. I.F. Devyatko. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5: 164–167. DOI 10.31857/S013216250018909-2.
- Zvonovskij V.B., Hodykin A.V. 2022. Otrazhenie kul'turnoj vlasti geopoliticheskogo narrativa v kollektivnykh predstavleniyah rossiyan o special'noj voennoj operaci [Reflection of the cultural power of the geopolitical narrative in the collective perceptions of Russians about a special military operation]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 11: 38–53. DOI 10.31857/S013216250021524-9.
- Zubok YU.A., CHuprov V.I., Lyubutov A.S., Sorokin O.V. 2021. ZHiznennye pozicii molodyozhi: smyslovye osnovaniya formirovaniya [Life positions of young people: semantic bases of formation]. *Vestnik Instituta sociologii*, 12(3): 79–98. DOI 10.19181/vis.2021.12.3.738.

- Inglhart R., Vel'cel' K. 2011. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledova-tel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development]. M., Publ. Novoe izdatel'stvo, 462 p.
- Petrulina D.S. 2022. «Perekhodnoe pokolenie»: pokolencheskaya identichnost' millenialov [«Transitional generation»: the generational identity of millennials]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2: 57–64. DOI 10.31857/S013216250018036-2.
- Radaev V.V. 2020. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie. (Pervaya chast') [The split of the millennial generation: historical and empirical justification. (First part)]. *Sociologicheskij zhurnal*, 26(3): 30–63. DOI 10.19181/socjour.2020.26.3.7395.
- Hagurov T.A., Ostapenko A.A. 2019. Dinamika mirovozzrencheskih ustanovok molodezhi Kubani [Dynamics of ideological attitudes of Kuban youth]. *Vestnik RUDN. Seriya: SOCIOLOGIYA*, 19(3): 470–480. DOI 10.22363/2313-2272-2019-19-3-470-480.
- YAdov V.A. 2004. Processy identifikacii rossijskih grazhdan v social'nom prostranstve «svoih» i «ne svoih» grupp i soobshchestv (1999–2002 gg.) [The processes of identification of Russian citizens in the social space of «their» and «not their» groups and communities (1999–2002)]. M., Publ. Aspekt Press, 326 p.
- Beck U. (ed.) 2014. Ulrich Beck: Pioneer in Cosmopolitan Sociology and Risk Society. Cham: Springer, 193 p. DOI 10.1007/978-3-319-04990-8
- Genov N. 2018. Challenges of Individualization. London, Publ. Palgrave Macmillan, 254 p. DOI 10.1057/978-1-349-95828-3.
- Genov N. 2021. The Paradigm of Social Interaction. L.; N.Y.: Routledge, 192 p. DOI 10.4324/9781003215028.
- Esping-Andersen G., Sarasa S. 2002. The generational conflict reconsidered. *Journal of European Social Policy*, 12(1): 5–21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0952872002012001560>.
- Lebedeva L.G. 2021. Attitude to the Family: Generational Aspect. In: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Val.106, Samara, Publ. by European Publisher, pp. 982–988. DOI 10.15405/epsbs.2021.04.02.117.
- Schøyen M. A., Hvinden B. 2018. Intergenerational Solidarity and the Sustainability of State Welfare. In: Taylor-Gooby P., Leruth B. (Eds) Attitudes, Aspirations and Welfare, Palgrave Macmillan, Cham: 137–181. DOI https://doi.org/10.1007/978-3-319-75783-4_5.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.12.2022
Поступила после рецензирования 18.04.2023
Принята к публикации 28.04.2023

Received December 29, 2022
Revised April 18, 2023
Accepted April 28, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Людмила Геннадьевна, старший преподаватель кафедры социологии и психологии института менеджмента, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila G. Lebedeva, Senior Lecturer, Department of Sociology and Psychology, Institute of Management, Samara State University of Economics, Samara, Russia

УДК 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-255-263

Современное развитие гражданской науки. Анализ успешных практик

Рассолова Е.Н., Галкин К.А.

Социологический институт РАН –

филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25

E-mail: enrassolova@gmail.com; Kgalkin1989@mail.ru

Аннотация. Исследования гражданской науки набирают популярность ввиду все большего вовлечения любителей в различные научные проекты. При этом в трансформирующемся мире необходим анализ наиболее успешных проектов и опыта их реализации. В силу того, что успешность, как и сами проекты гражданской науки, недостаточно изучены в отечественных работах, целью данного исследования является выявление современного уровня развития и ключевые векторы любительских исследовательских инициатив. Авторами был проведен контент-анализ научных публикаций и программ проектов гражданской науки. В результате исследования определено, что наиболее важными современными направлениями гражданской науки выступают ориентированность на социально-значимые проекты и развитие интегрированности в подобные проекты, а также важность и ориентир на активизм и активистские инициативы. Полученные результаты вносят вклад в изучение перспектив развития гражданской науки, а также в осмысление и переосмысление научного активизма.

Ключевые слова: гражданская наука, научное волонтерство, инициативы гражданской науки, успешные практики гражданской науки, гражданская наука и город

Для цитирования: Рассолова Е.Н., Галкин К.А. 2023. Современное развитие гражданской науки. Анализ успешных практик. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(2): 255–263. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-255-263

Modern Development of Citizen Science. Analysis of Successful Practices

Elena N. Rassolova., Konstantin A. Galkin

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences,

25 7-ya Krasnoarmejskaya St, Saint-Petersburg 190005, Russia

E-mail: enrassolova@gmail.com; Kgalkin1989@mail.ru

Abstract. Citizen science research is gaining popularity today due to the increasing involvement of amateurs in various scientific projects. At the same time, in a transforming world, it is important to analyze the most successful projects and the experience of their implementation. Due to the fact that the success, as well as the citizen science projects themselves, are insufficiently studied in domestic works, their consideration and designation of the key vectors of the development of this direction is relevant. The purpose of this study is to study modern successful practices of citizen science in order to identify the current state of development and key vectors of amateur research initiatives. To study the problem in the study, a content analysis of scientific publications and programs of citizen science projects was carried out. As a result of the study, it was determined that the most important modern directions of citizen science are orientation to socially significant projects and the development of integration into such projects, as well as the importance and orientation to activism and activist initiatives. The obtained results contribute to the study of the prospects for the development of citizen science, as well as to the understanding and rethinking of scientific activism.

Keywords: citizen science, scientific volunteering, citizen science initiatives, successful practices of citizen science, citizen science and the city

For citation: Rassolova E.N., Galkin K.A. 2023. Modern Development of Citizen Science. Analysis of Successful Practices. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 255–263 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-255-263

Введение

Тема гражданской науки находит свое отражение в многочисленных работах социальных исследователей, изучающих взаимодействие строгого академизма и хаотичной гражданской повседневности. В исследованиях citizen science прослеживаются несколько направлений. Во-первых, историки науки, рассматривающие гражданскую науку через оптику классического инструментария, включают это направление в контекст других смежных дисциплин. Во-вторых, более узкий фокус исследования представлен социологами, рассматривающими гражданскую науку как, в определенном смысле, автономный элемент, полноценный объект для исследования, разворачивающийся и действующий в текущий момент времени и пространства.

Термин «гражданская наука» был впервые использован Аланом Ирвином в 1995 году в качестве названия книги, описывающей объединения усилий ученых и граждан для решения возникающих экологических проблем [Irwin, 1995]. Основная идея Ирвина заключалась в демократизации науки, в создании управления этой сферой на уровне общества, в принятии решений по тем или иным вопросам ее развития в контексте общественных инициатив и возможностей. Изначально сформированный образ гражданской науки был описан моделями участия, где сами граждане могли повлиять на создание и развитие тех или иных научных идей и решений [Sandahl et. al., 2020; Jordan et. al., 2015]. Однако впоследствии, с развитием инициатив гражданской науки, такая форма научной деятельности становится средством для достижения исследовательских результатов путем использования ресурсов граждан. Такие инициативы, как развитие bird watching, позволили расширить базы данных и возможности ученых для исследования миграции птиц, для наблюдения за их поведением, что крайне недоступно для профессиональных исследователей из-за объемов информации [Van Vliet et. al., 2016].

Одним из важных признаков гражданской науки выступает массовое участие общественности в развитии больших исследовательских проектов. Классическим примером здесь выступают астрономические общества, которые начинают свое активное развитие в середине XIX века и продолжают свою работу по сей день. Именно любительский поиск комет, метеоритов и астероидов, а также крупные исследовательские проекты, такие как SETI@home, инициированный университетом Беркли (Калифорния) по поиску внеземной жизни, представляют собой мегапроекты, до сих пор невозможные без участия в них астрономов-любителей и исследователей космического пространства [Land-Zandstra et. al., 2021; Catlin-Groves et. al., 2012].

Обращают на себя внимание разграничения, которые, согласно некоторым социологам, представляют собой водораздел между гражданской наукой и волонтерством. Так, важным компонентом выступает именно не помощь, а участие в научных проектах заинтересованных лиц [Bulieva et. al., 2021]. Только такое включение и приобщение к научным инициативам, по мнению многих исследователей, могут быть частью гражданской науки, а временная и ситуативная, техническая по характеру помощь тем не менее не относится к производству знаний. Эта идея подвергается критике со стороны других исследователей, которые на примере людей, помогающих в изучении Мирового океана, отмечают, что все практики и различная степень вовлеченности, участия должны быть рассмотрены как инициативы гражданской науки [Zettler et. al., 2017; Hidalgo-Ruz et. al., 2015]. Это относится и к

гибридным исследованиям в психологии, которые связаны с тем, что группа, наблюдающая за своим поведением и фиксирующая его особенности, представляет собой исследователей, вовлеченных в исследовательский проект [Lukyanenko, 2020].

В отличие от «классических» исследований социологии науки, для пула *citizen science* на первый план выходит междисциплинарность и применение различного инструментария к изучению инициатив в рамках гражданской науки [Newman et. al., 2012]. Важным здесь выступает как конструирование знания (а в спектре гражданской науки речь идет также и о формулировании неявного знания (*tacit knowledge*)), так и изучение роли пространства и его влияния на деятельность развитие гражданской науки [Buytaert, 2014; Hecker, 2019].

Принятие чувственного знания, рассмотрения его как одного из компонентов общей структуры исследования мира, его феноменов и процессов, происходят с развитием гуманитарных наук. Именно в контексте этих наук, где исследованию повседневности индивидов, в том числе полевому, и важности возникающего в его рамках знания отводится особое место, осуществляется постепенный отход от необходимости рассматривать и иметь в виду исключительно структурированное знание естественников [Постовалова, 2017; Куреной, 2021; Венцель, 2021].

В настоящей статье рассмотрены перспективы и возможности развития гражданской науки на основе анализа современных публикаций на данную тему. Целью исследования является определение современного состояния развития и ключевые векторы любительских исследовательских инициатив на основе современных успешных практик реализации проектов гражданской науки.

Объекты и методы исследования

Эмпирическую базу настоящего исследования составили программы современных проектов гражданской науки и статьи по социологии и философии науки, социальной политики. В рамках работы было проанализировано 500 статей. Также были рассмотрены программы гражданской науки различных направлений, всего 100 программ. Основной метод анализа материала – контент-анализ, в рамках которого при изучении публикаций уделялось внимание исследованиям инициатив, развитию данного направления в тех или иных городах на современном этапе. В исследовании применялся неколичественный контент-анализ, в рамках которого в текстах фиксировались маркеры, согласно цели исследования, а именно современные успешные инициативы гражданской науки в России и в мире. Процедура неколичественного контент-анализа состоит из определения категорий анализа согласно целям исследования. Категории: *успешность реализации проекта гражданской науки и ее оценка; включенность проекта гражданской науки в профессиональную науку; роль волонтеров и волонтерского участия.*

Далее была выбрана соответствующая единица анализа текста. За единицу анализа была принята тема самого текста, которая соответствует выделенным категориям. На основании представленных категорий были рассмотрены их основные сходства и различия в текстах публикации и программы. Было осуществлено осевое кодирование, которое заключалось в выделении ключевых слов, словосочетаний в текстах, в рамках которых описывались особенности современного состояния и успешных практик гражданской науки.

Следующий этап – обобщение результатов контент-анализа в рамках настоящей публикации. Были выделены и обозначены ключевые особенности описания современных проектов гражданской науки, которые в статье сгруппированы в разделы в эмпирической части.

Результаты исследования и обсуждение

В настоящем исследовании гражданская наука рассматривается как участие добровольцев, не имеющих специального образования, в научно-исследовательских проектах, инициативах, а также просветительских и научно-популярных мероприятиях. Ключевой

формой активности в гражданской науке выступают сотрудничество между профессиональными учеными, волонтерами, исследователями-любителями, а также партнерские взаимодействия с заинтересованными группами населения [Skarlatidou, 2019; Газоян, 2020].

Успешность проектов гражданской науки

В рамках анализа публикаций по категории «успешность реализации проекта гражданской науки и ее оценка» выделяются темы использования новейших цифровых технологий и привлечения волонтеров, развития целенаправленных волонтерских отборов. Важным направлением успешности реализации инициатив гражданской науки выступает *использование технических средств и виртуальной реальности*. В данном случае существуют различные темы, определения успешности проекта. Виртуализация проекты гражданской науки могут быть полностью виртуальными (когда данные и результаты напрямую загружаются в интернет). Например, такие проекты, как SETI@home, или проекты, связанные с поиском решения, реализуемые через компьютерную игру. Исследователи, рассматривающие наиболее успешные программы гражданской науки, подчеркивают, цифровизация данного направления представляет интерес и может быть позитивно использована при реализации научных инициатив [Méndez, 2008].

Также следует отметить, что дополнительные возможности при реализации научных инициатив могут быть обеспечены благодаря наличию мобильного телефона, а также привлечению различных внешних устройств, которые позволяют проводить исследования и анализировать необходимый материал.

Другая тема в рамках оценки эффективности проектов гражданской науки заключается в привлечении добровольцев по улучшению качества городской среды. Например, жители ряда районов Барселоны, которые были недовольны рядом транспортных и строительных шумов, проводили постоянное наблюдение за этими шумами с использованием специальных приложений в смартфонах [Aparício, 2019]. Это позволило им проанализировать силу шумов. Рекомендации проекта были признаны городскими властями, и ситуация изменилась к лучшему. Как отмечают исследователи городского социального проекта в Барселоне, большое значение здесь имеет социальная сторона реализуемого проекта. Социальная заинтересованность в практических результатах выступает одним из ключевых критериев успешности проекта гражданской науки и определяет возможность привлечения волонтеров в инициативы гражданской науки [Capdevila, 2015].

Верификация результатов и включенность проектов гражданской науки в профессиональную науку

Процесс формирования гражданской науки сопровождался сменой настроений: от восторженности по поводу возможностей реализации инициатив и появления первых качественных открытий до рассмотрения важных вопросов валидации полученных данных и скепсиса, приведшего к замедлению темпов развития гражданской науки. Анализ публикаций и программ по категории «*включенность проектов гражданской науки в профессиональную науку*» позволил определить, что ключевыми выступают темы верификации данных гражданской науки и возможности их применения, а также темы, связанные с возможностью проведения исследований непрофессионалами. Отмечается, что для подтверждения достоверности данных, полученных в ходе проектов гражданской науки необходимы количественный анализ их точности, рассмотрение ошибок, которые были допущены в ходе рекрутинга добровольцев, а также во время проведения исследований, выполняемых ими [Wiggins et. al., 2016].

Важным критерием здесь выступает наличие специальных знаний или род деятельности, близкий по своей сути с научным проектом. Например, морские биологические исследования наилучшим образом подходят для моряков, водолазов или дайверов. Исследования

экосистем и биологического разнообразия, как отмечают исследователи, наилучшим образом реализуются охотниками и фермерами, иными группами лиц, имеющими доступ к необходимым ресурсам для реализации такого рода проектов. Важной в данном случае выступает и степень сложности проекта, необходимость подготовки и обучения волонтеров [Kragh, 2016; Rotman et. al., 2012]. Наиболее успешные инициативы гражданской науки были реализованы теми учеными, которые не требовали от добровольцев максимально продолжительной подготовки и постоянного обучения, так как эти требования способствовали тому, что волонтеры нередко отказывались от участия в проектах, аргументируя это постоянной потерей времени.

Важность рассмотрения, изучения специфики набора добровольцев и научной деятельности связана со множественными естественно-научными биологическими инициативами гражданской науки, такими как eBird и Zooniverse. С другой стороны, активное развитие гражданской науки, как отмечает другая группа исследователей, благодаря широкому распространению информационно-коммуникационных технологий сама становится мощным инструментом, влияние которого сказывается и на формах профессиональной исследовательской деятельности, и на принятии решений [King et. al., 2016; Naklay, 2013].

Как правило, проекты, реализуемые в сфере гражданской науки, как отмечают исследователи, ориентированы на долгосрочное сотрудничество [Land-Zandstra et. al., 2021; Guerrini, 2018]. Сочетания гражданской науки и научной коммуникации, создают еще одну альтернативу инициативам гражданской науки в виде краткосрочного проекта, максимальная продолжительность которого составляет 48 часов. Изначально такого рода проект в большей степени напоминает эксперимент и единоличную возможность [Aceves-Vueno et. al., 2017; Newman et. al., 2012]. Такой вид сверхкраткосрочного научного проекта позволяет добровольцам понять специфику вовлечения в научную деятельность и определить для себя необходимость участия в проекте.

Волонтеры и участие волонтеров в инициативах гражданской науки

Следующая категория – *роль волонтеров и волонтерского участия* – в первую связана с рассмотрением авторами социально значимых проектов, как основных для интеграции волонтеров. Здесь наиболее заметной выступает роль пространства, чаще всего города, для реализации задуманных инициатив. В обоих случаях развития гражданской науки выступает целая тактика точного понимания и прогнозирования участия добровольцев [Heiss et. al., 2017; Vonney, 2014]. Исследователи отмечают, что для успешности привлечения важны наборы тактик, например, создание наиболее удобного и понятного сайта или проектирование привлекательного интерфейса, которые облегчают доступ к информации и способствуют появлению исследовательского интереса. Рассматривая возможности участия волонтеров в инициативах гражданской науки, исследователи подчеркивают, что именно социально значимые проблемы ключевые для их реализации. Значимым выступают возможности исследовать что-либо, получить эстетическое и моральное наслаждение, увидеть результат решаемой проблемы [Bela et. al., 2016; Irwin, 2002].

В исследованиях гражданской науки 2000-х годов, рассматривающих возможности и новые направления, отмечается важность развития мотивационных характеристик участников добровольческих научных инициатив. Одним из трендов в разворачивании инициатив гражданской науки выступает привлечение новичков и поддержание их интереса к проектам через развитие научной журналистики и коммуникации, охватывающих сферы взаимодействия ученых профессионалов и волонтеров [Weiner et. al., 2022]. Как отмечают исследователи, подбор новичков для участия в таких проектах должен осуществляться через пиар в социальных сетях. Необходимо представлять исследовательскую инициативу как проект с «горячей тематикой», достойный реализации. При подборе добровольцев необходимо учитывать их любовь и эмоциональный интерес к наблюдению за морскими глубинами, звездами или птицами. Например, в таком естественно-научном проекте, как Galaxy Zoo,

высокую значымасць іграе созерцальная астраномія. Возможность заниматься исследованием, наблюдать за звездами, параллельно восхищаясь огромными масштабами Вселенной и отдельных галактик, служит прекрасной мотивацией к участию людей в такого рода проектах [Fortson et. al., 2012; Raddick et. al., 2019].

Другой важной темой в рамках данной категории выступает построение гражданской идентичности, которая основана на доверии и развитии. [Aristeidou et. al., 2020; Kasperowski et. al., 2019]. В рамках включения добровольцев в реализацию проектов гражданской науки отдельного внимания заслуживает пространство города как одного из ключевых полей развития инициатив научного волонтерства.

Говоря о включении гражданской науки в пространство города, можно выделить два вектора выстраивания отношений. Первый – взаимодействие между партнерами. Важным здесь выступает согласование интересов в рамках взаимодействия, наличие у каждого актора гражданской науки своих мотивов в развитии (например, это возможность повлиять на процессы, происходящие в городе, а также изменить решения властных институтов путем преобразования политического вектора через осуществление научных работ). Второй вектор – управленческое воздействие (гражданская наука, то есть исследования, проводимые на основе инициатив, предлагаемых «сверху»), просто выступает пространством для реализации идей и планов городской администрации) [Calabrese Barton, 2012; Robinson et. al., 2018; Naklay, 2017]. Для второго вектора, как правило, не нужно выстраивать доверие, создавать индивидуальные и прошедшие анализ инициативы развития, которые предлагаются в том числе самими гражданскими волонтерами науки. В таком случае город является площадкой, в рамках которой формируется многообразие жизненного мира и желание представителей научного добровольчества участвовать в реализации планов. С другой стороны, происходит объединение, появляется сопричастность к созданию общих идей и интересов, которые также позволяют инициативам гражданской науки развиваться в городских пространствах. Как отмечает ряд исследователей, здесь важна роль сопричастности к процессу гражданской науки, которая может быть реализована через проекты и самостоятельный выбор, направленные на изменения города, городского строительства.

Потенциал гражданской науки в контексте развития городов также состоит в том, что ее инициативы способны внести позитивный вклад в формирование социального благополучия в целом. Здесь особенно важно улучшение социального климата за счет изменения, трансформации мнения граждан о том или ином городском пространстве, его развитии через участие в проектах и различных инициативах.

Таким образом, в контексте развития городов происходит реализация различных проектов, глобальных и локальных инициатив гражданской науки, ее возможностей.

Заклучение

Изучение успешных современных практик гражданской науки было осуществлено с применением метода контент-анализа и разбиения на категории публикаций и программ, посвященных подобным инициативам. На основе анализа нами были обозначены современные успешные практики гражданской науки, которые включают в себя важность верификации и проверки достоверности получаемых данных, необходимость социально значимых проектов, которые интегрированы в городскую среду.

В рамках анализа публикаций и успешных практик гражданской науки нами были обозначены: роль городского пространства в формировании доверия к проектам «citizen science»; повышение значимости индивидуального участия добровольцев в таких инициативах и уровня понимания личного вклада каждого индивида в результативность при их организации.

Роль города, обозначаемая в научных работах в области гражданской науки, включает помимо исследовательской составляющей развитие доверия и участие населения в этих процессах. Ключевой вехой современного развития инициатив гражданской науки

выступает смещение в сторону индивидуализации гражданской науки и понимания важности социального менеджмента, который позволяет эффективно взаимодействовать с волонтерами, формировать диалог между всеми участниками данного процесса. На основании такой коммуникации происходит реализация проектов гражданской науки в городском пространстве.

Список литературы References

- Венцель Г.П. 2021. Дом науки: жизнь и времена тропических и полярных полевых станций. *Социология власти*, 33(3): 282–297. DOI 10.22394/2074-0492-2021-3-272-297.
- Vencel' G.P. 2021. Dom nauki: zhizn' i vremena tropicheskikh i polyarnykh polevykh stancij [House of Science: The life and Times of tropical and Polar field stations]. *Sociologiya vlasti*, 33(3): 282–297. DOI 10.22394/2074-0492-2021-3-272-297.
- Газоян А.Г. 2020. Гражданская наука как инструмент научной коммуникации: анализ российской практики. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 45(4): 810–817. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-4-810-817.
- Gazoyan A. G. 2020. Grazhdanskaya nauka kak instrument nauchnoj kommunikacii: analiz rossijskoj praktiki [Citizen Science as a tool of scientific communication: Analysis of Russian Practice]. *Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 45(4): 810–817. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-4-810-817.
- Куренной В. А. 2021. Лабораторная и полевая наука: онтология и эпистемология. *Социология власти*, 33(3): 8–51. DOI 10.22394/2074-0492-2021-3-8-51.
- Kurennoj V.A. 2021. Laboratornaya i polevaya nauka: ontologiya i epistemologiya [Laboratory and field science: Ontology and epistemology]. *Sociologiya vlasti*, 33(3): 8–51. DOI 10.22394/2074-0492-2021-3-8-51.
- Postovalova V. I. 2017. Puti i principy transferizacii znaniya v gumanitarnykh naukah [Ways and principles of transformation of knowledge in the humanities]. *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvedcheskih disciplin*, 7: 137–158.
- Постовалова В.И. 2017. Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 7: 137–158.
- Aceves-Bueno E. et al. 2017. The accuracy of citizen science data: a quantitative review. *Bulletin of the Ecological Society of America*, 98(4): 278–290.
- Aparicio Camín N. et al. 2019. Analysis of species richness in Barcelona beaches using a citizen science based approach.
- Aristeidou M., Herodotou C. 2020. Online citizen science: A systematic review of effects on learning and scientific literacy. *Citizen Science: Theory and Practice*, 5(1): 1–12.
- Bela G. et al. 2016. Learning and the transformative potential of citizen science. *Conservation Biology*, 30(5): 990–999. DOI 10.1111/cobi.12762.
- Bonney R. et al. 2014. Next steps for citizen science. *Science*, 343(6178): 1436–1437.
- Buytaert W. et al. 2014. Citizen science in hydrology and water resources: opportunities for knowledge generation, ecosystem service management, and sustainable development. *Frontiers in Earth Science*, 2: 26. DOI 10.3389/feart.2014.00026.
- Bylieva D. S., Lobatyuk V. V., Rubtsova A. V. 2021. Citizen Science: Concept, Problems and Prospects. *Социология науки и технологий*, 12(1): 49–70. DOI 10.24411/2079-0910-2021-11004.
- Calabrese Barton A. M. 2021. Citizen (s') Science. A Response to «The Future of Citizen Science». *Democracy and Education*, 20(2): 12.
- Capdevila I., Zarlenga M. I. 2015. Smart city or smart citizens? The Barcelona case. *Journal of strategy and management*, 8(3): 266–282.
- Catlin-Groves C. L. 2012. The citizen science landscape: from volunteers to citizen sensors and beyond. *International Journal of Zoology*, 2012: 1–14. DOI 10.1155/2012/349630.
- Fortson L. et al. 2012. Galaxy zoo. In: *Advances in machine learning and data mining for astronomy*. 213–236. DOI 10.1201/b11822.
- Guerrini C. J. et al. 2018. Citizen science, public policy. *Science*, 361 (6398): 134–136.

- Haklay M. 2013. Citizen science and volunteered geographic information: Overview and typology of participation. *Crowdsourcing geographic knowledge: Volunteered geographic information (VGI) in theory and practice*, 1(3): 105–122.
- Haklay M. M. 2017. Beyond quantification: A role for citizen science and community science in a smart city. In: *Data and the City*. Routledge: 213–224.
- Hecker S. et al. 2019. How does policy conceptualise citizen science? A qualitative content analysis of international policy documents. *Citizen Science: Theory and Practice*, 4(1): 32. DOI 10.5334/cstp.230.
- Heiss R., Matthes J. 2017. Citizen science in the social sciences: A call for more evidence. *GAIA-Ecological Perspectives for Science and Society*, 26(1): 22–26.
- Hidalgo-Ruz V., Thiel M. 2015. The contribution of citizen scientists to the monitoring of marine litter. *Marine anthropogenic litter*, 16: 429–447.
- Irwin A. 2002. *Citizen science: A study of people, expertise and sustainable development*. Routledge, 216 p.
- Irwin A. 2011. Citizen Science. *Opticon* 1826, 6(10): 1–6. DOI 10.5334/opt.101109.
- Jordan R. et al. 2015. Citizen science as a distinct field of inquiry. *BioScience*, 65 (2): 208–211.
- Kasperowski D., Kullenberg C. 2019. The many modes of citizen science. *Science & Technology Studies*, 32(2): 2–7.
- Katapally T. R. et al. 2018. The SMART study, a mobile health and citizen science methodological platform for active living surveillance, integrated knowledge translation, and policy interventions: longitudinal study. *JMIR Public Health and Surveillance*, 4(1): e8953. DOI 10.2196/publichealth.8953.
- King A. C. et al. 2016. Leveraging citizen science and information technology for population physical activity promotion. *Translational journal of the American college of sports medicine*, 1(4): 30–44. DOI 10.1249/TJX.0000000000000003.
- Kragh G. 2016. The motivations of volunteers in citizen science. *Environmental Scientist*, 25(2): 32–35.
- Land-Zandstra A., Agnello G., Gültekin Y. S. 2021. Participants in citizen science. In: *The science of citizen science*. Springer International Publishing: 243–259. DOI 10.1007/978-3-030-58278-4_13.
- Lukyanenko R., Wiggins A., Rosser H. K. 2020. Citizen science: An information quality research frontier. *Information Systems Frontiers*, 22: 961–983.
- Méndez B. J. H. 2008. SpaceScience@Home: Authentic research projects that use citizen scientists. *EPO and a Changing World: Creating Linkages and Expanding Partnerships*, 389: 219–226.
- Newman G. et al. 2012. The future of citizen science: emerging technologies and shifting paradigms. *Frontiers in Ecology and the Environment*, 10(6): 298–304.
- Raddick M. J., Prather E. E., Wallace C. S. 2019. Galaxy zoo: Science content knowledge of citizen scientists. *Public Understanding of Science*, 28(6): 636–651.
- Robinson L. D. et al. 2018. Ten principles of citizen science: Innovation in open science, society and policy. In: *Citizen science*. UCL Press: 27–40. DOI 10.2307/j.ctv550cf2.9.
- Rotman D. et al. 2012. Dynamic changes in motivation in collaborative citizen-science projects. *Proceedings of the ACM 2012 conference on computer supported cooperative work*, 217–226. DOI 10.1145/2145204.2145238.
- Sandahl A., Tøttrup A. P. 2020. Marine citizen science: recent developments and future recommendations. *Citizen Science: Theory and Practice*, 5(1): 24. DOI 10.5334/cstp.270.
- Skarlatidou A., Ponti M., Sprinks J., Nold C., Haklay M., Kanjo E. 2019. User experience of digital technologies in citizen science. *Journal of Science Communication*, 1: 1–8. DOI: <https://doi.org/10.22323/2.18010501>.
- Van Vliet K., Moore C. 2016. Citizen science initiatives: engaging the public and demystifying science. *Journal of microbiology & biology education*, 17(1): 13–16.
- Vohland K. et al. 2021. *The science of citizen science*. Springer Nature, 529 p. DOI 10.1007/978-3-030-58278-4.
- Weiner D. et al. 2022. The Role of Volunteers and Citizen Scientists in Addressing Declining Water Quality in Irish River Catchments. *Citizen Science: Theory and Practice*, 7(1): 1–12. DOI 10.5334/cstp.447.
- Wiggins A., He Y. 2016. Community-based Data Validation Practices in Citizen Science. Conference: the 19th ACM Conference. DOI 10.1145/2818048.2820063.
- Zettler E. R. et al. 2017. Incorporating citizen science to study plastics in the environment. *Analytical Methods*, 9 (9): 1392–1403.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.02.2023
Поступила после рецензирования 04.05.2023
Принята к публикации 10.05.2023

Received February 20, 2023
Revised May 04, 2023
Accepted May 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рассолова Елена Николаевна, младший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Галкин Константин Александрович, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena N. Rassolova, junior researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Konstantin A. Galkin, senior researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

УДК 316. 776
DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-264-276

Восприятие бедности и неравенства в российском массовом сознании: женский взгляд

¹ Юдина Т.Н., ² Бормотова Т.М.

¹ Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Россия, г. Москва, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1;

² Российский государственный социальный университет,
Россия, Москва, 129226, ул. Вильгельма Пика, 4 строение 1;

² Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1
E-mail: ioudinatn@mail.ru; tbormotova.68@mail.ru

Аннотация. Бедность и неравенство женщин в российском обществе влекут за собой высокие риски социальной напряженности, так как именно женщины наиболее ярко воспроизводят социальные настроения общества. При этом в отечественной научной литературе практически не представлены публикации о восприятии бедности и неравенства женщинами. В связи с этим авторами поставлена цель оценить восприятие женщинами бедности и различных типов неравенств в современном российском обществе, в том числе: какие неравенства воспринимаются женщинами как справедливые и несправедливые; как россиянки понимают, что такое справедливое общество и насколько современное российское общество отвечает их представлениям о справедливости. Эмпирической базой исследования стали результаты онлайн-анкетирования по авторской методике женщин из 85 субъектов Российской Федерации с ежемесячным доходом на одного члена семьи от 11 до 50 тысяч рублей. На основе субъективной оценки восприятия женщинами бедности и неравенств в современном российском обществе выявлены следующие тенденции: ощущение перманентной бедности большинством женщин на протяжении всего жизненного цикла; восприятие ими реального материального неравенства; ориентация на государственное регулирование в распределении материальных благ и равной доступности социальных услуг. Полученные результаты стали важными индикаторами источников социальной напряженности и регулирования государственных программ по снижению уровня бедности с учетом гендерного подхода.

Ключевые слова: бедность, абсолютная бедность, относительная бедность, субъективная бедность, неравенство

Для цитирования: Юдина Т.Н., Бормотова Т.М. 2023. Восприятие бедности и неравенства в российском массовом сознании: женский взгляд. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 264–276. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-264-276

Perception of Poverty and Inequality in the Russian Mass Consciousness: A Woman's View

¹ Tatyana N. Yudina, ² Tatiana M. Bormotova

¹ Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences,
6 Fotieva St, room 1, Moscow 119333, Russian Federation;

² Russian State Social University,
4 Wilhelm Peak St, building 1, Moscow 129226, Russian Federation;

² All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
25 Povarskaya St, p. 1, Moscow 121069, Russian Federation
E-mail: ioudinatn@mail.ru; tbormotova.68@mail.ru

Abstract. Reducing the level of poverty and inequality in Russian society is a priority. Despite the reduction in poverty over the past ten years and the active social policy pursued, there is no steady reduction

in poverty. There is a feminization of poverty in Russia. Poverty and inequality of women in Russian society entail high risks of social tension, since it is women who most vividly reproduce the social mood of society. At the same time, there are practically no publications in the Russian scientific literature on the perception of poverty and inequality by women. In this regard, the authors set a goal to assess women's perception of poverty and various types of inequalities in modern Russian society, including: what inequalities are perceived by women as fair and unfair; how Russians understand what a fair society is and how modern Russian society meets their ideas of justice. The empirical basis of the study was the results of an online survey using a specially developed author's methodology of women from 85 subjects of the Russian Federation with a monthly income per family member from 11 to 50 thousand rubles. Based on the subjective assessment of women's perception of poverty and inequalities in modern Russian society, the following trends have been identified: the feeling of permanent poverty by the majority of women throughout their life cycle; their perception of real material inequality; orientation to state regulation in the distribution of material goods and equal accessibility of social services. The results obtained have become important indicators for understanding the sources of social tension and regulating government programs to reduce poverty with a gender approach.

Keywords: poverty, absolute poverty, relative poverty, subjective poverty, inequality

For citation: Yudina T.N., Bormotova T.M. 2023. Perception of Poverty and Inequality in the Russian Mass Consciousness: A Woman's View. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 264–276 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-264-276

Введение

Бедность и неравенство в современном обществе, в том числе и российском, не перестают быть острыми проблемами. Снижение уровня бедности как стратегическая задача социальной политики неоднократно отражено в официальных документах, определяющих перспективы развития страны¹. Национальная цель снижения бедности в 2 раза к 2030 году по сравнению с показателем 2017 года заявлена и в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»² [Указ..., 2020]. То есть к 2030 году за чертой бедности должно находиться не более 6,5 % населения страны.

Несмотря на проведение весьма активной государственной социальной политики в последние годы, доля бедных, то есть тех, кто имеют доходы ниже прожиточного минимума, снижается очень медленно. По итогам 2019 года за чертой бедности в России находилось 12,3 % населения, в 2020 году этот показатель составил 12,1 %, в 2021 году –

¹ Приказ Минтруда России № 627 от 18 сентября 2019 г. «О внесении изменения в порядок реализации в субъектах Российской Федерации пилотных проектов, направленных на достижение до 2024 года национальных целей социально-экономического развития по повышению реальных доходов граждан, снижению уровня бедности в два раза, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 748» <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1376> (дата обращения: 20.06.2023); Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Указ Президента РФ. 02.07.2021. № 400 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 20.06.2023); Единый план по достижению национальных целей развития российской федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. Правительство Российской Федерации. 01 октября 2021 г. URL: <https://media.rsp.ru/document/1/7/2/72845cc9e30687897e061a9727189986.pdf> (дата обращения: 20.06.2023); Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов" (утв. Минфином России). 2022. URL: <https://bftcom.com/newspictures/2023-2025.pdf> (дата обращения: 20.06.2023); Прогноз социально-экономического развития РФ на период до 2036. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/dokumenty_strategicheskogo;

² Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://rg.ru/documents/2020/07/22/ukaz-dok.html> (дата обращения: 15.12.2022);

11,0 %¹, в 2022 году – 10,5 %². Однако по данным Росстата за первый квартал 2023 года за чертой бедности находятся 13,5% жителей страны³.

Государство устанавливает порог бедности на таком уровне, где оно может гарантировать гражданам социальную защиту. Порог бедности в 1991 году составлял 626 руб. на чел. в месяц, в 2000 г. – 1210, в 2005 г. – 3018, в 2009 г. – 5153, в 2020 г. (4-й квартал) – 11329; 2021 г. – 11653; 2022 г. – с 1 июня 13919⁴. С 1 января 2023 г. прожиточный минимум составляет 14 375 рубля⁵. Не надо забывать и о такой категории населения – околороботных, которые в случае потери работы или рождения еще одного ребенка сразу же попадают в категорию бедных. По оценкам экспертов эта данная категория составляет 13–14 %⁶.

С проблемой бедности населения тесно связано неравенство. Социальное неравенство, по сути, определяет дифференциацию неравных возможностей доступа индивидов, социально-демографических групп к социально-экономическим благам и ресурсам [Шилкина, 2019]. Сегодня исследователи стали говорить о проблеме избыточных социальных неравенств в российском обществе [Бедность..., 2013], так как Россия занимает лидирующее место в мире по имущественному неравенству. По данным Росстата, на долю 10 % самых обеспеченных россиян приходится 30 % денежных доходов населения, а 10 % беднейших слоев населения имеют только 2 % общих доходов⁷. А совокупные доходы 10 % наиболее богатого населения сегодня больше доходов всех остальных 90 % граждан в 4,3 раза⁸. По данным ВЦИОМ, 69 % россиян считают, что различия в доходах между бедными и богатыми в нашей стране слишком велики. Причем «бедные получают – неоправданно мало, а богатые – неоправданно много»⁹. По данным исследований Института социологии РАН, подавляющее большинство респондентов, независимо от уровня их доходов, не только фиксируют болезненные неравенства в российском обществе, но и считают себя пострадавшими от него [Бедность..., 2013].

Критическое состояние неравенства в России напрямую связано с социальным напряжением, так как под угрозу невозможности удовлетворения попадают первичные потребности людей, бытовые вопросы и пр. Кроме этого, неравенство провоцирует рост преступности, особенно в части преступлений в отношении собственности граждан [Кузнецов,

¹ Росстат. О значении границ бедности и численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в IV квартале 2022 года в целом по Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/36_10-03-2023.html (дата обращения: 20.06.2023).

² Росстат. О значении границ бедности и численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в IV квартале 2022 года в целом по Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/36_10-03-2023.html (дата обращения: 20.06.2023).

³ Росстат сообщил о снижении уровня бедности в России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/06/2023/6480ddf9a79470b1a9f19f0> (дата обращения: 20.06.2023).

⁴ Росстат. Величина прожиточного минимума с 2000–2020 годы (в среднем на душу населения; рублей в месяц). Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации. (рублей в месяц). Величина прожиточного минимума на 2021 год (на 2021 год, рублей в месяц) (рублей в месяц). URL: <https://rosstat.gov.ru/vpm> (дата обращения: 20.12.2022).

⁵ Росстат. Величина прожиточного минимума (ВПМ), установленная на 2023 год (рублей в месяц). URL: <https://rosstat.gov.ru/vpm> (дата обращения: 11.01.2022).

⁶ Чебакова М. «Мы – бедная страна»: Наталья Зубаревич о том, почему бедность в России победить нельзя. 21.12.2022. ПРУФЫ. Свободная медиаплатформа. URL: https://prufy.ru/news/society/132612-my_bednaya_strana_natalya_zubarevich_o_tom_pochemu_bednost_v_rossii_pobedit_nelzya/ (дата обращения: 20.11.2022).

⁷ Миллиардеры в России. Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. 27.05.2022. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁸ Кузнецов Н. Экспертиза. Богатые и бедные: новые риски, генерируемые неравенством. ВЦИОМ. 1.07.2022. URL: <https://wciom.ru/expertise/bogatye-i-bednye-novye-riski-generiruemye-neravenstvom> (дата обращения: 11.01.2022).

⁹ ВЦИОМ. Неравенство доходов: мониторинг. 21.06.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-views/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring> (дата обращения: 11.01.2022).

2022] ¹. Из-за концентрации богатств в руках небольшой группы населения эксперты стали отмечать и рост социального напряжения [Осеев, 2014; Гафурова, 2021] ². Кроме того, проявляется протестная активность, которая в текущей ситуации может иметь самые негативные последствия [Юдина и др., 2020]. На наш взгляд, избыточные социальные неравенства представляют собой даже более опасное по своим последствиям для общества явление, нежели бедность как таковая.

В современной науке представлен широкий пласт сравнительных исследований по проблемам бедности и социального неравенства, так как динамика общественных процессов требует постоянного исследования различных характеристик бедности и неравенства. В литературе представлены различные аспекты изучения проблем бедности. Несмотря на это, единственного и общепринятого определения бедности в науке не существует. На настоящий момент есть достаточно широкий спектр подходов к ее определению и измерению.

Первой, наиболее традиционной методикой оценки бедности, является определение объективной бедности (абсолютной и относительной). В основе официально принятого в России метода измерения бедности лежит абсолютная бедность. Установленный прожиточный минимум справедливо критикуется за то, что является скорее минимумом физиологического выживания, а не длительного существования [Ниворожкина, Овчарова, 2006]. Удар по базовым человеческим потребностям – питанию и защите, вызывают тревожность у населения, которая наблюдается в настоящее время. В 2022 году у 28,9 млн или 19,9 % россиян расходы на продукты, прочие товары и услуги были меньше средней за год границы бедности [Академик..., 2022].

Второй методикой оценки бедности является относительная бедность. Третья методика – методика субъективного измерения бедности предполагает установление количественной меры бедности на основе субъективного мнения населения относительно суммы минимального дохода или оценки достигнутого уровня благосостояния. Гордон Л.А. [Гордон, 1994] и Беляева Л.А. [Беляева, 2006] определяют субъективную бедность как состояние, в котором находятся группы населения, субъективно считающие себя бедными, независимо от абсолютной величины их доходов и потребления. Как правило, субъективный уровень бедности превышает официальный, что способствует нарастанию социальной напряженности [Батракова, 2011; Ниворожкина, Овчарова, 2006]. Так же установлено, что именно восприятие о неравенстве, а не фактически сложившаяся дифференциация, часто являются факторами формирования запроса на политику выравнивания, определяют «общественные оценки «нормального (справедливого)» и «избыточного (несправедливого)» неравенства» [Фролова, 2022]. При этом представления о бедности и неравенстве, их причинах и последствиях могут значительно различаться в отдельных социальных группах, в том числе в группе мужчины/женщины.

Сегодня остро встал вопрос о феминизации бедности в России. Феминизация бедности формируется за счет гендерного разрыва в заработной плате наемных работников на российском рынке труда, за счет обеднения материнских семей, вследствие повышенного риска бедности для одиноко проживающих женщин старших пенсионных возрастов, в силу сложившихся традиций, что именно женщины принимают на себя обычно уход за стариками и больными членами домохозяйства, воспитание детей, в том числе и после развода и т.д. [Лежнина, 2014]. С точки зрения среднедушевых доходов, женщины находятся в относительно худшем положении, чем мужчины. При этом увеличение риска бедности «по доходам» для женщин по сравнению с мужчинами произошло именно в последние годы. Ген-

¹ Кузнецов Н. Экспертиза. Богатые и бедные: новые риски, генерируемые неравенством. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/expertise/bogatye-i-bednye-novye-riski-generiruemye-neravenstvom> (дата обращения: 11.01.2022).

² Гафурова М. Ученые ВШЭ назвали источники социального напряжения в России. 22.10.2021 URL: <https://ura.news/news/1052512496> (дата обращения: 20.06.2023).

дерный разрыв в заработной плате наемных работников на российском рынке труда варьируется в диапазоне от 5,3 до 69,9 % со средним значением 37,3 %. [Рощин, Емелина, 2022]. Стали даже говорить, что у российской бедности «по доходам» «женское лицо» [Денисова, Карцева, 2020; Иванова, Сейбиль, 2021]. Как показывает социальная практика, желание многих российских женщин идти в ногу со временем провоцирует на бездумные дорогостоящие траты. Отчетливо выраженное стремление быть «как все» и неготовность принять на себе роль живущей за «чертой бедности» все больше подталкивают российских женщин к демонстративному потреблению. Причем специалисты фиксируют непомерно возросшую за последнее время долговую нагрузку у женщин, в том числе за счет банковских кредитов. Рискованное кредитное поведение российских женщин позволяет прогнозировать дальнейшее ухудшения их положения [Бедность..., 2013].

В современных условиях, когда феномен бедности и неравенства приобретает новые качественные составляющие, субъективный подход к измерению бедности и неравенства позволяет учитывать остроту проблемы бедности и неравенства, воспринимаемую респондентами-женщинами; их субъективное мнение об уровне собственного благосостояния и тиражируемых в обществе представлениях и социальных нормах. А глубина и профиль субъективной бедности и неравенства становятся важными индикаторами для понимания источников социальной напряженности и регулирования государственных программ для бедных [Прокофьева и др., 2014; Красильникова, 2020].

Несмотря на большое количество источников по проблемам бедности и неравенства, отдельные их аспекты требуют дополнительного изучения. В частности, в литературе крайне редко встречаются комплексные исследования восприятия бедности и неравенства в гендерном аспекте.

Целью данного исследования является оценка восприятия женщинами бедности и различных типов неравенств в современном российском обществе. Мы планируем выяснить, какие неравенства воспринимаются ими как справедливые и несправедливые, каким вообще россиянки видят справедливое общество и насколько современное российское общество отвечает их представлениями о справедливости.

Объекты и методы исследования

Сбор первичной социологической информации в настоящем исследовании осуществлялся методом онлайн-анкетирования по специально разработанной авторской методике. В опросе, проведенном в 2022 году ¹, приняли участие более 1 000 женщин из 85 регионов Российской Федерации. В соответствии с задачами исследования, в процессе анкетирования моделировалась специальная целевая выборка респондентов из жителей крупных и средних городов России, женщин трудоспособного возраста (25–55 лет) с высшим и средне-специальным образованием, имеющих детей, работающих в бюджетных, общественных, некоммерческих и коммерческих организациях наемными работниками, с ежемесячным доходом на одного члена семьи в интервале от 11 до 50 тысяч рублей. В результате для количественного анализа была сформирована выборка численностью в 950 единиц наблюдения. Данный объем выборки позволил нам проводить описательный анализ рассматриваемых показателей на статистически значимом уровне.

Результаты исследования и обсуждение

Результаты исследования показали, что, давая субъективную оценку своему материальному положению, большинство женщин (70,0 %) причисляют себя к категории населения, которому денег хватает «только на продукты и одежду» или «денег не хватает даже на

¹ Исследование по проблемам социального неравенства и бедности населения РФ (опрос анонимный) проведено Российским государственным университетом (РГСУ) с участием авторов в 2022 г. по заказу Общественной палаты РФ.

продукты». Примечательно, что такие же ощущения испытывают и 48% респонденток из группы с доходом от 26 до 50 тысяч рублей в месяц на члена семьи (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Соотношение уровня дохода с оценкой материального положения
(в % от числа опрошенных по группам уровня дохода)
The ratio of the income level to the assessment of the financial situation
(in % of the number of respondents by income level groups)

Характеристики, в большей степени соответствующие материальному положению семьи	Уровень дохода в месяц на одного члена семьи		
	11–25 тыс. руб.	26–50 тыс. руб.	В целом по всей выборке
Денег не хватает даже на продукты	33,0	4,0	18,5
Денег хватает только на продукты и одежду	59,0	44,0	51,5
Без труда можем купить холодильник, телевизор, мебель	8,0	31,0	19,5
Можем без труда купить автомобиль, но на квартиру, дачу денег нет	0,0	14,0	7,0
Можем позволить себе купить практически все	0,0	7,0	3,5

Более того, 55 % опрошенных считают, что за последние пять лет материальное положение их семей не улучшилось, а 67 % не считают возможным улучшить свое материальное положение без государственной помощи, из них каждый третий полагает, что это абсолютно недостижимо. В данном факте мы отнюдь не склонны видеть иллюстрацию либеральной трактовки так называемой патерналистской модели мышления граждан, когда в случае каких-либо жизненных трудностей занятому населению России приписывается инфантильное обращение за помощью к государству вместо активизации личного потенциала и ресурсов. Напротив, на наш взгляд, здесь в большей мере отражается объективная ситуация в экономическом и социальном развитии нашего общества, в которой власть на протяжении многих лет не в состоянии реализовать декларируемые принципы «социального государства». Данные социологических мониторингов свидетельствуют, что, по мнению более чем половины опрошиваемых россиян (58 %), «государство не выполняет свои обязанности перед обществом по обеспечению достойной жизни и всестороннего развития граждан»¹.

Подавляющее большинство опрошенных авторами статьи женщин отмечали, что, ведя домашнее хозяйство, они вынуждены ограничивать себя в чем-то, приобретать более дешевые товары и услуги. В большей мере это касается отпуска (96 %), развлечений (94 %) одежды и обуви (89 %), в меньшей – приобретения лекарств (74 %) и продуктов питания (74 %).

Анализируя динамику ощущения бедности, можно видеть, что оно перманентно сопровождает значительную часть мало и средне материально обеспеченных наших соотечественниц на протяжении всего жизненного цикла: от детства до настоящего времени, усугубляясь ситуативными объективными и личностными проблемами (табл. 2).

¹ Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Гребняк О.В., Новоженина О.П. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, сентябрь-октябрь 2020 года. Москва 2020.

Таблица 2
 Table 2

Ощущение бедности опрошенными в течение своей жизни
 (в % от опрошенных относительно конкретной жизненной ситуации)
 Respondents' feeling of poverty during their lifetime
 (in % of respondents regarding a specific life situation)

Периоды жизни	Ощущение бедности	
	Доля опрошенных (%)	Индекс*
В детстве (юношестве)	55	-0,1
Когда училась в вузе, техникуме/колледже	61	-0,25
В первые годы самостоятельной жизни (работы)	61	-0,25
Когда в моей семье появились дети	71	-0,32
Когда вышла на пенсию	47	0,06
Ощущение бедности не покидает на протяжении всей жизни	66	-0,32
В настоящее время	73	-0,46
В периоды экономических кризисов в стране	83	-0,64
Когда в семье случилось несчастье	65	-0,28
Когда распалась семья	46	0,08

Примечание: * Индекс «социального ощущения бедности» рассчитывается как разность положительных и отрицательных ответов респондентов относительно ощущения ими бедности, соотнесенная с общим числом опрошенных. Индекс варьирует от «-1» – абсолютное ощущение бедности, до «+1» – полное отсутствие ощущения бедности.

Кроме того, в представлениях о том, при каком уровне дохода на одного члена семьи ее можно назвать бедной, наблюдается пропорциональная зависимость от настоящих доходов респондентов. Чем меньше реальный доход, тем меньшую сумму для «отнесения к классу бедных» указывают опрошенные, и наоборот (табл. 3).

Среди основных причин бедности опрошенные женщины выделяют низкий уровень заработной платы (86 %), отсутствие благоприятных условий, обеспечивающихся социальной политикой для воплощения способностей и организации достойной жизни (46 %), отсутствие возможностей трудоустройства (46 %). Популярность ответов, связанных с социальной политикой и конкретными действиями или бездействиями государства, которые, по мнению респондентов, продуцируют бедность граждан в нашей стране, подтверждает, что в глазах данной социальной группы россиянок государство является субъектом, ответственность которого за решение проблемы бедности в обществе определяется как первостепенная.

В дополнение считаем важным подчеркнуть, что субъективно риск возникновения бедности большинство опрошенных связывают с потерей источника дохода – потерей работы (63 %) и со снижением уровня заработной платы (56 %).

Исходя из полученных данных, осмелимся предположить, что «ощущение бедности» – это результат переживания россиянами внутреннего кризиса, объединяющего в себе как неудовлетворенность реальным материальным положением, невозможность удовлетворить

свои жизненные потребности, так и невозможность избавиться от пессимистического умонастроения: «сколько не работай, а материального благополучия не добьешься» (43 %), «людям у власти нет никакого дела до простых людей (58 %)»¹. По мнению подавляющего большинства опрошенных женщин, блага в нашей стране на сегодняшний день распределяются несправедливо (60 %). Очевидно, эти умонастроения являются следствием дистрибуции. Чем выше уровень бедности, тем менее справедливым представляется данное распределение и тем менее справедливым будет казаться общество.

Таблица 3
Table 3

Соотношение представлений опрошенных о бедности (уровень дохода на одного члена семьи) и среднего уровня дохода на одного члена семьи в настоящее время (в % от числа опрошенных по группам дохода)

The ratio of respondents' perceptions of poverty (income level per family member) and the average income level per family member at the present time (in % of the number of respondents by income group)

Уровень дохода в месяц на одного члена семьи	Ежемесячный доход на члена семьи, в соответствии с которым семью можно назвать бедной		
	Менее 15 тыс. руб.	Менее 25 тыс. руб.	Менее 35 тыс. руб.
Менее 10 тыс. руб.	64,0	28,0	8,0
11–25 тыс. руб.	39,0	41,0	20,0
26–50 тыс. руб.	26,0	35,0	39,0
В целом по всей выборке	43,0	35,0	33,0

Основными причинами несправедливого распределения благ, по мнению опрошенных женщин, выступают незаслуженно высокие (80 %) и нелегальные (56 %) доходы некоторых групп населения, а также неравный доступ граждан к образованию, здравоохранению, социальному обеспечению, высокооплачиваемой работе, другим общественным благам (50 %). Косвенным указанием на низкий уровень справедливости в обществе по мнению женщин является необеспеченность государством возможности реализации гражданами их основных прав. Главными уязвимыми показателями они называют достойную заработную плату, жилье и услуги здравоохранения.

Анализируя данные, приведенные в табл.4, можно сделать вывод, что социальные ожидания в оценке женщинами справедливой реализации основополагающих прав граждан, находятся в зоне «неуверенного социального оптимизма». Более половины опрошенных не надеются на равные возможности в обеспечении своих прав в обозримом будущем, примерно четверть полагают, что это невозможно в принципе. Можно утверждать, что запрос на социальную справедливость остается острым [Юдина, 2018].

Представляется интересным в этой связи соотношение оценок ожидания снижения неравенства и повышения социальной справедливости в обществе. Уменьшение экономического неравенства между бедными и богатыми, увеличение уровня справедливости и степени ответственности власти перед обществом коррелируют между собой и оцениваются в обозримом будущем как маловероятные (табл. 5).

¹ Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Гребняк О.В., Новоженина О.П. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, сентябрь-октябрь 2020 года. Москва 2020.С. 13, 23.

Таблица 4
Table 4

Оценка респондентами возможности обеспечения государственными институтами равенства граждан в реализации их прав (в % от общего числа опрошенных и в индексах)
 Respondents' assessment of the possibility of ensuring equality of citizens by state institutions in the exercise of their rights (in % of the total number of respondents and in indices)

Социальные права	Возможно в ближайшие 3-5 лет	Возможно в перспективе	Невозможно в принципе	ИСО*
Равное право на жилье	13	33	44	-0,14
Равенство перед судом и законом	15	39	32	0,02
Равное право на благоприятную окружающую среду	15	44	28	0,09
Свободу мысли и слова	21	33	28	0,1
Равное право на охрану здоровья и медицинскую помощь	21	45	25	0,19
Равное право на социальное обеспечение и пенсию	23	40	26	0,17
Равное право на бесплатное образование	23	43	24	0,21
Равное право на отдых	25	36	26	0,3
Равное право на выбор профессии	36	36	13	0,4
Равное право на получение информации	38	29	19	0,33
Равное право на защиту материнства и детства	40	37	10	0,5
В среднем	25,0	38,0	25,0	0,22

Примечание: * ИСО – индекс социального оптимизма рассчитан как разность оценок опрошенными возможности и невозможности обеспечения государственными институтами равенства реализации гражданами своих прав, соотнесенной с общим количеством опрошенных. Принимает значения от «-1» – невозможно в принципе (абсолютный пессимизм), до «+1» – абсолютный оптимизм.

Таблица 5
Table 5

Оценка возможности повышения уровня справедливости в современной России (%)
 Assessment of the possibility of increasing the level of justice in modern Russia (%)

Социальные ожидания	Возможность повышения уровня справедливости			
	Возможно, в ближайшие 3-5 лет	Возможно, в долгосрочной перспективе	Невозможно в принципе	Индекс оптимизма
Уменьшить экономическое неравенство между бедными и богатыми	12,0	33,0	48,0	-0,2
Сделать общество более справедливым	12,0	42,0	37,0	-0,04
Сделать власть более ответственной перед обществом	18,0	36,0	37,0	-0,01

Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует об адекватном отражении массовым сознанием глубоких противоречий в обустройстве российского социума с некоторой надеждой на активизацию роли государства в их устранении.

Наиболее эффективными мерами для снижения уровня неравенства в обществе, по мнению опрошенных женщин, могли бы стать развитие государственной системы образования и здравоохранения, введение налога на богатство, а также введение дифференцированного подоходного налога. Приведенные данные в очередной раз подтверждают, что неравенство тесно связывается с дистрибуцией социально-экономических благ [Воейков, 2017; Гончарова, 2019; Тертерян, Качалов, 2019], а высказанные пожелания являются индикаторами надежды на принятие мер государством для снижения уровня неравенства в обществе и, как следствие, повышению справедливости.

Заключение

Таким образом, проведенная оценка восприятия женщинами бедности и различных типов неравенств в современном российском обществе, на наш взгляд, дает основание обозначить три основные тенденции: ощущение перманентной бедности большинством женщин на протяжении всего жизненного цикла, восприятие ими реального материального неравенства и ориентацию на государственное регулирование в распределении материальных благ и доступности социальных услуг. Несмотря на формальную принадлежность опрошенных женщин по показателю абсолютной бедности к представителям так называемого среднего класса, в своем большинстве женщины идентифицируют себя с бедными слоями населения, декларируя, что их доходов хватает лишь на удовлетворение самых насущных потребностей.

Результаты опроса показали, что основными причинами бедности, по мнению женщин, являются низкий уровень заработной платы, отсутствие благоприятных условий, обеспечивающихся социальной политикой для воплощения способностей и достойного трудоустройства, а также с возможностью потери источника дохода. Основными причинами социального неравенства, по мнению опрошенных женщин, выступают незаслуженно высокие и нелегальные доходы некоторых групп населения, неравный доступ граждан к образованию, здравоохранению, социальному обеспечению, высокооплачиваемой работе, другим общественным благам.

Наблюдается зависимость оценок уровня бедности, неравенства и социальной справедливости. Чем выше оценка уровня бедности, тем значительнее ими воспринимается неравенство и тем ниже женщинами оценивается уровень справедливости в распределении благ. Незаслуженно высокие доходы имеют представители так называемых социальных групп обслуживания, не производящих материальные ценности. На наш взгляд, в этом видится определенная нестабильность функционирования некоторых системных структур государства, что, очевидно, может стать источником рисков по дальнейшему развитию общества.

В представлениях россиянок государство должно повысить свою роль в управлении социально-экономическими процессами, в частности, редистрибуции благ. В этом нам видятся не столько патерналистские настроения в обществе, сколько неверие людей в то, что государство в настоящее время делает все возможное для того, чтобы каждый гражданин мог улучшать свое материальное положение и получать равный доступ к оказываемым государством социальным услугам высокого качества.

Список литературы

- Беляева Л.А. 2006. Социальная стратификация и бедность в регионах России. *Социологические исследования*, 9: 52–62.
- Воейков М.И., Анисимова Г.В. 2017. Социально-экономическое неравенство: российские тенденции. *Россия и современный мир*, 1(94): 46–61.

- Гончарова К.С. 2019. Социально-экономическая политика, направленная на снижение экономического неравенства населения (на примере субъектов ЦФО). В кн.: Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе : сборник статей X Уральского демографического форума. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 1: 107–117.
- Гордон Л.А. 1994. Четыре рода бедности в современной России. *Социологический журнал*, 4: 18–36.
- Денисова И.А., Карцева М.А. 2020. Гендерные аспекты бедности в России: абсолютный и многокритериальный подход. *Женщина в российском обществе*, 2: 138–154. DOI 10.21064/WinRS.2020.2.12.
- Иванова Е., Сейбиль Н. 2019. У бедности – женское лицо: кто в России «не хочет» работать. Новые известия. 19.05.2021. URL: <https://newizv.ru/news/2021-05-19/u-bednosti-zhenskoe-litso-kto-v-gossii-ne-hochet-rabotat-333011> (дата обращения: 11.01.2022).
- Красильникова М. 2000. Субъективные оценки уровня бедности в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6(50): 40–45.
- Лежнина Ю.П. 2014. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации. *Социологические исследования*, 1: 20–28.
- Ниворожкина Л.И., Овчарова Л.Н. 2006. Субъективная оценка бедности: так ли она субъективна? Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. *Общественные науки*, 1: 56–62.
- Осеев А.А. 2014. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в российском обществе. *Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и Политология*, 2: 68–73.
- Прокофьева Л.М., Корчагина И.И., Попова Р.И., Белокрылова О.С., Филоненко Ю.В., Фурса Е.В. 2014. Бедность и социальная исключенность глазами разных групп населения. *Народонаселение*, 4: 61–81.
- Рошин С.Ю., Емелина Н.К. 2022. Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 26(2): 213–239.
- Тертерян А.С., Качалов Р.М. 2019. Формальные условия становления политики «справедливого неравенства». В кн.: Теория и практика институциональных преобразований в России. М., ЦЭМИ РАН, 46: 100–106.
- Фролова Е.А., Маланина В.А., Клемашева Е.И., Кашапова Э.Р. 2022. Представления о неравенстве и перераспределении: межстрановой сравнительный анализ. *Terra Economicus*, 20(1): 81–101. DOI 10.18522/2073-6606-2022-20-1-81-101.
- Шилкина И.С. 2019. Социальное неравенство и бедность в России в свете глобальных трансформаций: обзор. В кн.: РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. проблем. М. (Социал. и эконом. аспекты глобализации), 50 с.
- Юдина Т.Н. 2018. Социальная справедливость как общественный запрос российского общества. В кн.: Стратегии будущего в меняющемся мире: вопросы, ответы и ответственность. материалы XXIII Социологических чтений РГСУ: сборник, Москва, 05 апреля 2018 года. М.: Российский государственный социальный университет, 51–59.
- Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бормотова Т.М., Жуков П.С. 2020. Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 1: 139–151. DOI 10.17072/2078-7898/2020-1-139-151.

References

- Beljaeva L.A. 2006. Social'naja stratifikacija i bednost' v regionah Rossii. [Social stratification and poverty in the regions of Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 9: 52–62. (In Russian).
- Voejkov M.I., Anisimova G.V. 2017. Social'no-jekonomicheskoe neravenstvo: rossijskie tendencii. [Socio-economic inequality: Russian trends]. *Rossija i sovremennyj mir*, 1(94): 46–61. (In Russian).
- Goncharova K.S. 2019. Social'no-jekonomicheskaja politika, napravlenaja na snizhenie jekonomicheskogo neravenstva naselenija (na primere sub#ektov CFO). [Socio-economic policy aimed at reducing the economic inequality of the population (on the example of the subjects of the Central Federal District)]. *Institut jekonomiki UrO RAN*, (I): 107–117.
- Gordon L.A. 1994. Chetyre roda bednosti v sovremennoj Rossii. [Four kinds of poverty in modern Russia]. *Sociologicheskij zhurnal*, (4):18–36. (In Russian).

- Denisova I.A., Karceva M.A. 2020. Gendernye aspekty bednosti v Rossii: absolyutnyj i mnogokriterial'nyj podhod. [Gender aspects of poverty in Russia: absolute and multi-criteria approach]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, (2):138–154. DOI 10.21064/WinRS.2020.2.12
- Ivanova E., Sejbil' N. 2021. U bednosti - zhenskoe lico: kto v Rossii «ne hochet» rabotat'. [Poverty has a female face: who in Russia «does not want» to work]. *Novye izvestija*. 19.05.2021. URL: <https://newizv.ru/news/2021-05-19/u-bednosti-zhenskoe-litsso-kto-v-rossii-ne-hochet-rabotat-333011> (data obrashhenija: 11.01.2022).
- Krasil'nikova M. 2000. Sub#ektivnye ocenki urovnja bednosti v Rossii. [Subjective estimates of the level of poverty in Russia]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 6(50): 40–42.
- Lezhnina Ju.P. 2014. Social'no-demograficheskie osobennosti bednosti v Rossijskoj Federacii. [Socio-demographic features of poverty in the Russian Federation]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 1: 20–28.
- Nivorozhkina L.I., Ovcharova L.N. 2006. Sub#ektivnaja ocenka bednosti: tak li ona sub#ektivna? [Subjective assessment of poverty: is it so subjective?]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki*, 1: 56–62.
- Oseev A.A. 2014. Social'noe neravenstvo kak faktor social'noj naprjazhennosti v rossijskom obshhestve [Social inequality as a factor of social tension in Russian society]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 18. Sociologija i Politologija*, 2: 68–73.
- Prokof'eva L.M., Korchagina I.I., Popova R.I., Belokrylova O.S., Filonenko Ju.V., Fursa E.V. 2014. Bednost' i social'naja iskljuchennost' glazami raznyh grupp naselenija. [Poverty and social exclusion through the eyes of different population groups]. *Narodonaselenie*, 4: 61–81.
- Roshhin S.Ju., Emelina N.K. 2022. Meta-analiz gendernogo razryva v oplate truda v Rossii. [Meta-analysis of the gender pay gap in Russia]. *Jekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly jekonomki*, 26(2): 213–239.
- Terterjan A.S., Kachalov R.M. 2019. Formal'nye uslovija stanovlenija politiki «spravedlivogo neravenstva». [Formal conditions for the formation of a policy of «just inequality»]. *M.: CJEMi RAN*, 46: 100–106. (In Russian).
- Frolova E.A., Malanina V.A., Klemasheva E.I., Kashapova Je.R. (2022). Predstavlenija o neravenstve i pereraspredelenii: mezhstranovoj sravnitel'nyj analiz. [Perceptions of inequality and redistribution: cross-country comparative analysis]. *Terra Economicus*, 20(1): 81–101. DOI 10.18522/2073-6606-2022-20-1-81-101
- Shilkina I.S. 2019. Social'noe neravenstvo i bednost' v Rossii v svete global'nyh transformacij: obzor [Social inequality and poverty in Russia in the light of global transformations: an overview]. In: RAN. INION. Centr nauch. -inform. issled. global. i region. probl. Otd. global. problem. M., 50 p. (Social. i jekonom. aspekty globalizacii). (In Russian).
- Judina T.N. 2018. Social'naja spravedlivost' kak obshhestvennyj zapros rossijskogo obshhestva [Social justice as a public demand of the Russian Society]. In: Strategii budushhego v menjajushhemsja mire: voprosy, otvety i otvetstvennost'. materialy XXIII Sociologicheskikh chtenij RGSU: sbornik, Moskva, 05 aprelya 2018 goda. *Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj universitet*: 51–59.
- Judina T.N., Mazaev Ju.N., Bormotova T.M., Zhukov P.S. 2020. Sostojanie i dinamika protestnoj aktivnosti v sovremennom rossijskom obshhestve. [The state and dynamics of protest activity in modern Russian society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija*, 1: 39–151. DOI 10.17072/2078-7898/2020-1-139-151 (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юдина Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

Бормотова Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, доцент, профессор, Российский государственный социальный университет; главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana N. Yudina, doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Demographic Research of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tatiana M. Bormotova, doctor of Sociology, Associate Professor, Professor, Russian State Social University; Chief Researcher at the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.1; 342; 349

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-277-284

Роль носителей знаний о каноническом праве в становлении мирского (светского) юридического образования в России

Баган В.В., священник

Смоленская Православная Духовная Семинария
Смоленской Епархии Русской Православной Церкви,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Тимирязева, 5
E-mail: baganvlad@mail.ru

Аннотация. Правовая наука на протяжении истории формирования высшего образования в России претерпела множество изменений и влияний. Научный массив юриспруденции создавался на основании комплексного воздействия исторического, гуманитарного, этического знания. Однако факт влияния отечественных специалистов в сфере канонического права на развитие юридического образования в России недостаточно изучен. Цель настоящей статьи – выявить специфику воздействия восточно-христианской этики и канонического права Русской Православной Церкви на состояние отечественной правовой системы. В результате исследования было выявлено лексическое проникновение, отражающее профессиональное языковое единство в генезисе обеих ветвей образования правоведов; пересечение источниковых массивов; взаимное проникновение учебно-методических обеспечений преподавания; преподавание профессорско-преподавательским составом церковных духовных учебных заведений в государственных императорских университетах, лицеях и юридических школах (и наоборот).

Ключевые слова: юридическое образование, каноническое право, церковное право, система церковного права, духовное образование, история права

Для цитирования: Баган В.В., священник. 2023. Роль носителей знаний о каноническом праве в становлении мирского (светского) юридического образования в России. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 277–284. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-277-284

The Role of Carriers of Knowledge About Canon Law in the Genesis of Public Legal Education in Russia

Vladislav V. Bagan, Priest

Smolensk Orthodox Theological Seminary
Smolensk Diocese of the Russian Orthodox Church,
5 Timiryazeva St, Smolensk 214000, Russia
E-mail: baganvlad@mail.ru

Abstract. Legal science has undergone many changes and influences throughout the history of the formation of higher education in Russia. The scientific array of jurisprudence was created on the basis of the complex impact of historical, humanitarian, ethical knowledge. However, the fact of the influence of

domestic experts in the field of canon law on the development of legal education in Russia has not been sufficiently studied. The purpose of this article is to identify the specifics of the impact of Eastern Christian ethics and the canonical law of the Russian Orthodox Church on the state of the domestic legal system. As a result of the study, lexical penetration was revealed, reflecting the professional linguistic unity in the genesis of both branches of legal education; the intersection of source arrays; mutual penetration of educational and methodological provisions of teaching; teaching by the teaching staff of ecclesiastical theological educational institutions in state imperial universities, lyceums and law schools (and vice versa).

Keywords: canon law, church law, the system of church law, spiritual education, Kiev Theological Academy, history of law

For citation: Bagan V.V., Priest. 2023. The Role of Carriers of Knowledge About Canon Law in the Genesis of Public Legal Education in Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 277–284 (in Russifn). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-277-284

Введение

Один из важнейших аспектов в истории русской правовой мысли: то, как христианская вера вдохновила на стремление к верховенству закона в России, повлияла на русскую философию права и сформировала юридическую практику.

В России формирование правосознания было гораздо более поздним явлением, чем на Западе, начавшись с эпохи Просвещения в конце XVIII в. и достигнув зрелости лишь в середине трети XIX в., накануне александровской реформы. Православное каноническое право было одним из источников этого развития. Более того, русская религиозная философия, опираясь на православное богословие, стала фактором развития русской философии права.

Золотым веком православной юридической науки была вторая половина девятнадцатого века и первые два десятилетия двадцатого. Русская Православная Церковь долгое время находилась в подчинении Российского самодержца через Св. Синод, в нарушение его канонического строя и свободы. Стремление исправить канонический порядок было одной из главных причин того, что русское каноническое правоправедение пережило значительный подъем во второй половине XIX в. Процесс углубления канонического правосознания положительно сказался на формировании юридического образования в России.

Роль преподавателей канонического права в становлении светского юридического образования в России далеко ещё не осмыслена, её значение и вклад пока не понят до конца, все эти вопросы требуют должного исследования, как в рамках церковной системы образования, так и в пределах государственно-стандартизированного высшего юридического образования. Разобраться во взаимных влияниях канонического и светского права – камень преткновения для многих исследователей. Как писал митрополит Смоленский и Дорогобужский Исидор (Тупикин), «тематика интерсекциональности и взаимного влияния церковного права (или иначе – канонического права; (лат. – *Lex Canonica*; англ. – *Canon Law*; франц. – *Droit canonique, Droit ecclésiastique*) и права государственного (мирского правового регулирования, светского права) является настолько же актуальной сегодня, насколько и мало исследованной» [Исидор, 2022, с. 6]. Церковное и светское образование часто «шли рука об руку» в своём становлении и развитии в России (как и в других государствах), порою в них преподавали курсы церковного законоведения и канонического права одни и те же преподаватели. И разделить эти две формы юридического образования представляется делом весьма нелёгким.

Отметим, что из отечественных авторов проблематикой взаимоотношения церковного и светского права занимался в своих монографиях профессор В.А. Томсинов [2013]. Однако исследовательские акценты у В.А. Томсинова были совершенно иные; он обращается к специфике канонического права фрагментарно. Церковно-правовая сфера была не первичным

предметом его исследовательских интересов. Обращение В. А. Томсинова к преподаванию канонического права и церковного законовещения в его фундаментальном многотомном историко-правовом исследовании генезиса юридического образования в России свидетельствует о правоте предположений относительно роли и значения носителей знаний о каноническом праве – как источников, так и мыслителей – в становлении светского юридического образования в России [см. Баган, 2022]. Среди историков, специалистов в области формирования духовного образования в России в XIX в. стоит выделить проф. Н. Ю. Сухову [2006; 2012], чьи монографии отражают целостную картину состояния богословской науки того времени. В постсоветский период отечественный исследователь Д. Д. Боровой представил монографию «Каноническое (церковное) право, как нормативная система социально-правового регулирования», где отражена периодизация развития дисциплины церковного права и выявлены ее междисциплинарные связи со светской юриспруденцией [Боровой, 2004]. Далее проблематикой взаимовлияния канонического права и юриспруденции в Российской империи в XIX столетии занималась А.А. Дорская в своем исследовании «Церковное право в системе права Российской Империи конца XVIII – начала XX вв.» [Дорская, 2008]. Работа Дорской представляет собой полноценную справочную монографию, суммирующую дореволюционные историко-канонические свидетельства, с помощью которой можно получить полное представление о становлении канонического права в России в XIX в.

Цель данного исследования – выявить специфику воздействия восточно-христианской этики и канонического права Русской Православной Церкви на состояние отечественной правовой системы.

Связанность академических преподавателей юриспруденции и других наук требованиями соответствия церковному мировоззрению

Прежде всего следует отметить связанность академических преподавателей юриспруденции и других наук требованиями соответствия церковному мировоззрению. Как обоснованно указывает В.А. Томсинов, «если блюститель Академии преступал церковное предание в своих речах или делах, то его судили учителя в присутствии представителей царя и патриарха. Если же из учителей кто-либо впадал в такое же или иное прегрешение, то он судился коллегией, состоявшей из блюстителя и учителей Академии. Но приговор такого суда вступал в силу только после того, как государь, посоветовавшись с патриархом, утверждает его. <...> Иностраный ученый мог стать преподавателем Академии только в том случае, если в его учениях письменных и устных не было ничего противного православной вере и церковным преданиям» [Томсинов, 2012, с. 31–32]. Этот подход вполне стыковался с презумировавшейся тогда парадигмой: «воспитание есть самое успешное средство для доставления отечеству граждан честных, трудолюбивых, покорных законам и благочестивых»¹, причем благочестие понималось вполне определенно.

Так, в Инструкции директору Казанского Императорского университета от 17.01.1820 было предписано: «1. Цель Правительства [а стало быть – и руководства Университета.] в образовании студентов состоит в воспитании верных сынов Православной Церкви, верных подданных Государю, добрых и полезных граждан Отечеству. Следовательно, нравственному воспитанию предлежит объять и возделывать волю воспитанников, их совесть, нравы и наружное обращение. 2. Душа воспитания и первая добродетель гражданина есть покорность: посему послушание есть важнейшая добродетель юности. В молодости, только упражнением покорности, получает воля ту мягкость, которая на всю жизнь остаётся и для

¹ Устав С.-Петербургского Общества для заведения училищ по методе взаимного обучения (Беля и Ланкастера) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том первый. Царствование Императора Александра I. 1802–1825. Издание второе. С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1875. Стлб. 1239.

благополучия общественного столь необходима. Посему, обязанность Директора есть непременно наблюдать, чтобы уроки Религии о любви покорности были исполняемы на самом деле, чтобы воспитанники Университета постоянно видели вокруг себя примеры строжайшего чиновничества со стороны учителей и надзирателей [инспекторов] и чтобы малейшее нарушение оно всегда было наказуемо, не смотря на звание лиц. 3. Но так как одна Религия связывает обязанности с волей и доходя до совести, покоряет страсти, смиряет строптивость самолюбия, и между тем, как законы внешнего порядка предписывают покоряться властям, заставляет исполнять сие не из одного страха, но и из любви; то директор обязан главнейше наблюдать, под строжайшей личной ответственностью и всеми способами власти, ему даруемой, чтобы воспитанникам Университета внушено было почтение и любовь к Святому Евангельскому чтению: а) Чтобы дух вольнодумства ни открыто, ни скрытно не мог ослаблять учения Церкви в преподавании наук философских, исторических или литературы (внутри каждой из них было место для церковных, в том числе церковных каноническо-правовых источников. – прим. В.Б.). Директор обязан иметь достовернейшие сведения о духе университетских преподавателей, часто присутствовать на их лекциях, по временам рассматривать тетради студентов, наблюдать, чтобы не прошло что-нибудь вредное в цензуре и блюсти внимательно, чтобы все чиновники Университета, каждый по вероисповеданию своему (разумея Христианские), исполнял свои обязанности в рассуждении обычного посещения храмов и употребления таинств; б) чтобы ни под каким видом не были распространяемы в Университете вредные, либо соблазнительные чтения, или беседы; в) чтобы студенты ежедневно отправляли в положенное время должные молитвы все вместе и в присутствии Инспектора; чтобы в дни воскресные и важнейших праздников ходили они с Инспектором к Божественной литургии и занимались между забав и отдохновения каким-либо полезным и приличным празднику чтением, хотя [бы] один час, без принуждения; г) чтобы мало по малу Инспектор приучал их к делам милосердия небольшими, по состоянию каждого, милостынями, посещением больных товарищей в праздничные дни, и тому подобному; д) чтобы студенты, отличающиеся Христианскими добродетелями, были предпочитаемы всем прочим. Начальство Университета приемлет их под особенное покровительство по службе и доставит им все возможные по оной преимущества; е) впрочем, какие бы успехи ни оказывали воспитанники в науках, медали, отличившимся назначаемые, не могут быть даны, ежели Директор Университета не одобрит их поведения...»¹.

Подобного рода требования были повсеместны и строго соблюдались [Томсинов, 2011, с. 49–52]. Понятно, что всего этого достичь, не изучая церковных источников и вне контекста церковного образования было немыслимо и неподъемно. Но этот момент очевиден, что называется, лежит на поверхности.

Однако были много более сложные факторы влияния.

Взаимное лексическое влияние в генезисе обеих ветвей образования правоведа

Очень активно и показательно проявлялось взаимное влияние через языковые экспансии и интерсекциональности.

Со второй половины XVII века церковно-славянский язык, использовавшийся прежде преимущественно для изложения религиозных текстов и лишь изредка для выражения правовых норм, стал все чаще применяться и в юридических текстах. Например, целиком был

¹ Инструкция директору Казанского Университета, 17.01.1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том первый. Царствование Императора Александра I. 1802–1825. Издание второе. С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1875. Стлб. 1320–1322/

написан церковно-славянским языком «Приказ, объявленный... собранному на смотре войску на Девичьем поле» от 28.06.1653, значительная часть Уставной грамоты от 30.04.1654. В конце XVII века использование церковно-славянского языка для изложения юридических документов стало обычным явлением. С другой стороны, простой или деловой русский язык стал с конца XVII века применяться для изложения и религиозных текстов [Томсинов, 2012, с. 85–86].

Пересечение источниковых массивов в части обязательных для изучения источников в обеих ветвях образования правоведа

Следует отметить и то, что при проектировании программ и учебных пособий под формируемую в стране систему юридического образования неминуемо приходилось обращаться к достижениям мысли канонического права – знаниям, сосредоточенным в его источниках, в частности в Кормчей книге.

Так, преподавание юридических наук в академическом университете, реорганизованном в соответствии с «Регламентом Академии наук и художеств» от 24 июля 1747 года, было поручено Фридриху Генриху Штрубе де Пирмону. Ф.Г. Штрубе де Пирмон, глубоко погружившись в предмет, выразил в официальных инстанциях мнение, что «для русских студентов интересными могли быть только лекции, посвященные российскому праву, и именно поэтому предлагал написать краткое наставление по русскому праву – так называемый "Compendium juris ruthenici"» [Томсинов, 2012, с. 102–104]: «А пока ещё не могу пользоваться таким счастьем, чтобы правовые конструкции и законы Российской империи, которым в рассуждении их справедливости никаких других предпочесть нельзя, иметь в одной книге собранные и надлежащим порядком расположенные (чего желать весьма бы надлежало), то между тем, в публичной аудитории, в определенные часы со всяким прилежанием буду обучать и разъяснять первые основания натурального и народного права, ибо сие должно почитать за источник всех прав и законов гражданских, потому что без одного их сочинить, понять и надлежащим образом употреблять никак невозможно... Во всех чужестранных университетах должность профессора юриспруденции в том состоит, чтобы он обучал гражданским правам... А поскольку в Российской империи гражданскому праву древних римлян или какому-нибудь другому [гражданскому праву] юношеству публично обучать не прилично [в смысле не устоялось. – В.Б.], и, следовательно, возложенная на меня должность касается более всего гражданской юриспруденции, постольку она в одних российских правах упражняется, но сей должности совершенно исполнить невозможно, если наперёд не будет краткое руководство к российским правам, которое бы как учащие, так и учащиеся во основание их упражнения полагать могли» [Пекарский, 1870, с. 677–679]. Для этих целей в 1749 году «Ф.Г. Штрубе де Пирмон делал выписки из старинных сборников печатных указов [русских царей], рассматривал законы князя Ярослава, занимался соотношением Кормчей книги с Номоканоном» [Пекарский, 1870, с. 679].

В августе 1749 года Ф.Г. Штрубе де Пирмон направил в канцелярию Академии наук запрос о предоставлении ему следующих материалов: «1. В какой новгородской истории находятся Ярославовы законы и имеется ли такая история в академической библиотеке, или можно достать ее где-то ещё? 2. Потребна исправная копия законов великой княгини Ольги и великого князя Владимира из Степенной книги и из других летописное. 3. Известны ли и имеются ли еще какие другие старинные российские законы, изданные прежде Судебника паря и великого князя Иоанна Васильевича? Потребна исправная копия императорских указов, или жалованным грамотам, данным в пользу чужих вер. 5. Потребна копия с указов, опубликованных об изгнании жидов и иезуитов» [Пекарский, 1870, с. 679–680].

Ф.Г. Штрубе де Пирмон активно дискутировал по поводу взаимоотношений между государственным и каноническим правом в вопросах семейных правоотношений – прежде всего в части преподавания этих дисциплин [Пекарский, 1870, с. 684].

Приведем обширную цитату из торжественной речи Фёдора Григорьевич Баузе, которую он произнес в стенах Московского Императорского университета 15 ноября 1782: «Под именем юриспруденции не разумею я сухого тщедушного знания тех законников, которые считают себя и достаточно учеными и достаточно опытными, если держать в памяти слова законов, не понимая смысла и значения их, если в суде могут на них сослаться (по прекрасному их выражению). Пусть эти господа наслаждаются своими познаниями – Бог с ними – ведь и дети радуются, если, как попугаи, могут пробормотать слова, для них непонятные. Но пусть не стараются они убедить меня, что своей убогой наукой они в самом деле могут принести хотя какую-нибудь пользу государству. Под именем юриспруденции я не разумею также того увёртливого, непостоянного, коварного и обманчивого искусства крючкотворцев, которые стараются только склонять законы то в ту, то в другую сторону, смотря по желанию, которые пышными словами и другими уловками стараются проводить и глумиться над судьями и самым правосудием. Пусть и эти люди довольствуются своим честным искусством, пусть величают себя (говоря их словами) непобедимыми защитниками правды – оставим их, – есть ведь воры и разбойники, которые состязаются друг с другом в коварстве, хитрости и ими величаются. Но пусть они не называют себя защитой и опорой справедливости, безопасности и общественного благосостояния. Наконец, под именем юриспруденции я не разумею тех ходячих, непрочных подьяческих сведений, которые, не скажу почерпнуты, но повыдерганы из лексиконов, сокращений, руководств и т. п. книг. Пусть и эти люди торжествуют, опираясь на свою грубую и беспорядочную грудю определений, различий, правил и формул, пусть заставляют грубую чернь дивиться грубому их знанию. Но они не ослепят людей ученых и знающих это дело... Что же признаю я достойным имени юриспруденции? – То, что древние Римляне, создатели всякого нрава и законов, называли познанием вещей божественных и человеческих, справедливого и несправедливого, честного и бесчестного. Юриспруденция так обширна, что ее нельзя ограничить кругом дел судебных: она стоит так высоко, что недоступна для людей легкомысленных и бесчестных. Как дело врача – заботиться о здоровом состоянии тела человеческого и всех его частей: так дело законоведца заботиться о здоровье тела общественного и всех его частей, т. е. государства и его граждан» [Томсинов, 2012, с. 173–175].

Здоровье личности, общества и государства без обращения к духовным истокам, устоям, корням немислимо. На протяжении всего периода с конца XVIII века и по начало века XX происходил консоциативный генезис государственного юридического образования и образования в каноническом церковном праве. Очередная активная дискуссия о соотношении преподавания церковного законоведения и канонического права разгорелась в середине XIX века, а равно о требованиях (цензах) к преподавателям этих дисциплин [Томсинов, 2013, с. 42–43], и через это так же осуществлялось взаимно-усиливающее проникновение и обогащение этих дисциплин.

Заключение

На протяжении всего периода с конца XVIII века и по начало века XX происходил генезис как государственного юридического образования, так и образования в области церковно-правовой науки. Очередная активная дискуссия о соотношении преподавания церковного законоведения и канонического права разгорелась в середине XIX века, а равно о требованиях (цензах) к преподавателям этих дисциплин, и через это так же осуществлялось взаимно-усиливающее проникновение и обогащение этих дисциплин.

В результате исследования было выявлено несколько аспектов воздействия преподавателей канонического права на формирование отечественной юридической науки:

- лексическое проникновение, отражающее в немалой степени профессиональное языковое единство в генезисе обеих ветвей образования правоведов;
- пересечение источниковых массивов в части обязательных для изучения источников в обеих ветвях образования правоведов;
- взаимное проникновение и определяющее влияние развития учебно-методических обеспечений преподавания;
- преподавание профессорско-преподавательским составом церковных духовных учебных заведений в государственных императорских университетах, лицеях и юридических школах (как, впрочем, и наоборот).

Список источников

- Инструкция директору Казанского Университета, 17.01.1820. В кн.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том первый. Царствование Императора Александра I. 1802–1825. Издание второе. С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1875.
- Кормчая. 1912. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М., Журнал «Церковь», 1481 с.
- Пекарский П.П. 1870. История Императорской академии наук в Петербурге. Том I. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 850 с.
- Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. Санкт-Петербург: типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1901. 270 стб.
- Устав С.-Петербургского Общества для заведения училищ по методе взаимного обучения (Беля и Ланкастера). В кн.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том первый. Царствование Императора Александра I. 1802–1825. С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1875.

Список литературы

- Баган В. В, иерей. 2022. Генезис и онтология канонического права Православной Церкви: научно-теологическое и научно-юридическое исследование. Москва – Смоленск, Свиток, 364 с.
- Боровой Д. Д. 2004. Каноническое (церковное) право как нормативная система социально-правового регулирования. Ставрополь, Ставроп. гос. ун-т, 178 с.
- Дорская, А. А. 2008. Церковное право в системе права Российской империи конца ХУІІІ – начала ХХ вв. Москва, Российский государственный социальный университет, 402 с.
- Исидор (Тупикин), митр. 2022. Церковное каноническое право и право государственное: сопряжения, пересечения, взаимные влияния: Научно-теологическое и научно-юридическое исследование. Москва – Смоленск, Свиток, 144 с.
- Сухова Н. Ю 2006. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина ХІХ века). Москва, ПСТГУ, 658 с.
- Сухова Н.Ю. 2012. Церковное право в православных духовных академиях России: проблемы и традиции. Религии мира. *История и современность*, 210: 346–368.
- Томсинов В.А. 2011. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети ХІХ века. Москва: Зерцало-М, 280 с.
- Томсинов В.А. 2012. Юридическое образование и юриспруденция в России в ХVІІІ столетии. М., Зерцало-М, 232 с.
- Томсинов В.А. 2013. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. ХІХ в.). М., Зерцало-М, 300 с.
- Томсинов В.А. 2015. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети ХІХ века. Москва: Зерцало-М, 352 с.

References

- Bagan V.V., priest. 2022. Genesis and ontology of the canon law of the Orthodox Church: scientific-theological and scientific-legal research. Smolensk Orthodox Theological Seminary. Moscow – Smolensk: Scroll, 364 p. (in Russian).

- Borovoy D. D. 2004. Canonical (ecclesiastical) law as a normative system of social and legal regulation. Stavropol, Stavrop. state un-t. (in Russian).
- Dorskaya, A. A. 2008. Church law in the legal system of the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries. Moscow, Russian State Social University, 402 p. (in Russian).
- Isidore (Тупікін), Met. 2022. Church canon law and state law: conjugations, intersections, mutual influences: Scientific-theological and scientific-legal research. Moscow – Smolensk: Scroll, 144 p. (in Russian).
- Sukhova N.Yu. 2006. Higher Theological School: Problems and Reforms (second half of the 19th century). Moscow., PSTGU. (in Russian).
- Sukhova N.Yu. 2012. Church Law in Orthodox Theological Academies of Russia: Problems and Traditions. Religions of the world. *History and Modernity*, 210: 346–368. (in Russian).
- Tomsinov V.A. 2011. Legal education and jurisprudence in Russia in the first third of the 19th century. Moscow, Zertsalo-M, 280 p. (in Russian).
- Tomsinov V.A. 2012. Legal Education and Jurisprudence in Russia in the 18th Century. Moscow, Zertsalo-M, 232 p. (in Russian).
- Tomsinov V.A. 2013. Legal education and jurisprudence in Russia in the era of "great reforms" (60s – early 80s of the XIX century). Moscow, Zertsalo-M, 300 p. (in Russian).
- Tomsinov V.A. 2015. Legal education and jurisprudence in Russia in the second third of the 19th century. Moscow, Zertsalo-M, 352 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баган Владислав Владимирович, священник, кандидат богословия, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин, Смоленская духовная семинария, г. Смоленск, Россия

 [ORCID 0000-0002-8092-9965](https://orcid.org/0000-0002-8092-9965)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav V. Bagan, Priest, candidate of theology, candidate of legal sciences, lecturer at the department of theological and church-historical disciplines, Smolensk Theological Seminary, Smolensk, Russia

 [ORCID 0000-0002-8092-9965](https://orcid.org/0000-0002-8092-9965)

УДК 340.14

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-285-294

Этико-правовые вызовы прогрессивного пространства массовых коммуникаций

Калинина Е.В.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603115, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4
E-mail: ev_kalinina22@mail.ru

Аннотация. Все структурные элементы концепта «коммуникации» влияют на формирование культурно-нравственного контекста любого сообщества и отражают уровень его развития – расцвет, переходный этап или упадок. Несмотря на вовлеченность гуманитарных и общественных наук в полемику относительно определения и содержания коммуникации и коммуникативного пространства, юриспруденция не предоставляет каких-либо специфических дефиниций. Безусловно, отдельные виды общения, подпадают под правовое регулирование, однако в регулятивном механизме сохраняется огромное поле, где действуют не столько правовые, сколько этические ориентиры. Размышляя о необходимости совершенствования правового инструментария регулирования коммуникационного пространства с учетом инновационных медиатехнологий, автор приходит к выводу о необходимости не только активного развития морального самосознания для формирования нравственного поведения индивидов в информационной среде, но и применения междисциплинарного подхода в коллаборации с представителями различных сфер (правоведами, социологами, психологами, политологами, филологами и др.) для разработки действенного гибридного механизма управления прогрессивным пространством массовых коммуникаций.

Ключевые слова: коммуникация, прогрессивное пространство массовых коммуникаций, этика массовых коммуникаций, социальные сетевые сервисы, государственное регулирование медиапространства

Для цитирования: Калинина Е.В. 2023. Этико-правовые вызовы прогрессивного пространства массовых коммуникаций. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 285–294.
DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-285-294

Ethical and Legal Challenges of the Progressive Space of Mass Communications

Evgenia V. Kalinina

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
4 Ashkhabadskaya St, Nizhny Novgorod 603115, Russia
E-mail: ev_kalinina22@mail.ru

Abstract. All structural elements of the concept of "communication" influence the formation of the cultural and moral context of any community and reflect the level of its development - flourishing, transitional stage or decline. Despite the involvement of the humanities and social sciences in the controversy regarding the definition and content of communication and the communicative space, jurisprudence does not provide any specific definitions. Of course, certain types of communication fall under legal regulation, but a huge field remains in the regulatory mechanism, where not so much legal as ethical guidelines operate. Reflecting on the need to improve the legal tools for regulating the communication space, taking into account innovative media technologies, the author comes to the conclusion that it is necessary not only to actively develop moral self-awareness for the formation of moral behavior of individuals in the information environment, but also to apply an interdisciplinary approach in collaboration with representatives of various fields (lawyers, sociologists, psychologists, political scientists, philologists, etc.) for development of an effective hybrid mechanism for managing the progressive space of mass communications.

Keywords: communication, progressive space of mass communications, mass communication's ethics, social networking services, governmental regulation of mediaspace

For citation: Kalinina E.V. 2023. Ethical and Legal Challenges of the Progressive Space of Mass Communications. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 285–294 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-285-294

Введение

Поиск оптимальной модели личной и коллективной безопасности лежит в основе любых социальных, политических, правовых и иных трансформаций. На протяжении предшествующих тысячелетий создавались стратегии обеспечения стабильного существования народов на отдельно взятых территориях в определенных геополитических регионах. Технический прогресс в комплексе с глобализационными процессами усложнили эту задачу, сгенерировав пространство, не стесненное физическими границами территории государств, что породило множество вызовов и угроз, которые сложно преодолеть ресурсами какой-то одной сферы, например, права. И на внутригосударственном уровне, и на международном выявилось множество идеологических, технических, системных и иных препятствий для урегулирования отношений в этом инновационном, с трудом контролируемом пространстве. Государства и международные организации за последние десятилетия разработали множество нормативных документов, призванных снизить риски, связанные с информационными потоками и их потенциалом как инструмента формирования общественного мнения. Регулярно публиковались стратегии национальной безопасности и доктрины информационной безопасности; на площадке ООН обсуждались и выработывались правила добросовестного поведения субъектов международного права в информационном пространстве, а информационное противоборство лишь усугубляется, приобретая в свой арсенал все новые инновационные орудия внутри- и внешнеполитической борьбы.

Параллельно с формированием информационных технологий распространялась и насаждалась «упрощенная» модель идей свободы слова, права индивидов и общества на информацию и ее распространение, не обремененные фокусировкой на ответственности за последствия реализации этих прав. Таким образом, в качестве основной проблемы можно рассматривать когнитивный диссонанс декларируемых информационных прав и свобод и информационно-психологической безопасности личности и общества.

Анализируя специфику феномена коммуникации на современном этапе, можно выявить следующие вызовы информационного обмена как элемента коммуникативного пространства: 1) качество передаваемой информации; 2) средства выражения и передачи информации; 3) верификация распространяемых сведений; 4) манипулятивный потенциал информации; 5) социально-политический эффект воздействия и риски коллективной информационно-психологической безопасности; 6) недостаточность правовых регуляторов «экологии» информационного пространства; 7) необходимость междисциплинарного подхода к формированию комплекса эффективных регулятивных механизмов; 8) ответственность (моральная и юридическая) акторов коммуникативного пространства; 9) достаточный уровень правосознания общества и его правовой культуры, необходимый для эффективности систем безопасности; 10) развитое критическое мышление индивидов; сформированная устойчивость к манипулятивному воздействию.

Кроме того, отдельную проблему представляет необходимость совершенствования терминологического аппарата, относительно четко и информативно детерминирующего вновь появляющиеся вызовы и угрозы, поскольку без определения параметров допустимости и недопустимости невозможно выбрать эффективные методы управления рисками.

Содержание и специфика концептов коммуникации и пространства коммуникаций (коммуникативное пространство). Соотношение последнего с родственными понятиями

Общение как необходимый элемент взаимодействия формировалось параллельно с развитием живых существ и являлось показателем уровня их развития. В силу этого природа человеческой коммуникации не может не быть отражением природы индивидов и сообществ.

Исследование идеи коммуникации имеет давнюю историю, однако, как ни парадоксально, до сих пор не выработано единообразного определения ни самого понятия «коммуникация», ни ее трансграничного пространства. В отношении последнего в различных источниках и специальной литературе зачастую используют характеристики «коммуникативное», «информационное», «медиапространство» и прочие. Отчасти это объясняется тем, что в поиск оптимальных определений вовлечены представители разных наук, которые, даже ссылаясь на коллег из иных научных специальностей и направлений, рассматривают искомые явления под углом зрения, свойственным их собственной сфере. Так, для филологов и лингвистов наиболее значимыми являются сами инструменты передачи информации: знаки, символы, образы. Социологи и психологи исследуют «рычаги» влияния информации на индивидов и «триггеры», активирующие потенциальные социальные последствия. Политологи рассматривают информацию как средство формирования общественного мнения, политического взаимодействия и борьбы. Правоведы же более озабочены установлением рамок допустимого оборота информации, правовых последствий свободы доступа к ней и распоряжения ею. При таком раскладе формулировки дефиниций коммуникативного контента, а, следовательно, и пространства коммуникаций будут содержать различные наборы признаков, находящихся в фокусе внимания отдельно взятых наук. В результате инновационные сферы, с трудом поддающиеся регулированию в силу недостаточной изученности и завуалированности потенциальных последствий для социума, в целом нуждаются именно в междисциплинарном подходе к созданию общей *коммуникативной стратегии*, основанной на признанных духовно-нравственных ценностях, на базе которой будут строиться актуализированные этико-правовые конструкции для различных областей взаимодействия. В первую очередь, в интересах коллективной безопасности следует оптимизировать коммуникативное поле публичных отношений (например, информирование населения о принимаемых властями решений и их целесообразности во избежание распространения искаженных интерпретаций, предлагаемых внешнеполитическими оппонентами; характер и способы подачи информации в СМИ и прочее).

По справедливому замечанию профессора Осиповой [2015, с. 129], потребность в уточнении пространственного содержания коммуникации возникает с техническим прогрессом и процессами глобализации, которые не только преодолели физические территориальные барьеры, но и устранили многие культурные и иные препятствия.

Поскольку коммуникация является предметом изучения разных наук, было сформулировано множество определений пространства коммуникаций, которые были сгруппированы в зависимости от основных схожих характеристик. Не углубляясь в это многообразие, хотелось бы упомянуть некоторые известные подходы к пояснению сути искомого явления: пространство коммуникаций как вид информационного пространства, формируемого самими его активными участниками [Почепцов, 2001]; пространство коммуникаций как территория, среда взаимодействия, имеющая географические и социокультурные границы [Шарков, 2005]; как когнитивно-дискурсивная среда [Гаспаров, 1996, с. 295]; как проксемическое пространство [Крейдлин, 2000, с. 12]; как среда, воспроизводящая «целиком весь жизненный мир» [Хабермас, 2003, с. 309] и другие.

Кроме того, такой атрибут коммуникации и коммуникативного пространства, как *информация*, также трактуется неоднозначно, что приводит к усложнению исходных дефиниций.

Тем не менее в содержании концепта коммуникации можно выделить следующие характерные черты: количество субъектов коммуникации – два и более; суть коммуникации – обмен информацией (знаки, символы, образы, способные изменять представление человека об окружающем мире, формируя определенную нравственную программу) и ее различные когнитивные преобразования; сущность коммуникации – социально-значимая; средства коммуникации – вербальные и невербальные / звуковые и визуальные.

Коммуникативное пространство, соответственно, может восприниматься как некая среда – реальная и/или виртуальная, внутри которой происходит информационный обмен. Тем не менее то же самое можно сказать и об информационном пространстве, медиапространстве и пространстве массовых коммуникаций. Их объединяет то, что они по сути являются «площадкой» для оборота информационных потоков, содержание и качество компонентов которых, а также средства их донесения и способность реципиентов к восприятию позволяют судить о развитости культуры общества и его нравственных ориентиров. Не случайно некоторые исследователи в качестве синонима «коммуникативного пространства» используют понятие «социокультурное пространство» [Естрина, Дулина, 2007, с. 14].

На наш взгляд, термин «коммуникативное пространство» является наиболее полным, включая в себя не только элемент обмена информацией, его средств, стратегий, тактик, технологий, но и инструменты оценки нравственных ориентиров общества, уровня правосознания и правовой культуры его представителей. С другой стороны, слишком большой смысловой охват термина «коммуникативное пространство» не позволяет продемонстрировать достаточность имеющихся практик управления информационными потоками и привлечения к ответственности тех, кто нарушает общепризнанные этические и правовые установки. В этой связи использование понятий «информационное пространство» и «медиапространство» представляется более конструктивным. Тем не менее мы все же периодически будем возвращаться к концепту коммуникативного пространства в качестве социально-правового поля, объединяющего физическое и виртуальное пространства. При этом в последнее переносятся все характерные закономерности меняющегося общества, учитываются и порой эксплуатируются его психологические особенности, что создает определенные сложности для оптимизации механизма правового регулирования разных типов коммуникации. Кроме того, реализация современных принципов так называемых цивилизованных народов нередко затрудняется нравственной незрелостью отдельных представителей того или иного общества. Так, обеспечение свободы слова и права на информацию, которыми нередко злоупотребляют, сталкивается с проблемой поддержания порядка и коллективной безопасностью. Поэтому, для уточнения проблемных зон регулирования информационных потоков, нами также предлагается к рассмотрению категория «*прогрессивное пространство массовых коммуникаций*», которое по содержанию ближе к понятию «медиапространство», но с фокусом на использование инновационных аппаратных и социально-психологических технологий, нередко применяемых и в качестве инструментов социальной инженерии, и формирующих специфический вид реальности – медиареальность [об этом подробнее см.: Коробова, 2017].

Традиционно представители гуманитарных и общественных наук, как отмечалось выше, поясняют коммуникацию как воздействие коммуникатора на реципиента. Однако, если подойти к искомой проблеме с точки зрения юриспруденции, то можно представить коммуникативную ситуацию в виде общественного отношения, в котором коммуникатор воздействует на получателя информации, сознательно или подсознательно формируя предпосылки для ожидаемых/прогнозируемых последствий. В итоге коммуникантов оказывается как минимум два, и это лишь в ситуации с «краткосрочной программой» действий. Чаще коммуникативная ситуация предполагает отсроченные результаты, следовательно,

прямых и опосредованных коммуникаторов и реципиентов окажется больше. Причем реципиенты при распространении информации переходят в разряд ее коммуникаторов.

Пространство массовых коммуникаций, как и любая сфера, сгенерированная социумом, отражает его ценностные ориентиры, совокупность «героев» и «антигероев» [Иванова, 2021], что позволяет судить об уровне самосознания, правосознания и правовой культуры, о степени защищенности от внешнего и внутреннего деструктивного воздействия и высказывать прогнозы о жизнеспособности и стабильности такой общности. Кроме того, в современном мире образ государства и его внешнеполитических оппонентов активным образом формируется и переформатируется именно в среде массовых коммуникаций [Шмелева, Каминченко, 2019; Кужелева-Саган, 2022].

Правовое регулирование пространства прогрессивных массовых коммуникаций: pro et contra

Последние десятилетия в российских и зарубежных СМИ активно обсуждается вопрос государственного регулирования медиасферы. При этом в последнюю сейчас включаются не только средства массовой информации в традиционном понимании, но и инновационные (прогрессивные) технологии, например, социальные сетевые сервисы.

В научном национальном и зарубежном дискурсе проблема пределов государственного вмешательства в массовые коммуникации [Рачков, 2015; Панкеев, Тимофеев, 2020] и в частности в функционирование социальных медиа вызывает существенный резонанс. И речь идет не только об обсуждении потенциала и роли СМИ в политической жизни общества [Юферева, 2017; Крыштановская и др., 2018] и предоставлении медиаресурсам возможности саморегулирования [Сбруева, 2011], но и о контроле за содержанием контента [Рябченко и др., 2018].

Фукуяма и Гротто [Fukuyama, Grotto, 2020] представили обстоятельный сравнительный анализ правового регулирования медиасферы в США и Европе, обозначив актуальные вызовы и дилеммы, носящие закономерный характер. Некоторые западные исследователи высказываются категорически против государственного регулирования прогрессивной коммуникативной сферы [Rozgonyi, 2018]. В основном критические замечания сводятся к тому, что вмешательство государства в медиaprостранство противоречит принципам демократии. Тем не менее профессор Йельской Школы права Бэлкин [Balkin, 2021, p. 96], рассуждая о целесообразности регулирования социальных медиа, породивших специфическую «цифровую публичную среду», полагает, что это необходимо для оздоровления цифрового пространства и обеспечения действительной свободы слова, «культурной и политической демократии» и распространения знаний.

Отдельные авторы делают оговорку о допустимости правового регулирования контента социальных медиа на предмет террористической угрозы, однако, по их мнению, в отношении таких явлений, как «язык ненависти» или fake news, это неприемлемо, поскольку подобные вопросы находятся за пределами правовой юрисдикции [Samples, 2019].

Коммон [Common, 2022, p. 2] констатирует изменение отношения к социальным медиа за последние годы: в научных публикациях и прессе десятилетней давности выражался оптимизм по поводу развития социальных медиа как демократических средств, однако в последние годы все чаще слышны скептические и даже предостерегающие отзывы. Именно в социальных сетях подогреваются скандалы, получают поддержку деструктивные и террористические движения. Более того, Коммон полагает, что сетевые социальные ресурсы активно используются государствами с недемократическими режимами.

Учитывая факт, что многие медиаресурсы государству не принадлежат, сложно найти баланс между интересами государства, реализацией им своих функций как коллективного субъекта и индивидуальными правами и свободами. В этой связи профессор Бэлкин пред-

лагают следующие шаги: совершенствование 1) антимонопольного и конкурентного законодательства; 2) законодательства о защите прав потребителей и приватности; 3) хрупкого равновесия правил иммунитета и ответственности медиаресурсов [Balkin, 2021, p. 71].

На основании вышеизложенного оптимальным представляется гибридный вариант управления прогрессивным коммуникативным пространством, включающий три компонента: 1) государственное регулирование, 2) саморегулирование СМИ, 3) общественный контроль. Только такая конструкция обеспечит необходимый комплекс «сдержек» и «противовесов».

Подводя итог изложенной полемике, признаем, что у научно-технического прогресса имеется и иная сторона. Вопреки частым отсылкам к принципам гуманизма, технологическое общество, какие бы его масштабы мы ни имели в виду, демонстрирует явные признаки «расчеловечивания». Инновационные средства создания и распространения информации позволяют индивидам получить доступ к аудио- и видеоматериалам, запечатлевшим самые интимные, неприглядные, а порой и трагичные моменты жизни иных людей. По справедливому замечанию профессора Дзялошинского, Интернет переполнен роликами, демонстрирующими акты насилия и унижения, призывами к деструктивному поведению [2013, с. 65]. Объем получаемых сведений, дистанцированность и анонимность потребителя информации приводят со временем к обезличиванию индивидуального опыта, и человеческие страдания воспринимаются массами, которых подобные проблемы ранее не затрагивали, в лучшем случае равнодушно.

Учитывая подобную динамику, мы можем понять, почему именно сетевые социальные ресурсы становятся самым востребованным инструментом управления массами. Новые технологии позволяют с легкостью формировать сообщества и группы внутри сообществ, расслаивая социальные образования на множество секторов, находя для каждого сектора специфические, основанные на психологических, экономических социально-бытовых и иных нюансах точки воздействия, что и определяет выбор наиболее эффективных средств манипуляции массовым сознанием.

В каждом из таких сообществ вырабатывается собственная коммуникативная этика. Поначалу исходным базисом является культурная и духовно-ценностная система народа, внутри которого происходит дробление на сегменты. Затем, для продвижения и насаждения новых идей, происходит развенчание прежних «вождей» и «героев», олицетворявших эпоху; осмеяние прежних устоев как архаичных и морально устаревших, а значит – «тормозящих» прогресс и процветание. Ничто не способно так быстро разрушить единство изнутри, как подрыв доверия к ценностным ориентирам. Все остальное – лишь дело времени.

Решению проблемы признания морально-нравственных ориентиров в качестве осознанного ограничителя произвола субъектов коммуникации мог бы помочь *междисциплинарный подход*. К примеру, разработка смешанной группой представителей различных гуманитарных и общественных наук концепции и стратегии коммуникативного взаимодействия, в которых лакуны правового инструментария компенсировались бы четкими этическими установками и ценностными ориентирами. Такие понятия как «справедливость», «добро», «милосердие», «ответственность», должны перестать быть «пустым звуком» и снова наполниться смыслом.

Заключение

Предлагаемые мероприятия для восстановления баланса и оздоровления «экологии» прогрессивного пространства массовых коммуникаций. В первую очередь требуется разработка междисциплинарных подходов для учета и управления общественным мнением. Увы, приходится признать, что, если сами органы власти не возьмут под контроль управление общественным мнением, это сделает кто-то другой, и сомнительно, что этот второй вариант будет действовать в целях укрепления общественного порядка. Поскольку

на данный момент необходимо изживать негативные последствия распространения псевдолиберальных идей, для начала требуются нижеследующие мероприятия.

1. *Создание контрнарративов, привлекающих внимание к специфике российского многонационального народа и обосновывающих избирательность политических, социальных, экономических, правовых и иных ориентиров.* В свое время Ш.Л. Монтескье («О духе законов») весьма убедительно пояснял, что даже самые блестящие и креативные установления одного народа могут оказаться не только бесполезными, но и порой рискованными для иной общности, так как не соответствуют ее духу. Развивая данный постулат, можно добавить, что, в частности, идеи свободы, прав человека и демократии могут быть хороши только в обществах с высочайшим уровнем правовой культуры и правосознания. В смешанных и поликультурных образованиях, где отсутствует единообразие в понимании данных дискуссионных категорий, их насаждение приведет к конфликту интересов с далеко идущими последствиями.

2. *Пересмотр механизма взаимодействия органов власти с акторами медиaproстранства и использование имеющихся успешных практик управления общественным мнением.* На смену «прямолинейным» формам воздействия на СМИ и иные коммуникационные ресурсы и их целевую аудиторию должны прийти более «деликатные технологии» влияния. Конечно, сама природа СМИ побуждает их к поиску сенсаций как наиболее действенного инструмента удержания внимания, а что, как не ошибки, промахи и упущения государственных структур являются таким социально-«взрывным» материалом. С другой стороны, квази-патриотические ресурсы также способны оттолкнуть заинтересованного индивида неприкрытыми агитационными приемами, что вызывает сомнение не только в достоверности информации, но и в том, «на кого работает» источник этой информации. На данный момент существует множество публикаций, объясняющих механизм и технологии воздействия на индивидов персонально и на целевые аудитории. Эти подходы предлагают более эффективный и долгосрочный результат и позволяют сформировать общество, устойчивое к информационному воздействию политических оппонентов.

3. *Разработка образовательных комплексов и специализированных дисциплин, направленных на совершенствование репутационных механизмов, способствующих стабилизации и повышению устойчивости ценностных ориентиров нашего общества.* Так, представляется целесообразным повсеместное введение в образовательных учреждениях всех уровней курсов медиаграмотности, отражающих этику медиaproстранства и раскрывающих психологические механизмы и инструменты воздействия на сознание и подсознание целевой аудитории акторов информационной сферы. Говорить о праве на информацию и о свободе личности можно лишь тогда, когда индивиды совершают свой выбор осознанно, понимая последствия такого выбора.

4. *Увеличение численности «информированного сообщества», устойчивого к средствам и технологиям медиаманипуляции, способным осуществлять различные формы общественного контроля,* например, контента социальных сетей и этики поведения в коммуникационном пространстве. На данный момент в соцсетях уже используются элементы такого общественного контроля и даже регулирования – пользователи ресурсов, путем выражения поддержки или, наоборот, неодобрения, могут продвигать либо пресекать использование различных цифровых продуктов. Безусловно, указанные инструменты требуют дальнейшего осмысления и проработки.

Список литературы

- Гаспаров Б.М. 1996. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., Новое лит. Обозрение. 352 с.
- Дзялошинский И.М. 2013. Этика коммуникации. Ценностные основания бизнес-этики: результаты международного исследования. М., АПК и ППРО. 194 с.
- Естрина О.В., Дулина Н.В. 2007. Социокультурное пространство: определение понятий. Человек. Культура. Общество. Волгоград. Изд.: РПК Политехник. Вып. 5: 13–15.

- Иванова Е.В. 2021. Этическая инверсия образа положительного героя современного медиaprостранства: проблема привлекательности инфернальных героев. В кн.: Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы. Сборник статей международной научной конференции (Екатеринбург, 19–21 ноября 2020 г.). Екатеринбург. Изд. Уральского университета: 234–239.
- Коробова С.Ю. 2017. Особенности массовой, межличностной и массовой Self-коммуникации в современной медиареальности. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*, 10(3): 96–101. DOI: 10.14529/psy170310
- Крейдлиг Г.Б. 2000. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, РГГУ.
- Крыштановская О.В., Филиппова А.М. 2018. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети. *Социальные технологии и процессы. Вестник университета*, 6: 171–176. DOI 10.26425/1816-4277-2018-6-171-176
- Кужелева-Саган И.П. 2022. Социальные сети как пространство реализации стратегических коммуникаций и ведения меметических войн. *Коммуникология*, 10(1): 65–79. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-1-65-79
- Осипова Е.А. 2015. Коммуникативное пространство современного социума: научные подходы к пониманию и актуальные проблемы функционирования. *Вестник АГУ*, 4(168): 128–136
- Панкеев И.А., Тимофеев А.А. 2020. Тенденции государственного регулирования российских сми: правовой аспект. *Вопросы теории и практики журналистики*, 9(2): 231–246. DOI 10.17150/2308-6203.2020.9(2).231-246
- Почепцов Г.Г. 2001. Теория коммуникации. М.; Киев: Рефл-бук: Вакпер. 432 с.
- Рачков М.П. 2015. К вопросу о правовых ограничениях свободы российских средств массовой информации. *Вопросы теории и практики журналистики*, 4(2): 127–138.
- Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Мальшева О.П. 2018. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика. *Южно-российский журнал социальных наук*, 19(3): 139–162.
- Сбруева Д.В. 2011. Особенности становления и развития правового регулирования и саморегулирования средств массовой информации России (90-е годы XX века). *Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика*, 2: 90–97.
- Хабермас Ю. 2003. Философский дискурс о модерне. ПЕР. с нем. М.М. Беляев и др. М., Весь мир, 416 с.
- Шарков Ф.И. 2005. Основы теории коммуникации. М., Социальные отношения. 334 с.
- Шмелева О.Ю., Каминченко Д.И. 2019. Социальные медиа как механизм формирования образа современного государства в политическом сознании россиян. *Вестник Московского государственного областного университета*, 3: 87–106. DOI: 10.18384/2224-0209-2019-3-969
- Юферева А.С. 2017. Средства массовой информации как институт политической коммуникации в условиях Интернета. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 3: 286–296.
- Balkin J.M. 2021. How to Regulate (and not Regulate) Social Media. *Journal of Free Speech Law*, 1(71): 71–96.
- Fukuyama F., Grotto A. 2020. Comparative Media Regulation in the United States and Europe. In: *Social Media and Democracy. The State of the Field, Prospects for Reform*. Publisher: Cambridge University Press: 199–219. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108890960>.
- Common M.F. 2022. Beyond the usual suspects: a taxonomy of social media regulations in countries with human rights issues, *International Review of Law, Computers & Technology*, DOI: 10.1080/13600869.2022.2043093.
- Rozgonyi K. 2018. A New Model for Media Regulation. *InterMEDIA*. April. Vol 46 Issue 1. pp.18-23
- Samples J. 2019. Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media. *Policy Analysis*, CATO Institute. April 9, (865). P. 1

References

- Gasparov B.M. 1996. Jazyk, pamjat', obraz. *Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya*. [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. М., Novoe lit. obozrenie, 352 p.
- Dzjaloshinskij I.M. 2013. *Jetika kommunikacii. Cennostnye osnovaniya biznes-jetiki: rezul'taty mezhdunarodnogo issledovanija*. [Ethics of communication. The value foundations of business ethics: the results of an international study]. М., APK i PPRO. 194 p.

- Estrina O.V., Dulina N.V. 2007. Sociokulturnoe prostranstvo: opredelenie ponjatij. [Sociocultural space: definition of concepts]. Volgograd, Ed.: PKK Polytechnic. Is. 5: 13–15.
- Ivanova E. 2021. Ethical Inversion of the Image of a Positive Hero of the Modern Media Space: the Problem of Attractiveness of Infernal Heroes. In: Philosophy Today: Values, Perspectives, Meanings. Collection of articles of the International Scientific Conference (Yekaterinburg, November 19-21, 2020). Yekaterinburg, Ed. Ural University: 234–239. (In Russian).
- Korobova S.Ju. 2017. Osobennosti massovoj, mezhlchnostnoj i massovoj Self-kommunikacii v sovremennoj mediareal'nosti. [Features of mass, interpersonal and mass Self-communication in modern media reality]. Bulletin of SUSU. *Psychology Series*, 10(3): 96-101. DOI: 10.14529/psy170310
- Krejdlin G.B. 2000. Nonverbal semiotics in its relation to verbal. Autoref. dis. ... Doctor of Philology. sciences. Moscow, RSUH. (In Russian).
- Kryshchanovskaya O.V., Filippova A.M. 2018. Research of political communications: the state and social media. *Vestnik universiteta*, 6: 171–176. DOI 10.26425/1816-4277-2018-6-171-176. (In Russian)
- Kuzheleva-Sagan I.P. 2022. Social Networks as a Space for the Implementation of Strategic Communications and Waging Memetic Wars. *Communicology*, 10(1): 65–79. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-65-79. (In Russian).
- Osipova E.A. 2015. Communicative space of modern society: scientific approaches to the understanding and actual problems of the functioning. *Vestnik AGU*, 4(168): 128–136. (In Russian).
- Pankeev I.A., Timofeev A.A. 2020. Trends in state regulation of Russian mass media: a legal aspect. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 9(2): 231–246. DOI 10.17150/2308-6203.2020.9(2).231-246. (In Russian).
- Pochepcov G.G. 2001. Theory of communication. M. Kiev: Refl-buk: Vakper. 432 p. (In Russian).
- Rachkov M.P. 2015. To the question of legal restrictions on the freedom of Russian media. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 4(2): 127–138. (In Russian).
- Ryabchenko N. A., Katermina V. V., Gnedash A. A., Malysheva O. P. 2018. Political content of social movements in the online space of modern states: methodology of the analysis and research practices. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 19(3): 139–162. (In Russian)
- Sbrueva D.V. 2011. Legal regulation's and self-regulation's features of formation and development in Russian mass media (90th years of the XXth century). *Vestnik RUDN, serija Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2: 90–97. (In Russian).
- Habermas Ju. 2003. Philosophical discourse on modernity. Translation from German M.M. Belyaev et al. M., The whole world, 416 p. (In Russian).
- Sharkov F.I. 2005. Fundamentals of the theory of communication. M., Social relations. 334 p. (In Russian).
- Shmeleva O.Yu., Kaminchenko D.I. 2019. Social media as a mechanism for the formation of the image of the modern state in the political consciousness of Russians. *Bulletin of Moscow Region State University*, 3: 87–106. DOI: 10.18384/2224-0209-2019-3-969 (In Russian)
- Yufereva A.S. 2017. Mass media as an institute of political communication in the context of the Internet. *Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University*, 3: 286–296.
- Balkin J.M. 2021. How to Regulate (and not Regulate) Social Media. *Journal of Free Speech Law*, 1(71): 71–96.
- Fukuyama F., Grotto A. 2020. Comparative Media Regulation in the United States and Europe. In: Social Media and Democracy. The State of the Field, Prospects for Reform. Publisher: Cambridge University Press: 199–219. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108890960>.
- Common M.F. 2022. Beyond the usual suspects: a taxonomy of social media regulations in countries with human rights issues, *International Review of Law, Computers & Technology*, DOI: 10.1080/13600869.2022.2043093.
- Rozgonyi K. 2018. A New Model for Media Regulation. *InterMEDIA*. April. Vol 46 Issue 1. pp.18-23
- Samples J. 2019. Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media. *Policy Analysis*, CATO Institute. April 9, (865). P. 1

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 19.01.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинина Евгения Валерьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia V. Kalinina, Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Russia

УДК 340
DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-295-301

Формирование технико-юридической культуры молодежного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области

Купцова О.Б.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603105, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4
E-mail: olga.kuptsova@mail.ru

Аннотация. Важную роль в развитии правовой культуры современного российского общества играет выявление новых видов правовой культуры, возникновение которых предопределяется особенностями государственно-правового и общественного развития. Развитие юридической техники предопределяет формирование существенной базы технико-юридического инструментария. Есть основания полагать, что постепенно начинает формироваться технико-юридическая культура. Среди ее видов особое значение имеет технико-юридическая культура общественных образований. Это направление научных исследований не получило должного отражения в правовой доктрине. Целью работы является определение специфики формирования технико-юридической культуры молодежного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области. В результате исследования выявлено, что для формирования технико-юридической культуры у субъектов, которые входят в состав анализируемого молодежного парламента, важен комплекс мероприятий, способствующих передаче этим субъектам правовых знаний и умений, и сформировать на их основе ценностные ориентации. Среди всех технико-юридических приемов и средств в этом случае в максимальной степени эффективен и востребован такой прием, как идея законопроекта. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории правовой культуры в целом, а также в развитие концепции технико-юридической культуры в частности.

Ключевые слова: юридическая техника, идея законопроекта, законодательная инициатива, правовая активность молодежи

Для цитирования: Купцова О.Б. 2023. Формирование технико-юридической культуры молодежного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 295–301. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-295-301

Formation of the Technical and Legal Culture of the Youth Parliament at the Legislative Assembly Nizhny Novgorod Region

Olga B. Kuptsova

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
4 Ashkhabadskaya St, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod 603105, Russia
E-mail: olga.kuptsova@mail.ru

Abstract. The emergence of new types of legal culture plays an important role in the development of the legal culture of modern Russian society. The development of legal technologies determines the formation of a substantial base of technical and legal instruments. There is reason to believe that a special kind of legal culture - technical and legal culture – is gradually beginning to form. This area of scientific research has not received due recognition in the legal doctrine. The purpose of the work is to determine the specifics of the formation of the technical and legal culture of the youth Parliament at the Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod region. The research was conducted on the basis of dialectical, metaphysical,

systemic, comparative legal, formal legal methods of scientific cognition. The author identifies the main characteristics of the phenomenon of technical and legal culture of the Youth Parliament at the Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod region and significant elements of applicable and effective technical and legal instruments in line with its formation. It is shown that for the formation of technical and legal culture among the subjects that make up the youth parliament, a set of measures is important to facilitate the transfer of legal knowledge and skills to these subjects, as well as the formation of value orientations on their basis. Among all the technical and legal techniques and means in this case, the most effective and in-demand is such a technique as the idea of a legal project. The results obtained contribute to the development of the theory of legal culture in general, as well as the development of the concept of technical and legal culture in particular.

Keywords: legal technique, the idea of the bill, legislative initiative, legal activity of youth

For citation: Kuptsova O.B. 2023. Formation of the Technical and Legal Culture of the Youth Parliament at the Legislative Assembly Nizhny Novgorod Region. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 295–301 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-295-301

Введение

Современное развитие государства и права предопределяется большим количеством факторов, характеризующих их особенности на данном этапе существования. Молодежь как определенная общность субъектов конкретной возрастной группы является не просто некоторой эклектичной сущностью, а представляет собой группу лиц, на поведение которых влияет специфика государственно-правовых институтов, в сфере которых она существует. Среди основных характерных черт современного государства и общества особо следует выделить тенденции усиления их взаимодействия, развитие различных форм общественного контроля и участия в ряде случаев при принятии государственно-властных решений представителей социума и т.д. В правовой доктрине это отмечалось неоднократно. Так, например, Е.Е. Тонков и Л.А. Пожарова акцентируют внимание на том, что современные демократические принципы предполагают усиление роли гражданского общества, населения и граждан в выполнении и переориентации государственных функций [Тонков, Пожарова, 2019].

В этих условиях особое значение приобретают формы правовой активности различных субъектов права, которые предопределяются уровнем развития правосознания общества в целом. Особенно значимой в этом русле является самостоятельная и инициативная деятельность граждан по реализации субъективных прав и юридических обязанностей [Сапун, 2002].

Правовая культура российского общества характеризуется изменением своей сущностной основы, базируется на возрождении ряда традиций, формировании инновационных явлений. Техничко-юридическая культура в самом общем смысле позиционируется как особая разновидность правовой культуры, она проявляется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения по созданию и изменению нормативных правовых, интерпретационных, правоприменительных и правосистематизирующих актов.

На основании вышеизложенного, автор приходит к выводу о том, что назрела необходимость в формировании самостоятельной правовой категории – технико-юридической культуры. Особую значимость в условиях развития в русле общественно-государственного взаимодействия приобретает формирование технико-юридической культуры у особых субъектов, которые изначально не обладают (или обладают частично) правовыми знаниями, но потенциально могут принимать участие в законотворческой деятельности. Молодежные парламенты при органах законодательной власти являются образованиями совеща-

тельного характера, которые взаимодействуют с органами законодательной власти, субъекты которых являются в основной своей массе будущими парламентариями. Следовательно, значимость формирования у них технико-юридической культуры имеет особую значимость, важно разработать комплекс мероприятий, способствующих передаче этим субъектам правовых знаний и умений, которые будут служить основой образования у них ценностных ориентаций.

В настоящее время сформировалась потребность формирования технико-юридической культуры у субъектов, входящих в состав молодежных парламентов. На примере исследования функционирования данного молодежного объединения, которое осуществляет свою деятельность на территории Нижегородской области, выявляется сфера общественных отношений, которая в недостаточной степени подвергнута научно-практическому изучению.

Целью работы является определение специфики формирования технико-юридической культуры молодежного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области.

Методы исследования

В процессе работы над заявленной проблемой были использованы следующие методы: диалектический, метафизический, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический. Из всех используемых методов научного познания особую роль и значение для данного исследования имеет догматический (технико-юридический) метод.

Проблемы понимания технико-юридической культуры

Технико-юридическая культура представляет собой сложный неоднозначно трактуемый правовой феномен, являющийся разновидностью правовой культуры, который находится в настоящее время в стадии формирования. Ее активное развитие будет способствовать не только совершенствованию правовой культуры в целом, но и развитию различных сфер современного социума. Кроме того, следует отметить еще один аспект технико-юридической культуры – развитие вариативности технико-юридического сознания. Сегодня юристу-профессионалу необходимо быть готовым к трансформации привычных положений и устоявшихся постулатов. В настоящее время меняется сознание субъектов права, идет развитие цифровизации общественных отношений, меняется специфика анализа и обработки правовой информации.

В современной российской правовой системе в доктринальных исследованиях выделяются ключевые доминанты технико-юридической культуры – глобализованный мир привлекает национальные правовые системы в активную правовую аккультурацию, взаимодействие в социальных и политических сферах, что актуализирует обращение к исследованию современных процессов транстерминологизации, универсализации, стандартизации элементов языка права, служащих цели эффективного функционирования современного российского права. Данную систему можно рассматривать в качестве одной из важнейших особенностей современной технико-юридической культуры, которая носит системообразующий характер и позволяет выявить основные тенденции не только ее формирования, но и развития в русле поступательной эволюции постиндустриального общества. Технико-юридическая культура в рамках юридической практики основывается на восприятии субъекта с позиций его индивидуальной культуры, его знаний и умения владеть технико-юридическим инструментарием [Baranova, Kuptsova, Belyasov, Valentonis, 2021].

В правовой доктрине весьма значимым является аксиологический подход к понятию правовой культуры [Выжлецов, 1997]. Правовые ценности выступают в качестве критериев оценки реально существующих правовых явлений и процессов [Петручак, 2009]. В русле данного подхода и осуществлялся поиск понятийной определенности. Опираясь на доминантные черты и проявления технико-юридической культуры, подвергнутые анализу

в контексте поиска основы эффективного функционирования системы властных и невластных начал современного российского права, в современной правовой доктрине предлагается первичное рабочее определение понятия технико-юридической культуры: «технико-юридическая культура – часть правовой культуры, представляющая собой систему технико-юридических (властных) и этико-деонтологических (невластных) ценностей, уровня развития юридической техники, осознанного уважительного отношения к технико-юридическому инструментарию, служащую базовой основой эффективности воплощения в юридической практике профессиональных юридических правил, приемов, средств, необходимых для качественного функционирования сфер правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечения совершенства формы и содержания права» [Баранова, Купцова, 2021, с. 14].

Технико-юридическая культура как самостоятельное явление находится в настоящее время в стадии формирования, ее активное развитие будет способствовать не только совершенствованию правовой культуры в целом, но и развитию различных сфер современного социума.

Формирование технико-юридической культуры молодежного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области: основные пути и перспективы развития

Для привлечения молодежи к участию в нормотворческой деятельности, а также с целью повышения ее активности в общественной жизни региона 30 октября 2008 года при Законодательном Собрании Нижегородской области был создан Молодежный парламент. В него вошли все категории молодежи: студенты, члены разных крупнейших молодежных организаций, работники предприятий, молодые предприниматели и профсоюзные деятели. Таким образом, при Законодательном Собрании образовался координационный центр молодежного парламентаризма в Нижегородской области, что послужило инициативным основанием для создания молодежных парламентских структур в регионе.

В соответствии с Постановлением Законодательного Собрания Нижегородской области от 31.01.2013 № 754-V «О принятии Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Нижегородской области»¹ Молодежный парламент при Законодательном Собрании Нижегородской области является совещательным и консультативным органом и состоит из представителей молодых граждан, проживающих в Нижегородской области (далее – молодежь). Целью создания Молодежного парламента стало привлечение молодежи к участию в нормотворческой деятельности Законодательного Собрания Нижегородской области (далее – Законодательное Собрание), повышение активности молодежи в общественной жизни Нижегородской области. В настоящее время активную работу по реализации молодежной политики осуществляет седьмой состав Молодежного парламента, который состоит из 52 членов парламента, избранных на молодежных конференциях в муниципальных районах, муниципальных округах и городских округах Нижегородской области, а также 26 членов парламента – представителей молодежи, избранных по итогам конкурсного отбора, всего 78 активных, инициативных лиц².

Следует отметить, что молодежные парламента при законодательных органах субъектов Российской Федерации являются не просто совещательными органами, а также представляют собой общности, которые являются посредниками между представителями государства и общества, что способствует поиску компромисса при принятии решений государ-

¹ <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW187;n=258208#bхPHFgTcoUzmrQ0l> (дата доступа 20.04.2023).

² Законодательное Собрание Нижегородской области: официальный сайт. URL: <https://зсно.рф/> (дата доступа 20.04.2023).

ственно-властного характера в установленных для этого случаях. Деятельность Молодежного парламента повышает социальную активность, позволяет его участникам приобретать практические и профессиональные навыки управленческой работы, формирует команду единомышленников, готовых поддержать и совместно реализовывать государственные и муниципальные программы, направленные на развитие Нижегородской области.

Как показала практика, юридическими знаниями обладали всего несколько человек из состава молодежного парламента, и было важно сформировать у всего состава этого органа систему необходимых правовых знаний и значимых ценностных правовых ориентаций и на этой базе заложить основы формирования технико-юридической культуры. Это предопределяется вызовами юридической практики, нуждающейся в наборе четких требований к профессиональной деятельности и подготовке юриста. Перспективное системное осмысление сущности и значения технико-юридической культуры будет способствовать совершенствованию правовой культуры в целом, повышению эффективности правового регулирования и более эффективному осуществлению профессиональной деятельности. Примечательно, что участники Молодежного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области проходили обучающий курс на базе Корпоративного Университета Правительства Нижегородской области – это получение и закрепление знаний о законотворчестве, о его стадиях и процессах, а также знания и умения в русле изучения законодательной техники.

Для будущих парламентариев особое значение в качестве важнейших технико-юридических инструментов играют идея законопроекта и концепция законопроекта. Причем наиболее востребованной была именно идея законопроекта, так как концепция законопроекта – это более сложная юридическая конструкция, которую достаточно проблематично сформировать в условиях недостаточности правовых знаний. Идея законопроекта представляет собой прием юридической техники, начальный этап правотворчества, представляющий собой систему суждений о потребности в этом документе, в правовой регламентации, о целях данного акта и об ожидаемом результате [Баранов, 2008]. Как справедливо отмечает А.А. Косых, «идея законопроекта выступает той интеллектуальной конструкцией, на которой держится вся система законотворческого процесса и каждая его часть в отдельности» [Косых, 2021, с. 62].

В анализируемых условиях идея законопроекта обладает целым рядом преимуществ: это небольшой по объему документ, содержащий характеристику самых важных проблемных моментов, его достаточно просто составить, и он доступен для обсуждения с представителями общества. В научной литературе в ряде случаев отмечается широкая трактовка права законодательной инициативы, под формами которой понимается не только готовый законопроект, но и само законодательное предложение (идея, концепция будущего закона) [Золотухина, 2017]. Тем не менее в теоретико-правовой доктрине устоявшейся является позиция, в соответствии с которой стадия законодательной инициативы завершается подготовкой текста законопроекта. Идея законопроекта представляет собой промежуточный этап правообразовательного процесса, текст, который содержит ее положения, не является идентичным законопроекту, и она в меньшей степени связана с нормативной правовой регламентацией правомочий субъектов, которые составляют этот документ.

В процессе формирования технико-юридической культуры Молодежного парламента с помощью технико-юридического инструментария были разработаны и оформлены несколько идей законопроектов, которые отражали потребности изменения законодательства Нижегородской области: решение экологических проблем, развитие народных промыслов в регионе и т.д. В результате реализации разработанных идей законопроектов одной из важнейших инициатив стало наделение с 2022 года Молодежного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области правом законодательной инициативы. 26 мая 2022 года на Заседании Законодательного Собрания Нижегородской области были приняты соответствующие поправки в Устав Нижегородской области.

Применительно к реалиям действительности есть основания полагать, что формирование идеи законопроекта осуществляется и должно осуществляться в тесном взаимодействии с общественными институтами. Данная вариативность предопределяется в первую очередь развитием цифровой сферы общественных отношений, которая упрощает осуществление диалога государства и общества, а также создает условия для осуществления вариативности функционирования общественных институтов. Важно отметить, что предложение и разработка идеи законопроекта только органами государственной власти конструктивной будет лишь в сфере императивного правового регулирования. В иных случаях своевременным и эффективным видится общественно-государственное взаимодействие в данной сфере.

Заключение

В условиях развития социума одним из перспективных направлений является совершенствование конструктивного взаимодействия государства и общества, создание новых условий данного взаимовыгодного сотрудничества с целью достижения социальной стабильности и поступательного государственного развития. В ряде исследований даже употребляется формулировка «диффузия власти через самоуправление» [Гражданское общество: истоки и современность, 2002], которая, несмотря на дискуссионный характер возможности ее употребления, является отражением диалектики не только социального прогресса, но и государственного развития.

В настоящее время назрела необходимость в формировании технико-юридической культуры отдельных социальных групп. Особую значимость в условиях развития в русле общественно-государственного взаимодействия приобретает формирование технико-юридической культуры у особых субъектов, которые изначально не обладают (или обладают частично) правовыми знаниями, но потенциально будут принимать участие в законотворческой деятельности. Молодежные парламенты при органах законодательной власти являются образованиями совещательного характера, которые взаимодействуют с органами законодательной власти и являются в основной своей массе будущими парламентариями.

В Нижегородской области для решения данных задач был разработан комплекс образовательных мероприятий, в процессе реализации которых был усвоен необходимый уровень знаний технико-юридического инструментария и умения использовать его потенциал при осуществлении профессиональной деятельности. Среди всех технико-юридических приемов и средств в этом случае в максимальной степени был эффективен и востребован такой прием, как идея законопроекта.

Список литературы

- Баранов В.М. 2008. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление. *Журнал российского права*, 2(134): 9–17.
- Баранова М.В., Кушова О. 2021. Б. Техничко-юридическая культура как базовая основа эффективного функционирования системы властных и невластных начал современного российского права. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 3(55): 8–16.
- Выжлецов Г.П. 1996. Аксиология культуры. СПб., 148 с.
- Гражданское общество: истоки и современность. 2002. Науч. ред. проф. И.И. Кальной, доц. И.Н. Лопушанский, 2-е изд. доп. СПб., 296 с.
- Золотухина Т.А. 2017. О целесообразности расширения перечня субъектов права законотворческой инициативы. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 10(259): 95–101.
- Косых А.А. 2021. Интеллектуальные аспекты идеи законопроекта. *Труды Академии управления МВД России*, 4(60):60–67.
- Петручак Л.А. 2009. Правовая культура: обоснование аксиологического подхода. *Актуальные проблемы российского права*, 3: 30–39.
- Сапун В.А. 2002. Правовая активность как вид юридической деятельности. *Российский юридический журнал*, 2(34): С. 3–7.

- Тонков Е.Е., Пожарова Л.А. 2019. Правовое регулирование в условиях цифровизации общества: проблемы и перспективы. *НОМОТТЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 44(3): 490–497.
- Baranova M., Kuptsova O., Belyasov S., Valentonis A. 2021. Culture of legal techniques: key dominants in the modern Russian legal system. *Cuestiones Políticas*, 39(71): 577–578.

References

- Baranov V.M. 2008. Ideya zakonoproekta: sushchnost', prakticheskaya cennost', tekhniko-yuridicheskoe oformlenie [The idea of the draft law: essence, practical value, technical and legal design]. *Journal of Russian Law*, 2 (134): 9–17.
- Baranova M.V., Kupcova O.B. 2021. Tekhniko-yuridicheskaya kul'tura kak bazovaya osnova effektivnogo funkcionirovaniya sistemy vlastnyh i nevlastnyh nachal sovremenno go rossijskogo prava [Technical and legal culture as the basic basis for the effective functioning of the system of imperious and non-imperious principles of modern Russian law]. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (55): 8–16.
- Vyzhlecov G.P. 1996. Aksiologiya kul'tury. [Axiology of culture]. SPb., 148 p.
- Grazhdanskoe obshchestvo: istoki i sovremennost' [Civilsociety: origins and modernity]. 2002. Nauch. red. prof. I.I. Kal'noj, doc. I.N. Lopushanskij. SPb, 296 p.
- Zolotukhina T.A. 2017. O celesoobraznosti rasshireniya perechnya sub'ektov prava zakonotvorcheskoj iniciativy [On the expediency of expanding the list of subjects of law of the legislative initiative]. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 40, 10:95–101.
- Kosyh A.A. 2021. Intel'ktual'nye aspekty idei zakonoproekta [Intellectual aspects of the idea of the bill]. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4(60): 60–67.
- Petruchak L.A. 2009. Pravovaya kul'tura: obosnovanie aksiologicheskogo podhoda [Legal culture: justification of the axiological approach]. *Actual problems of Russian law*, 3: 30–39.
- Sapun V.A. 2002. Pravovaya aktivnost' kak vid yuridicheskoy deyatelnosti [Legal activity as a type of legal activity]. *Russian Law Journal*, 2(34): 3–7.
- Tonkov E.E., Pozharova L.A. 2019. Pravovoe regulirovanie v usloviyah cifrovizacii obshchestva: problemy i perspektivy [Legal regulation in the conditions of digitalization of society: problems and prospects]. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 44(3): 490–497.
- Baranova M., Kuptsova O., Belyasov S., Valentonis A. 2021. Culture of legal techniques: key dominants in the modern Russian legal system. *Cuestiones Políticas*, 39(71): 577–578.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Купцова Ольга Борисовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga B. Kuptsova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Labor and Environmental Law, of the Law Faculty, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 340.12
DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-302-307

Доктрина панславизма в политико-правовом учении Н.Я. Данилевского

Пойминов Н.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1109030@bsu.edu.ru

Аннотация. В декабре 2022 года исполнилось 200 лет со дня рождения мыслителя, геополитика, публициста Н.Я. Данилевского, основоположника всемирно признанного учения о культурно-исторических типах, теоретика концепции многополярности мира. На фоне проблем славянской интеграции и особого положения России в славянском мире в условиях глобальных вызовов логичным представляется обращение к анализу отдельных компонентов доктрины панславизма в политико-правовом учении Н.Я. Данилевского. Автор акцентирует внимание на том, что концепция Н.Я. Данилевского включает обоснование государственного суверенитета славянских народов, возрождение их культурной самобытности, внешнеполитическое усиление влияния Славянского мира при обеспечении сохранения всемирного равновесия. В результате проведенного исследования установлен и проанализирован программный тезис учения Н.Я. Данилевского: Общеславянский союз должен стать цивилизационной политико-правовой системой и полюсом силы, способным конкурировать с Германо-Романской цивилизацией.

Ключевые слова: панславизм, доктрина, политико-правовое учение Н.Я. Данилевского, Всеславянская федерация, внешняя политика

Для цитирования: Пойминов Н.М. 2023. Доктрина панславизма в политико-правовом учении Н.Я. Данилевского. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 302–307. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-302-307

The Doctrine of Pan-Slavism in the Political and Legal Doctrine of N.Y. Danilevsky

Nikita M. Poyminov

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1109030@bsu.edu.ru

Abstract. December 2022 marks the 200th anniversary of the birth of the thinker, geopolitician, publicist N.Y. Danilevsky, who was the founder of the internationally recognized doctrine of cultural and historical types and the theorist of the concept of the multipolarity of the world. The problems of Slavic integration and the special position of Russia in the Slavic world in the context of global challenges are becoming particularly relevant and important, so it seems logical to turn to the analysis of individual components of the doctrine of pan-Slavism in the political and legal doctrine of N.Y. Danilevsky. It is emphasized that the concept of N.Y. Danilevsky includes the justification of the state sovereignty of the Slavic peoples, the revival of their cultural identity, the foreign policy strengthening of the influence of the Slavic world while ensuring the preservation of world balance. As a result of the conducted research, the program thesis of N.Y. Danilevsky's teaching was established and analyzed: the All-Slavic Union should become a civilizational political and legal system and a pole of power capable of competing with the Germanic-Roman civilization.

Keywords: pan-Slavism, doctrine, political and legal doctrine of N.Y. Danilevsky, All-Slavic Federation, foreign policy

For citation: Poyminov N.M. 2023. The Doctrine of Pan-Slavism in the Political and Legal Doctrine of N.Y. Danilevsky. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 302–307 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-302-307

Введение

Идея консолидации славянства привлекает внимание интеллектуальных элит славянского мира достаточно давно. Генерирование концептов «всеславянства», «славянской взаимности», «славянской солидарности», «славянской общности», «славянского единства» отражает востребованность проблематики панславизма на протяжении нескольких столетий, в том числе и в наши дни. Социально-политические трансформации, успехи и неудачи в развитии международных отношений определяли периодическое возвращение интереса к теме панславизма.

В отечественной науке обращение к отдельным аспектам политико-правовой доктрины панславизма в трудах Н.Я. Данилевского наблюдается в работах авторов В.А. Болдина, А.Ю. Кузубовой, В.Г. Ланового, Б.А. Прокудина, И.В. Чуркиной, О.К. Шиманской и некоторых других ученых [Прокудин, 2007; Кузубова, 2015; Лановой, 2015; Шиманская, 2016; Болдин, 2018; Чуркина 2020]. Вместе с тем следует констатировать, что панславизм практически не подвергался исследованию как политико-правовая доктрина, тогда как подобный ракурс позволяет произвести комплексный анализ понятийно-категориального аппарата, программных установок, корреляцию с политической практикой; востребованность в прикладном плане. Поэтому в качестве цели данной работы мы обозначили анализ категории «панславизм» и программных компонентов его доктрины в политико-правовом учении Н.Я. Данилевского.

Вопросы славянской интеграции в формате восточноевропейской геополитической платформы в условиях глобальных вызовов приобретают новое звучание. Ведь ключевым положением панславизма был и остается тезис об особой роли России в славянском мире, статусе лидера, покровителя и заступника. В то же время обращение к наследию Н.Я. Данилевского, еще в XIX веке акцентировавшего внимание на кардинальных различиях славянского и германо-романского культурных типов, позволяет критически подходить к достижениям Европы в государственно-правовой сфере. Именно в контексте современного уровня знания в XXI веке можно оценить достоинства и недостатки отечественной доктрины панславизма, что позволяет считать предпринятое исследование актуальным и значимым.

Теоретико-методологические подходы

Отсутствие единства в подходах к определению сущности феномена панславизма обусловлено неоднозначностью и многогранностью явления. Панславизм относится к категории панидеологий, то есть наднациональных систем идей, легитимирующих внешнеполитические векторы государственного развития в контексте структурирования национально-политической идентичности. Их роль – консолидация близких этнически и территориально народов в целях совместного решения социально-политических, экономических, религиозных и культурных задач. Маркер панидеологий – геополитическое самосохранение. Внешние угрозы и внутренние проблемы обусловили генезис и развитие ряда известных панидеологий, в том числе панславизма. Объединение народов по этнокультурному принципу в целях защиты, отстаивания своих прав, обретения «великодержавности» подразумевало как их консолидацию на паритетных началах, так и присоединение к более могущественному партнеру.

Концепции панславизма наполнялись многообразным содержанием – от литературно-филологического сближения до агрессивно-экспансионистского построения новой государственности. В отдельно взятых исторических реалиях панславизм обретал разнотипное наполнение: в одних случаях становился лозунгом национально-освободительных движений, в других – выступал инструментом сдерживания и реакции.

Генезис терминологии панславизма принято связывать с публицистикой германских и австрийских авторов. Но в научный оборот категория «панславизм» была введена в 1826 году словацким проповедником Яном Геркелем и первично подразумевала славянское единство и культурную общность. В грамматике общеславянского языка Геркеля панславизм определялся как «союз в литературе между всеми славянами» [Павленко, 2016, с. 4]. Российский историк и правовед конца XIX – начала XX вв. А.Л. Погодин давал следующее определение: панславизм – «теория всеславянского единения в той или другой области, культурной или политической, допускающая, как частичное достижение цели, объединение отдельных славянских народов, но стремящаяся, как к своему конечному идеалу, к политическому соединению всех славян» [Погодин, 1915, с. 109].

В рамках предпринятого исследования мы рассматриваем панславизм как государственно-правовую доктрину политического единства славянских государств и народов на основе этнической, культурной и языковой общности. Приоритеты государственного панславизма были сосредоточены в области обретения славянскими народами суверенитета через освободительную борьбу с целью последующего объединения. Идеологи панславизма видели его миссию в побуждении власти к проведению более решительной внешней политики на Востоке с перспективой создания федерации славянских государств, возглавляемых Россией.

Доктрина панславизма Н.Я. Данилевского

Попытку вывода панславизма на доктринальный уровень впервые предпринял Н.Я. Данилевский (1822–1885). В декабре 2022 г. отмечалось 200-летие со дня рождения мыслителя, что дает нам повод еще раз вспомнить об интеллектуальном наследии одного из главных идеологов единства славянских государств и народов. В его труде «Россия и Европа: взгляд на культурно-исторические и политические отношения славянского мира к германо-романскому», впервые опубликованном в журнале «Заря» в 1869 году, сформулировано учение о культурно-исторических типах. Теоретические построения философа базировались на экстраполяции данных естественных наук на развитие политико-правовых феноменов, что позволило сделать вывод о сходстве закономерностей растительной и животной морфологии и законов социально-исторического онтогенеза. По мнению Н.Н. Страхова, теория культурно-исторических типов смогла естественным образом систематизировать историческую науку, в которой «господствовала система искусственная» [Страхов, 1995, с. 27].

Социальный органицизм позволил мыслителю сделать вывод об отсутствии общечеловеческой и всечеловеческой цивилизации, что являлось следствием этнического и культурного многообразия, оригинальности мировоззрения народов. Общество образуют социальные организмы, представленные культурно-историческими типами, соответствующими лингвистико-этнографическим семействам. Под культурно-историческим типом Данилевский имел в виду общность народов, обладающих политической, языковой, территориальной, ценностной, культурной идентичностью. Философ вывел на первый план культурный компонент как средство отражения специфики национальных политико-правовых, этических, религиозных, лингвистических компонентов. В качестве маркеров культурно-исторических типов Н.Я. Данилевский выделял наличие единого языка или сходство диалектов; этнографическое родство; политико-правовое своеобразие. Государства автор рассматривал как сформированные в процессе исторического развития политико-правовые образования, отражающие культурную автономию конкретных обществ.

Н.Я. Данилевский обосновывал точку зрения, что славянские народы образуют особый культурно-исторический тип, синтезировавший все стороны культурной деятельности, что позволило ему претендовать на статус первого полного четырехосновного культурно-исторического типа. И большая часть славян «составляет политически независимое целое – Великое Русское царство» [Данилевский, 2015, с. 185]. Мыслитель доказывал, что Европа в культурно-историческом контексте враждебна по отношению к России, так как осознает могущество и масштаб последней. Именно потенциал зарождения сильной империи, способной объединить славянский мир, вызывал опасения романо-германской цивилизации. Угроза со стороны Запада, по мнению Н.Я. Данилевского, предполагает два сценария развития ситуации: утраты своей славянской идентичности при поглощении германо-романским культурно-историческим типом, либо, в союзе с другими славянами, образования самостоятельной и сильной федерации.

Особое место в доктрине Н.Я. Данилевского отведено проблематике национального суверенитета как условия генезиса и развития культурно-исторического типа. Мыслитель считал, что процветание славян напрямую зависит от их политического суверенитета и культурной идентичности. По мнению Н.Я. Данилевского, «для всякого славянина... после Бога и Его святой Церкви, – идея Славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него не достижимо без ее осуществления, – без духовно, народно и политически самобытного, независимого Славянства; а напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности» [Данилевский, 2015, с. 189]. Объединение в какой-либо форме административно-территориального устройства русских, австрийских, турецких славян с неизбежным включением, как указывал автор концепции, «вкраплением» мадьяр, румын и греков открывает данному союзу первостепенное место в мире. Интеграция сулила выгоды всем славянам: они обрели бы защиту как от внешних врагов, так и от своих же этнических братьев, что позволило бы избежать споров, например, чехов со словаками, сербов с хорватами и т.д.

Утрата первоначальной исторической идеи, создавшей политический корпус из народных элементов, влечет разрушение, остановить которое по силе только новому объединяющему началу. Им, по Данилевскому, способен выступить этнографический принцип Всеславянства: «Итак, Всеславянская федерация – вот единственно разумное, а потому и единственно возможное решение Восточного вопроса» [Данилевский, 2015, с. 525].

Какими чертами должна обладать Всеславянская федерация, возглавляемая Россией, со столицей в Царьграде? Первое условие – политический суверенитет входящих в нее народов. Это объединение представлялось мыслителем в качестве федерации независимых славянских народов. Недопустимо поглощение славянских народов Россией, наоборот, необходимо объединение всех сохраняющих идентичность, политическую независимость славян под общей идеей Всеславянства в Общеславянский союз. Вторым важным условием в доктрине Н.Я. Данилевского было сохранение культурного разнообразия славянских народов. Ведь процветание цивилизации, свойственной культурно-историческому типу, обусловлено полиморфией ее этнографических компонентов. Именно поэтому автор теории культурно-исторических типов критически относился к идее придания русскому языку статуса общеславянского и через язык соединения славянских народов в государственность, насущной задачей он считал именно политическое освобождение славянских племен.

В доктрине Н.Я. Данилевского образование Всеславянского союза рассматривается как единственный вариант сохранения и эволюции своеобразной славянской культуры. Только свершившееся политическое объединение суверенных славянских государств обеспечит геополитическое превосходство над Западом и в то же время гарантирует сохранение всемирного равновесия, справедливое перераспределение влияния между народами мира.

Заклучение

Таким образом, Н.Я. Данилевский предложил программный компонент доктрины панславизма, включающий, во-первых, политический суверенитет славянских народов; во-вторых, ренессанс их культурной самобытности; в-третьих, геополитическое усиление влияния Славянского мира при обеспечении сохранения всемирного равновесия.

В условиях новой геополитической реальности доктрина панславизма может приобрести новое содержание. Мы далеки от идеализации идеи панславизма в силу отмечаемого многими мыслителями отсутствия общих для всех славян религиозных, государственных и правовых идей. Но кризис идеи общеевропейской идентичности открывает новые горизонты для группы славянских народов, способных создать определенное наднациональное объединение на этнографической платформе славянства. Эпоха формирования многополярного мира в контексте полилога разных культурно-исторических типов находится в стадии своего генезиса.

Список литературы

- Болдин В.А. 2018. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М., Аквилон, 375.
- Данилевский Н.Я. 2015. Россия и Европа. М., Де'Либри, 764.
- Кузубова А.Ю. 2015. Правовые ценности в цивилизационном учении Н.Я. Данилевского. *Теория и практика общественного развития*, 21: 116–118.
- Лановой В.Г. 2015. Форма государства в теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. *Символ науки*, 12(2): 83–87.
- Павленко О.В. 2016. Панславизм и его модели. Новая и новейшая история, 5: 3–15.
- Погодин А.Л. 1915. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., Типография Т-ва И. Д. Сытина, 420 с.
- Прокудин Б.А. 2007. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 30.
- Страхов Н.Н. 1995. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского. В кн.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб., Глаголь: 21–34.
- Чуркина И.В. 2020. Русские панслависты 1860–1870-х годов. В кн.: Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.). Коллективная монография. М., Издательство: Институт славяноведения РАН: 85–105.
- Шиманская О.К. 2016. Образ России: от всеславянской цивилизации к русскому миру. В кн.: Образ России в русской религиозной мысли. XXV рождественские православно-философские чтения. Нижний Новгород, Изд. Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина: 296–302.

References

- Boldin V.A. 2018. Panslavistskie politicheskie kontseptsii: genezis i evolyutsiya [Pan-Slavic political concepts: genesis and evolution]. M., Publ. Akvilon, 375 p. (In Russian)
- Danilevskiy N.Ya. 2015. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. M., Publ. DeLibri, 764 p. (In Russian)
- Kuzubova A.Yu. 2015. Pravovye tsennosti v tsivilizatsionnom uchenii N.Ya. Danilevskogo [Legal values in the civilizational teaching of N.Y. Danilevsky]. *Teoriya i praktika obshchestvenno go razvitiya*, 21: 116–118. (In Russian)
- Lanovoy V.G. 2015. Forma gosudarstva v teorii kul'turno-istoricheskikh tipov N.Ya. Danilevskogo [The Form of the State in the theory of Cultural and historical Types by N.Y. Danilevsky]. *Simvol nauki*, 12(2): 83–87. (In Russian)
- Pavlenko O.V. 2016. Panslavizm i ego modeli. [Pan-Slavism and its models]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 5: 3–15. (In Russian)

- Pogodin A.L. 1915. Slavyanskiy mir. Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie slavyanskikh narodov pered voynoy 1914 goda [The Slavic world. The political and economic situation of the Slavic peoples before the war of 1914]. М., Типография Т-ва I. D. Sytina, 420 p. (In Russian)
- Prokudin B.A. 2007. Ideya slavyanskogo edinstva v politicheskoy mysli Rossii XIX veka: genesis, osnovnye napravleniya i etapy razvitiya [The idea of Slavic unity in the political thought of Russia of the XIX century: genesis, main directions and stages of development]: autoref. dis. ... cand. polit. sciences'. М., 30 p.
- Strakhov N.N. 1995. Zhizn' i trudy N.Ya. Danilevskogo [The life and works of N.Y. Danilevsky]. In: Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance]. SPb., Publ. Glagol: 21–34.
- Churkina I.V. 2020. Russkie panslavisty 1860-1870-kh godov [Russian pan-Slavists of the 1860s and 1870s.]. In: Slavyane i Rossiya: problemy gosudarstvennosti na Balkanakh (konets XVIII-KhKhI vv.) [Slavs and Russia: Problems of Statehood in the Balkans (late XVIII-XXI centuries)]. М., Publ.: Institut slavyanovedeniya RAN: 85–105.
- Shimanskaya O.K. 2016. Obraz Rossii: ot vseslavyanskoy tsivilizatsii k russkomu miru [The Image of Russia: from the All-Slavic civilization to the Russian world]. In: Obraz Rossii v russkoy religioznoy mysli. XXV rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya [The Image of Russia in Russian Religious Thought]. Nizhniy Novgorod, Publ.: "Nizhegorodskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni Koz'my Minina": 296–302.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пойминов Никита Михайлович, аспирант кафедры теории и истории государства и права, юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Nikita M. Poyminov, Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law, the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 340 (02)

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-308-316

Источники права как формы закрепления социальных притязаний

Смирнова М.Г.

Северо-Западный филиал Российского Университета Правосудия,
Россия, 198217, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5
E-mail: msm777@inbox.ru

Аннотация. Многообразие общественных отношений, их высокий динамизм и изменчивость выдвигают задачу постоянного совершенствования норм права, восполнения пробелов, устранения правовых коллизий. В этой связи большое значение имеет исследование механизмов нормотворчества, в частности, раскрытие взаимосвязи источников права с возникающими социальными притязаниями субъектов. Вместе с тем данная проблема слабо изучена в научной литературе, единая концепция социальных притязаний в теории государства и права отсутствует. Цель работы – проанализировать механизмы взаимодействия источников права с возникающими в процессе эволюции общественных отношений социальными притязаниями. В статье показано, что социальные притязания, выступая как требования субъектов (индивидов, социальных групп) к государству о закреплении собственных интересов в нормах права, их институционализации, при соответствии определенным требованиям получают свое дальнейшее закрепление в источниках права. Доказано, что источники права и социальные притязания представляют собой взаимосвязанные и взаимозависимые явления. Источники права по сути являются формами закрепления требований притязателей. Социальные притязания субъектов прежде всего находят свою объективацию как в традиционных источниках права, таких как нормативный правовой акт, так и в нетрадиционных для российского государства источниках. Автор приходит к выводу, что задача правильного юридического обоснования социальных притязаний и их последующая грамотная институционализация в соответствующих источниках права есть важнейший вектор взаимодействия правовой науки и правообразовательной деятельности.

Ключевые слова: источники права, социальные притязания, традиционные формы закрепления, нетрадиционные формы закрепления

Для цитирования: Смирнова М.Г. 2023. Источники права как формы закрепления социальных притязаний. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 308–316. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-308-316

Sources of Law As a form of Consolidation of Social Claims

Marina G. Smirnova

North-Western Branch of the Russian University of Justice,
5 Alexandrovsky Park, St. Petersburg 198217, Russia
E-mail: msm777@inbox.ru

Abstract. The variety of permanent relations, their high dynamics and variability are often put forward with the application of the rule of law, filling in gaps, capturing legal conflicts. In this regard, the rule-making mechanism is of great importance, in particular, the disclosure of the relationship between the sources of rights using the claims of the subjects used. At the same time, there is no detection of the problem of narrow study in the scientific literature. The purpose of the work is to analyze the mechanisms of

registration of documents with the occurrence in the process of evolution of cases of the emergence of relations of attraction. The article says that increased resistance to the requirements of subjects (individuals, social groups) to states to secure possible interests in the norms of rights, their institutionalization, while striving to achieve support in their sources of rights. The author of the article proves that the sources of law and social claims have interconnected and interdependent phenomena. Sources of law under the constitution are forms of securing safe claimants. The social claims of subjects first of all find their objectification both in excluding sources of rights, such as a normative legal act, and in non-traditional sources for the Russian state. The author comes to the conclusion that the problem of the correct legal substantiation of social attractions and their subsequent competent institution in the source of rights is a characteristic vector of the science of symptoms and law-forming activity.

Keywords: sources of law, social claims, traditional forms of consolidation, non-traditional forms of consolidation

For citation: Smirnova M.G. 2023. Sources of Law As a form of Consolidation of Social Claims. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 308–316 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-308-316

Введение

Вопросы природы источников права всегда вызывали особый интерес юридической общественности. Данная проблема является не новой и достаточно разработанной. Так, исследование источников права было предметом изучения таких дореволюционных российских ученых, как Е.В. Васьковский¹, Н.М. Коркунова [1894]. В данных работах уделено немалое внимание вопросам исследования правового обычая [Коркунов, 1909] и прецедента как форм закрепления новых правил поведения в праве.

В советский период научный интерес был смещен преимущественно к изучению официальных источников права, таких как нормативный правовой акт, и непосредственно их видов – законов и подзаконных нормативных правовых актов. Такие известные ученые, как С.С. Алексеев [1973], И.С. Самощенко [1969] и др., занимались исследованием данной проблематики.

В современный период вопрос об источниках (формах) права также вызывает интерес исследователей. Работы В.Д. Зорькина [2004], Л.А. Морозова [2004] посвящены этой проблематике, причем вектор исследования направлен преимущественно на изучение нетрадиционных, нетипичных для России источников права.

Проблема социальных притязаний, напротив, является слабо изученной. В отечественной юридической литературе требования субъектов об институционализации в праве собственных интересов исследовались в основном в связи с потребностью защиты нарушенного права как элемента структуры субъективного права [Матузов, 1972].

Изучение вопроса притязаний в контексте социальной обусловленности права получило отражение в трудах небольшого числа ученых [Смирнова, 2008]. В динамично развивающихся условиях общественной жизни, особенно актуальным и практически востребованным остается исследование механизмов качественного выявления социальных притязаний, нуждающихся в соответствующей институционализации, а также закрепления их в соответствующих источниках права для обеспечения их последующей реализации.

Концепция социальных притязаний

Следует констатировать, что до настоящего времени в теории государства и права отсутствует единая согласованная концепция социальных притязаний, их природы, понятия, структуры, видов и роли в правообразовательном процессе.

¹ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. Москва : Бр. Башмаковы, 1917. 429 с.

Обратимся к понятию социального притязания.

Словарь русского языка¹ раскрывает смысл термина «притязание» как стремление получить что-либо, добиться признания чего-либо, предъявить права на что-либо и т.д. Полагаем, что этимологическая определенность данного термина означает, что требования граждан и юридических лиц, обращенные для достижения определенной цели, могут быть обозначены как «притязания». При этом требования должны носить настойчивый характер.

Впервые понятие «притязание» (Anspruch) ввел в науку и разработал исследователь Виндшейд [Windcheid, 1856]. В последующем термин «притязание» вошел в научный оборот, но применялся в юриспруденции исключительно как возможность защиты нарушенного права субъекта, которое обращено к обязанному лицу, а также преимущественно к государству.

Предлагаемое автором настоящей статьи понимание термина «социальное притязание» направлено прежде всего на исследование правообразовательных процессов, в отличие от устоявшегося в науке понимания притязания, связанного непосредственно с проблемами реализации права. Под социальными притязаниями понимаются требования субъектов, обращенные прежде всего к государству, о закреплении в нормах права собственных социальных интересов, их институционализации в соответствующих источниках (формах) права. Социальные притязания поднимают проблему востребованности права, соответствия норм права запросам и ожиданиям общества. Так, в качестве примера можно привести проблему использования электронных технологий в образовательной сфере в связи с выявлением использования студентами нейросетей для написания дипломных работ. Подобного рода работы сервер искусственного интеллекта составляет примерно за три часа и обнаружить преподавателям факт составления диплома не студентами лично внешне практически невозможно. Эта ситуация свидетельствует о появлении социальных притязаний в образовании, направленных на ограничение использования обучающимися электронных технологий. Подобная проблема объективации данных социальных требований, полагаем, возможна и в научной сфере, при написании диссертационных исследований.

Для лучшего понимания природы социального притязания обратимся к его структуре. В качестве структурных элементов данного явления можно выделить следующие: носители социальных притязаний (субъектный состав), содержание требований и непосредственно то, на что направлены требования притязателей (объекты). Субъектный состав данного явления представлен индивидами, социальными группами и иными общностями, которые выступают собственно притязателями и транслируют свои требования к органам государственной власти различными способами. Чем больше притязателей задействовано в процессе отстаивания собственных социальных интересов, их институционализации, тем больше шансов, что законодатель «услышит» их и эти требования получают свое отражение в законе. После закрепления в нормах права интересы притязателей получают возможность реализации и соответствующей защиты.

Содержательный элемент социального притязания представлен собственно интересами субъектов, которые их артикулируют. Важно отметить, что именно интересы сподвигают индивидов и социальные группы совершать внешние активные действия по их отстаиванию, закреплению в праве. Интересы представляют собой осознанные потребности субъектов, стремления к их реализации и воплощению в жизнь. Вопрос институционализации социальных притязаний в соответствующих источниках напрямую зависит от активности индивидов и иных социальных общностей, их вовлеченности в борьбу по их отстаиванию. Во внешней деятельности притязателей проявляется прежде всего их волевой аспект. Так как многие требования субъектов не получают свою объективацию в праве и остаются

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985. 520 с.

нереализованными, субъекты должны совершать активные, сознательные, настойчивые внешние действия по отстаиванию собственных интересов и потребностей.

Воля притязателей напрямую связана с целями, которые они перед собой ставят. Социальные притязания направлены прежде всего на достижение конкретных социальных благ, именно они и выступают конечным элементом требований, их объектом.

Сложное строение социального требования отражается и на его природе. Социальные притязания обладают двойственной природой. Они по сути своей объективно-субъективны. Так, на созревание социальных притязаний оказывают непосредственное влияние окружающая среда, исторические процессы, происходящие в обществе, политическая обстановка, экономические и культурные факторы, а также непосредственно те социальные условия, в которых находится притязатель. Данные факторы реальной действительности обуславливают объективную природу того или иного социального требования. В то же время социальные притязания неотделимы от их автора и обусловлены его личными психологическими качествами и волевыми установками. Данные факторы оказывают значительное влияние на социальные притязания и отражают их субъективную природу.

Процесс от зарождения социальных притязаний до момента их воплощения в нормах права и объективации в соответствующих источниках занимает порой достаточное время и может быть разделен на условные стадии.

Так, первоначально происходит формирование требования субъектов. Социальные ожидания, неудовлетворенность реальной действительностью, осознание субъектами своих потребностей приводят к появлению определенных социальных требований. Индивиды и социальные группы формируют свои новые требования, т.е. артикулируют их.

Далее требования упорядочиваются притязателями, распределяются в группы, происходит процесс их агрегирования. В последующем данные социальные требования доводятся до сведения органов государственной власти с целью их закрепления в нормах права. Притязатели совершают различные внешние действия по их отстаиванию, применяя различные средства. Лоббизм можно назвать одним из таковых.

Объективация социальных притязаний способствует качественному усовершенствованию права, его норм, восполнению пробелов и устранению правовых коллизий.

В настоящее время нет отраслей права, которые не нуждались бы в совершенствовании. Изменения, которые постоянно происходят в обществе, порождают возникновение все новых и новых социальных требований. Основными задачами для законодательства являются анализ и проработка требований, выдвигаемых индивидами и социальными группами, выявление тех из них, которые должны быть закреплены в соответствующих формах права. Для этих целей правотворческий орган после выявления социальных притязаний, нуждающихся в правовом закреплении, проверяет их на предмет соответствия определенным критериям.

Подчеркнем, что проблема применения качественных критериев для отбора социальных притязаний, нуждающихся в правовом закреплении, является достаточно актуальной в современной науке и значимой для правотворческой деятельности.

По мнению автора, в настоящее время, в эпоху политической нестабильности и в условиях международной изоляции России большую ценность представляет критерий соответствия притязаний нормам общечеловеческой морали и основным христианским заповедям. Указом Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 года были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹. В данном нормативно-правовом акте закреплены такие ценности, как историческая память, служение Отечеству, патриотизм, милосердие,

¹Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей". URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1584202/>. (Дата обращения: 12.11.2022).

крепкая семья. В Основах сделан акцент на влияние православия на формирование ценностей в нашем российском государстве. Институционализация притязаний, направленных на повышение уровня правосознания и духовной культуры, является жизненно важной для нашего общества.

В качестве критериев объективации социальных притязаний можно выделить общезначимость отношений, которые требуют правовой регламентации; соответствие требований притязателей ожиданиям населения, историческим традициям, политической обстановке, экономическому развитию и культурным ценностям. Кроме того, закрепление в нормах права тех или иных социальных притязаний должно способствовать сохранению формального равенства всех членов общества. Данный процесс сопряжен с регламентацией соответствующих льгот и преимуществ как мер исключительного характера. Примером выступают льготы для военнослужащих и членов их семей, участвующих в Специальной Военной операции.

Задача законодателя при закреплении требований притязателей в праве – обеспечить соответствующий баланс интересов. Кроме того, те социальные интересы, которые законодатель объективирует в праве, должны носить реально исполнимый характер и быть обеспечены соответствующим правовым и экономическим механизмом своего воплощения в жизнь. Данный перечень критериев не является исчерпывающим, нуждается в дальнейшем исследовании и отражении в нормативных правовых актах, регламентирующих сферу правообразования и правотворчества.

Закрепление социальных притязаний в источниках права

Социальные притязания, отвечающие необходимым критериям, должны получить свое отражение в соответствующих источниках (формах) права. Можно выделить традиционные (типичные) и нетрадиционные (непитичные) формы их закрепления в праве.

Стоит согласиться с ведущим российским ученым С.С. Алексеевым, который понимает под источниками права «исходящие от государства или признаваемые им официально документальные способы выражения и закрепления норм права, придания им юридического, общеобязательного значения» [Алексеев, 1999]. Именно в этом смысле в научной и учебной литературе употребляется словосочетание «источник (форма) права», в этом смысле оно будет применяться и в данной работе.

Основным официальным источником права, в котором получают свою институционализацию социальные притязания в нашем государстве, выступает нормативный правовой акт. В доктрине существуют различные определения нормативного правового акта. Так, С.В. Бошно дает следующее развернутое определение нормативного правового акта: «Это письменный официальный документ, принятый в определенной законом процедуре, направленный на возникновение, изменение или отмену обязательных правовых предписаний, рассчитанный на многократное применение, длительное существование, регулирование общественных отношений, нуждающихся в государственно-организационном воздействии» [Бошно, 2004].

Важно отметить, что в настоящее время отсутствует Федеральный Закон «О нормативных правовых актах» и, как следствие, отсутствует легальная дефиниция этой формы опосредования социальных притязаний. Данный пробел восполняет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», раскрывая существенные признаки данного источника права, ведущим из которых выступает нормативность (наличие новых правил поведения – норм права)¹.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

Выявление правовой природы акта, его квалификация возложена сейчас на органы судебной власти, осуществляющие ведение дел по делам нормоконтроля.

Социальные притязания, выступая как требования субъектов (индивидов, социальных групп) к государству о закреплении собственных интересов в нормах права, их институционализации, при соответствии вышеназванным требованиям получают свое дальнейшее закрепление прежде всего в официальном источнике, в этом случае притязатели получают надежный механизм соответствующей реализации, защиты своих требований.

Система законов и подзаконных нормативных правовых актов отличается разветвленностью, иерархичностью, строгой соподчиненностью по юридической силе и позволяет обеспечить стабильность и развитие общественных отношений путем объективации в них различных социальных притязаний субъектов. Насколько развита и совершенна система институционализации социальных притязаний в традиционных источниках права, настолько законодательство будет социально-обусловленным и эффективным.

Одной из форм объективации социальных притязаний выступают правовые позиции Конституционного суда.

Перечислим несколько отличительных признаков данного источника права, которые позволяют отнести его к нетрадиционной форме объективации в них социальных требований индивидов и иных социальных общностей:

1. Выработка соответствующих правовых позиций Конституционным Судом РФ связана с реализацией функции конституционного нормоконтроля, а именно – проверкой законов на предмет их соответствия конституционным нормам и принципам. Оценка конституционности акта всегда дается в контексте толкования Конституции, интерпретации, конкретизации ее принципов и норм, определения их сути, что находит выражение в правовых позициях [Лазарев, 2003].

2. Правовые позиции Конституционного Суда обладают особой юридической природой и степенью обязательности. Ими приостанавливается действие правовых норм, противоречащих Конституции РФ, последние утрачивают юридическую силу и перестают действовать.

Перечисленные признаки позволяют отнести правовые позиции Конституционного Суда к своеобразным, нетрадиционным источникам права российского государства. Важно отметить, что требования притязателей объективируются также в процессе толкования Конституционным Судом РФ соответствующих норм права. Нередко Конституционный Суд в процессе толкования норм полностью меняет понимание нормы (дух закона) и практику ее дальнейшего применения. Так, данный нетрадиционный источник права в силу особой юридической природы, свойств имеет уникальное самостоятельное значение и, несомненно, выступает одной из эффективных форм закрепления в праве назревших социальных притязаний.

Требования притязателей также могут получить свое отражение в правовоположениях судебной практики. Судебная практика в нашем государстве не является источником права. Однако в ряде случаев по определенным категориям споров суды вырабатывают правовоположения, в которых также получают объективацию социальные притязания субъектов.

Правовоположения судебной практики содержатся в мотивировочной и резолютивной части решения суда и обладают следующими свойствами:

- 1) создаются в результате судебной деятельности;
- 2) имеют поднормативный характер;
- 3) выступают прообразом юридических норм;
- 4) имеют формально-определенный характер;
- 5) имеют определенную степень обязательности и влекут определенные юридические последствия;
- 6) имеют процессуальный характер;

7) оказывают дополнительное (вспомогательное) регуляционное воздействие на общественные отношения.

Правоположения судебной практики вырабатываются судебной властью прежде всего по делам, связанным с реализацией общего судебного нормоконтроля, осуществляемого по правилам административного судопроизводства по проверке качества нормативных правовых актов, их законности, а также соответствия законодательству, имеющему более высокую юридическую силу.

Выделяют две формы нормоконтроля – непосредственный и опосредованный.

Первая форма осуществляется на основании подачи заинтересованным лицом, чьи права и интересы нарушены нормативным правовым актом, административного иска, и суд непосредственно осуществляет проверку законности данного акта. В компетенции суда признать акт недействующим. При этом суд не связан доводами административного истца и должен самостоятельно осуществить проверку акта в полном объеме. Если суд признал акт недействующим, нормативный правовой акт утрачивает юридическую силу и не подлежит применению, следовательно, прекращает свое регулирующее воздействие.

В правоположениях судебной практики, которые содержатся в мотивировочной и резолютивной части соответствующего судебного акта, закрепляются назревшие социальные притязания субъектов. В этой связи можно сказать, что правоположения судебной практики выступают фактически нетрадиционным источником (формой) институционализации требований притязателей.

Вторая же форма нормоконтроля – опосредованный нормоконтроль – осуществляется в процессе рассмотрения судом любого дела, если у суда возникли сомнения в законности применяемых положений законодательства. Данная форма нормоконтроля осуществляется судебной властью на основании ч.1, 4 ст. 15, ч. 2 ст. 120 Конституции РФ, ч. 3 ст. 5 Федерального Конституционного Закона «О судебной системе Российской Федерации», а также ч. 2 ст. 11 ГПК РФ, ч. 2 ст. 13 АПК РФ.

Законодательство позволяет суду отказывать в применении закона, противоречащего нормативным правовым актам, имеющим более высокую юридическую силу, и тем самым сформировать прообраз новой правовой нормы. Также следует констатировать, что суды вынуждены вырабатывать правоположения и закреплять насущные социальные притязания по делам, связанным с восполнением пробелов, устранением коллизий в праве и конкретизацией оценочных категорий. Таким образом правоположения судебной практики выступают определенным каналом правообразования и нетрадиционным источником (формой) закрепления в праве социальных притязаний субъектов.

Индивидуальный договор также можно причислить к нетрадиционным источникам закрепления социальных притязаний. Отличием индивидуального договора как нетрадиционной формы объективации требований притязателей в частном праве от договора как акта непосредственной реализации является наличие индивидуальных норм, правил поведения, которые создаются сторонами договора и служат средством регуляции их отношений при отсутствии непосредственных норм права в данной сфере. Возможность создания новых правил поведения (индивидуальных норм) участниками договорных отношений вытекает из принципа свободы договора, который является базовым в частном праве.

При этом создаваемые сторонами договора индивидуальные нормы имеют в случае спора обязательный характер при условии не противоречия законодательству, регулирующему данные отношения.

Индивидуальные договоры обладают поднормативным характером, восполняя пробелы правового регулирования в частноправовой сфере, формируют прообраз будущих правовых норм и имеют непосредственное регулирующее воздействие.

Заключение

Таким образом, социальные притязания субъектов и источники права выступают тесно взаимосвязанными категориями. Социальные притязания выступают предвестниками права, которые свидетельствуют о возникновении тех или иных отношений общественной жизни, нуждающихся в правовой регуляции. Данная регуляция осуществляется при помощи норм права. Внешней формой выражения и закрепления сформированных правотворцем новых правил поведения выступают непосредственно источники права. Автор статьи приходит к выводу, что источники права и требования субъектов к институционализации собственных социальных интересов в праве (социальные притязания) представляют собой взаимосвязанные и взаимозависимые явления.

Источники права по сути являются формами закрепления требований притязателей. Социальные притязания субъектов находят свою объективацию как в традиционных источниках права, таких как нормативный правовой акт, так и в нетрадиционных для российского государства источниках. Объективация социальных притязаний способствует качественному усовершенствованию права, его норм, восполнению пробелов и устранению правовых коллизий.

Таким образом, одним из векторов взаимодействия правовой науки и правообразовательной деятельности является правильное юридическое обоснование социальных притязаний и их последующая грамотная институционализация в соответствующих правовых формах (источниках) права.

Список литературы

- Алексеев С.С. 1973. Проблемы теории права. Свердловск, 396 с.
Алексеев С.С. 1999. Право: азбука-теория-философия. Опыт комплексного исследования. М., 76 с.
Бошно С.В. 2004. Развитие признаков нормативного правового акта в современной правотворческой практике. *Журнал российского права*, 4: 97.
Васьковский Е.В. 1901. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 400 с.
Зорькин В.Д. 2004. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации. *Журнал российского права*, 12: 3–9.
Коркунов Н.М. 1894. Указ и закон. СПб., 408 с.
Лазарев Л.В. 2003. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 24 с.
Матузов Н.И. 1972. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 298 с.
Морозова Л.А. 2003. Еще раз о судебной практике как источнике права. *Государство и право*, 1: 19–23.
Самощенко И.С. 1969. Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства. *Правоведение*, 3: 26–33.
Смирнова М.Г. 2008. Социальные притязания и субъективное право. СПб., 136 с.
Windcheid. 1856. Die Actioromischen Civilrecht svom Standpunkte des heutigen Recht. Dusseldorf. 3.

References

- Alekseev S.S. 1973. Problems of the theory of law. Sverdlovsk, 396 p. (in Russian).
Alekseev S.S. 1999. Law: ABC-theory-philosophy. The experience of complex research. M., 76 p. (in Russian).
Boshno S.V. 2004. Development of features of a normative legal act in modern law-making practice. *ZHurnal rossijskogo prava*, 4: 97. (in Russian).
Vas'kovskij E.V. 1901. The doctrine of the interpretation and application of civil laws. Odessa, 400 p. (in Russian).
Zor'kin V.D. 2004. The precedent nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *ZHurnal rossijskogo prava*, 12: 3–9 (in Russian).
Korkunov N.M. 1894. Decree and law. St. Petersburg, 408 p. (in Russian).
Lazarev L.V. 2003. Legal positions of the Constitutional Court of Russia. M., 24 p. (in Russian).

- Matuzov N.I. 1972. Personality. Rights. Democracy. Theoretical problems of subjective law. Saratov, 298 p. (in Russian).
- Morozova L.A. 2003. Once again about judicial practice as a source of law. *Gosudarstvo i pravo*, 1: 19–23 (in Russian).
- Samoshchenko I.S. 1969. Some questions of the doctrine of the normative acts of the socialist state. *Pravovedenie*, 3: 26–33 (in Russian).
- Smirnova M.G. 2008. Social claims and subjective law. St. Petersburg, 136 p. (in Russian).
- Windcheid. 1856. Die Actioromischen Civilrechtsvom Standpunkte des heutigen Recht. Dusseldorf.3.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Марина Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процессуального права, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Marina Gennadievna, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Procedure Law of the North-Western Branch, Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342; 347; 349; 342.9; 34.03; 340.130.5; 340.14.
DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-317-325

Всё более усложняющаяся сложность права

М.В. Дегтярев

Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: mvdegtzarev@adm.khv.ru

Аннотация. Настоящая статья есть часть разрабатываемой автором научной юридической доктрины инновационных публично-правовых режимов. В работе исследуются теоретические подходы к осмыслению феномена сложности права и сложности в праве. Рассмотрен ряд существующих подходов к объяснению сложности в праве – вследствие специфики природы права. Автор доказывает, что сложность и простота в праве – амбивалентны (двойственны) и взаимосвязаны, что это не полярно противостоящие понятия, они находятся в определённом сложном онтологическом единстве. Автор обращается к вопросу о пределах упрощения права. Рассмотрены детерминанты роста усложнённости и повышения энтропийности в праве. Статья завершается-развернутым авторским концептом аксиоматического ядра понимания и толкования сложности в праве и в регуляторном пространстве. Сделан вывод о том, что юридическая наука – это объективно наука о сложности, о сложных нормативных, нормореализационных и арбитражных мирах и онтологиях, процессах, взаимодействиях и противодействиях.

Ключевые слова: сложность в праве, процесс усложнения, инновационные публично-правовые режимы, нетипичные регуляторные технологии, публичное право, публично-правовые науки

Для цитирования: Дегтярев М.В. 2023. Всё более усложняющаяся сложность права. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(2): 317–325. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-317-325

The Increasing Complexity of the Law

Mikhail V. Degtyarev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
9 Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow 123995, Russia
E-mail: mvdegtzarev@adm.khv.ru

Abstract. This article is part of the scientific legal doctrine of innovative public-law regimes developed by the author. The article explores theoretical approaches to understanding the phenomenon of legal complexity and complexity in law. The article considers a number of existing approaches to the explanation of complexity in law – due to the specific nature of law. The author proves that complexity and simplicity in law are ambivalent (dual) and interrelated. Complexity and simplicity in law are not polar opposing concepts, they are in a certain complex ontological unity. The author turns to the question of the limits of simplification of law. The article considers the determinants of the growth of complexity and increasing entropy in law. The article concludes with the conclusion that the author's unfolded concepts of the axiomatic kernel of understanding and interpretation of complexity in law and in the regulatory space. The author also concludes that legal science is, objectively, a science of complexity, of complex normative, norm-realization and arbitration worlds and ontologies, processes, interactions and counteractions.

Keywords: complexity in law, process of complexification, innovative public law regimes, atypical regulatory technologies, public law, public law sciences

For citation: Degtyarev M.V. 2023. The Increasing Complexity of the Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 317–325 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-317-325

Введение

Сложные явления, сложные системы, сложные процессы и отношения распространены повсеместно в правовом поле. Но сложность – это не обязательно запутанность, хотя и предполагает определённую сплетённость, связанность.

Научно-технологический прогресс идёт параллельно и взаимосвязанно с ростом сложности, можно обоснованно говорить о тенденциях и процессах «комплексификации» (франц. *complexification*), то есть объективно обусловленного усложнения. И именно этот аспект правовой реальности детерминирует необходимость дискуссий и проектных стремлений в правовой инноватике. Сложность и есть весомая и существенно значимая предпосылка к перманентной инновационализации права. Проблема уже избыточной и всё усложняемой сложности регуляторных пространств, безнадёжные сложность, запутанность, неясность, непредсказуемость, дезупорядоченность в праве стали давно уже притчей во языцех.

«Принято говорить, – пишет Даниэль Бурсье [Bourcier, 2011, p. 37], – что закон становится все более сложным. Учреждения, которые его регулируют, пытались воздействовать на причины этого явления и пресечь его последствия. Но откуда берётся это ощущение критического увеличения нормативной сложности?»

«Право, концептуализированное как структурированная наука, весьма привлекательно и востребовано во времена потрясений и растущей сложности, – писал Роберт Фелдмен. – Притягательность науки всегда привлекала представителей юридической профессии. Её “песня сирены” предлагает “мелодию совершенства” и обещание наделять право уважением и почётом со стороны общества, которых мы так жаждем. Мы постоянно надеемся, что наука спасёт нас от дискомфорта, связанного с принятием сложных правовых решений, и постоянно разочаровываемся. Мощная притягательность науки отчасти проистекает из нашей неудовлетворённости несовершенством права. Когда у нас в ушах звучит юридическая теория XX века, возникает искушение рассматривать право как безнадёжное предприятие, искажённое предубеждениями, затруднённое неумелостью и загромождённое противоречиями... Наши постоянные попытки найти лучшее право с помощью науки не способны разрешить разочарования в праве, но они создают искажения в правовой сфере. Когда правовая система полагается на науку при разработке своих правил, этим правилам не хватает гибкости и ловкости, необходимых для эффективного участия в процессе эволюции права... История взаимодействия права и науки изобилует примерами, когда право пытается решить свои проблемы с помощью науки и впоследствии разочаровывается... Прежде чем нас захлестнёт последняя версия “как наука решит все проблемы права”, стоит задуматься о наших прошлых неудачах в этой сфере» [Feldman R., 2009, p. 55, xi, 1].

Юридическая наука сегодня не дает исчерпывающих ответов на вопросы о детерминантах чрезмерной сложности права (франц. *complexité du Droit*; англ. *complexity of Law*), роста усложнённости и повышения энтропийности в праве. Нет и исчерпывающих описаний этой проблемы. Процесс усложнения права, регуляторного пространства носит нелинейный характер и слабо-прогнозируем.

Этим вопросам и посвящён настоящий материал.

Степень исследованности обсуждаемого тематического поля

Темой сложности в праве (с позиций обоснования необходимости инноватики в праве) занималось немало правоведов, однако всё это было, скорее, собраниями размышлений и даже весьма сильных идей, но не представляло собой должного синтеза, всеохватного, системного и фундаментального взгляда.

Среди авторов, касавшихся этой проблемы, можно отметить Бенуа Мандельброта [Mandelbrot, 1995], Ксавье Лагарда [Lagarde, 2003], Эдгара Морэна [Morin, 1985; Morin, 1991], Питера Шака [Schuck, 1992], Даниэля Бурсье [Bourcier, 2011], Жан-Пьера Дюпюи [Dupuy, 1981; Dupuy, 1985], Луизу Шаретт [Charrette, 2007], Мишеля ван де Керхове [Kerchove, 2010], Яна Агила [Aguila, 2008.], Ахилла Вайнберга [Weinberg, 1995], И.В. Понкина [Понкин, Лаптева, 2022].

Понимание и толкование сложности в праве

Регулирование занимает центральное место в государственном управлении сложными системами, систематически используется правительствами для повышения эффективности рынка, обеспечения подотчётности участников и поддержки координации различных видов деятельности. Однако, если регулирование разработано или применяется неэффективно, оно может привести к значительным потерям, наложить ненужное финансовое бремя и затормозить инновации. Появляющиеся технологии ставят под сомнение способность правительств регулировать происходящие в промышленности изменения. С одной стороны, существует необходимость минимизировать или устранить технологический риск. С другой стороны, есть желание оптимизировать потенциальные преимущества новых технологий. Как следствие, правительства перешли от традиционного регулирования «установи и забудь» к итеративным и ориентированным на пользователя методам проектирования, включая экспериментальное регулирование (создание прототипов и тестирование) и регулирование на основе результатов. Этот новый подход к гибкому управлению изменил процесс разработки политики и способствовал технологическому прогрессу, предоставив множество возможностей для создания новых инструментов регулирования и совершенствования процесса регулирования (RegTech). Целью RegTech является определение приоритетов и повышение эффективности регулирования и управления при одновременном снижении затрат на обеспечение соответствия с помощью современных технологий. Остаётся вопрос: как наилучшим образом внедрить новые трансформационные приложения RegTech – перейти от статичного к динамичному регулированию – и при этом сохранить верность основным целям регулирования и управления [Regulatory..., 2022, p. 3–4].

Но нетипичные (новейшие, инновационные) регуляторные технологии (RegTech), призванные «упрощать», в действительности, как бы это ни выглядело парадоксально, онтологически сложны и имеют самое непосредственное отношение к производству сложности. Как говорят, история про RegTech – это история никак не про простое, а как раз про сложное.

Сложность может быть объективно обусловлена, как строение автомобиля, компьютера, космического корабля, атомной электростанции – всё это очень сложные вещи, но в этих случаях сложность не есть искусственное усложнение, тем более усложнение чрезмерное и неосновательное.

Сложность придаёт системе права определённый облик, дизайн, устойчивость.

Как писал Ксавье Лагард, вопрос: «Почему право настолько сложно?» – нередко адресуется не столько к сложности (в классическом понимании), сколько к запутанности, дезупорядоченности. Но следует понимать, что ложным является утверждение, что если вопрос о проблеме неизбежен, то эта проблема нерешаема, непреодолима [Lagarde, 2003]. Согласно Эдгару Морэну, метод сложности требует от нас мышления, никогда не закрывая рамки понятий, восстанавливая связи между тем, что расчленено [Morin, 1991].

Питер Шак рассматривает и истолковывает правовую систему как сложную в той степени, в которой её нормативные установления, процессы, институты и поддерживающая их культура обладают четырьмя характеристиками:

– **плотность** (англ. *density*): «уплотнённые нормативные установления многочисленны и всеобъемлющи, занимают значительную часть соответствующего пространства политики и стремятся контролировать широкий спектр поведения, что приводит к тому, что они часто сталкиваются и вступают в конфликт со своей основной политикой»;

– **техничность** (англ. *technicality*): «технические правила требуют особой сложности или опыта от тех, кто хочет их понять и применить; техничность – это функция тонкости различий в нормативных установлениях, специализированной терминологии, которую они используют, и утончённых суждений по существу»;

– **дифференцированность** (англ. *differentiation*): «правовая система институционально дифференцирована в той мере, в какой она содержит ряд структур для принятия решений, опирающихся на различные источники легитимности»;

– **недетерминированность** или **непредопределённость** (англ. *indeterminacy* или *uncertainty*): «непредопределённость является свойством как нормативных установлений, так и правовых процессов и институтов. Неопределённые правила, процессы и институты обычно имеют открытую текстуру, гибкость, многофакторность и изменчивость. Общеизвестный стандарт разумности в деликтном праве является примером неопределённого правила. Зависящие от разнообразных сочетаний фактов и политики, непредопределённые нормы, как правило, требуют больших затрат при применении, а их результаты часто трудно предсказать. Отношение непредопределённости к сложности права само по себе является сложным. Как ни странно, правила и институты, призванные уменьшить неопределённость права, на самом деле могут её увеличить, благодаря кумулятивному эффекту их плотности, техничности и дифференциации» [Schuck, 1992, p. 3–5].

По Даниэлю Бурсье, сложность правовых систем (а сложный системный подход к праву позволяет обнаруживать и артикулировать часто неожиданные аспекты этой сложности) имеет четыре источника:

1) самоорганизация высоко-взаимосвязанной текстовой системы;

2) сложное для восприятия (запутанное) прочтение текстов для пользователя права – гражданина, принимающего решение лица, судьи) (закон всегда продуцировал управленческие решения через нормативные установления для пользователя закона, но сложность, связанная с юридическим письмом, связана с общей программой подготовки, в которой доминирует «одержимость» линейным описанием мира и концепцией языка, основанной на фикции ясного и уникального значения);

3) требуемое нормативное разнообразие – для учёта и отображения сложного мира («необходимое разнообразие» затруднительно или невозможно контролировать, если не изменять уровень детализации, на котором осуществляет регуляторное вмешательство закон; закон больше не может полагаться исключительно на парадигму простых законов для регулирования универсума);

4) ограниченная предсказуемость эффектов регуляторного воздействия (перспективные модели могут быть построены путём анализа эмерджентных или сетевых явлений) [Bourcier, 2011].

Амбивалентность

и сложное онтологическое единство сложности и простоты в праве

Сложность и простота в праве – амбивалентны (двойственны) и взаимосвязаны. Это не полярно противостоящие понятия, они находятся в определённом сложном онтологическом единстве.

Жан-Пьер Дюпюи на фундаментальном уровне пишет о простоте сложности [Dupuy, 1981; 1985]. О сложности онтологического упрощения говорилось в работах Эдгара Морэна [Morin, 1985, p. 356], И.В. Понкина [Понкин, Лаптева, 2022, с. 271–293, 355–360, 690–691].

По Даниэлю Бурсье, тема сложности стала междисциплинарной темой – некоторые говорят, что это новая парадигма, которая, в зависимости от рассматриваемых дисциплин, находится на перекрёстке нескольких парадоксов. Юридические науки по-разному связаны с этой темой. Действительно, либо сложность отрицательна и является частью бесконечной программы упрощения с неопределённой эффективностью, либо сложность, неизбежная, становится ресурсом, который новые модели должны уметь обрабатывать и анализировать. Следует исходить из того, что закон обычно сложен и что эта сложность должна поддерживаться, управляться и использоваться адекватными моделями [Bourcier, 2011].

Согласно Луизе Шаретт, «управление сложностью – это не причуда. Глобализация и конкуренция погружают нас в сложность... Сложность подобна ткани, состоящей из различных элементов, образующих единое целое, которое нельзя разбить. Это целое существует благодаря взаимодействию различных элементов. Термин "сложный" часто смешивают с запутанным, неясным. Сложное можно разбить на разные систематические шаги и в конце концов понять, как приборную панель в кабине авиационного судна Боинг. Неясность подразумевает, что у нас нет всех необходимых данных... Сложность – это порядок, кода которого мы пока ещё не знаем. Сложность означает множество элементов, очень часто разнородных и чьё единство не сразу ясно для мышления, что может вызвать трудности в понимании анализа... Сложность следует понимать как состояние, достигаемое эволюционирующей системой. Наблюдатель, созерцающий сложную систему, увидит в ней богатство, разнообразие и глубину; с другой стороны, форма системы будет задана организующим принципом. Этот принцип покажется удивительно простым. С запутанностью можно справиться, только если нам удастся разобраться в ней» [Charrette, 2007].

Об упрощении права

Сложность онтологии права (по природе своей) вместе с тем не оправдывает неизбежность и произвольность дальнейших её усложнений, ибо последствия таких неконтролируемых процессов далеко не нейтральны и не безобидны.

Переусердствование в упрощении права может причинить (и неминуемо причинит) вред публично-правовому порядку и публичному порядку в целом.

Представление о вселенной, задуманной как часовой механизм, противоположно более реальному представлению о живой системе, более нестабильной и непредсказуемой, но также и более открытой и творческой, со своими моментами стабилизации, обратными связями (иногда положительными и иногда отрицательными), со своими моментами дестабилизации и явлениями возникновения, со своими точками бифуркации и неравными полюсами развития. И говоря о сложности, следует иметь в виду «эмерджентные структуры», то есть системы, обладающие уникальной способностью спонтанно переходить из состояния дисперсии в состояние организованности, упорядоченности. А потому размышления о сложности – это новая парадигма в процессе регуляторного строительства [Weinberg, 1995].

Согласно Мишелю ван де Керхове, стремление к упрощению права также может привести к противоречивым результатам. Простоты, по крайней мере абсолютной, не существует, таковая никогда не существовала и никогда не будет существовать. Существуют пределы любой попытки упростить закон, связанные с идеей сложности, по природе своей эти пределы бывают трёх различных типов. Прежде всего они связаны с неточным и множественным характером самой операции. Затем они связаны с трудностями, даже возмож-

ными противоречиями, присущими осуществлению процесса. Наконец, они связаны с характером правового явления и языковыми и социально-политическими ограничениями, которым оно подчинено. Напоминание о таких пределах, очевидно, не делает бесполезными любые формы упрощения закона. Более того, его нельзя понимать как призыв к некоей необузданной и постоянно усложняющейся форме правового феномена. Достаточно избегать упрощенной и упрощенческой риторики, и следует признавать (иногда неизбежный, иногда полезный и даже необходимый) объективный характер сложности в праве [Kerchoue, 2010].

Детерминанты роста усложненности и повышения энтропийности в праве

Причины роста усложненности и повышения энтропийности в праве коренятся в самой природе права, имея выраженную объективную составляющую.

Ян Агила пишет: «Закон остаётся сложным. Неизбежно, неизбежно сложным... Сложность закона – это всего лишь зеркальное отражение сложности нашего общества. Таким образом, закон становится всё более многочисленным, мобильным и нестабильным. Юристы, будь то судьи или адвокаты, проводят значительную часть своего времени, распутывая паутину правил и прецедентного права, как внутреннего (национального), так и международного. Любая норма, даже законодательная, становится спорной, если аргументированно представлена перед судьёй. Юрист постоянно находится в поиске правового предписания. Но в действительности именно юрист создаёт правовой порядок: правовая система не предстаёт спонтанно в виде простого и последовательного набора норм. Точно так же, как он рационализирует факты, юрист упорядочивает нормативные установления. Кроме того, территория права обширна: судья или адвокат часто обнаруживает в ходе рассмотрения дела новый нормативный акт, малоиспользуемые тексты или доселе неизвестные постановления. Затем судье или адвокату предстоит расчистить эти неисследованные земли, чтобы проложить себе путь» [Aguila, 2008, p. 1].

Соответственно, сложность в праве и регуляторном пространстве является неотъемлемым следствием предельности уровня, за которым обуславливаемое упрощением права искажение моделирующего отражения реальной действительности станет критическим, приводя к дефектности права.

Кроме того, сложность в праве и регуляторном пространстве является неотъемлемым следствием принципиальной невозможности достижения идеальной и полной упорядоченности общественных отношений даже столь мощнейшим к такому упорядочению средством, как право (возможна лишь определённая аппроксимация, некоторая размерность приближенности к искомой предельно достижимой «полноте»).

Иллюстративно для отражения этого концепта как нельзя лучше подходят слова Бенуа Мандельброта о том, что между царствами неконтролируемого беспорядка и чрезмерного порядка есть зона фрактального порядка [Mandelbrot, 1995, p. 10].

Причины недостатков законов (в части их запутанности, неясности) могут быть и совершенно субъективными. Например, исторически сложилось так, что законодательство рассматривается как относительно простой инструмент влияния на политические дебаты внутри и вне парламента. Оно может быть «валютой» в переговорах о создании альянсов и достижении консенсуса, а также системой, ограничивающей свободу действий будущих администраций. Незаконодательные подходы часто требуют длительных переговоров с внешними заинтересованными сторонами и не всегда гарантируют немедленную уверенность в результате. Они также не имеют демократического одобрения, которое подразумевает законодательство. Изложение целей политики в законодательстве (тенденция, появившаяся

за последние десятилетия) может быть «недорогим способом для правительств создать видимость энергичных действий» и способом стратегического влияния (или ограничения) на принятие решений будущими правительствами. Более того, кажется, что в законодательстве существует асимметрия: принятие закона обычно считается более эффективным подходом, чем незаконодательные варианты, и исторически сложилось так, что принять закон легче, чем отменить его. Законодательство воспринимается как знак действия, поэтому оно является мощным инструментом коммуникации [When Laws Become Too Complex, 2013, p. 7–8]. И потому много больше искушений задействовать его в качестве инструмента политического влияния, отсюда и немалая дельта прироста запутанности, избыточной сложности и неясности законодательства.

Сложность законов может быть обусловлена рассогласованием лексики и мышления экономистов и юристов. Юристы призваны осуществить «перевод на юридический язык» запросов, ожиданий, требований экономистов, излагаемых в специфической модальности мышления, не всегда легко впрямую стыкуемой с мышлением юристов. Эта проблема, в частности, была отражена в судебном решении Апелляционного суда первого округа США (федерального суда апелляционной инстанции США) от 29.12.1983 по делу «Корпорация Барри Райт против Корпорации Айтити Гриннелл»¹ (пункт 234).

Но указанные субъективные составляющие (дельты прироста) в сложности в праве являются лишь производными от объективных детерминаций сложности в праве и регуляторном пространстве.

Заключение

Внедрение инновационных регуляторных технологий (RegTech) невозможно без дальнейшего переосмысления регуляторной среды. Независимо от применяемых технологий, регулирование не должно оставаться статичным упражнением по установке флажков. Ушёл в прошлое детерминистский подход к регулированию, когда правительства спрашивают только о том, что может пойти не так и каковы будут последствия. Вместо этого необходим вероятностный, основанный на результатах подход, учитывающий развитие новых экономических или социальных сценариев, новых технологий и новых бизнес-моделей, чтобы обеспечить будущее регулирования и применяемых технологий. Успех RegTech и гибкого управления зависят друг от друга, и часто не существует «лучшего» или «окончательного» решения. RegTech необходим для стандартизации, автоматизации и рационализации процесса регулирования в поддержку гибкости. Гибкое управление обеспечивает разработку и внедрение регулирования таким образом, чтобы максимально использовать потенциал RegTech.

Первым шагом на пути к внедрению является признание того, что сочетание RegTech и гибкого управления не требует изменения или переписывания всей нормативной базы. Для начала этого пути необходимо привести более постепенный и итеративный экспериментальный образ мышления [Regulatory Technology for the 21st Century, 2022, p. 22].

Согласно нашему авторскому подходу, аксиоматическим ядром понимания и толкования сложности в праве и регуляторном пространстве являются следующие взаимосвязанные концепты:

- 1) концепт объективно-обусловленной детерминированности сложности в праве сложностью нормативно-упорядочиваемой, реактивно или проактивно регулируемой и нормативно-обеспечиваемой предметно-объектной области;
- 2) концепт детерминированности сложности в праве предельностью уровня, за которым обуславливаемое упрощением права искажение моделирующего отражения реальной

¹ Barry Wright Corp. v. ITT Grinnell Corp. / United States Court of Appeals, First Circuit, Dec 29, 1983, 724 F.2d 227 [Судебное решение Апелляционного суда первого округа США от 29.12.1983 по делу «Корпорация Барри Райт против Корпорации Айтити Гриннелл»] // <<https://casetext.com/case/barry-wright-corp-v-itt-grinnell-corp>>.

действительности станет критическим, приводя к дефектности, неадекватности правового регулирования;

3) концепт детерминированности сложности в праве принципиальной невозможностью достижения идеальной и полной упорядоченности общественных отношений даже столь мощнейшим к такому упорядочению средством, как право;

4) концепт сложного онтологического единства и амбивалентности сложности и простоты в праве.

Соответственно, юридическая наука – это объективно наука о сложности, о сложных нормативных, нормореализационных и арбитражных мирах и онтологиях, процессах, взаимодействиях и противодействиях.

Онтология сложности в сфере права детерминирует инновационные возможности юридической науки развиваться, переосмысливать по-новому «старые» сферы и оперативно осваивать новые, переходить с поверхностных уровней на глубокие, конструктивно и позитивно прогрессировать в этом. А потому «священная борьба со сложностью» в праве лишена оснований и смысла, речь должна идти о тщательно просчитанной и сбалансированной аллевиации (редуцировании остроты проблемы) избыточной сложности в праве.

References

- Ponkin I.V., Lapteva A.I. 2022. Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoi analitiki: Uchebnik [Methodology of Scientific Research and Practical Analytics: A Textbook]. Moscow, Buki Vedi. 754 p. (in Russian).
- Aguila Y. 2008. La complexité du droit. Lettre "Recherche Droit & Justice", 30.
- Bourcier D. 2011. Sciences juridiques et complexité. Un nouveau modèle d'analyse. *Droit et Cultures*, 61: 37–53.
- Charette L. 2007. La gestion de la complexité. Ordre des CRHA. 31 octobre.
- Dupuy J.-P. 1981. La simplicité de la complexité. *Esprit. Nouvelle série*, 57(9): 126–147.
- Dupuy J.-P. 1985. Ordres et désordres: Enquête sur un nouveau paradigme. Paris: Seuil. 277 p.
- Feldman R. 2009. The Role of Science in Law. New York: Oxford University Press. xii; 222 p.
- Kerchove, van de M. 2010. Rien n'est simple, tout se complique. La complexité, limite à la simplification du droit. Qu'en est-il de la simplification du Droit? Actes du colloque des 26 et 27 octobre 2009 / Frédérique Rueda et Jacqueline Pousson-Petit (dir.). Toulouse: Presses de l'Université Toulouse 1 Capitole. 359 p.
- Lagarde X. 2003. Pourquoi le droit est-il complexe? *Le Débat*, 127: 132–142.
- Mandelbrot B. 1995. Les objets fractals: Forme, hasard et dimension. Quatrième édition. Paris: Flammarion. iv; 212 p.
- Morin E. 1985. La méthode. T. 2: La vie de la vie. Paris: Seuil. 470 p.
- Morin E. 1991. La méthode. T. 4: Les idées, leur habitat, leur vie, leurs mœurs, leur organisation. Paris: Seuil. 261 p.
- Regulatory Technology for the 21st Century. 2022 Whitepaper. World Economic Forum; Global Future Council on Agile Governance. Geneva (Switzerland). 24 p.
- Schuck P.H. 1992. Legal Complexity: Some Causes, Consequences, and Cures. *Duke Law Journal*, 42(1): 1–52.
- Weinberg A. 1995. Les jeux de l'ordre et du désordre. *Sciences Humaines*, 47.
- When Laws Become Too Complex. 2013. A review into the causes of complex legislation. London: Office of the Parliamentary Counsel. 33 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 19.01.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дегтярев Михаил Владимирович, кандидат юридических наук, докторант кафедры административного права и процесса, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия
Web of Science Researcher ID AAS-5312-2021

 [ORCID: 0000-0003-0409-369X](https://orcid.org/0000-0003-0409-369X)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Degtyarev, Candidate of Legal Sciences, postdoctoral of the department of administrative law and process Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Web of Science Researcher ID AAS-5312-2021

 [ORCID: 0000-0003-0409-369X](https://orcid.org/0000-0003-0409-369X)

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-326-332

Особое мнение судьи в конституционном судопроизводстве

Коцюмбас М.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: mih.koc@yandex.ru

Аннотация. В работе рассмотрены роль, назначение и потенциал института особого мнения судьи в условиях модернизации российского конституционного законодательства, приведены научные аргументы его сторонников и юристов, высказывающих сомнения в целесообразности публичных судебных позиций. Рассмотрен исторический процесс формирования юридического фундамента института особого мнения с точки зрения генезиса в различных государствах. На основе сравнительного анализа освещены принципиальные для отечественного правопорядка и свойственные зарубежной правовой мысли идеи, связанные с публичностью и транспарентностью особых мнений, сопоставлены процессы расширения сферы их процессуальных возможностей применительно к конституционному судопроизводству Российской Федерации и англо-саксонских государств. Обсуждены проблемы имплементации иностранных институтов в правопорядки с несовместимой правовой традицией в отсутствие политических и иных предпосылок для их полноценной реализации.

Ключевые слова: особое мнение судьи, конституционный суд, правовая система, конституционная реформа, история

Для цитирования: Коцюмбас М.С. 2023. Особое мнение судьи в конституционном судопроизводстве. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 326–332. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-326-332

Dissenting Opinion of a Judge in Constitutional Proceedings

Kotsumbas M.S.

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia
E-mail: mih.koc@yandex.ru

Abstract. The paper examines the role, purpose and potential of the institution of a judge's dissenting opinion in the context of the modernization of Russian constitutional legislation, provides scientific arguments of lawyers who express doubts about the expediency of public judicial positions, and supporters of the legal institute. The historical process of the formation of its legal foundation from the point of view of genesis in various states is revealed. On the basis of a comparative analysis, the positions related to the publicity and transparency of dissenting opinions, fundamental for the domestic legal order and characteristic of foreign legal thought, are highlighted, the processes of expanding the scope of their procedural capabilities in relation to the constitutional proceedings of the Russian Federation and the Anglo-Saxon states are compared. The problems of the implementation of foreign institutions in the rule of law with an incompatible legal tradition in the absence of political and other prerequisites for their full implementation are discussed.

Keywords: dissenting opinion of a judge, constitutional court, legal system, constitutional reform, history

For citation: Kotsumbas M.S. 2023. Dissenting Opinion of a Judge in Constitutional Proceedings. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 326–332 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-326-332

Особое мнение судьи как потенциальная возможность выражения собственного альтернативного видения правового спора, гарантия свободы волеизъявления и внутренней независимости в пределах судебной коллегии дискусируется в юридической науке на протяжении всей истории конституционной юстиции. Между тем, по сравнению с разработкой научной проблемы за рубежом, в контексте отечественного правоведения институт особого мнения не столь избалован вниманием исследователей. Все чаще предметом обсуждения становятся только положительные стороны этого явления, рассматриваемые в отрыве от истории его зарождения, нормативной динамики и восприимчивости конкретной правовой семьей.

Так, обосновывая прогрессивность института особого мнения, сторонники называют его одним из фундаментальных компонентов беспристрастного и профессионального управления правосудия [Тай, 2016, с. 44], способствующего открытости и гласности суда, плюрализму мнений, открывающего возможность выявить истинное содержание правовых норм [Сергеев, 2013, с. 74]. Особое мнение формирует оригинальный взгляд на решение правовой задачи [Новопавловская, 2017, с. 107], изменяет вектор научного поиска, дополняет внутреннее ядро судебного постановления и расширяет пространство правовой аргументации [Карпенко, 2021, с. 172], индивидуализирует фигуру судьи, выделяя его как автономного субъекта судебного органа [Кононов, 2006].

С учетом обозначенных позиций предпримем попытку сравнительного анализа природы института особого мнения в различных правовых системах, сопоставив процессы его становления и расширения сферы процессуальных возможностей применительно к конституционному судопроизводству Российской Федерации и англо-саксонских государств.

Современное законодательное регулирование института особого мнения судьи Конституционного Суда РФ

Оказывая влияние на общественные процессы, правоприменительную практику и законотворческие тенденции, институт особого мнения способен порождать значимые правовые последствия. Между тем его роль, назначение и потенциал коррелируют в юридической плоскости с процессуальными границами гласности, которые претерпели существенные коррективы в ходе конституционной реформы 2020 года.

Так, статья 76 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» до внесения изменений законом от 9 ноября 2020 года наделяла судью КС РФ, не согласного с позицией большинства или оказавшегося в меньшинстве при голосовании по конкретному вопросу или тезисам мотивировки, правом письменного изложения своего особого мнения, приобщаемого к материалам дела и подлежащего опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации». Новая редакция, существенно лимитировав возможности судей излагать свои мысли по рассматриваемым правовым спорам, внесла прямой запрет публикации особого мнения и его обнародования в какой-либо форме¹. В юридической общестественности новелла вызвала полемический отклик, обнаружив в своем большинстве принципиальных противников.

По убеждению Карпенко К.В., сопоставившего изложение правовых позиций в особом мнении с научной деятельностью, поправка способна привести к упразднению института особого мнения, воспринимаемого отныне с точки зрения критики суда даже в случае представления альтернативной мотивировки при совпадении взглядов по существу решения. В свою очередь, освещение и обсуждение юридическим сообществом содержания осо-

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 25.07.1994 № 13. Ст. 1447.

ных мнений судей благоприятствует развитию конституционно-правовой теории, формулированию новых научных концепций, обогащению опыта урегулирования коллизий и интеграции судебной практики разных государств [Карпенко, 2021, с. 177].

Довольно категорично на этот счет выразился Ю.В. Тай, который охарактеризовал поправку как катастрофический регресс и реакционизм, подорвавший развитие российского права и нанеший прямой ущерб плюрализму правовых взглядов, тогда как особые мнения, существенно дополняя правовые позиции высшего органа конституционного контроля, с точки зрения ученого, порой более обстоятельны, убедительны и исключительны по форме представления аргументов и мотивов ¹.

В свою очередь, Бевзенко Р.С., признавая наличие развитых правовых систем, в которых особые мнения не публикуются, вместе с тем утверждает, что запрет их обнародования фактически дестимулирует обращения в суд ².

Все изложенные сомнения и скептицизм имеют под собой почву и подлежат обсуждению. Однако, выйдя за пределы собственно юриспруденции и обратившись к историческому опыту, уместно вспомнить, что принятая в 2020 году законодательная «новация» в целом присуща свойственной России континентальной системе права, в которой особое мнение всегда звучало неким диссонансом [Верещагин, 2006, с. 165].

Эволюция правового института особого мнения в России

Впервые вопрос урегулирования отсутствия единства между судьями при вынесении итогового решения по делу получил законодательное закрепление в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» ³, предусматривающем постановление приговора в ситуации разногласий по большинству голосов [Алябышев, 2015, с. 33].

Письменные особые мнения в отечественной правовой доктрине введены Екатериной II в «Учреждениях для управления губерний» 1775 года ⁴. Они носили нежелательный, тайный от сторон и общества характер и выполняли исключительно вспомогательную роль при пересмотре решений следующей инстанцией. В дальнейшем тема особых мнений в общих чертах поднималась в Уставах уголовного и гражданского судопроизводства (1864) ⁵, нормы которых допускали составление судьями своих письменных позиций до подписания судебного решения, но не содержали положений относительно их гласности.

Попытки внести ясность в этот вопрос неоднократно предпринимались Правительствующим Сенатом: в решении 1869 года постановлено не объявлять особые мнения народу, а в 1890 году – не вручать их копии. По-прежнему правовому институту была свойственна неоднозначность, проявляемая в отсутствии как конкретного запрета, так и права доступа к особым мнениям судей [Верещагин, 2006, с. 166].

Не удалось устранить правовую неопределенность и советскому законодателю. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года ⁶ предписывал приобщение особого мнения к тексту приговора суда при запрете его оглашения. Такой подход был поддержан в

¹ Тай Ю.В. 2020. Опять старелла! Back to the Future. Прыжок в сумеречное прошлое. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/17/opyat_starella_back_to_the_future_pryzhok_v_sumerechnoe_proshloe (дата обращения: 25.02.2023).

² Бевзенко П.В. 2020. Крашенинников объясняет, почему он хочет спрятать особые мнения судей КС от общества. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/19/pv_krashennnikov_obyasnyayet_pochemu_on_hochet_spryatat_osobyie_mneniya_sudej_ks_ot_obschestva (дата обращения: 25.02.2023).

³ Российское законодательство X–XX веков. Т. IV. М., Юридическая литература, 1986. С. 423.

⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. V. М., Юридическая литература, 1986. С. 170.

⁵ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб, 1866. Электронный ресурс. URL: https://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/ (дата обращения: 20.02.2023).

⁶ Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР.»). СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

УПК 1960 года ¹: особые мнения хранились в запечатанных конвертах и предназначались исключительно для судей вышестоящей инстанции и должностных лиц прокуратуры. Сторонам о наличии по делу особых мнений не сообщалось.

Гражданский процессуальный кодекс 1923 года ² еще более сдержанно регламентировал рассматриваемый вопрос, предоставляя судье лишь право приложить свою позицию к делу. ГПК РСФСР 1964 года ³ дополнил законодательство нормами о приобщении особого мнения без его оглашения, но при наличии права сторон знакомиться со всеми материалами дела без ограничений.

В свете недостаточной регламентации при решении вопроса открытости особых мнений судебная практика фактически основывалась на усмотрении судей, которые чаще не позволяли участникам ознакомиться с таковыми. И лишь 3 апреля 1987 года в Постановлении «О строгом соблюдении процессуального законодательства при осуществлении правосудия по гражданским делам» ⁴ Пленум Верховного Суда СССР предоставил сторонам право получения доступа к особому мнению по аналогии с иными материалами дела, задав вектор дальнейшего гражданского процессуального законодательства, в том числе ныне действующего кодекса.

Правовое регулирование и практика уголовного процесса еще более консервативны и по-прежнему существуют в запретительном русле: УПК РФ 2001 года ⁵ содержит лишь положение о том, что судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно изложить его в совещательной комнате.

Конституционное судопроизводство по сравнению с иными отраслями права отличалось некоторой степенью либеральности. Закон «О конституционном надзоре в СССР» ⁶, наделяя членов Комитета правом изложения особого мнения в письменной форме, предусматривал включение последнего в качестве самостоятельной части заключения. Эта концепция получила логическое продолжение и в дальнейшем способствовала внедрению в правовой опыт Конституционного Суда РФ реальной практики обозначения судьями, оставшимися в меньшинстве, своей индивидуальной позиции [Верещагин, 2006, с. 168].

Как бы то ни было, говоря о российской модели рассматриваемого института, отметим, что, несмотря на лояльное отношение к нему среди членов судейского сообщества, необходимость расширения возможности публикации особого мнения судьи законодателем никогда не признавалась охотно.

Генезис института особого мнения в странах англо-саксонской системы

По своему духу институт особого мнения близок англо-саксонской системе права, где он возник и получил свое естественное развитие из традиции «один после другого» (*seriatim*) [Ултургашев, 2013, с. 84].

Судьи Великобритании представляли свои решения поочередно, завершая старейшим членом суда, после чего состоялся подсчет мнений и их фиксация, не предусматривавшие

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

² Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

³ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.04.1987 № 3 «О строгом соблюдении процессуального законодательства при осуществлении правосудия по гражданским делам». Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 3.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023). Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁶ Закон СССР от 23.12.1989 «О конституционном надзоре в СССР». Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 572.

изготовление единого итогового документа. Подобный порядок исключал возможность достижения компромисса и к концу XVIII века потерял общественное одобрение. Результатом стала судебная реформа Лорда Уильяма Мюррея, изменившего способ вынесения судебных решений в пользу единогласия.

К слову, такой порядок судопроизводства существовал недолго и после отставки лорда вновь возвратился в прежний формат, который в некоторой степени находит отражение и в современной практике Верховного Суда Великобритании, где тексты итоговых решений содержат изложение позиций судей, получивших наибольшую поддержку, и упоминание возражений или альтернативных аргументов остальных членов коллегии.

В США *seriatim* существовал до начала XIX в., когда в ходе политического противостояния усилиями председателя Верховного Суда Джона Маршалла началось поэтапное внедрение условия единого мнения суда, включающего согласованные позиции всех судей [Дриго, 2016, с. 76].

Практика преимущественного единогласия сохранялась в США до середины XX века. Уже в 1920-х годах концепция формулируемой и объективной юридической истины постепенно потеряла господство в юридическом дискурсе, уступив место правовому реализму.

Возглавивший ВС США Харлан Фиск Стоун широко поддерживал особые мнения судей, тем самым намереваясь усилить авторитет суда и его роль в политической сфере. Принятие решений в отсутствие единогласия, с расширением дискуссии и возможностью изменения правоприменительной практики по сей день составляют модель судейского поведения и специфику национального права.

Таким образом, в американской традиции институт особого мнения сформировался как закономерное следствие наделения судьи политическими свойствами с обязанностью отстаивать независимую субъективную точку зрения. Тогда как в государствах романо-германской правовой семьи особое мнение редуцировалось из императива единогласного принятия решений в качестве инструмента оценки вышестоящей инстанцией аргументации судьи, не разделяющего общую позицию.

Заклучение

Институт права не может функционировать вне контекста правовой традиции и политических предпосылок, тогда как особое мнение – понятие, являющееся для российской юриспруденции пришлым, едва ли не навязанным.

В континентальной правовой традиции с принципиальной для нее идеей деполитизации судейского корпуса институт особого мнения представляется по сути факультативной категорией, ограниченной фундаментальным правилом закрытости судебного разбирательства и высказанных в совещательной комнате позиций отдельных судей.

В этом смысле упомянутые законодательные коррективы не выглядят столь радикальными и угрожающими отечественному праву, какими их часто представляют практикующие правоведы с оглядкой на зарубежный опыт, а выводы, опирающиеся на специфическую англо-американскую доктрину с присущими ей политико-судебной моделью и чрезвычайно высокой публичностью процесса принятия решений, в отрыве от истоков на фоне российской действительности звучат инородно.

Как отмечал глава Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. Клишас, один из авторов внесенных поправок, «особые мнения способны дезориентировать участников правоотношений, создать ложные представления о векторе развития правовой системы... в случае их публикации могут неверно восприниматься обществом, в отрыве от конкретного дела – в качестве генеральной посылки направления правового развития» [Клишас и др., 2020, с. 19].

Судя по публикациям юристов, подобного рода сомнения в целесообразности публичных судейских позиций и ранее высказывались авторами, подчеркивающими, что, будучи

адресованным широкой публике, особое мнение способно уязвлять системность и неделимость решения, вынесенного составом судебной коллегии в целом, порождая неоднозначную интерпретацию воли КС РФ как коллегиального органа (в том числе по принципиальным вопросам толкования положений Основного закона государства), представляя повод для обнаружения изъянов итогового решения и раскрывая в той или иной степени содержание дискуссии закрытого обсуждения [Басангов, 2006, с. 25].

Представляется, что опираясь на личное восприятие норм права и принимая участие в разрешении конкретного дела, судья, несомненно, не может быть лишен собственного мнения. Между тем необходимость так называемой консервации особых мнений внутри суда обусловлена рядом весомых причин, а отсутствие публичности индивидуальных позиций вряд ли посягает на объем судебской независимости, потенциал которой главным образом раскрывается в стенах совещательной комнаты.

Список литературы

- Алябьшев М.С. 2015. Особое мнение об особом мнении. *Российский судья*, 10: 32–35.
- Басангов Д.А. 2006. Юридическая природа особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации. *Журнал российского права*, 2(110): 24–34.
- Верещагин А.Н. 2006. Особые мнения в российских судах. *Государство и право*, 4(57): 165–175.
- Дриго Е.В. 2016. Институт особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации: регулирование и практика применения. *Сравнительное конституционное обозрение*, 3(112): 79–93.
- Карпенко К.В. 2021. Особое мнение в конституционном правосудии и развитие юридической науки. *Вестник Тюменского государственного университета*, Т. 7, 4(28): 167–182.
- Клишас А., Иванов А., Жуйков В., Головкин Л., Ярков В., Боннер А., Кудрявцева Е., Ровверс Н., Джагарян А., Веселов И. 2020. Судьба особых мнений в России: новый поворот. *Закон*, 10: 19–33.
- Кононов А.Л. 2006. Право на особое мнение. *Закон*, 11: 43–46.
- Новопавловская Е.Е. 2017. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы правовой регламентации и практика применения. *Вестник экономики, права и социологии*, 1: 104–108.
- Сергеев А. Б. 2013. Особое мнение судьи в системе отправления правосудия в уголовном судопроизводстве. *Социум и власть*, 1(39): 71–75.
- Тай Ю.В. 2016. Особое мнение судьи. *Вестник гражданского процесса*, 3: 25–51.
- Ултургашев П. 2013. Особые мнения судей в сравнительно-правовом контексте. *Сравнительное конституционное обозрение*, 6(97): 75–87.

References

- Alyabysh`ev M.S. 2015. Osoboe mnenie ob osobom mnenii. [A special opinion about a special opinion]. *Rossiiskij sud`ya*, 10: 32–35.
- Basangov D.A. 2006. Yuridicheskaya priroda osobogo mneniya sud`i Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. [The legal nature of the dissenting opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 2(110): 24–34.
- Vereshhagin A.N. 2006. Osoby`e mneniya v rossijskix sudax. [Dissenting opinions in Russian courts]. *Gosudarstvo i pravo*, 4(57): 165–175.
- Drigo E.V. 2016. Institut osobogo mneniya sud`i Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: regulirovanie i praktika primeneniya. [Institute of a special opinion of a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation: regulation and practice of application]. *Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie*, 3(112): 79–93.
- Karpenko K.V. 2021. Osoboe mnenie v konstitucionnom pravosudii i razvitie yuridicheskoy nauki. [Dissenting opinion in constitutional justice and the development of legal science]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7-4(28): 167–182.

- Klishas A., Ivanov A., Zhujkov V., Golovko L., Yarkov V., Bonner A., Kudryavceva E., Rovers N., Dzhagaryan A., Veselov I. 2020. Sud`ba osoby`x mnenij v Rossii: novy`j povorot. [The fate of dissenting opinions in Russia: new on-gate]. *Zakon*, 10: 19–33.
- Kononov A.L. 2006. Pravo na osoboe mnenie. [The right to a dissenting opinion]. *Zakon*, 11: 43–46.
- Novopavlovskaya E.E. 2017. Osoboe mnenie sud`i Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: problemy` pravovoj reglamentacii i praktika primeneniya. [Dissenting opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation: problems of legal regulation and practice of application]. *Vestnik e`konomiki, prava i sociologii*, 1: 104–108.
- Sergeev A. B. 2013. Osoboe mnenie sud`i v sisteme otpravleniya pravosudiya v ugovnom sudoproizvodstve. [A judge's dissenting opinion in the system of administration of justice in the corner proceedings]. *Socium i vlast`*, 1(39): 71–75.
- Taj Yu.V. 2016. Osoboe mnenie sud`i. [Dissenting opinion of the judge]. *Vestnik grazhdanskogo processa*, 3: 25–51.
- Ulturgashev P. 2013. Osoby`e mneniya sudej v sravnitel`no-pravovom kontekste. [Dissenting opinions of judges in a comparative legal context]. *Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie*, 6(97): 75–87.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2023

Поступила после рецензирования 10.03.2023

Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023

Revised March 10, 2023

Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коцюмбас Михаил Сергеевич, студент юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Kotsumbas, student of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

УДК 342.4; 342.8

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-333-340

Сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов: современное состояние и эволюция процедуры

Мельников П.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1407440@bsu.edu.ru

Аннотация. Специалисты, сопровождающие избирательные кампании на постоянной основе, неоднократно обращали внимание представителей электоральных и законодательных органов России на сложность преодоления процентного порога сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов на выборах. В этой связи автором на основе анализа российского избирательного законодательства и статистики прикладных источников осуществлено исследование процедуры сбора подписей избирателей с целью последующего формулирования предложений по ее совершенствованию. Как результат были выявлены недостатки заявленной процедуры; представлены потенциальные правовые риски использования подписных листов. В свою очередь, данные об использовании нововведенной технологии по сбору подписей избирателей посредством использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг» показали ее актуальность и жизнеспособность. Именно по данной причине в целях обеспечения права граждан Российской Федерации быть избранным в органы публичной власти, по мнению автора, необходимо принять превентивные меры для устранения имеющихся в российской нормативной базе ограничений количественного и территориального характера на использование цифровых технологий при сборе подписей избирателей.

Ключевые слова: избирательная кампания, выдвижение и регистрация кандидата, сбор подписей избирателей, подписной лист, цифровизация

Для цитирования: Мельников П.А. 2023. Сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов: современное состояние и эволюция процедуры. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(2): 333–340. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-333-340

Collecting Signatures in Support of Candidate Nomination: Current Status and Evolution of the Procedure

Pavel A. Melnikov

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1407440@bsu.edu.ru

Abstract. Specialists involved in supporting election campaigns on a permanent basis have repeatedly drawn the attention of the electoral and legislative bodies of Russia to the difficulty of crossing the percentage threshold for the collection of voter signatures in support of the nomination of election candidates. In this connection, the author conducted a study of the procedure for collecting voter signatures based on an analysis of Russian electoral legislation and statistics of the sources used. As a result, disadvantages of the declared procedure were identified, and potential legal risks of the use of signature sheets were presented. In turn, the data on the use of the newly introduced technology for collecting voter

signatures using the federal state information system "Unified Portal of State and Municipal Services" showed its relevance and viability. Thus, in order to ensure the right of citizens of the Russian Federation to be elected to public office, in the author's opinion, it is necessary to take preventive measures to eliminate quantitative and territorial limitations in the Russian regulatory framework on the use of digital technology for collecting voter signatures.

Keywords: electoral campaign, candidate nomination and registration, collection of signatures, signature sheet, digitalization

For citation: Melnikov P.A. 2023. Collecting Signatures in Support of Candidate Nomination: Current Status and Evolution of the Procedure. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 333–340 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-333-340

Введение

Сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов – процедура относительно новая для избирательной системы современной России. В настоящее время нормативно-закрепленной дефиниции «сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов» в избирательном законодательстве не содержится. В юридической литературе предлагается следующее ее толкование: «Сбор подписей в поддержку кандидата (списка кандидатов) – предусмотренная избирательным законодательством процедура сбора необходимого количества подписей избирателей, требуемого для регистрации выдвинутого лица (списка лиц) в качестве кандидата (списка кандидатов) на выборную должность» [Червонюк, 2002].

Следует отметить, что в юридической науке немногочисленны исследования заявленной темы. Однако регулярно на общественных и экспертных площадках ведутся дискуссии по вопросам, затрагивающим различные проблемные аспекты рассматриваемой процедуры.

Без сомнения – формирование гражданского общества, реальной демократии, создание правового государства подразумевает господство права, Конституции и закона [Тонков, 2013, с. 206]. Но на основе анализа практики реализации института сбора подписей избирателей И.С. Чалых и С.О. Леонтьев пришли к выводу, что преодолеть данную обязательную процедуру политические партии не способны ввиду жёстких требований законодательства [Чалых, Леонтьев, 2017, с. 76]. Согласно мнению К.М. Худолей, «практически на всех уровнях организации избирательных комиссий сложилась манипулятивная система сбора и проверки подписей в поддержку кандидатов» [Худолей, 2019, с. 172]. Уместно замечание И.А. Субочева: «Если кандидату в соответствии с требованиями федерального законодательства необходимо осуществить сбор подписей в поддержку своего выдвижения, то от организации и проведения указанного процесса зависит реализация его пассивного избирательного права» [Субочев, 2021, с. 82]. Таким образом, сложно не согласиться с позицией М.Ю. Кондрашова: «Институт сбора подписей нуждается в серьезном изменении, причем это понимание есть и у организаторов выборов, и у экспертного сообщества» [Кондрашов, 2019, с. 35]. Разделяя данное мнение, обратимся к раскрытию заявленной темы в части определения регулятивного, проблемного и корректирующего компонентов.

Правовое регулирование сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов

Пришедшая из международной практики в избирательную систему России процедура сбора подписей избирателей первичное закрепление получила в следующих правовых актах:

1) Закон РСФСР от 24.04.1991 № 1096-1 «О Выборах Президента РСФСР» (сбор не менее 100 000 подписей избирателей согласно ст. 7) ¹;

¹ О Выборах Президента РСФСР: Закон РСФСР от 24.04.1991 № 1096-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 17. Ст. 510.

2) Положение о выборах депутатов Государственной Думы (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 01.10.1993 № 1557). Согласно ст. 23, 24 данного документа для регистрации списка кандидатов необходимо было собрать не менее 100 000 подписей избирателей, а для кандидата по одномандатному округу – не менее 1 % от общего числа избирателей округа ¹;

3) Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации». Уточним, что этот первый в истории России рамочный закон о выборах не закреплял минимальное количество подписей избирателей, которое кандидату необходимо было собрать для регистрации. Указанная цифра отражалась в иных законах и нормативных правовых актах субъектов России. Однако в ст. 19 была установлена максимальная величина – не более 2 % от числа избирателей соответствующего избирательного округа ²;

4) Федеральный закон от 19.09.1997 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Как и в ранее принятом законе, изменений в части количества подписей не имелось.

В настоящее время процедура сбора подписей регулируется ст. 37 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) ³, который, по мнению В.А. Трояна, является композиционно и содержательно более удачным [Троян, 2020, с. 562]. Закон предписывает необходимость сбора для регистрации кандидата подписей в количестве 0,5 % от числа избирателей, зарегистрированных на территории избирательного округа. Для кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам, в приведенном акте установлено дополнительное условие – количество подписей избирателей не должно быть менее 10.

Следует обратить внимание на наличие высокого избирательного барьера, определяющего количество необходимых подписей избирателей, особенно в контексте регистрации кандидатов на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Так, согласно ст. 44 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» порог сбора подписей установлен на уровне 3 % для кандидата, выдвигаемого в одномандатном избирательном округе ⁴. При указанном проценте в среднем соотношении кандидату необходимо собрать около 15 000 подписей избирателей.

Полагаем, представление подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата – мера необходимая, отвечающая международным стандартам демократических выборов и неоднократно апробированная в зарубежных странах. Ее применение позволяет предварительно отсеивать лиц, не обладающих поддержкой у населения. В данном контексте нет оснований для рассмотрения вопроса об ограничении пассивного избирательного права таких граждан и их дискриминации. Однако сложность преодоления высокого процентного порога сбора подписей применительно к выборам в России неоднократно подчеркивалась профессиональным сообществом. В частности, депутаты фракции Партии «Справедливая Россия» Думы Астраханской области шестого созыва в пояснительной записке к проекту Закона Астраханской области от 11.02.2019 № 02/386-6 «О внесении изменений в статью

¹ Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период: Указ Президента РФ от 01.10.1993 N 1557 // Российская газета. 1993, 8 октября.

² Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 06.12.1994 г. № 56-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 33. Ст. 3406.

³ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁴ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

26 Закона Астраханской области «О выборах Губернатора Астраханской области», обосновывая необходимость снижения процентного порога с 7 до 5 %, отмечали, что «искусственно созданный барьер мешает появлению новых перспективных лиц на политической арене, ведет к искусственному ограничению конкуренции, подрывает авторитет выборов»¹. Председатель Политической партии «Партия роста» Б.Ю. Титов выразил схожее с позицией оппонентов из Партии «Справедливая Россия» мнение о процедуре сбора подписей как об огромном барьере для развития политической конкуренции. Политик обращает внимание на необходимость «снимать с выборов "целый ряд достойных кандидатов" из-за формальных ошибок в подписных листах»².

Подтверждает вышесказанное и статистика выдвинутых и зарегистрированных кандидатов по одномандатным избирательным округам на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва в 2021 году. По данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, в порядке самовыдвижения в одномандатных избирательных округах подали документы 174 кандидата. По результатам проверки подписей избирателей, зарегистрировано многократно меньше – 11 кандидатов, что составляет 6,3 % от общего количества самовыдвиженцев³.

Проблемные аспекты сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов

Сложность нынешней процедуры сбора подписей избирателей прежде всего заключается в значительных финансовых издержках на связанные с ней мероприятия: оплата работы сборщиков подписей, лиц, контролирующих соблюдение процедуры сбора подписей, изготовления подписных листов. Согласно статистике, на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва в 2021 году из средств избирательных фондов кандидаты израсходовали на вышеуказанные цели 43 122 461 рубль 07 копеек⁴. Во взаимосвязи с количеством зарегистрированных кандидатов следует констатировать убыточность участия в избирательной кампании ввиду отсутствия реальной возможности пройти этап регистрации.

Прикладные проблемы рассматриваемой процедуры проявляются при прохождении этапа проверки собранных подписей избирателей. А.В. Киреев отмечает «отсутствие баланса (в некоторых аспектах излишняя строгость и "зарегламентированность", в других – излишняя лояльность и отсутствие ответственности, в том числе конституционно-правовой, за то или иное нарушение) при организации проверки достоверности подписных листов» [Киреев, 2016, с. 15]. Речь в данном случае идет о системных «перегибах» рабочих групп избирательных комиссий при проверке подписных листов, содержащих подписи избирателей.

Проверка осуществляется в отношении следующих аспектов: «1) проверка самого подписного листа как материала; 2) проверка данных о подписавших (корректность паспортных данных, адреса проживания, фамилии, имени, отчества); 3) проверка достоверности подписи в поддержку» [Ткач и др., 2018, с. 147].

¹ О внесении изменений в статью 26 Закона Астраханской области «О выборах Губернатора Астраханской области»: Проект Закона Астраханской области от 11.02.2019 № 02/386-6. – Дума Астраханской области. URL: https://www.astroblduma.ru/documents/proyekt_zakona_10075/ (дата обращения: 05.01.2023).

² Систему сбора подписей на выборах упростят. – Интернет-портал «Российской газеты». 2017. URL: <https://rg.ru/2017/03/01/sistemu-sbora-podpisej-na-vyborah-uprostiat.html> (дата обращения: 05.01.2023).

³ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва 19 сентября 2021 года. Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2022. С. 201.

⁴ Там же. С. 252.

Выявляемые недочеты проведенного сбора подписей избирателей разнообразны. К таким можно отнести помарки и опiski, совершаемые при заполнении данных об избирателе, выход за пределы ячеек в таблице подписного листа. Стандартной ситуацией является наличие неразборчивого почерка у избирателя, что создает риск двоякого толкования написанных в подписном листе букв и цифр, а также несоответствие адреса его места жительства, отраженного в документе, удостоверяющем личность, сведениям из регистра избирателей, участников референдума Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы». Верно замечание И.В. Кондратьевой: «Множество несоответствий в подписных листах связаны с простыми нарушениями, которые были допущены по невнимательности, ошибки технического характера» [Кондратьева, 2019, с. 68]. Однако, как следствие, кандидату отказывают в регистрации. Полагаем, утверждать о соблюдении принципа соразмерности при привлечении к конституционно-правовой ответственности кандидатов в таких случаях неуместно.

Кроме того, на практике имеют место случаи злонамеренных действий лиц, осуществляющих сбор подписей избирателей, не связанных с волей самих кандидатов. М.А. Бочарова пишет, что «заинтересованность сборщиков в увеличении своих доходов (как правило, оплата идет за каждую подпись) может спровоцировать подделку подписей. Также подделкой могут заниматься люди, засланные конкурентами» [Бочарова, 2020, с. 65]. Однако в ходе почерковедческого исследования факт подделки подписей будет установлен, а ответственность в виде отказа в регистрации понесет кандидат, что не соответствует принципу справедливости.

Стоит признать, что введенная в электоральную практику процедура сбора подписей избирателей, консолидируя их на бумажных подписных листах, устарела и образует потенциальные риски для кандидатов получить отказ в регистрации. Осознавая потребность в изменениях, законодатель в 2020 году внес в Федеральный закон № 67-ФЗ поправки, которыми допустил возможность сбора подписей избирателей посредством цифровых технологий через «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (далее – ЕПГУ). Обновленный механизм кандидаты активно стали использовать в своих избирательных кампаниях, о чем свидетельствуют данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации за период с 2020 по 2022 год. Так, по состоянию на 2022 год сбор подписей через портал ЕПГУ предусмотрен законами 29 субъектов Российской Федерации. За период избирательных кампаний 2021 года в 12 регионах было собрано 37 838 электронных подписей. Сведений о признании их недостоверными и (или) недействительными не имеется¹.

В то же время исследователи выражают неоднозначное отношение к нововведению. Как утверждает Г.В. Вайшнарвич: «У некоторых кандидатов либо избирателей имеются определенные трудности при использовании такого способа сбора подписей (возможно, технического характера, недостаток соответствующих познаний в сфере информационных технологий) либо нежелание воспользоваться данной мерой и недоверие к ней». При этом автор подчеркивает, что «соответствующая технология является эффективной для кандидатов, списков кандидатов и минимизирует возможность злоупотреблений избирательных комиссий при проверке подписей избирателей, принятии решений о незаконном отказе в регистрации кандидатов, списков кандидатов» [Вайшнарвич, 2021, с. 13].

И.А. Субочев отмечает, что «дистанционный сбор подписей уже позволил политическим партиям и кандидатам исключить типовые ошибки, которые допускались при сборе подписей на бумажном носителе, а также существенно упростить порядок работы избирательных комиссий в части проверки представленных подписей избирателей» [Субочев, 2021, с. 84].

¹ Порядок сбора подписей избирателей через портал «Госуслуги». Автоматизация процесса проверки подписей избирателей // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [сайт]. 2022. URL: <http://www.cikrf.ru/politparty/uchastie-v-vyborakh/method/> (дата обращения: 19.01.2023).

Учитывая указанные мнения, закономерен вывод – процедура сбора подписей избирателей через ЕПГУ положительно себя зарекомендовала и позволяет избежать правовых рисков, связанных с подписными листами. Однако стоит акцентировать внимание на существующем изъяне – в действующей редакции Федерального закона № 67-ФЗ процедура носит ограничительный характер и распространяется только на избирательные кампании по выборам депутатов законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации либо его высшего должностного лица, в которых приняты соответствующие региональные законы. Полагаем, уровень цифрой грамотности населения России позволяет использовать данную технологию во всех регионах в избирательных кампаниях любого уровня. Согласно данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации 90 % от числа избирателей в регистре избирателей имеют подтвержденные учетные записи в ЕПГУ¹.

На наш взгляд, существенным недостатком является установление 50 % предела сбора подписей через ЕПГУ. Если обратиться к международному опыту использования цифровых технологий при сборе подписей, то в некоторых зарубежных странах такая пропорция отсутствует. По данным Российского фонда свободных выборов в Исландии при проведении в 2020 году президентских выборов кандидаты на должность главы государства собрали в электронном виде 87 % подписей избирателей и 13 % – на бумажном носителе². Следует признать, такое решение зарубежного законодателя соответствует демократическим основам по избранию публичных органов власти. Кандидат должен иметь возможность самостоятельно выбирать, какой способ сбора подписей использовать в своей избирательной кампании.

Заключение

Обобщая вышесказанное, следует признать – век цифровых технологий налагает определенные нововведения в различных сферах жизнедеятельности человека. В России непрерывно идет процесс совершенствования различных избирательных процедур. Интеграция цифровых технологий в избирательный процесс была вопросом времени. Однако, как это свойственно на первоначальном этапе многим нововведениям, процедура сбора подписей посредством ЕПГУ имеет законодательные изъяны и опосредовано ограничивает в пассивных избирательных правах граждан. Согласно действующей редакции Федерального закона № 67-ФЗ кандидат, несмотря на предоставление альтернативы способа сбора подписей, в действительности обязан использовать в том числе устаревшую форму – подписные листы. При этом сбор подписей посредством ЕПГУ возможен только на уровне субъектов Российской Федерации. Следовательно, федеральному законодателю следует исключить из ст. 37 рамочного Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» процентное соотношение электронных и бумажных подписей, сбор которых необходим кандидату для регистрации, а также распространить возможность проведения процедуры на федеральные и муниципальные выборы.

Список литературы

Бочарова М.А. 2020. Особенности порядка регулирования, выдвижения и регистрация кандидатов, списков кандидатов на выборах депутатов в России. *E-Scio*, 6: 63–72.

¹ Цифровые сервисы для политических партий // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [сайт]. 2022. URL: <http://www.cikrf.ru/politparty/uchastie-v-vyborakh/method/> (дата обращения: 19.01.2023).

² Электронный сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов: зарубежный опыт // Российский фонд свободных выборов: [сайт]. 2021. URL: <http://www.rfsv.ru/education/obuchenie/elektronnyi-sbor-podpisei-izbiratelei-v-podderzhku-vydvizheniia-kandidatov-zarubezhnyi-opyt?ysclid=I905a20ixs843209223> (дата обращения: 03.01.2023).

- Вайшнарович Г.В. 2021. О предоставлении возможности сбора подписей избирателей на выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) в законодательстве субъектов Российской Федерации. В кн.: Уральский форум конституционалистов: материалы Шестого Уральского Форума конституционалистов (05–11 октября 2020 г.): в 2-х ч. Екатеринбург. Ч. 2: 9–14.
- Киреев А.В. 2016. Проблемы правового регулирования порядка документирования сбора подписей избирателей. *Избирательное право*, 2: 7–17.
- Кондратьева И.В. 2019. К вопросу о необходимости реформирования процесса сбора подписей в поддержку кандидатов. *Юридическая наука и практика*, Т. 15, 2: 64–71.
- Кондрашов М.Ю. 2019. Институт сбора подписей при выдвижении кандидата. *Выборы: теория и практика*, 3: 30–35.
- Субочев И.А. 2021. Развитие института сбора подписей избирателей в условиях цифровизации избирательного процесса. Новая реальность современного мира: вызовы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (03–04 февраля 2021 г.), Барнаул: 80–85.
- Ткач А.К., Макарян А.В., Пономарев В.В. 2018. Сбор подписей избирателей и избирательный залог как форма обеспечения выдвижения кандидата в современной России. Наука и знание: инновационные подходы к решению практических профессиональных задач по формированию конкурентоспособных специалистов: материалы XX Международной научно-практической конференции (19–20 апреля 2018 года). Новороссийск: 146–147.
- Тонков Е.Е. 2013. Правозащитная функция и субъективное право: горизонты познания. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 16(159): 201–207.
- Троян В.А. 2020. Гарантирование избирательного права: российский законодательный опыт. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 45(3): 558–564.
- Худoley К.М. 2019. О некоторых предложениях по цифровизации оказания государственных и муниципальных услуг в сфере избирательного процесса. *Пермский юридический альманах*, 2: 171–178.
- Чалых И.С., Леонтьев С.О. 2017. Институт сбора подписей избирателей в поддержку кандидата (списка кандидатов): проблемы и перспективы реализации. *Вестник. Государство и право*, 24: 74–77.

References

- Bocharova M.A. 2020. Osobnosti porjadka regulirovanija, vydvizhenija i registracija kandidatov, spiskov kandidatov na vyborah deputatov v Rossii [Peculiarities of the procedure of regulation, nomination and registration of candidates, lists of candidates in elections of deputies in Russia]. *E-Scio*, 6: 63–72.
- Vajshnarovich G.V. 2021. O predostavlenii vozmozhnosti sbora podpisiej izbiratelej na vyborah v organy gosudarstvennoj vlasti sub"ekta Rossijskoj Federacii s ispol'zovaniem edinogo portala gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug (funkcij) v zakonodatel'stve sub"ektov Rossijskoj Federacii [On making it possible to collect signatures in elections to government bodies of a constituent entity of the Russian Federation using the unified portal of state and municipal services (functions) in the legislation of the constituent entities of the Russian Federation]. *Ural Forum of Constitutionalists: Proceedings of the Sixth Ural Forum of Constitutionalists (October 5–11, 2021): in 2 hours. Ekaterinburg, CH. 2: 9–14.*
- Kireev A.V. 2016. Problemy pravovogo regulirovanija porjadka dokumentirovanija sbora podpisiej izbiratelej [Problems of legal regulation of the procedure for documenting the collection of voter signatures]. *Izбирatel'noe pravo*, 2: 7–17.
- Kondrat'eva I.V. 2019. K voprosu o neobходимosti reformirovanija processa sbora podpisiej v podderzhku kandidatov [On the need to reform the process of collecting signatures in support of candidates]. *Juridicheskaja nauka i praktika*, 15(2): 64–71.
- Kondrashov M.YU. 2019. Institut sbora podpisiej pri vydvizhenii kandidata [The institution of collecting signatures when nominating a candidate]. *Vybory: teorija i praktika*, 3: 30–35.

- Subochev I.A. 2021. Razvitie instituta sbora podpisей izbiratelej v uslovijah cifrovizacii izbiratel'nogo processa [Development of voter signature collection in the digitalization of the electoral process]. The new reality of the modern world: challenges and prospects: proceedings of the International scientific and practical conference (February 03–04, 2021). Barnaul: 80–85.
- Tkach A.K., Makarjan A.V., Ponomarev V.V. 2018. Sbor podpisей izbiratelej i izbiratel'nyj zalog kak forma obespechenija vydvizhenija kandidata v sovremennoj Rossii [Collection of signatures and electoral pledge as a form of ensuring the nomination of a candidate in modern Russia]. Science and knowledge: innovative approaches to solving practical professional problems to form competitive specialists: proceedings of the XX International scientific-practical conference (April 19–20, 2018). Novorossiysk: 146–147.
- Tonkov E.E. 2013. Pravo-zashchitnaya funkciya i sub'ektivnoe pravo: gorizonty poznaniya [Function of human rights law and subjective: horizons of knowledge]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 16(159): 201–207.
- Trojan V.A. 2020. Garantirovanie izbiratel'nogo prava: rossijskij zakonodatel'nyj opyt [Guaranteeing voting rights: Russian legislative experience]. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 45(3): 558–564.
- Hudolej K.M. 2019. O nekotoryh predlozhenijah po cifrovizacii okazaniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug v sfere izbiratel'nogo processa [On some proposals for the digitalization of state and municipal services in the electoral process]. *Permskij juridicheskij al'manah*, 2: 171–178.
- Chalyh I.S., Leont'ev S.O. 2017. Institut sbora podpisей izbiratelej v podderzhku kandidata (spiska kandidatov): problemy i perspektivy realizacii [The institution of collecting signatures in support of a candidate (list of candidates): problems and prospects of implementation]. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo*, 24: 74–77.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2023

Поступила после рецензирования 10.03.2023

Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023

Revised March 10, 2023

Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельников Павел Алексеевич, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel A. Melnikov, Post-graduate Student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 34 (075.32)

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-341-351

Современное состояние и перспективы развития наукоградов на территории Российской Федерации

Ряшин М.П.

Югорский государственный университет,
Россия, 628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16
E-mail: m91200@gmail.com

Аннотация. В условиях необходимости стремительного развития науки, по мнению автора, именно наукограды должны стать центрами притяжения и консолидации научной мысли, одним из значимых элементов прогресса. Необходима актуализация и совершенствование законодательства в данной сфере с учетом новых вызовов, констатируются недостаточность нормативно-правового регулирования и доктринальной проработки вопроса формирования гуманитарных научных кластеров. Целью исследования является создание фундаментальных основ для дальнейшего развития гуманитарных наук, определение перспективных векторов экономического роста неиндустриальных городов. В результате сформированы ключевые элементы новой нормативной конструкции, обеспечивающей создание необходимых условий для научных исследований, на примере города Ханты-Мансийска.

Ключевые слова: наука, наукоград, гуманитарные науки, муниципальное образование, муниципальное право

Для цитирования: Ряшин М.П. 2023. Современное состояние и перспективы развития наукоградов на территории Российской Федерации. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(2): 341–351. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-341-351

Current State and Prospects for the Development of Science Cities on the Territory of the Russian Federation

Maksim P. Ryashin

Ugra State University,
16 Chekhov St, Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra 628012, Russia
E-mail: m91200@gmail.com

Abstract. The work is devoted to the study of the legal status of Russian science cities. In terms of the need of the rapid development of science, according to the author, the science cities have become centers of attraction and consolidation of scientific thought, one of the most important elements of progress. The necessity of updating and improvement of the legislation in this area with new challenges, it is found insufficient regulatory and doctrinal study of the formation of the scientific humanitarian clusters. The aim of the study is to establish the fundamental basis for the further development of humanitarian Sciences, identifying promising areas of economic growth in non-industrialized cities. This resulted in the establishment of key elements of the new regulatory structures that ensure the creation of necessary conditions for scientific research, on the example of the city of Khanty-Mansiysk.

Keywords: science, science city, humanities, municipality, municipal law

For citation: Ryashin M.P. 2023. Current State and Prospects for the Development of Science Cities on the Territory of the Russian Federation. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 341–351 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-341-351

Введение

Современные условия управленческой деятельности в сфере науки и высшего образования свидетельствуют о существенно возросшей значимости их дальнейшего совершенствовании. Президент России В.В. Путин на заседании Совета по науке и образованию 8 февраля 2023 года поставил задачу: для того, чтобы добиться практического, нужного стране результата, нам нужно объединять усилия и науки, и образования, и административных органов, в том числе и на региональном уровне¹. Для решения данной задачи необходима эффективная работа наукоградов, которые обеспечивают интенсивное проведение научных исследований в областях технических и естественных наук и непосредственное внедрение результатов исследований на производстве.

Объединение в составах научных коллективов представителей технических, естественных и гуманитарных научных специальностей позволяют получить результаты комплексного значения, которые положительно сказываются на развитии страны. Обеспечение комплексного научного развития возможно в рамках муниципальных образований, имеющих статус наукограда. Но в новых условиях функционирования междисциплинарных научных кластеров требуется пересмотр совокупности тех требований, которые необходимо выполнить муниципальному образованию для получения статуса «наукоград».

Несмотря на значимость данных вопросов для современной России, сфера научных исследований ограничивается в большей степени ретроспективным анализом создания и жизнедеятельности наукоградов. Только некоторыми авторами высказываются предложения о необходимости дальнейшего их развития, а также расширения сферы проводимых в них исследований [Глазунова, Кожевников, 2022; Шутрина, 2022; Шеркунов, 2021]. Однако, должное доктринальное развитие и структурирование эта научная мысль до настоящего времени не получила.

При этом даже в условиях современной модели правового регулирования имеются практические возможности, направленные на территориальную консолидацию научной мысли, формирование гуманитарных научных кластеров. Такая конструкция уже реализуется на территории города Ханты-Мансийска и может быть заимствована иными муниципальными образованиями неиндустриальной направленности экономики. Однако, дальнейшее развитие требует новых идей и нормативной проработки порядка их реализации.

Объекты и методы исследования

К объектам исследования необходимо отнести наукограды и научные кластеры, создаваемые в нетрадиционной для них сфере гуманитарной научной деятельности и предлагаемый способ их создания: по инициативе региональных и местных научных учреждений, ВУЗов, общественных объединений, организаций, научных школ и творческих коллективов и т.п.

Ввиду сложности объектов данного исследования нельзя обойтись без эффективного использования общенаучных методов: диалектического, анализа, синтеза, абстрагирования, классифицирования, аналогии, индукции, дедукции и сравнения. Исторический метод использован для выявления ретроспективных характеристик наукоградов советского и современного периодов.

Комплексное применение различных междисциплинарных методов исследования позволило выявить особенности и закономерности правового регулирования правоотношений в сфере создания и деятельности наукоградов. Так, для анализа нормативных актов, были применены специальные юридические методы: сравнительно-правовой и формально-правовой. Важным стал и прогнозный метод, позволивший оценить возможность развития

¹ Стенограмма заседания Совета по науке и образованию 8 февраля 2023 года. – Портал «Научная Россия». 08.02.2023. URL: <https://scientificrussia.ru/> (дата обращения 16.02.2023).

законодательства и функционального содержания правового регулирования гуманитарных научных кластеров и наукоградов. Экономические и социальные методы позволили оценить роль и место объектов исследования в процессах обеспечения жизнедеятельности и развития городов.

Правовое регулирование статуса наукограда

Правовая регламентация вопросов, связанных с конституционно-правовым статусом наукограда, критериев и условий присвоения данного статуса муниципальному образованию, видов (сфер) научно-исследовательской деятельности, реализуемой на территории наукограда, а равно и иных вопросов функционирования наукограда, имеет важное значение для развития данного города, региона, а в большинстве случаев – страны в целом. Их правовой статус, специфику правового регулирования, порядок создания и прекращения определяют Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 07.04.1999 № 70-ФЗ)¹, а также Постановление Правительства РФ от 25.11.2004 № 681 «Об утверждении Порядка рассмотрения предложений о присвоении муниципальному образованию статуса наукограда Российской Федерации и прекращении такого статуса»².

Юридический анализ положений указанного Федерального закона от 07.04.1999 № 70-ФЗ свидетельствует, что данный нормативный акт носит рамочный характер, определяя общий правовой контур наукограда как специфического муниципального образования: критерии и общий порядок присвоения статуса наукограда, особенности государственной (бюджетной) поддержки деятельности наукограда, права и обязанности участников публичных правоотношений, возникающих в связи с реализацией мероприятий по выполнению стратегии социально-экономического развития муниципального образования – наукограда, а также общие правила по осуществлению контрольных функций в отношении субъектов научно-производственной деятельности, осуществляемой на территории наукограда, реализации мер социально-экономической поддержки лиц, проживающих на территории соответствующего муниципального образования.

К соискателям статуса наукограда предъявляются такие требования, как расположение в границах одного муниципального образования, включение в нормативный акт, принятый органом местного самоуправления, обязанности администрации муниципального образования по поддержке развития научно-производственного комплекса, научной, научно-технической, инновационной деятельности, производства наукоемкой продукции и подготовки кадров, определению порядка формирования научно-технического совета муниципального образования, его задач, прав и обязанностей, порядка принятия решения о целесообразности развития данного муниципального образования как наукограда, порядка включения юридических лиц в состав научно-производственного комплекса.

Правоведы справедливо указывают на недостатки отраслевого нормативно-правового регулирования статуса наукограда в России. На основе ст. 2 Федерального закона от 07.04.1999 № 70-ФЗ правовое регулирование статуса наукограда осуществляется в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами и законодательством субъектов Российской Федерации, однако ни в Конституции РФ, ни в федеральных конституционных законах не определяется конституционно-правовой статус наукограда. Вследствие этого статус современного наукограда не представляет собой самостоятельного института конституционного права, а соответствующие особенности юридической регламентации обеспечиваются на уровне нормативных актов, включаемых в состав современной отрасли муниципального права России [Глазунова, Кожевников, 2022].

¹ О статусе наукограда в Российской Федерации: федеральный закон от 7.04.1999 № 70-ФЗ (ред. 20.04.2015) // СЗ РФ. 1999. № 15. Ст. 1750.

² О промышленной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. 05.12.2022) // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 41.

Любой наукоград представляет собой значительный научно-производственный ресурс, поэтому Правительством Российской Федерации определяются, а Президентом России утверждаются направления научной, научно-технической, инновационной деятельности, экспериментальных разработок, испытаний, подготовки кадров в соответствии с государственными приоритетами развития науки и техники, а также представленную Правительством РФ программу развития наукограда, в которой определены меры государственной поддержки конкретного наукограда с учетом его специфики. Тем самым решение о присвоении статуса наукограда отнесено к компетенции Правительства РФ. На этом основании можно предположить, что юридический статус современного наукограда должен рассматриваться как межотраслевой институт конституционного и муниципального права, в связи с чем в настоящее время требуется значительная законодательная доработка положений об общих принципах присвоения статуса наукограда, перспективных направлениях научно-исследовательской деятельности, осуществляемой на территории соответствующего муниципального образования, порядка бюджетного и внебюджетного финансирования хозяйствующих субъектов наукоградов, критериев оценки их деятельности, а равно особенностей осуществления местного самоуправления на территории соответствующего муниципального образования.

Доктринальные представления о сущности наукоградов

Советский опыт свидетельствует, что наукоград как форма концентрации интеллектуальных ресурсов на относительно небольшой территории и создание условий для непосредственного и скорейшего внедрения результатов научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности в практическое использование показал свою эффективность.

Впервые в современной России наукоградом стал город Обнинск (Калужская область), которому этот статус был присвоен Указом Президента РФ № 821 от 6 мая 2000 года¹. В настоящее время наукоградом являются 13 городов со статусом городского округа [Гриценко, 2022] в пяти субъектах РФ. С 2005 по 2010 гг. статус наукограда имел г. Петергоф – в отличие от остальных наукоградов, к направлениям его развития были отнесены исследования, связанные с восстановлением и содержанием музейных, исторических и культурных ценностей. Петергоф – единственный наукоград, в деятельности которого, хоть и пунктирно, но проявлялась гуманитарная направленность исследований. К этой категории не относятся 4 академгородка крупнейших научных отделений РАН. В настоящее время они являются административными районами больших городов (Новосибирска, Томска, Иркутска, Красноярска) [Шугрина, 2022].

В современных условиях наукограды имеют значительный потенциал для обеспечения комплексного устойчивого развития страны. Это подтверждается принятием ряда нормативных актов стратегического значения, которые формируют условия для осуществления практико-ориентированной научной и инновационной деятельности, которая осуществляется на площадках научно-производственных комплексов современных наукоградов. Так, национальными проектами «Наука и университеты» и «Цифровая экономика» определяются мероприятия, осуществление которых предполагает цифровое формирование и (или) обновление научно-производственных комплексов наукоградов, привлечение молодых ученых в научно-исследовательскую деятельность, формирование дополнительного пакета социальных гарантий и компенсаций для представителей указанной группы граждан. Аналогичные мероприятия уже закладываются в Стратегиях социально-экономического развития муниципальных образований, которые получили или претендуют на получение статуса наукограда [Шеркунов, 2021].

¹ О присвоении статуса наукограда Российской Федерации г. Обнинску Калужской области: указ Президента РФ № 821 от 6 мая 2000 г. (ред. от 20.04.2005) // СЗ РФ. 2000. № 42. Ст. 4152.

В свою очередь представители научного сообщества в целом выражают единодушие в вопросе о необходимости наращивания и развития научно-технического потенциала регионов страны, используя наукоград как средство для решения задач не только стратегического значения. К примеру, Т.А. Барсукова считает, что получение статуса наукограда с последующей государственной финансовой поддержкой является основой для развития инновационной экономики, обеспечивает региональное экономическое развитие и вносит весомый вклад в национальную инновационную систему [Барсукова, 2013].

Д.К. Тузкова приводит комплексные доказательства того, что наукоград, вне зависимости от сферы научно-производственной деятельности и места своего расположения, играет приоритетную роль в региональных инновационных системах. Ею установлено, что наукоград обеспечивает значительные возможности для увеличения экономического роста региона за счет концентрации на своей территории объектов научно-производственной инфраструктуры, высокоинтеллектуальных кадров, что в итоге позволяет достигать высоких социально-экономических показателей инновационной деятельности, которые не могут быть достигнуты в условиях муниципального образования, не обладающего специальным статусом [Тузкова, 2020].

Совокупная доля инновационной продукции наукоградов значительно превосходит среднестатистический уровень, что объясняется построением эффективной модели взаимодействия между научно-исследовательской и производственными сферами. В то же время авторы указывают на проблему отсутствия универсальной системы показателей для оценки эффективности инновационной и иной деятельности наукоградов [Митяковы, 2022].

Критерии формирования новых наукоградов

В указанных обстоятельствах, а равно современных условиях тотальных антироссийских санкций, наукоград, объединяющий в себе научно-исследовательскую и производственную деятельность, аккумулирующий на своей территории значительный интеллектуальный потенциал ученых и иных специалистов в профильной области исследований и производства является наиболее перспективным средством для экономического развития муниципальных образований, регионов и государства. Из этого следует необходимость создания законодательных условий для увеличения числа муниципальных образований, которые могут претендовать на получение статуса наукограда Российской Федерации.

При чем, по нашему мнению, «дорожная карта» формирования новых наукоградов может начинаться не с федерального уровня, а с инициативы местных органов власти и научных организаций (ВУЗов, НИИ, научно-образовательных центров, научных общественных объединений, инициативных ученых и т.п.) путем создания научных кластеров в городах – и не только производственно-технического или естественнонаучного характера, но и *гуманитарного междисциплинарного профиля*. Для этого необходимы новые научные комплексные междисциплинарные подходы к регулированию всех процессов, сопровождающих создание, развитие и прекращение деятельности наукоградов и научных кластеров в городе.

С.В. Нарутто обращает внимание на то, что Федеральным законом № 70-ФЗ установлены критерии присвоения муниципальному образованию статуса наукограда и сохранения такого статуса, его анализ позволяет утверждать, что наукограды выполняют функцию соединения звеньев технологической цепочки в единую систему. Статус наукограда присваивается муниципальному образованию Правительством РФ на 15-летний срок, если научно-производственный комплекс (НПК) данного муниципального образования соответствует требованиям Закона [Нарутто, 2022].

Перечислим требования статьи 2.1 вышеуказанного Федерального закона¹ к составу, но с учетом гуманитарного профиля наукограда. В НПК должны входить:

1) научные организации, осуществляющие научную, научно-практическую, инновационную деятельность в соответствии с приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники РФ;

2) образовательные организации высшего образования;

3) организации, независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, осуществляющие производство товаров, выполнение работ, оказание услуг (в том числе в соответствии с приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники Российской Федерации), при условии, что доля практической реализации результатов исследований составляет не менее чем 50 % общего объема выполненных в течение года работ;

4) организации, независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, осуществляющие полностью или частично приготовления для выполнения инновационных исследовательских работ, оказания инновационных услуг в соответствии с приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники РФ;

5) хозяйственные общества и хозяйственные партнерства, которые созданы в установленном федеральными законами порядке научными организациями и образовательными организациями высшего образования и деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат указанным организациям (в том числе совместно с другими лицами).

Установленные законом критерии присвоения муниципальному образованию статуса наукограда:

1. Муниципальное образование должно иметь научно-образовательный комплекс (кластер), расположенный на территории этого муниципального образования.

2. В муниципальном образовании разрабатываются и утверждаются стратегия социально-экономического развития муниципального образования, которая подлежит согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, и план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования.

3. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования должна включать в себя раздел, который содержит, в частности: характеристику научного, научно-образовательного, инновационного потенциалов организаций, входящих в научно-образовательный комплекс (кластер) наукограда, способы и механизмы развития научного, научно-практического потенциалов и использования научно-образовательного комплекса (кластера) наукограда для достижения целей и решения задач социально-экономического развития муниципального образования.

4. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования включает в себя мероприятия, способствующие: развитию научно-образовательного комплекса (кластера) наукограда, реализации инновационных гуманитарных проектов в соответствии с приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники РФ, сохранению и развитию инфраструктуры наукограда.

В настоящее время на территории существующих в России наукоградов осуществляются практико-ориентированные научные исследования в таких областях, как космос,

¹ О статусе наукограда в Российской Федерации: федеральный закон от 7.04.1999 № 70-ФЗ (ред. 20.04.2015) // СЗ РФ. 1999. № 15. Ст. 1750.

авиастроение, ракетостроение, радиотехника, электроника, машиностроение, приборостроение, автоматизация, материаловедение, ядерные технологии, медицина, биология, биотехнологии, энергетика. При этом наукоград позиционируется не иначе как лидер в соответствующей области знаний и место концентрации ученых соответствующего уровня [Проскурин, 2017].

Особенности формирования гуманитарных научных кластеров

Представленный перечень приоритетных областей не включает в себя гуманитарных наук, что свидетельствует о предпочтении государством исследований в области технических и естественных наук. Между тем проведение хотя бы междисциплинарных (межнаучных) исследований значительно увеличивает практическую значимость получаемых результатов. Междисциплинарные исследования становятся все более популярными, поскольку обеспечивают комплексное понимание и решение имеющихся проблем. В настоящее время установлено, что естественные и технические науки не могут должным образом дать ответы на ключевые вопросы современности, поскольку последние являются проблемами развития государства и общества в целом.

Конечно же, для создания наукоградов гуманитарного профиля необходимо будет внести соответствующие изменения в действующее законодательство и в первую очередь определить правовой статус научных кластеров. Между тем само определение термина «кластер» в научной литературе четко не устоялось. Одни отмечают, что на кластеры подразделяется деятельность наукоградов (например, Сколково), другие отмечают относительную самостоятельность данного образования. В Большой Российской энциклопедии¹ кластер в экономике определяется как гибкое и свободное объединение предприятий по территориально-пространственному принципу, представляющее собой скопления («созвездия», «гроздь») предприятий, расположенных на определённой местности, индустриальные кластеры возникли в ходе развития территориального разделения и комбинации труда и производства, территориальной интеграции.

Представляется, что в контексте гуманитарного подхода можно использовать *понятие «кластера» как функционального и пространственного комплекса, характеризующегося конкретной сферой гуманитарной научной деятельности, структурой, стратегией социально-экономического развития территории, объединенного инновационными каналами связи и инфраструктуры.*

Рассмотрим виды кластеров, которые упоминаются в целом ряде правовых актов: Федеральном законе № 488-ФЗ «О промышленной политике»²; Распоряжении Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года»³; Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года⁴ и др. В данных документах встречаются такие виды, как «территориально-производственный кластер», «инновационный высокотехнологичный кластер», «инновационный территориальный кластер», «территориальный кластер»,

¹ Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/economics/text/2623087> (дата обращения 04.02.2023)

² О промышленной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. 05.12.2022) // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 41.

³ Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р // Правительство России: официальный сайт. – URL: <http://government.ru/docs/all/136723/> (дата обращения 20.02.2023)

⁴ Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г.: указ Президента РФ 13.05.2017 № 208 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

«наукоемкий кластер», «региональный инновационный производственный кластер», «промышленный кластер», а также «креативный кластер».

Кластеры объединяют в группу локализованные географически, взаимосвязанные и дополняющие друг друга научные, исследовательские, образовательные организации, а также компании различной специализации и сфер деятельности с учетом уровня развития инфраструктуры для достижения заданного эффекта, усиливающего возможности каждого участника и всего кластера в целом. Формирование и развитие научного кластера призвано способствовать повышению уровня регионального развития и синергетического эффекта от интеграции научных структур в экономику региона на всех уровнях. Ядром такого кластера становятся научные и образовательные организации, осуществляющие деятельность в тесном сотрудничестве с бизнесом и органами власти.

Таким образом, с точки зрения формирования гуманитарных научных кластеров особых проблем возникнуть не должно, потому что уже создаются образовательные кластеры как группы научно-образовательных площадок, связанных территориально и организационно в сфере научно-образовательной деятельности. Благодаря географической близости решаются вопросы обеспечения ресурсами, эффективности взаимодействия. Сегодня такие кластеры организуют ведущие вузы страны, реализуя на практике новый подход к организации образовательной деятельности.

Не удивительно, что кластеры создаются в рамках федеральных городов или городов в непосредственной близости от столиц субъектов Российской Федерации. Именно здесь возникают эффективные варианты организации управления, развития международных связей, имеются большие возможности для реализации научных идей и претворения их в жизнь, а включение в состав кластеров научных издательств позволяет распространять научное знание и развивать межрегиональное сотрудничество при организации межкластерного сотрудничества [Манасян, 2016].

Заключение

Значимость гуманитарных наук для современного общества достаточно велика. Именно они дают ответы на глобальные вопросы о человечестве, правилах построения общества, взаимодействия индивида с властью, оценке человека как части окружающей природной среды. Все эти знания, получаемые в результате гуманитарных исследований, помогают осознать человеку истинные ценности и блага, беречь их и рационально использовать, формируют сознание индивида, а также культуру общества. Одно из ведущих мест в этом процессе, несомненно, принадлежит юридической науке [подробнее: Юридическая урбанология, 2021].

Думается, что наукоград, в котором сбалансированно реализуется научно-исследовательская междисциплинарная деятельность, включающая область гуманитарных знаний, является наиболее предпочтительным проектом для реализации в ближайшее время. Наукоград – это специфическое муниципальное образование, особая роль в определении этих специфических характеристик (особенностей обеспечения безопасности, повышения уровня социального комфорта, защиты прав граждан на безопасную окружающую среду и многие другие вопросы) должна принадлежать конституционно-правовым и муниципально-правовым актам. В этой части действующее законодательство не располагает необходимыми средствами правового регулирования, что указывает на необходимость проведения комплексных исследований, в т. ч. и с использованием методологического арсенала не только юридических, но и иных гуманитарных наук.

В последнем случае сам город может выступать в качестве «научно-практического кластера» неиндустриального характера. И таким образом «гуманитарный наукоград» будет являться формой сбалансированного устойчивого развития территории, обладающей

высоким научным (интеллектуальным) потенциалом. По этой причине проведение юридических (гуманитарных) исследований на территории муниципального образования, имеющего статус наукограда, имеет достаточно высокое социально-экономическое и политико-правовое значение.

Механизм создания первого в России гуманитарного наукограда в настоящее время разрабатывается в городе Ханты-Мансийске – административном центре одноименного автономного округа. Формируется научно обоснованная Стратегия социально-экономического развития города и организационно-правовые элементы структуры образования и развития соответствующего научного кластера, план научных исследований и мероприятий, содержащий цели и задачи по ее практической реализации, который включает в себя следующие подпрограммы:

- развитие приоритетных направлений науки и техники;
- развитие научно-производственного комплекса наукограда;
- создание условий для активной инновационной деятельности и содействие коммерциализации проектов;
- создание условий для привлечения инвестиций, развитие межрегионального и международного сотрудничества;
- подготовка кадров для поддержки развития наукограда;
- создание единой информационной среды наукограда;
- социальное развитие наукограда.

Предполагается, что результаты гуманитарных исследований впоследствии могут быть внедрены на территориях «классических» наукоградов путем принятия соответствующих нормативных актов как федерального, так и регионального значения с целью повышения комплексности, междисциплинарности и определенной социально-практической значимости результатов. Упорядочение нормативной базы, определяющей особенности получения статуса и функционирования наукограда, внедрение междисциплинарных подходов к научно-исследовательской деятельности в наукоградах создаст необходимые условия для устойчивого роста экономики, обороноспособности страны и качества жизни населения.

Список литературы

- Барсукова Т.А. 2013. Наукограды: ретроспективный прогноз. *Управление инновациями: теория, методология, практика*, 4: 6–10.
- Воловикова М.Л. 2016. Оценка современных междисциплинарных исследований: проблемы и потенциал. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 5-4(17): 93–95.
- Глазунова И.В., Кожевников О.А. 2022. Наукоград как муниципальное образование: проблемы правового регулирования. *Правоприменение*, 6 (4): 179–196.
- Грищенко Е.В. 2022. Наукограды России как инновационные территории: эволюция правового статуса. *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*, 3: 3–7.
- Лысая Д.А. 2017. Наукограды России: история развития от научных поселений до инновационного центра «Сколково». *Architecture and Modern Information Technologies*, 3: 178–199.
- Мальцева А.А., Монахов И.А., Барсукова Н.Е., Веселов И.Н. 2016. Наукограды России и Великобритании: «сui bono»? *Инновации*, 7 (213): 40–49.
- Манасян М.Г. 2016. Некоторые подходы к анализу влияния столичности на развитие и функционирование города. *Вестник ТвГУ*, 2: 119–128.
- Митякова Е.В., Митякова О.И. 2022. Комплексная оценка динамики развития наукоградов России. *Инновационное развитие экономики*, 5: 43–51.
- Нарутто С.В. 2022. Территория и границы наукограда Российской Федерации. *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*, 3: 8–10.
- Проскурин С.Д. 2017. Перспективы развития наукоградов, как территорий интенсивного научно-технологического развития. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*, 1-1(49): 95–105.

- Тагард П. 2014. Междисциплинарность: торговые зоны в когнитивной науке. *Философско-литературный журнал «Логос»*, 1(97): 35–60.
- Тузкова Д.К. 2020. Формирование наукограда как базового элемента региональной инновационной системы. Автореф. дис... канд. эконом. наук. Москва, 26 с.
- Шеркунов С.А. 2021. Наукограды России: современное состояние и перспективы развития. *Юридическая мысль*, 4 (124): 127–137.
- Шугрина Е.С. 2022. Академгородки, инновационные и научные центры: отграничение наукоградов от смежных явлений. *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*, 3: 13–17.
- Юридическая урбанонология. Урбанонологическая теория. 2021. Под ред. В.В. Таболина. Москва, издательство ООО «Юстицинформ», 824 с.

References

- Barsukova T.A. 2013. Naukograpy: retrospektivnyj prognoz [Science cities: retrospective forecast]. *Upravlenie innovacijami: teorija, metodologija, praktika*, 4: 6–10.
- Volovikova M.L. 2016. Ocenka sovremennyh mezhdisciplinarnyh issledovanij. [Assessment of modern interdisciplinary research: problems and potential]. *Azimuth nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie*, 5 (4(17)): 93–95.
- Glazunova I.V., Kozhevnikov O.A. 2022. Naukograd kak municipal'noe obrazovanie: problemy pravovogo regulirovanija [Science city as a municipality: problems of legal regulation]. *Pravoprimenenie*, 6(4): 179–196.
- Gricenko E.V. 2022. Naukograpy Rossii kak innovacionnye territorii: jevoljucija pravovogo statusa [Russian science cities as innovative territories: evolution of legal status]. *Municipal'noe imushhestvo: jekonomika, pravo, upravlenie*, 3: 3–7.
- Lysája D.A. 2017. Naukograpy Rossii: istorija razvitija ot nauchnyh poselenij do innovacionnogo centra «Skolkovo» [Science cities of Russia: the history of development from scientific settlements to the innovation center "Skolkovo"]. *Architecture and Modern Information Technologies*, 3: 178–199.
- Mal'ceva A.A., Monahov I.A., Barsukova N.E., Veselov I.N. 2016. Naukograpy Rossii i Velikobritanii: «cui bono»? [Science cities of Russia and Great Britain: «cui bono»?]. *Innovacii*, 7(213): 40–49.
- Manasjan M.G. 2016. Nekotorye podhody k analizu vlijanija stolichnosti na razvitie i funkcionirovanie goroda [Some approaches to the analysis of the influence of the metropolitan area on the development and functioning of the city]. *Vestnik TvGU*, 2: 119–128.
- Mitjakova E.V., Mitjakova O.I. 2022. Kompleksnaja ocenka dinamiki razvitija nauko-gradov Rossii [Comprehensive assessment of the development dynamics of Russian science cities]. *Innovacionnoe razvtie jekonomiki*, 5: 43–51.
- Narutto S.V. 2022. Territorija i granicy naukograda Rossijskoj Federacii [Territory and borders of the science city of the Russian Federation]. *Municipal'noe imushhestvo: jekonomika, pravo, upravlenie*, 3: 8–10.
- Proskurin S.D. 2017. Perspektivy razvitija naukogradov, kak territorij inten-sivnogo nauchno-tehnologicheskogo razvitija [Prospects for the development of science cities as areas of intensive scientific and technological development]. *Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, 1-1(49): 95–105.
- Tagard P. 2014. Mezhdisciplinarnost': torgovyje zony v kognitivnoj nauke [Interdisciplinarity: trading zones in cognitive science]. *Filosovsko-literaturnyy zhurnal «Logos»*, 1 (97): 35–60.
- Tuzkova D.K. 2020. Formirovanie naukograda kak bazovogo jelementa regional'noj innovacionnoj sistemy [Formation of a science city as a basic element of a regional innovation system]. Abstract. dis. ... cand. econom. Sciences. Moscow, 26 p.
- Sherkunov S.A. 2021. Naukograpy Rossii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija [Science cities of Russia: current state and development prospects]. *Juridicheskaja mysl'*, 4 (124): 127–137.
- Shugrina E.S. 2022. Akademgorodki, innovacionnye i nauchnye centry: otgraniche-nie naukogradov ot smezhnyh javlenij [Academic campuses, innovation and research centers: separating science cities from related phenomena]. *Municipal'noe imushhestvo: jekonomika, pravo, upravlenie*, 3: 13–17.
- Juridicheskaja urbanologija. Urbanologicheskaja teorija. Monografija. [Legal urbanology. Urbanological theory. Monograph]. 2021. Edited by V.V. Tabolin, Moscow, Publ. Justicinform, 824 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ряшин Максим Павлович, член Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления, заведующий базовой кафедрой муниципального права и урбанистики, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия,

 [ORCID: 0009-0001-2421-5757](https://orcid.org/0009-0001-2421-5757)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim P. Ryashin, member of the Council under the President of the Russian Federation for the development of local self-government, head of the basic department of municipal law and urban studies, Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia,

 [ORCID: 0009-0001-2421-5757](https://orcid.org/0009-0001-2421-5757)

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 1.17

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-352-358

СМЫСЛЫ ПОНЯТИЯ «СВОБОДА» в идеальном государстве Платона

Ивашина Р.А., Почепцов С.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85,
E-mail: ivashina@bsu.edu.ru

Аннотация. Тема свободы человека никогда не теряла актуальности. Философы разных эпох размышляли и предлагали проекты устройства жизни социума, где создавались бы максимальные условия для удобной жизни человека и всего социума. В то же время социум – настолько сложная структура, что чрезмерные свободы в одной сфере становятся следствием ущемления и даже уничтожения свободы в других сферах. В этом и заключается сложность поиска баланса между свободой и ее ограничением, для создания наилучшего варианта устройства жизни общества. Платон предлагает свое идеальное государство, где, по его мнению, создается наилучший баланс между ограничениями и свободой. Что ограничения в устройстве социума (идеальном государстве) оставляют свободе? Можно ли вообще говорить о ее наличии? – это предмет не только для исследования, но и для дискуссий. В исследовании показано, что по Платону несвобода одних людей является залогом свободы других, что по мнению античного философа вполне допустимо для существования «идеального» государства.

Ключевые слова: свобода, справедливость, ограничения, идеальное государство, законы, социум

Для цитирования: Ивашина Р.А., Почепцов С.С. 2023. Смыслы понятия «свобода» в идеальном государстве Платона. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 352–358. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-352-358

The Meanings of the Concept of "Freedom" in Plato's Ideal State

Roman A. Ivashina, Sergey S. Pocheptsov

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: ivashina@bsu.edu.ru

Abstract. The theme of human freedom has never lost its relevance. Philosophers of different eras have pondered and proposed designs for a society in which maximum conditions would be created for the comfortable life of the individual and the whole society. At the same time, society is such a complex structure that excessive freedoms in one area are a consequence of infringement or even destruction of freedoms in other areas. This is the difficulty of searching for a balance between freedom and its restriction in order to create the best option for society. Plato proposes his ideal state where, in his opinion, the best balance between restrictions and freedom is created. What restrictions in the social structure (ideal state) leave freedom? Can we even talk about freedom? – is not only a subject for research but also for discussion. The study concludes that, according to Plato, the non-freedom of some people is a guarantee of freedom of others, which, according to the ancient philosopher, is acceptable for the existence of an "ideal" state.

Keywords: freedom, justice, restrictions, ideal state, laws, society

For citation: Ivashina R.A., Pochepstov S.S. 2023. The Meanings of the Concept of "Freedom" in Plato's Ideal State. *NOMOTHEKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 352–358 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-352-358

Введение

Тема свободы является одной из основных, которая не теряет своей актуальности в течение всей истории человечества. Сегодня мы можем наблюдать внешнее ограничение свободы со стороны государства, которое декларируется как благо для самого общества. В качестве примера можно привести различные ограничительные меры, связанные с угрозами безопасности или распространения пандемии. Различность точек зрения на эту проблему вновь и вновь возвращает нас к истокам вопроса о степени допустимости ограничительных мер и их пользе для отдельного человека и общества в целом.

В течение истории при исследовании проблем свободы различные авторы предлагали свои интерпретации понятия свободы. Остановимся на понимании свободы, предлагаемые современными источниками.

М.А. Можейко в Всемирной философской энциклопедии свободу определяет как «свободу воли. Когерентным процессом по отношению к историко-философской развертке проблематики свободы воли является развитие понятия свободы в контексте философии власти, определяющей последнюю именно как возможность внешнего целеполагания деятельности другого субъекта» [Можейко, 2002]. В Новой философской энциклопедии Р.Г. Апресян определяет свободу, как «одну из основополагающих для европейской культуры идей, отражающую такое отношение субъекта к своим актам, при котором он является их определяющей причиной и они, стало быть, непосредственно не обусловлены природными, социальными, межличностно-коммуникативными, индивидуально-внутренними или индивидуально-родовыми факторами. Культурно-исторически варьирующееся понимание меры независимости субъекта от внешнего воздействия зависит от конкретного социально-политического опыта народа, страны, времени» [Апресян, 2001]. Исследователь античности В.Ф. Асмус касательно свободы у Платона писал следующее: «Не только рабочие напоминают рабов, но и члены двух высших классов не знают полной и истиной свободы» [Асмус, 2005]. Идеи слова о свободе западного философа Уайтхеда А.: «Свобода Платона – это скорее свобода чистой мысли» [Уайтхед, 1990].

Таким образом, дискуссия о смысле понятия «свобода» в идеальном государстве Платона и определении свободы «истиной» и «мнимой» является широко обсуждаемой как отечественными, так и зарубежными исследователями. Целью же данного исследования является выявление понятия «свободы» по отношению к разным сословиям рабовладельческого общества.

Свобода, общество, государство

Античный философ Платон оставил после себя большое наследие письменных трудов, но особенного внимания заслуживает «Государство», в котором при рассмотрении различных вопросов и проблем он затрагивает понимание свободы. Интерес к трудам Платона вызывает его практический «горький опыт взаимоотношений с тираном» [Лосев, Тахо-Годи, 2014], нашедший свое отражение во взглядах философа. Рассмотрим и проведем анализ смыслов этих отрывков в ракурсе обозначенного выше понимания свободы.

В эпоху Платона общество переживало определенный кризис, который и подтолкнул его на размышления о проекте идеального устройства общества. Платон считал необходимым формирование совершенного человека, что возможно в правильно устроенном государстве.

В первую очередь следует проанализировать основу философии Платона – учение об «Идеях», которое он описывает в книге «Государство». Идеи – не просто основа, связанная с реальным и материальным миром, идеи вызывают подражание у человека: «именно чувства приводят нас к мысли, что все воспринимаемое чувствами стремится к доподлинно равному» [Платон, 2016]. Все живое имеет бессознательное стремление к счастью, а это стремление есть ни что иное, как ограничение свободы, причем не только человека, но и всего живого.

Продолжая платоновскую теорию идеализма, из нее вытекает учение о душе как нематериальной сущности – идеи. Она руководит материальным телом человека: «властвует душа, а тело по своей природе должно находиться у нее в подчинении» [Платон, 2016]. Богомоллов А.С., касательно понимания души в философии Платона, приходит к выводу, что «человек обладает душой, т. е. принципом самодвижения, и потому в определенной мере свободен» [Богомоллов, 1985], то есть, свобода у человека есть, но частичная.

Говоря о боге, Платон отмечает необходимость его влияния на жизнь государства: «Призовем бога в помощь устроению нашего государства, чтобы совместно с нами упорядочить наше государство и его законы!» [Платон, 2016], что означает ограничение свободы жителей государства влиянием воли бога. Но ограничение свободы смягчается тем фактом, что бог заботится о «сохранении мира и в попечении о счастье живых существ» [Остроумов, 1880]. А.Ф. Лосев пояснял причину суровости законов в государстве Платона тем, что люди в мире есть «куклы, нити которых приводит в движение божественная рука» [Лосев, Тахо-Годи, 2014], но в то же время он смягчал это ограничение свободы таким качеством бога, как «справедливость» [Новгородцев, 2011].

Еще одной разновидностью ограничения свободы от бога Платон выделяет «покровительство божественной судьбы» [Лосев, Тахо-Годи, 2014]. В 10-й книге «Государства» при описании мифической истории Эра Платон поясняет значение судьбы. Она имеет место быть, но решающей в жизни человека остается свобода. В продолжение вопроса о мире идей Платона можно добавить и страх посмертного воздаяния за плохие поступки: «когда кому-нибудь близка мысль о смерти, на человека находит страх и охватывает его раздумье о том, что раньше и на ум ему не приходило» [Платон, 2016]. Этот страх есть ограничение свободы выбора человека, но в то же время он способствует выбору в лучшую сторону.

По отношению к детям Платон говорит о необходимости ограничения их свободы через воспитание, которое необходимо для формирования в них лучших качеств: «надлежащее воспитание должно оказаться в силах сделать и тела, и души прекраснейшими и наилучшими» [Платон, 2016]. Это ограничение свободы имеет государственный масштаб и его целью является «создание наилучших граждан... выведение их породы» [Бородай, 2008]. Соответственно, ограничение свободы в воспитании детей направлено на формирование конкретного образца гражданина. Этим необходимо заниматься на государственном уровне и следить за этим должны правители-философы. Это ограничение свободы есть часть политической теории Платона. Обосновано оно созданием лучших условий для жизни людей в государстве, тем не менее это есть прямое ограничение свободы мысли и выбора каждого человека в государстве.

Ограничение свободы воспитанием не является абсолютным. Платон указывает на необходимость не подавлять в детях их индивидуальные особенности и способности. Эти качества необходимо выявлять уже после рождения и далее создавать условия для их развития. На основании развития и способностей человека происходит его распределение в одно из трех сословий. По мнению некоторых исследователей, Платон создает «сословное гетто» [Нерсисянц, 1979], но в полной мере это устройство социума назвать «гетто» нельзя, поскольку распределение по сословиям осуществляется исходя из способностей самого человека.

Но в то же время в государстве Платона имеется ограничение жизни человека – убийство – в случае если человек не способен проживать в таком идеальном обществе.

Государство Платона ограничивает свободу и через контроль мировоззрения людей, которое должно иметь определенную направленность и ее необходимо формировать через воспитание не только детей, но и взрослых людей для «убеждений общества в истине действующих законов» [Новгородцев, 2016], чтобы «подчинить их волю общему объединяющему всех строю» [Новгородцев, 2016]. Причем для пропаганды допустима ложь.

Продолжая тему воспитания взрослых, Платон указывает на необходимость воспитательных процессов формирования правильного мировоззрения у заключенных в течение всего срока пребывания в тюрьме. А из указания Платона на необходимость равного воспитания мужчин и женщин можно вывести идею о равных свободах для мужчин и женщин, что для Античной эпохи нонсенс.

Необходимость ограничения свободы человека Платон обосновывает тем, что «из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство» [Платон, 2016]. По этой причине ограничение свободы необходимо с целью ее сохранения, иначе свободы станет еще меньше.

Говоря о страстях, Платон отмечает их исключительно негативное влияние. Страсти в большей мере влияют на молодежь, одолевая ее, начинают ей руководить, что ограничивает свободу выбора. Потому эта категория граждан не всегда может правильно реагировать на ситуации, в отличие от умудренных жизненным опытом пожилых людей: «Когда человек молод, он очень плохо различает подобные вещи, в старости же, наоборот, очень отчетливо» [Платон, 2016]. Развивая тему ограничения свободы влиянием страстей, Платон отмечает влияние не только на человека, но и через человека на государственные процессы, если человек, подверженный влиянию страстей, находится у власти: «Из-за влечения мальчиков к девочкам, женщин к мужчинам и мужчин к женщинам проистекают несметные беды как для отдельных людей, так и для государств» [Платон, 2016]. А.Ф. Лосев, развивая эту тему, отмечает, что порабощение страстями делает из правителя тирана.

Помимо страданий, которые случаются от страстей, Платон говорит об удовольствиях, которые еще в большей мере ограничивают свободу человека: «тот, над кем властвуют удовольствия, оказывается ниже самого себя, и притом несравненно более постыдным образом, чем тот, кем владеет страдание» [Платон, 2016].

Еще одним внутренним ограничением свободы Платон называет аффекты и эмоции. Они также подавляют рациональную сторону, а значит, и свободу человека: «яростное начало (в душе человека) поднимает оружие на начало разумное» [Платон, 2016]. Исследователь древней философии Чанышев А.Н. «яростный дух, называет союзником разума» [Чанышев, 1981], но с этим мнением сложно согласиться, так как действия человека, руководимого эмоциями, редко являются рациональными.

Получается, свобода человека ограничена тремя внутренними факторами: страстями, удовольствиями и эмоциями. А основой свободы выбора человека, по мнению Платона, является разум: «Всякая добродетель источником имеет разумную часть души» [Чанышев, 1981]. Разум не только позволяет стать человеку свободным, насколько это возможно, но и на уровне устройства государства сделать жизнь людей лучше. Добродетель создает самые лучшие условия для свободы человека: «хорошее душевное состояние своими добрыми качествами обуславливает наилучшее состояние тела» [Чанышев, 1981].

В книге «Государство» Платон рассуждает о законах, которые создают условия блага. Причем благо касается в первую очередь всего общества, а не отдельного человека. Платон отдает приоритет обществу, и высшая свобода относится ко всему обществу, а не к отдельному человеку: «Закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства» [Платон, 2016]. В трудах

«Государство» и «Законы», несмотря на некоторую эволюцию взглядов, Платон остается неизменным во мнении о необходимости полного подчинения населения воле правителей-философов, что есть ни что иное, как ограничение свободы личности государственной властью. В этом смысле индивидуальная свобода человека в социально-политическом устройстве ущемлена.

Еще одной особенностью социального устройства общества у Платона является распределение людей по профессиям исходя из их способностей, а не свободы выбора человека. У Платона человек не имеет свободы в выборе профессии и рода занятий.

Касательно семейной жизни Платон не отрицает добровольность вступления в брак и пользу от него, прежде всего для самих супругов. Но в то же время он указывает и на пользу от брака для государства и предписывает контролировать браки на уровне государства. Обосновывает необходимость создания браков, когда лучшие мужчины сходятся с лучшими женщинами с целью лучшего потомства. Определяет супругов правитель. Так же дает указания по возрастным ограничениям для деторождения. Такие условия ограничивают свободу человека в выборе будущего супруга и времени рождения детей.

В государстве не должно быть абсолютной свободы и должно быть подчинение власти имущим: «полная свобода и независимость от всякой власти гораздо хуже умеренного подчинения другим людям» [Платон, 2016]. Из приведенной цитаты следует о частичном ограничении свободы, а исследователь права Новгородцев П.И. указывает, что в политических идеях Платона «свобода должна замениться твердым порядком» [Новгородцев, 2011], с чем нельзя согласиться, так как в Законах Платон прямо говорит «чрезмерное урезание свободы народа» [Платон, 2016] создает условия для плачевных последствий. Продолжая тему абсолютной свободы, он указывает на пагубность последствий: «жажда свободы» и «свобода в неразбавленном виде» [Чанышев, 1981] создает все условия для распутства, наглого поведения и анархии в обществе. На уровне политического устройства абсолютная свобода становится возможностью для самых наглых людей прийти к власти и устраивать беспредел на государственном уровне с использованием политических возможностей. Потому свобода должна иметь ограничения.

Еще ограничения свободы зависит от возраста жителя государства: «начальствовать должны те, кто постарше, а быть под началом те, кто помоложе» [Платон, 2016]. Отсюда следует, что более старшее поколение обладает несколько большей свободой в подчинении.

Платон не оставил без внимания даже выбор пищи. Свободы в выборе пищевого рациона у человека нет, но тяжесть этого ограничения он снижает обоснованием заботы о здоровье.

Говоря о причинах добровольного объединения людей в города и государства, он пишет: «Люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» [Платон, 2016]. Отсюда следует зависимость человека от социума, что ограничивает свободу выбора человека в том, где ему жить, рядом с кем и как.

Разбирая виды государственного устройства, Платон отмечает, что при монархической форме правления есть искушение для монарха злоупотреблять своей властью, поэтому люди должны обладать большей свободой для ограничения абсолютной власти. Получается уровень свободы жителей государства зависит от формы политического устройства.

Сословие воинов имеет полную регламентацию всей жизни государством и правителями. Е.Н. Трубецкой об уровне свободы у воинов говорит следующее: «буквально не имеет своей воли; каждый шаг его определяется предписаниями философа» [Трубецкой, 2011]. Сословие воинов так же имеет строгие предписания касательно всех сторон жизни и дея-

тельности, но жизнь людей второго сословия по сравнению с третьим выглядит более свободной. Е.Н. Трубецкой о свободе в третьем сословии говорит, что она «призрачна» [Трубецкой, 2011].

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод об очень иллюзорном и условном наличии свободы в социально-политических взглядах Платона. Он охватывает все стороны жизни каждого человека всех возрастов и всех трех сословий, включая и контроль над внутренним миром человека – его религиозными убеждениями и мировоззрением.

Заключения исследователей об отсутствии свободы основаны на внешнем взгляде на устройство платоновского социума. Сравнивая граждан его Государства с рабами, они упускают из внимания тот факт, что для Платона все три сословия представляли собой не рабов, а людей, у которых есть определенные права. Рабы во многом ограничены по причине создания более удобных условий для их эксплуатации. Ограничения жителей платоновского государства обусловлены созданием условий для достижения общего блага, то есть ограничение свободы людей делается ради блага этих же людей. Потому, свобода, хотя во всех сферах и ограничена до минимума, но все-таки она не является рабской.

Список литературы

- Апресян Р.Г. 2001. Свобода. В кн.: Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., Мысль, 501 с.
- Асмус В.Ф. 2005. Античная философия. 3-е изд. М., Высш. Шк., 188 с.
- Богомолов А.С. 1985. Античная философия. М., Изд-во Моск. Ун-та, 185 с.
- Бородай Т.Ю. 2008. Государство. В кн.: Античная философия: Энциклопедический словарь. М., Прогресс – Традиция, 287 с.
- Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. 2014. Платон: Миф и реальность. М., «Молодая гвардия», 306 с.
- Можейко М.А. 2002. Свобода. В кн.: Всемирная энциклопедия. Философия. XX век. М., АСТ, Харвест, Современный литератор, 976 с.
- Нерсисянц В.С. 1979. Политические учения древней Греции. М., Наука, 148 с.
- Новгородцев П.И. 2011. Политические идеалы Древнего и Нового мира. Изд. 2-е. М., КРАСАНДР, 185 с.
- Остроумов М. 1880. Обзор философских учений. Для духовных семинарий. М., Типография Э. Лиснер и Ю. Роман, на Арбате, дом Каринской, 179 с.
- Платон. 2016. Полное собрание сочинений в одном томе. М., «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 1311 с.
- Трубецкой Е.Н. 2011. Политические идеалы Платона и Аристотеля. – М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 105 с.
- Уайтхед А. 1990. Избранные работы по философии. Пер. с англ. М., Прогресс: 448 с.
- Чанышев А.Н. 1981. Курс лекций по древней философии. М., Высш. Школа, 374 с.

References

- Apresyan R.G. 2001. Svoboda [Freedom]. In: Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]. V. 3. Moscow, Publ. Mysl', 501 p.
- Asmus V.F. 2005. Antichnaya filosofiya [Ancient Philosophy]. Moscow, Publ. Vyssh. Shk., 188 p.
- Bogomolov A.S. 1985. Antichnaya filosofiya [Ancient Philosophy]. Moscow, Publ. Mosk. Un-ta, 185 p.
- Boroday T.YU. 2008. Gosudarstvo [State]. In: Antichnaya filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar' [Ancient Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Publ. Progress – Traditsiya, 287 p.
- Losev A.F., Takho-Godi A.A. 2014. Platon: Mif i real'nost' [Plato: Myth and Reality]. Moscow, Publ. «Molodaya gvardiya», 306 p.
- Mozheyko M.A. 2002. Svoboda [Freedom]. In: Vsemirnaya entsiklopediya. Filosofiya. XX vek [World Encyclopedia. Philosophy. XX century]. Moscow, Publ. AST, Kharvest, Sovremenny literator, 976 p.
- Nersesyants V.S. 1979. Politicheskiye ucheniya drevney Gretsii [Political Teachings of Ancient Greece]. Moscow, Publ. Nauka, 148 p.

- Novgorodtsev P.I. 2011. Politicheskiye idealy Drevnego i Novogo mira [Political Ideals of the Ancient and New Worlds]. Moscow, Publ. KRASANDR, 185 p.
- Ostroumov M. 1880. Obzor filosofskikh ucheniy. Dlya dukhovnykh seminariy [Review of philosophical teachings. For theological seminaries]. Moscow, Publ. Tipografiya E. Lissner i YU. Roman, na Arbate, dom Karinskoy, 179 p.
- Platon. 2016. Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome [Complete works in one volume]. Moscow, Publ. AL'FA-KNIGA, 1311 p.
- Trubetskoy Ye.N. 2011. Politicheskiye idealy Platona i Aristotelya [The Political Ideals of Plato and Aristotle]. Moscow, Publ. Knizhnyy dom «LIBROKOM», 105 p.
- Uaytkhed A. 1990. Izbrannyye raboty po filosofii [Selected Works in Philosophy]: Trans. In English. Moscow, Publ. Progress, 448 p.
- Chanyshv A. 1981. Kurs lektsiy po drevney filosofii [Course of lectures on ancient philosophy]. Moscow, Publ. Vysshaya shkola, 374 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.01.2023
Поступила после рецензирования 02.04.2023
Принята к публикации 01.05.2023

Received January 12, 2023
Revised April 2, 2023
Accepted May 01, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивашина Роман Анатольевич, старший преподаватель кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Почепцов Сергей Сергеевич, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman A. Ivashina, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Sergey S. Pocheptsov, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 366.636; 81 (075)

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-359-373

Кинорепрезентация жестокости: жанровые конвенции и зрительская интерпретация

Кочук И.А., Кожемякин Е.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, 308015, ул. Победы, 85
Email: kozhemiyakin@bsu.edu.ru

Аннотация. Несмотря на обилие сюжетов и жанровое разнообразие в современном игровом кинематографе, образы жестокости присутствуют как в большинстве блокбастеров для стимулирования публики яркими эффектами, так и в авторском кино – как способ поиска оригинальных эстетических решений. Целью данного исследования является выявление закономерностей между спецификой репрезентации образов жестокости, с одной стороны, и рецепцией и интерпретацией киносцен зрителями – с другой. Мультиmodalность кинотекста определяет использование различных методов – семиотического, видеоокулографического и опросного. В ходе исследования было установлено, что интерпретация жестокости зависит от жанровых конвенций и знания зрителем субкода киноязыка жанровых конструкторов. Рассмотрение вопроса киножестокости в таких жанрах, как боевик, комедия, драма, триллер, ужасы позволяет сформулировать базовые правила интерпретации кинотекстов, что значимо как в контексте изучения массовой культуры, так и для практической выработки эффективной коммуникации посредством кинематографа.

Ключевые слова: кинорепрезентация, жестокость, жанр кино, семиотика кино

Для цитирования: Кочук И.А., Кожемякин Е.А. 2023. Кинорепрезентация жестокости: жанровые конвенции и зрительская интерпретация. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 359–373. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-359-373

Cinema Representation of Cruelty: Genre Conventions and Spectators' Interpretations

Irina A. Kochuk, Evgeny A. Kozhemyakin

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
Email: kozhemiyakin@bsu.edu.ru

Abstract. Despite the abundance of plots and genre diversity in modern feature cinema, images of cruelty are present both in most blockbusters to stimulate the audience with bright effects, and in auteur cinema as a form of search for original aesthetic solutions. In genre cinema, the semantic and syntactic ordering of signs is artistically motivated and aimed at creating a certain emotional effect in the audience, in particular, cruelty can be perceived as a tragic spectacle, an ominous picture, a funny episode from life. The purpose of this study is to identify patterns between the specifics of the representation of images of cruelty and the reception and interpretation of movie scenes by the audience. The multimodality of the film text determines the use of various methods - semiotic, video-oculographic and questionnaire ones. In the course of the study, it was found that the interpretation of cruelty depends on genre conventions and the viewer's knowledge of the film language subcode, genre constructs. Consideration of the issue of cinematic cruelty in such genres as action, comedy, drama, thriller, horror allows us to formulate the basic rules for interpreting film texts, which is significant both in the context of studying mass culture and for the practical development of effective communication through cinema.

Key words: cinema representation, cruelty, cinematic genre, semiotics of cinema

For citation: Kochuk I.A., Kozhemyakin E.A. 2023. Cinema Representation of Cruelty: Genre Conventions and Spectators' Interpretations. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 359–373 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-359-373

Введение

Репрезентация жестокости в кинематографе является достаточно распространенным предметом культурологических, искусствоведческих и медийных исследований. Она традиционно рассматривается в аспекте нормативных, нравственных и манипулятивных реляций [Федоров 2001; Алексеева, Некурящих 2016], в качестве нарративного и сюжетного элемента [Altman, 1984; Horsley, 1999; Антипов 2021], с точки зрения социальных и культурных смыслов репрезентации [Тарасов, 1997; Столетов, 2020; Борисов, 2013]. Исследователи подчеркивают воздействующий потенциал кинорепрезентации жестокости и насилия [Федоров, 2009; Алексеева, 2016], ее структурную и функциональную роль в кинотексте и в целом в кинодискурсе [Federman, 1998; Артемьева, 2010; Жижек, 2010; Тропина, 2012]. Обширный и детальный библиографический обзор работ, посвященных проблеме насилия на экране представлен в публикации Е.Ю. Востриковой и Н.Ю. Спутницкой [Вострикова, Спутницкая, 2018].

Можно констатировать, что исследования репрезентации жестокости в кинематографе разделяются на две группы – исследования ее структурно-семиотических особенностей и прагматические исследования ее воздействующего потенциала.

В то же время – и это обуславливает актуальность проблемы – перспективной исследовательской задачей является определение того, каким образом зрители интерпретируют сцены жестокости в кинопроизведениях в зависимости от их семиотического порядка, который детерминирован не только конвенциями киноязыка в целом, но и конкретных жанровых конвенций. Дело в том, что комплексный объективный анализ жестокости в кино предполагает ее рассмотрение в единой коммуникативной системе «интенция – сообщение – рецепция – интерпретация» (что намеревалось быть сообщенным – что сообщено – как воспринято сообщенное – как понято сообщенное). Подчеркнем, что решение такой задачи предполагает синтетический подход к применению методов исследования.

В данной работе представлены результаты попытки симбиоза двух планов исследования – структурно-семиотического и перцептивно-прагматического, анализ связи трех из четырех коммуникативных составляющих (сообщение, рецепция и интерпретация) и, следовательно, различных методов – семиотического, видеоокулографического и опросного (глубинное интервью).

Отметим, что мы не ставили перед собой задачу анализа нравственных, поведенческих и социальных эффектов рецепции кинорепрезентации жестокости; нашей задачей являлось уточнить характер связи между семиотическим порядком репрезентации жестокости в определенном киножанре, «логикой» и синтаксисом зрительного восприятия киносцен и интерпретации увиденного зрителями на основе их устных суждений. По нашему убеждению, оценка эффектов восприятия жестокости любого уровня и вида должна основываться на объективных данных о том, что конкретно является объектом внимания зрителей и какие субъективные смыслы возникают в результате визуальной рецепции киносцен.

Жестокость присутствует в документальных кинохрониках, игровом, мультипликационном и научном кино. З. Кракауэр считает, что вовлеченность зрителя в жестокие сцены в фильмах заставляет поверить в подлинность показанных событий, их документальность [Кракауэр, 1974, с. 55].

Отметим, что опыт современного зрителя, привыкшего быть свидетелем эмоциональных потрясений на экране, заставляет сомневаться в достоверности, реальности жестокости в кино. Для усиления партиципации и увеличения кассовых сборов киносоздатели

могут использовать истории, основанные на реальных событиях. Так, документальная основа присутствует практически во всех фильмах о войне; приемы мокьюментари все чаще встречаются в жанровом кино; появляются такие гибридные жанры кино, как докуфикшн, докудрама. Предел реалистичности, любительская аутентичность в демонстрации жестокости определяется синтактикой документального кино: «Зрители привыкли воспринимать снятые и смонтированные подобным образом кадры как правдивую реальность» [Ионов, 2016, с. 35].

Теоретик кино А. Базен, рассуждая о различиях эстетической структуры литературы и кино, пишет: «Экран столь часто прибегает к показу жестокости, что она как бы обесценивается, приобретая вызывающий и в то же время условный характер» [Базен, 1972: 138]. Убедительность жестокости достигается не ее количественным преимуществом, а разнообразием стилистических характеристик.

Специфика кинорепрезентации жестокости во многом зависит от жанровых конвенций. Ориентируясь на «логическую» и эмоциональную интерпретанты, кинорежиссер использует жанровый репертуар, чтобы заинтересовать, привлечь аудиторию: «Капиталистическая логика общества потребления требует использования различных форм и текстов культуры для достижения коммерческого результата» [Кожемякин, Манохин 2013, с. 117].

Нередко жестокость в кинематографе рассматривается как неотъемлемая часть индустрии развлечений, появление которой обусловлено запросом аудитории на шок-контент. Аудитория не только восхищается и содрогается от ужасов на экране, но и становится как бы участником всего происходящего. Киножестокость предполагает противостояние персонажей, что неизбежно приводит к возникновению позитивного отношения к одному из героев, а также позволяет спрогнозировать завершение конфликта. Я.И. Тяжлов пишет: «Отличительной чертой массового кино является ясность, прямолинейность риторики, прозрачность акцентов "свой" — "чужой". За счет риторических средств зритель способен безошибочно идентифицировать героев и злодеев. На пути героев к благородной цели (свободе, отмщению) зритель не только готов простить жертвы, но и эмоционально поощряет насилие, что подтверждает мощный манипулятивный потенциал риторики насилия» [Тяжлов, 2016, с. 62].

Исследование жанровой специфики показывает, что жестокость в кинотексте может быть атрибутивной, бессмысленной; в этом случае риторика фильма построена на зрительском удивлении – подобное, как нам кажется, характерно для классических хорроров. При этом обращение к образам жестокости как одному из главных средств кинематографической выразительности свойственно драме и направлено на зрительскую рефлексию окружающей действительности. Если раньше исследователи кино называли естественным критерием восприятия фильма любого жанра оценочную формулу «бывает так в жизни или не бывает», то сегодня мы можем говорить о новой критерии восприятия: бывает ли так в фильме данного жанра?

Дискуссии о влиянии жестокости – в особенности на детей – объясняют появление ограничений в кино. Так, в соответствии с современной системой классификации информационной продукции в России дети, не достигшие возраста шести лет (0+), могут смотреть на эпизодические ненатуралистические сцены жестокости, если они оправданы жанром или сюжетом «при условии торжества добра над злом и выраженным состраданием к жертве насилия/осуждением насилия» [Федеральный закон от 29.12.2010].

Р.Н. Юренев объясняет популярность фильмов, содержащих сцены жестокости, использованием художественных средств, в числе которых музыкальное сопровождение, яркая партитура фильма и использование киноикон привлекательных персонажей [Юренев, 1983, с. 152]. В связи с этим особый исследовательский интерес вызывает определение значимых структурных элементов, позволяющих аудитории рассматривать жестокость в жанровом кино в различных аспектах, в том числе эстетическом [Манохин, 2019].

Данное исследование позволит выявить специфику зрительного восприятия и интерпретации жестокости аудиторией, основываясь на жанровых конструктах.

Методология исследования

Актуальность изучения влияния каталога знаков игрового кино [Лотман, 1973] связана с расширением методологии исследования. Мы ранее рассмотрели основные принципы и общий дизайн междисциплинарного исследования жестокости в кинематографе [Кочук, 2022]. Далее остановимся на общих методологических положениях нашего исследования, которые обусловлены мультимодальностью (единством множества модусов рецепции информации) кинотекста, что предполагает применение различных методов исследования.

Структурно-семантический анализ кинотекстов позволил выявить жанровые особенности репрезентации жестокости в кино и систематизировать полученные данные.

В ходе видеоокулографического, или айтрекингового, исследования были установлены закономерности зрительного восприятия кинотекстов; фиксация экстралингвистических и кинесических средств общения дополнила эмпирическую базу исследования. Окулографическое исследование представляет собой сбор и анализ данных о движении глаз во время просмотра визуального контента. Данные видеоокулографического исследования позволили выявить элементы наибольшего и наименьшего зрительного внимания (методика «тепловой карты»), а также определить последовательности фиксаций (коротких остановок) и саккад (передвижений глаз с одного фиксируемого элемента на другой), что свидетельствует о «синтаксисе» визуального внимания (методика «пчелиного роя»). Техника применения метода айтрекинга подробно описана в работе [Компаниец, Лызь, 2017]. Исследование проводилось на базе лаборатории мультимодальных исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Для выявления прагматических особенностей восприятия жестокости в жанровом кино было проведено глубинное интервью, в ходе которого реципиенту была предоставлена возможность отразить увиденное, что позволило выявить субъективную интерпретацию элементов кинотекста в связи с жанровой спецификой и собственным зрительским опытом.

Жанровая вариативность репрезентации жестокости в кинематографе

Рецепция и интерпретация жестокости на экране определяется не только степенью достоверности сцен, но и жанровыми конвенциями кинематографа.

Так, реальность в *комедии* изображается достоверно, а юмор основывается на несоответствии ожиданий, парадоксе, противоречии. Этот жанр специфичен нарочито нелепым монтажом, гэггами, скетчевым форматом, перебивками, закадровым смехом и другими сигналами, мотивирующими определенную реакцию аудитории. З. Кракауэр отмечает: «Комические фильмы строятся на абсурде; все, происходящее на экране, идет наперекор здравому смыслу, которого и не следует искать, поскольку таковой не предполагается» [Кракауэр, 1974, с. 333]. С прагматической точки зрения желательной реакцией на комедию является улыбка, смех; осмеивание происходящего на экране может также говорить о критической составляющей зрительского восприятия, стремление исправить нечто глупое, жестокое.

В контексте комедийного жанра жестокость иллюстрирует ситуацию, которая не связана с реальной угрозой, но способна довести зрителя до катарсиса путем высмеивания пороков общества. Формирование зрительских симпатий к персонажам кинокомедии, определение комедии как одного из наиболее подходящих жанров для семейного просмотра предполагают достижение коммерческого результата.

Кинознаки в классической *драме* стремятся к сохранению иллюзии реализма, бытовой достоверности. Синтаксические параметры драмы включают использование внутренних монологов, глубинных мизансцен, изменения динамики звучания, увеличения крупности кадрирования, фиксации на деталях. Прагматически драма построена на подробном рассмотрении зрителем «внутреннего пейзажа» протагониста, воплощении на экране подсознательных мотивов персонажей. Зрелищность уступает глубине, нуждающейся в серьезном осмыслении. Жестокость на экране носит манипулятивный характер; она не вызывает улыбки, а способствует обращению зрителя к вопросам о происхождении жестокости, ее проявлении в обществе. Слезы становятся одной из наиболее предсказуемых и – с точки зрения кинопроизводителя – желательных реакций.

Нередко вспышки насилия в кино связывают с условностями авантюрного жанра, под которым подразумевают криминальный, гангстерский или исторический *боевик* – фильм-действие. Эстетическую состоятельность жанра можно обнаружить в сценах борьбы, где знаки акцентируют внимание на решительность в проявлениях жестокости, незаурядность физических способностей героев [Березуева, 2010: 3]. На синтаксическом уровне нарративная схема боевика отвечает структуре «шоутопперов», отличающейся сюжетной линейностью и акцентуацией на зрелищных эпизодах. Прогнозируемая адресантом прагматика боевика – это удовлетворение от победы отважного и выносливого героя. Идеологически в классическом боевике пропагандируется добро, справедливость, возможность осуществления возмездия (насильственным путем, который в боевике также является характерным для категории добра). Отсутствие сложных сюжетных перипетий характеризует боевик как предсказуемый жанр, нацеленный на эмоциональную разрядку посредством демонстрации большого количества действий (экшена), часто – насильственных, и отсутствии саморефлексии персонажей, которая возможна лишь в кульминационный момент, когда протагонист должен принять ключевое решение.

Жестокость в *триллерах* не всегда сопутствует кульминационному моменту; насилие, в особенности психологические, может сопровождать большую часть сцен в фильме, позволяя аудитории ощутить напряженную атмосферу. Триллер тяготеет к использованию приема драматизации, сложного нарратива («несколько повествовательных сегментов, эллиптический синтаксис»), что увеличивает количество вариаций финала, сохраняя непредсказуемость жанра. Жестокость в триллерах – в отличие от ужасов – должна не столько напугать, сколько вызвать у аудитории длительное напряжение, тревожное ожидание, взволнованность, что способствует усилению вовлеченности.

На семантическом уровне в *ужасах* несоответствие знака и его привычного значения вызывают неконтролируемое зрительское беспокойство. Синтаксис ужасов – это саспенс, съемка в низком ключе, фокусирующая внимание на тенях и контурах объектов и оставляющая вне видимости детали и фон, точечное освещение, резкие звуки, операторская работа, имитирующая ручную камеру. Прагматика ужасов – зрительский страх смертельных опасностей как рефлекс на громкий звук, неожиданную склейку кадров или киноиконы, актуализирующие определенную фобию зрителя.

Особенности восприятия аудиторией кинорепрезентации жестокости

Для выявления специфики визуальной рецепции жанрового кино мы обратились к окулографическому анализу фрагментов пяти фильмов: боевика «Никто», режисер И.В. Найшуллер; хоррора «Солнцестояние», режисер А. Астер; триллера «Игра в кальмара», режисер Х. Дон-хек; комедии «Батя», режисер Д. Ефимович; драмы «Уроки фарси», режисер В.В. Перельман.

Выборка эмпирического материала обусловлена тем, что они содержат типичный для своей категории набор жанровых признаков, проявляющихся как в семантических, так и в

синтаксических и прагматических особенностях кинотекста. В исследовании приняли участие 15 человек различного пола, возраста и рода деятельности. Данная аудитория позволяет сделать общие выводы о рецептивно-коммуникативных аспектах жестокости в кинематографе, вместе с тем необходимо дальнейшее изучение феномена на основе полученных данных со статически значимым объемом выборки.

Мы выделили три категории структурных элементов кинотекста: персонажи (протагонист и антагонист), атрибуты жестокости (нож, бита, пистолет и т.п.), фоновые кинознаки (второстепенные персонажи, бытовые предметы, несвязанные с проявлением жестокости и т.п.). Алгоритм эксперимента представлен следующими этапами: 1) просмотр испытуемыми пяти фрагментов фильмов с репрезентацией жестокости и фиксация с помощью айтрекера траектории взгляда зрителей; регистрация экстралингвистических и кинесических особенностей просмотра; 2) интервью испытуемых; 3) категоризация полученных данных; 4) сопоставление результатов окулографии и интервью и выявление закономерностей восприятия синтактики и прагматики субкода жестокости.

Персонажи

В процессе анализа специфики визуальной рецепции жестоких сцен мы выявили тенденцию к антропоцентричности, которая прослеживается вне зависимости от жанровой принадлежности кино. Зритель стремится сфокусировать взгляд на человеческом лице.

При просмотре боевика для восприятия визуальной информации характерно следующее: 1) фиксация на персонажах, а именно протагонисте и его семье, показанной одним коротким кадром; отсутствие фокуса на атрибутах жестокости; 2) появление фокуса внимания на крови, чайнике, бите, ноже (атрибутах жестокости) с частичным «визуальным игнорированием» киногероев. Сделаем предположение, что киноиконы персонажей вызывают более сильное эмоциональное воздействие в отличие от атрибутов жестокости, которые, позволяя определить жанр и необходимую зрительскую реакцию (напряжение), не представляются аудитории интересными и запоминающимися.

В фильмах ужасов саспенс предполагает формирование саккадического паттерна: зритель видит, как антагонист появляется за спиной протагониста (рис. 1); длительность ожидания момента, когда протагонист обернется, соразмерна формированию страха, вследствие чего взгляд перемещается с одного героя на другого (зеркало как необходимый элемент для создания глубинной мизансцены). С прагматической точки зрения это может быть также признаком «насмотренности»: высокая скорость саккад объясняет наличие ожиданий и страхов, вызванных прагматикой фильмов ужасов.

В триллере во время монолога антагониста можно заметить окулярный дрейфт (взгляд «плывет» от фиксированной точки), который может быть вызван абстрактными мыслительными процессами зрителя.

В драме траектория движения глаз обусловлена звуковым модусом (речью) как сигналом обратить внимание на персонажа. В глубинной мизансцене саккадический паттерн имеет общие черты с восприятием саспенса.

Комедия воспринимается в антропоцентричном ключе: все респонденты сначала смотрят на ребенка, а потом на кота. При этом данные переключения с одного объекта на другой разнятся; часть зрителей смотрит на животное, часть – на мальчика, еще одна часть демонстрирует траекторию движения взгляда с мальчика на животное (рис. 2). Мы предполагаем, что это коррелирует с симпатией к персонажам и влияет на дальнейшее одобрение или осуждение жестокости. Так, увеличение скорости саккадического движения может говорить об ожидании зрителей, их попытке «прочитать» эмоциональное состояние ребенка по его мимике, предугадать дальнейшее поведение кота по его положению на руках.

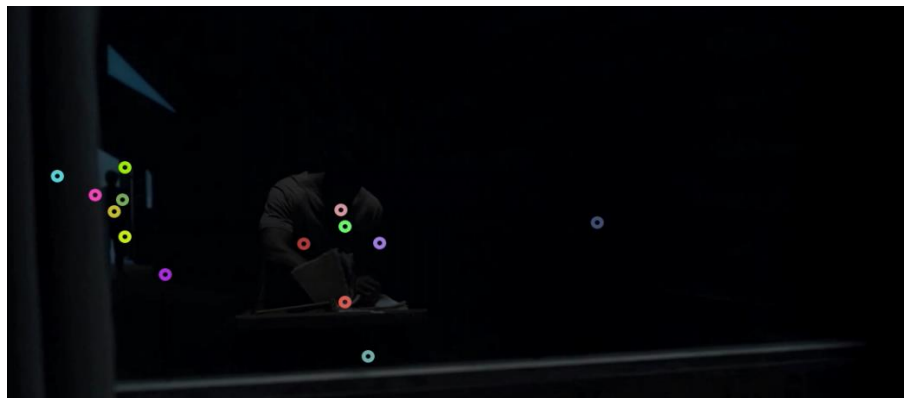

Рис. 1. Кадр из к/ф «Солнцестояние», А. Астер (2019 г.)

Рис. 2. Кадр из к/ф «Батя», Д. Ефимович (2020 г.)

Атрибуты жестокости

Если в боевике подробное рассмотрение аудиторией атрибутов жестокости представляет собой один из возможных визуальных паттернов, о чем мы писали выше, то в фильмах ужасов кинознаки в виде крови и разбитой головы не привлекают внимание или же вызывают желание отвернуться – окулография показывает смещение зоны внимания с кровавых разводов и открытых ран на фоновые кинознаки. В триллере большинство зрителей подробно рассматривают как атрибуты жестокости (пистолет, автоматы, окровавленную футболку и т.д.), так и фоновые кинознаки (игровую горку, изображения на стенах), что может быть вызвано необычными для триллера яркими декорациями, которые требуют осмысления и интерпретации, а также продолжительным монологом антагониста, смысл которого неясен без контекста происходящих в сериале событий (рис. 3).

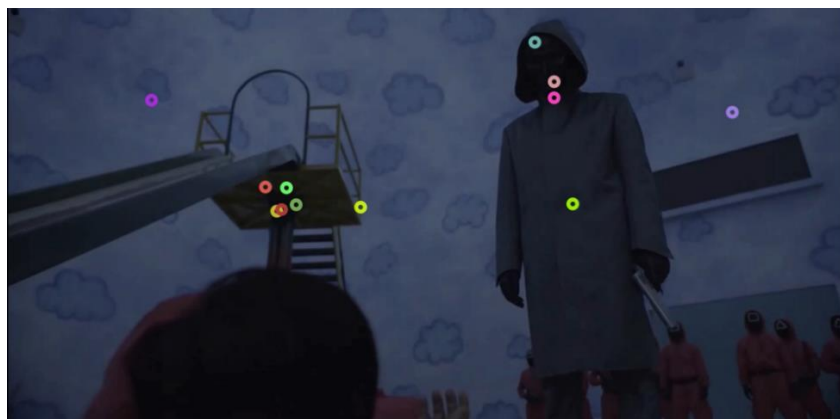

Рис. 3. Кадр из к/ф «Игра в кальмара», Х. Дон-хек (2021 г.)

Фоновые кинознаки

Окулография позволяет выявить в боевике саккадическое подавление, т.е. размытие изображения и ухудшение зрительного восприятия в связи с изменением освещения, постоянным смещением объекта внимания, быстрым движением в кадре. Так, большая часть зрителей начинает видеть сцену как множество фоновых кинознаков, что объясняется динамичной монтажной склейкой, сложной для восприятия. Зрителю предоставляется возможность «домыслить» происходящее, основываясь на своем собственном опыте просмотра фильмов данного жанра.

Рассматривая фоновые кинознаки (окна, двери, стены, лес), зритель может оценить дальнейшее развитие сюжета, ощутить атмосферу фильмов ужасов; в то же время аудитория, имеющая определенные стилистические предпочтения, будет соотносить работу оператора, художника-постановщика с градацией качества кинокартины, собственных ожиданий эстетического плана.

Жестокость в исторической драме предполагает наличие фонового знания, необходимого для полной интерпретации кинотекста. Отметим зрительную фиксацию на опознавательных знаках; движения глаз, изучающих военную форму персонажей (рис. 4).

Рис. 4. Кадр из к/ф «Уроки фарси», В. Перельман (2020 г.)

Результаты окулографии позволяют сделать следующие выводы:

1) в зрительном восприятии сцен жестокости прослеживается тенденция к антропоцентричности. Категория «персонажи» является одним из главенствующих структурных элементов кинотекста вне зависимости от жанровой специфики;

2) звуковой модус кинотекста влияет на визуальную фиксацию персонажей зрителями. Мы предполагаем, что речь персонажей при просмотре отдельных фрагментов объясняет идентификацию аудиторией главных героев, смещение фокуса внимания на них;

3) боевик отличается саккадическим подавлением в зрительном восприятии, что связано с быстрой сменой кадров, динамичным монтажом, свойственным данному жанру. Подобное явление снижает возможности восприятия сцен жестокости; зритель «додумывает» кинознаки, отвечающие синтаксическим особенностям боевика. Также отметим, что часть аудитории при просмотре боевика фиксируется на персонажах, часть – на атрибутах жестокости. Соотношение результатов с глубинным интервью позволит выявить закономерности в восприятии и последующей интерпретации сцен;

4) специфика ужасов проявляется как саккадический паттерн саспенса, частичное «визуальное игнорирование» монструозного лица и фиксация фоновых кинознаков. Подробное изучение аудиторией всех структурных элементов кинотекста является особенностью жанра и может увеличить эмоциональное потрясение от сцен жестокости;

5) в триллере прослеживается окулярный дрейфт, влияющий на смещение фокуса внимания с персонажей на атрибуты жестокости и фоновые кинознаки. Несмотря на антропоцентричность восприятия, в триллере считывание визуальной информации происходит посредством переноса фиксации с людей на предметы;

6) восприятие глубинной мизансцены в драме имеет общие черты с траекторией движения взгляда в сценах саспенса жанра ужасов, при этом в драме частота саккад снижена, заметна фиксация на одном из персонажей, что может говорить о прагматических особенностях жанрового кино. Фокус внимание на фоновых кинознаках в драме может влиять на интерпретацию жестокости в кинотексте;

7) саккадическое движение в комедии может коррелировать с эмоциональным отношением к персонажам, а также свидетельствовать о поиске комичного в приведенной сцене.

Далее перейдем к обсуждению результатов глубинного интервью, что позволит нам установить закономерности между выявленными зонами зрительного интереса и вербально выраженными субъективными значениями элементов киносцен.

Рефлексия аудитории о жестокости в кино: результаты глубинного интервью

В ходе интервью респондентам задавался ряд вопросов: *«Оцените по пятибалльной шкале, насколько хорошо вы разбираетесь в кинематографе»; «Вы посмотрели сцены из пяти различных фильмов/сериалов. Видели ли вы эти фильмы/сериалы раньше?»; «Что вам запомнилось? На что вы обратили внимание?»; «Какие эмоции у вас вызвали увиденные сцены?»; «Понравились ли вам представленные сцены? Можете ли вы проранжировать их от наиболее понравившихся к наименее?»; «Смотрите ли вы фильмы со сценами жестокости? (Если да, назовите несколько примеров типичных или любимых фильмов)».*

Сразу отметим, что наша гипотеза о наличии закономерности между киноведческими компетенциями зрителей и их способностью обнаружить наибольшее количество кинознаков не подтвердилась. Распознавание клише как риторически санкционированных синтагматических блоков не коррелирует с данными окулографического исследования и глубинного интервью.

Персонажи

Фиксация на персонажах в боевике как визуальный паттерн свойственна зрителям, которые в ходе интервью признаются, что испытали эмоциональное воздействие сцены. В то же время зрители, фокусирующиеся на атрибутах жестокости, скептически относились к протагонисту и его действиям: *«По трейлеру непонятно, хороший он или плохой».*

Укажем на жанровую специфику репрезентации жестокости в боевике. Так, несмотря на количественное преимущество антагонистов в сравнении с одним протагонистом, респонденты говорят, что *«в боевике "Никто" показан честный бой»*; протагонист рассматривается как *«крутой-крутышка, молодец»*, зрителей *«вовлекает и восхищает то, как он быстро реагирует».* Это свидетельствует о наличии у кинозрителя правил просмотра, позволяющих рассматривать образ главного героя боевика как супергероя. При этом зритель, скептически относящийся к жанру, может рассматривать жестокость в боевике как стимул высмеять происходящее, что свойственно риторике комедии: *«Когда герои такие крутые, мне хочется смеяться. Прямо Рэмбо! Для меня это слишком постановочно, слишком ненатурально и наигранно».* Так, классическая франшиза «Рэмбо» становится маркером неестественного, абсурдного, а значит, комичного.

Во время интервью саккадический паттерн саспенса описывается аудиторией как вызывающий тревогу, напряжение: *«Был напряг, когда он книгу читал. Еще музыка нарастает – понятно, что будет экшен».* Примечательно упоминание экшена как типичной характеристики боевика в аспекте жанра ужасов; вероятно, некоторые зрители рассматривают любое проявление жестокости как экшен, который здесь трактуется не как динамичная сцена, а как пугающий момент *«Полностью была сосредоточена на экшене».*

Как было сказано ранее, зрительское внимание антропоцентрично. Примечательно в этом плане, что испуг от сцены жестокости в фильме ужасов несколько респондентов связывают с появлением «лица на лице»: *«Было очень жутко и неприятно смотреть на взор человеческого лица, наклеенного на человеческое лицо»*.

В триллере респонденты запоминают *«выстрел и убийство»*, не акцентируя внимание на персонажах. Во многом это говорит об осведомленности о сериале: *«Так как «Игру в кальмара» я смотрела, меня не особо удивило, ну да, выстрелил в человека»*. Здесь жестокость входит в разряд обыденного, общепринятого поведения, не вызывая ярких эмоций.

Вместе с тем жестокость в триллере требует наличие контекста: *«Я даже не поняла сути, потому что я не смотрела сериал»*. Если в боевике и ужасах контекст не столь важен в связи с очевидным разграничением протагониста и антагониста, то в триллере эмоциональное воздействие кинознаков зависит от нарративных аспектов коммуникации. «Справедливость» жестокости в глазах зрителей оправдывает убийство: *«Я помню, что герои, которых здесь наказывают, вызвали отрицательные эмоции, поэтому я не особо им сопереживала»*. Насилие становится наказанием, отчужденной жестокостью, а значит, не вызывает отрицательных эмоций.

В драме, несмотря на то что регистрация движения глаз показала фокус внимания на говорящих персонажах, большинство респондентов не могут воспроизвести смысл сказанного, но способны определить национальность персонажей, их идеологию, предположительно, исходя из фоновых кинознаков: *«Избили еврея за то, что он неправильно сказал перевод слова»*; *«Обобщенный образ фашистов»*. Примечательно, что в сцене протагонист был упомянут и как еврей, и как перс – зрители достраивают дестабилизированный код согласно ассоциативному ряду и собственным фоновым знаниям.

Большая часть респондентов, говоря о впечатлениях после просмотра драмы, высказала сочувствие страданиям протагониста: *«Сопереживание, справедливый гнев за то, что обижают бедного-несчастливого мальчика»*.

Жестокость в комедии в большинстве случаев рассматривается зрителями как нечто милое, не причиняющее боли и страданий: *«Умиление было, когда показали мальчишку с котенком»*; *«Эмоция умиления, не жалко, я уверена, что ему скорее всего не было больно»*. Жестокость в кинокомедии вызывает у респондентов смех (*«Это ужас, вот это настоящий ужасник (смеется)»*); *«Комедия есть комедия. Смешно в каком-то плане: вышвырнул его и ребенку такой заходи»*), иногда – грусть (*«Вызвала грусть, что люди таковы, каковы они есть»*). Нередко респонденты обращались к рациональной рефлексии: *«Не веселый и не грустный момент, вполне нормальный, прям жестокого обращения с животными не было, тем более коты приземляются на лапки»*.

Фиксация на киноиконе кота коррелирует с использованием диминутивов, уменьшительно-ласкательных форм слова: *«Запомнилось, как кинули котика, это грустненько, обидненько»*. Зрители, фокус внимания которых был направлен на людей, говорят об этом категоричнее: *«Запомнилось, как отец швырнул кота»*.

При этом использование в кадре животных вызывает стремление к снятию напряжения: *«Там котейку выбросили, конечно же, второе место, ну просто показали котика. Котики — это мило»*. Как писал С.М. Эйзенштейн, «желая вызвать симпатию к герою, вы окружаете его котятами, безусловно пользующимися всеобщей симпатией» [Эйзенштейн, 2021, с. 135].

Атрибуты жестокости

В боевике ярко проявляется феномен домысливания кинознаков, ассоциирующихся с проявлением жестокости. Так, респонденты замечают в просмотренной сцене наличие крови, на чем делают акцент во время интервью. При этом направление траектории зрительского изучения сцены отличалось отсутствием последовательных фиксаций – саккадическим подавлением. Из этого предположим, что в боевике атрибуты жестокости являются смыслообразующими элементами понимания жанра.

Кровь как атрибут жестокости наделяется определенным смыслом, который зрители считают как само собой разумеющийся, даже не понимая контекста всего фильма: *«У пятна должны быть какие-то смыслы, оно должно быть с чем-то взаимосвязано».*

Фоновые кинознаки

Саккадическое подавление в боевике подтверждается утверждениями респондентов: *«Я там ничего не запомнила, все стреляли, были избиения какие-то»;* *«Была быстрая смена кадров. Проблематично понять, что происходит, но можно додумать, окружение подсказывает»;* *«Резко менялись картинки».* Драматургический принцип чеховского ружья в боевике находит отражение в восприятии атрибутов жестокости, фоновых кинознаков, что подчеркивают зрители: *«Все, что будет использоваться, выделяется заранее».*

Отметим, что респонденты, обратившие внимание на быструю смену кадров и атрибуты жестокости, не испытали эмоционального напряжения, равнодушно отнеслись к проявлениям насилия на экране: *«Никаких эмоций, сцены и сцены»;* *«Не скажу, что сильно запомнился. Сцены насилия – и все».* Напротив, те, кто заметил второстепенных «хороших» персонажей (семью протагониста) говорят о понятной и запоминающейся форме подачи кинотекста, сопереживании протагонисту: *«Вызывает сочувствие»;* *«Хорошая игра со светом, поскольку в темном помещении хорошо все видно».*

В ужасах звуковой модус рассматривается с точки зрения фоновых знаков и является – что можно проследить по ответам респондентов – одним из важных факторов восприятия и интерпретации жестокости: *«Мелодия, которая играла, сразу натолкнула на мысль о том, что это ужасник»;* *«Страх был от звука, а так я привык к более жестоким сценам»;* *«Музыка нагнетающая».* Несколько упоминаний цветовой партитуры говорит о том, что аудитория распознает субкод ужасов: *«Цветокоррекция самого фильма навеивает мрачные... мрачная составляющая была».*

Кинесические средства коммуникации позволяют оценить степень вовлеченности аудитории. Так, во время просмотра несколько зрителей в кульминационный момент вздрагивали, отклонялись от экрана и т.п., что можно рассматривать как ожидаемый и проектируемый эффект от просмотра жестокости в фильмах ужасов.

Отметим, что при описании впечатления от сцены жестокости в ужасах респонденты говорили, что *«фильм лучше всего справился со своей функцией».* Это может свидетельствовать о восприятии репрезентации жестокости как ожидаемого эффекта этого жанра.

Наиболее популярной в триллере является категория «фоновые кинознаки». Так, зрители замечают противоречие между персонажами и фоном: *«Солдаты в странной форме на детской площадке».* Некоторых респондентов интересует эстетическая форма построения сцен: *«Мне очень нравятся силовые линии в кадре, то есть с помощью горки в сериале показаны взгляды, не нужно всматриваться в одного из героев – все понятно, кто куда смотрит и кто что делает».*

Отметим, что в триллере яркость, насыщенность изображения не является обязательной характеристикой для появления положительных эмоций, оправдания ожиданий; нередко респонденты описывают эстетические преимущества сцены, но имеют определенные предубеждения и скептически относятся к фильму в целом: *«Яркая сцена, но мне не нравится азиатчина, поэтому эмоции строго негативные».*

В драме неправдоподобие элементов фабулы фильма нарушает классическую кинокоммуникацию; основой впечатления от сцены становятся логические суждения, а не эмоциональная реакция. Так, зритель, спросивший, *«что с погонами у военных?»*, улыбается, скептически оценивает происходящее, что снижает воздействие риторических аспектов фильма.

Респонденты выделяют в кинотексте детали, которые дают информацию об исторической эпохе, контексте происходящего: *«Серо-сизые шинели и довольно красочный мир»;* *«Очень хорошо камера детали показывает».*

Зрители, фиксирующие взгляд на фоновых персонажах, в интервью оценивают сцену как наиболее выверенную эстетически, но не рассматривают возможность дальнейшего просмотра

фильма. Подобное наблюдалось при исследовании боевика; можно предположить, что положительное восприятие связано не столько с эстетическим аспектом репрезентации жестокости в кинокоммуникации, сколько с эмоциональной вовлеченностью.

Подчеркивая художественную ценность визуального в сцене, респонденты отмечают жестокость как главный фактор запоминания: *«Картинка, да, красивая, и, опять же, здесь были избиения, как это не запомнить?»*.

Также, рефлексировав об увиденном, зрители говорят о формировании определенных ожиданий от фильма, позитивной оценочной пристрастности: *«Вызвал эмоции, потому что это очень хороший фильм, который я все еще не посмотрел»*. Не акцентируя внимание на конкретных эмоциях, респондент выводит формулу: кинорепрезентация жестокости, вызывающая эмоции (как положительные, так и отрицательные), свидетельствует о «хорошем фильме», который следует посмотреть.

Сцену в комедии нередко называли похожей на окружающую действительность, «яркой»: *«Яркий фильм»*; *«Батя» лучше выглядит – цвета ярче»*; *«Абсолютное воспроизведение реальности, нет особой постановочности»*.

Исследование зрительской интерпретации жестокости в кинотексте позволяет предположить следующее:

– распознавание жанровых особенностей репрезентации жестокости в кино не коррелирует с киноведческими компетенциями зрителей, уровень которых был выявлен в интервью;

– респонденты описывают протагониста в жестоких сценах как героя, вызывающего восхищение (жанр боевика); жертву, вызывающую сострадание (драма); объект справедливого возмездия (триллер) или умиление (комедия). Увечья и смерть антагонистов аудитория воспринимает равнодушно и безэмоционально;

– звуковые эффекты и музыку в фильмах ужасов, а также саспенс и появление монструозного персонажа аудитория находит наиболее пугающими элементами кинотекста: в ужасах важны не столько атрибуты жестокости, сколько фоновые кинознаки, персонажи, ассоциирующиеся с чем-то ужасающим. Атрибуты жестокости в ужасах обсуждаются в контексте дополнительного смысла, эстетически выверенного кинознака;

– контекст имеет важнейшее значение для интерпретации жестоких сцен во время просмотра драмы и триллера: зрители достраивают код, дестабилизированный не в визуальном, что свойственно саккадическому подавлению в боевике, а в нарративном плане.

Заключение

Результаты анализа полученных данных показывают влияние жанровой специфики на рецепцию и интерпретацию жестокости:

1) боевик: зрители говорят о появлении сопереживания в отношении протагониста, не упоминая антагонистов; при этом окулографическое исследование показало фиксацию не только на персонажах, но и на атрибутах жестокости, которые аудитория способна домыслить на основе собственных знаний лексикода;

2) ужасы: саспенс формируется путем использования глубинной мизансцены и резких звуков; при этом респонденты замечают атрибуты жестокости, в том числе кровь, которая подчеркивает эстетический порядок кадра. Фоновые кинознаки в ужасах создают атмосферу гнетущего, напряженного, что влияет на общую интерпретацию жестокости;

3) триллер: акцент на фоновых кинознаках, выполняющих информативную функцию, должен помочь зрителям понять контекст происходящего. При этом непонимание нарративного аспекта в триллере снижает интерес к сцене жестокости, делает ее менее информативной и эмоционально насыщенной. Зрителям важно иметь представление о «виновности» персонажей, чтобы оценить необходимость проявленной к ним жестокости, почувствовать сопереживание или удовлетворение;

4) драма: зрители акцентируют внимание на окружающей героев действительности, интерпретируя кинотекст исходя из собственных убеждений;

5) комедия: симпатия к персонажам, а также актерам влияет на зрительную фиксацию и дальнейшую интерпретацию жестокости.

Результаты исследования убеждают нас также и в том, что мультимодальный подход является релевантным задачам исследования кинотекста и может быть применен для изучения рецепции и интерпретации различных элементов и феноменов в кинематографе.

Список источников

Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 01.07.2021)". О средствах массовой информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). Статья 4. Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/285787630b41d4963964c4c89fada1196a65cf3e/.

Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/07194a696bee4a97dd25ff31550a995809e343c6/.

Список литературы

Алексеева Е. А., Некурящих И.И. 2016. К вопросу о криминогенном потенциале насилия в кинематографе и его влиянии на уровень агрессии несовершеннолетних. *Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 1(40): 33–36.

Антипов М.А. 2021. Репрезентации смерти в кинохорроре. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 46(2): 298–307. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-310-320

Артемьева О.Э. 2010. Эволюция эстетической модели жанра «хоррор» в американском кино: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 22 с.

Базен А. 1972. Что такое кино? М., Искусство, 382 с.

Березуева А.Э. 2010. Коммуникативный портрет главного героя кинотекстов жанра «Боевик». *Известия ВГПУ*, 2: 67–71.

Борисов С.Н. 2013. Практики насилия в культуре (философско-антропологическая рефлексия): автореф. дис. ... д-ра филос. н. Белгород, 47 с.

Вострикова Е.Ю., Спутницкая Н.Ю. 2018. 40 лет насилия: мониторинг кинопериодики. *Телекинет*, 3(4): 36–72.

Жижек С. 2010. О насилии М., Европа, 184 с.

Ионов А.Ю. 2016. Found footage: расширение границ реального в жанре хоррор. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*, 1: 34–43.

Кожемякин Е.А., Манохин Д.К. 2013. Семиотические аспекты массовой культуры. *Культура и текст*, 1(14): 115–131.

Компаниец В.С., Лызь А.Е. 2017. Эргодизайн пользовательского интерфейса: методы юзабилити-исследований. *Инженерный вестник Дона*, 3(46): 56–63.

Кочук И.А. 2022. Методология мультимодального исследования репрезентации жестокости в кинематографе. *Современный дискурс-анализ*, 1(29): 32–41.

Кракауэр З. 1974. Природа фильма. Реабилитация физической реальности М., Искусство, 424 с.

Лотман Ю.М. 1973. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, Ээсти Раамат, 56 с.

Манохин Д.К. 2019. Теоретико-методологические проблемы киноведческого дискурса: семиотические заметки. *Современный дискурс-анализ*, 3(24): 24–30.

Столетов А.И. 2019. Социально-философский анализ насилия в современном кинематографе. В кн.: Диалоги о культуре и искусстве: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Пермь, 18–20 октября 2018 года). Пермь, Пермский государственный институт культуры: 402–408.

Тарасов К.А. 1997. Насилие в кино: притяжение и отталкивание. Испытание конкуренцией. М., Научно-исследовательский ин-т киноискусства: 74–97.

Тропина И.Г. 2012. Экранное насилие и способы его эстетизации в современной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград.

- Тяжлов Я.И. 2016. Медиапросветительский потенциал кинокритики в современных российских средствах массовой коммуникации: дис. ... канд. фил. наук. Белгород, 256 с.
- Федоров А.В. 2001. Насилие на экране и российская молодежь. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*, 1: 131–145.
- Федоров А.В. 2009. Отношение школьных учителей к проблеме насилия на экране. *Мир образования – образование в мире*, 1(33): 162–175.
- Эйзенштейн С.М. 2021. За кадром. Ключевые работы по теории кино. М., Гаудеамус, 680 с.
- Юренин Р.Н. 1983. Чудесное окно: крат. история мирового кино. М., Просвещение, 287 с.
- Altman A. 1984. Semantic/Syntactic Approach to Film Genre. *Cinema Journal*, 23(3): 6–18.
- Federman J. (Ed.) 1998. National Television Violence Study. Santa Barbara: University of California, Center for Communication and Social Policy, Vol. 2, 53 p.
- Horsley J. 1999. The Blood Poets: A Cinema of Savagery 1958–1999. V. 1. Lanham and London: The Scarecrow Press, Inc., 322 p.

References

- Alekseeva E. A., Nekuryashchikh I. I. 2016. To the question of criminal potential of violence in movies and its impact on the level of underage aggression. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 1(40): 33–36.
- Antipov M.A. 2021. Representations of death in the movie horror. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 46(2): 298–307 (in Russian).
- Artem'eva O.E. 2010. Evolyutsiya estetikeskoy modeli zhanra «khorror» v amerikanskom kino [The evolution of the aesthetic model of the horror genre in American cinema]: Abstract. dis. ... cand. Art History. sciences. Moscow, 22 p.
- Bazen A. 1972. Chto takoe kino? [What is cinema?]. Moscow, Publ. Iskusstvo, 382 p.
- Berezueva A.E. 2010. Kommunikativnyy portret glavnogo geroya kinotekstov zhanra «Boevik» [Communicative portrait of the protagonist of film texts of the "Action" genre]. *Izvestiya VGPU*, 2: 67–71.
- Borisov S.N. 2013. Praktiki nasiliya v kul'ture (filosofsko–antropologicheskaya refleksiya): [Practices of violence in culture (philosophical and anthropological reflection)]. Abstract. dis. ... cand. filos. sciences. Belgorod, 47 p.
- Vostrikova E.Yu., Sputnitskaya N.Yu. 2018. 40 years of violence: an analysis of film periodicals. *Telekinet*, 3(4): 36–72. (In Russian)
- Zhizhek S. 2010. O nasilii [About violence]. Moscow, Publ. Evropa, 184 p.
- Ionov A.Yu. 2016. Found footage: extension of reality in horror genre. *Vestnik Sankt–Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie*, 1: 34–43. (In Russian)
- Kozhemyakin E.A., Manokhin D.K. 2013. Semiotic aspects of mass culture. *Kul'tura i tekst*, 1(14): 115–131. (In Russian)
- Kompaniets V.S., Lyz' A.E. 2017. Ergodizayn pol'zovatel'skogo interfeysa: metody yuzabiliti–issledovaniy [User Interface Ergodesign: Usability Research Methods]. *Inzhenernyy vestnik Dona*, 3(46): 56–63.
- Kochuk I.A. 2022. Methodology of multimodal studying of representation of cruelty in cinematography. *Sovremennyy diskurs-analiz*, 1(29): 32–41. (In Russian)
- Krakauer Z. 1974. Priroda fil'ma. Reabilitatsiya fizicheskoy real'nosti [The nature of the film. Rehabilitation of physical reality]. Moscow, Publ. Iskusstvo, 424 p.
- Lotman Yu.M. 1973. Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Tallin, Publ. Eesti Raamat, 56 p.
- Manokhin D.K. 2019. Teoretiko–metodologicheskie problemy kinovedcheskogo diskursa: semioticheskie zametki [Theoretical and methodological problems of film criticism discourse: semiotic notes]. *Sovremennyy diskurs-analiz*, 3(24): 24–30.
- Stoletov A.I. 2019. Sotsial'no-filosofskiy analiz nasiliya v sovremennom kinematografe [Socio-philosophical analysis of violence in modern cinema]. In: Dialogi o kul'ture i iskusstve [Dialogues on Culture and Art: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific-Practical Conference (with international participation) (Perm, 18–20 October 2018)]. Perm', Publ. Permskiy gosudarstvennyy institut kul'tury: 402–408 (in Russian).

- Tarasov K.A. 1997. Nasilie v kino: prityazhenie i ottalkivanie. Ispytanie konkurentsiey [Violence in cinema: attraction and repulsion. Competition test]. M., Publ. Nauchno-issledovatel'skiy in-t kinoiskusstva: 74–97.
- Tropina I.G. 2012. Ekrannoe nasilie i sposoby ego estetizatsii v sovremennoy kul'ture [Screen violence and ways of its aestheticization in modern culture]. Abstract. dis. ... cand. filos. sciences. Volgograd. 21 p.
- Tyazhlov Ya. I. 2016. Media and educational potential of film criticism in modern Russian mass media: Dis. ... cand. filos. sciences. Belgorod. 256 p. (in Russian).
- Fedorov A. V. 2001. Nasilie na ekrane i rossiyskaya molodezh' [Violence on the screen and Russian youth]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 1: 131–145.
- Fedorov A. V. 2009. Otnoshenie shkol'nykh uchiteley k probleme nasiliya na ekrane [The attitude of school teachers to the problem of violence on the screen]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*, 1(33): 162–175.
- Eyzenshteyn S.M. 2021. Za kadrom. Klyuchevye raboty po teorii kino [Behind the scenes. Key works in film theory]. Moscow, Publ. Gaudeamus, 680 p.
- Yurenev R.N. 1983. Chudesnoe okno: krat. istoriya mirovogo kino [Miraculous window: brief history of world cinema]. Moscow, Publ. Prosveshchenie, 287 p.
- Altman A. 1984. Semantic/Syntactic Approach to Film Genre. *Cinema Journal*, Vol. 23, No. 3, 6–18 pp.
- Federman J. (Ed.) 1998. National Television Violence Study. Santa Barbara: University of California, Center for Communication and Social Policy, Vol. 2, 53 p.
- Horsley J. 1999. The Blood Poets: A Cinema of Savagery 1958–1999. V. 1. Lanham and London: The Scarecrow Press, Inc., 322 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.08.2022
Поступила после рецензирования 02.11.2022
Принята к публикации 01.05.2023

Received August 2, 2022
Revised November 2, 2022
Accepted May 01, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кочук Ирина Андреевна, магистрант кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Кожемякин Евгений Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Kochuk, MA student, department of communication studies, advertising and public relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Evgeny A. Kozhemyakin, doctor of philosophy, professor, head of department of communication studies, advertising and public relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 299.27

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-374-382

Христианство и пацифизм: история и современность

¹ Резник С.В., ² Римский А.В.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;

² Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина,
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

E-mail: reznik@bsu.edu.ru; alex.rimskiy@yandex.ru

Аннотация. Обращения к теме христианского пацифизма продиктовано значимостью вопроса о безусловном пацифизме ранней христианской церкви и неоднозначности позиций современных христианских конфессий в постановке вопросов войны и мира, насилия и ненасилия. Отсутствие в современном религиоведении и философии научных исследований, в которых данная проблематика рассмотрена в целостном виде методами кросскультурного и сравнительно-философского анализа, заставляет обратиться к постановке проблем войны и мира, насилия и ненасилия в учениях христианских конфессий. Авторами рассмотрена эволюция пацифистских идей в истории христианства с целью выявить постановку вопросов войны и мира, отношения к военной службе в ранней христианской церкви, а также понять, как христианство пришло к развитию концепции справедливой войны. Авторы приходят к выводу о том, что со времени укрепления позиций христианства как государственной религии произошел существенный отход от первоначального пацифизма в сторону разработки концепций справедливой войны. На протяжении многовековой истории христианства пацифизм никогда не являлся доктринальной линией ни в западно-христианской, ни в восточно-православной традиции и оставался маргинальной линией развития данной религии. Одной из основных проблем на пути христианских пацифистских движений к безоговорочному пацифизму был и остается вопрос о том, как придерживаться евангельского пацифизма, не вступая при этом в конфронтацию со светскими властями и официальной церковью.

Ключевые слова: религиозный пацифизм, христианство, православие, католицизм, протестантизм, война, мир

Для цитирования: Резник С.В., Римский А.В. 2023. Христианство и пацифизм: история и современность. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 374–382. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-374-382

Christianity and Pacifism: History and Modernity

¹ Sergey V. Reznik, ² Alexey V. Rimsky

¹ Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia;

² I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russia

E-mail: reznik@bsu.edu.ru; alex.rimskiy@yandex.ru

Abstract. The importance of addressing the topic of Christian pacifism is dictated primarily by the question of the unconditional pacifism of the early Christian Church and the ambiguity of the positions of modern Christian denominations in raising issues of war and peace, violence and nonviolence. The absence of

scientific research in modern religious studies and philosophy, in which the problems of religious pacifism are considered in a holistic form by methods of cross-cultural and comparative philosophical analysis, makes us turn to the formulation of problems of war and peace, violence and nonviolence in the teachings of Christian denominations. The authors consider the evolution of pacifist ideas in the history of Christianity in order to identify the formulation of issues of war and peace, attitudes to military service in the early Christian Church, as well as to understand how Christianity came to develop the concept of just war. The authors conclude that since the strengthening of the position of Christianity as the state religion, there has been a significant departure from the original pacifism towards the development of concepts of just war. Throughout the centuries-old history of Christianity, pacifism has never been a doctrinal line in either the Western Christian or Eastern Orthodox tradition and has remained a marginal line of development of this religion. One of the main problems on the path of Christian pacifist movements to unconditional pacifism was and remains the question of how to adhere to evangelical pacifism without entering into confrontation with the secular authorities and the official church.

Keywords: religious pacifism, Christianity, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, war, peace

For citation: Reznik S.V., Rimsky A.V. 2023. Christianity and Pacifism: History and Modernity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 374–382 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-374-382

Введение

Обращение к теме отношения христианства к вопросам войны и мира, насилия и ненасилия, пацифизма продиктовано обострением международных отношений и ростом на их фоне вооруженных конфликтов как регионального, так и международного масштаба, а также распространением различного рода пацифистских движений религиозной и светской направленности, проповедующих идеологию ненасильственного сопротивления ради исчезновения войн и насилия.

Среди работ, посвященных исследованию истории пацифизма, выделим «Пацифизм в истории. Идеи и движения мира» [Пацифизм в истории. Идеи и движения мира, 1998], в которой отечественными и зарубежными авторами рассмотрено развитие идеологии и практики пацифизма в Европе и Азии от античности до Второй мировой войны. Исследованию генезиса и становления пацифистских идей посвящены статьи отечественных авторов К. Прохорова [Прохоров, 2008], Ф.Г. Овсиенко [Овсиенко, 2009], А.А. Лисициной [Лисицына, 2022] и др.

Следует признать, что в современном религиоведении и философии фактически отсутствуют научные исследования, в которых проблематика религиозного пацифизма рассмотрена в целостном виде методами кросскультурного и сравнительно-философского анализа. Все это и определило наше обращение к заявленной тематике и проблемному полю.

Пацифистские идеи в раннем христианстве

Традиционно появление пацифизма связывается именно с ранним христианством. Согласно евангельскому учению, мир дарован человечеству Богом как благоволение Господне, и в этом смысле он принадлежит всем, кто воспринял Благою весть. «Мир оставляю вам, мир мой даю вам; не так, как мир дает, я даю вам» (Ин. 14:27). С такими словами обращается Иисус к своим апостолам в прощальной беседе накануне крестных страданий. Речь идет о даре Святого Духа, которым является мир. В Евангелии утверждаются идеи пацифизма: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9), «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:39), «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52). Свидетельство того, что распятый Христос является Богом звучит из уст воинов, стерегших его на Голгофе: «Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын

Божий» (Мф. 27:54). Неслучайно, напутствуя в вере своего ученика, Апостол Павел приводит аналогию с воином: «Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа» (2 Тим. 2:3). Тимофей должен быть «добрым воином», главным же свойством доброго воина является готовность претерпевать страдания. Воин, находящийся на воинской службе, отдает всего себя (тело, навыки, время) служению армии, в этом смысле он огражден от повседневных забот и «не связывает себя делами житейскими» (2 Тим. 2:4), поскольку готов в любой момент исполнить свой воинский долг, даже ценою своей жизни. Таким же должен быть истинный христианин. Сам Апостол Павел призывает Тимофея страдать вместе с ним ради Иисуса Христа и заверяет его в том, что не потребует от него ничего, чего он сам не готов испытать.

Вообще, как известно Апостол Петр для описания здоровой духовной жизни использует четыре образа: учитель, подвижник, воин и земледelec. Образ воина используется с целью показать, что служение Христу требует мужества и самопожертвования. Образ земледельца призван показать, что путь к Царствию Небесному лежит через ежедневный тяжелый и упорный труд.

Часто противники христианства в своем стремлении опровергнуть его миротворческий характер приводят строки из Евангелия: «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34). Однако следует отойти от буквалистского толкования и глубже проникнуть в суть евангельского текста. Для понимания данного фрагмента обратимся к Евангелию от Луки: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей» (Лк. 12:51-53). Как отмечает митрополит Иларион (Алфеев): «Общий контекст наставления, адресованного ученикам, которых Иисус посылает на миссионерское служение, однозначно говорит в пользу того, что центральным пунктом этого наставления является вера в Него, готовность преодолевать препятствия ради проповеди Его учения. К числу этих препятствий относится возможное неприятие проповеди апостолов их ближайшими родственниками» [Митрополит Иларион (Алфеев), 2016, с. 390]. Христос говорит о необходимости преодолеть прежние патриархальные устои. Таким образом, семья не является более абсолютной ценностью, как в ветхозаветной традиции, а «меч», о котором идет речь, есть меч веры, призванный рассечь семейные узы ради готовности следовать за Христом.

Еще одним, на первый взгляд, противоречивым моментом является евангельский призыв «но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Лк. 22:36). В толкованиях данного текста говорится о предупреждении Христом своих апостолов о том, что для них наступают тяжелые времена и им следует подготовиться к опасностям, подстерегающим их на пути. Преподобный Максим Исповедник дает следующее толкование данному фрагменту Евангелия: «Ибо [Господь] говорит: **Кто имеет мешок** – то есть духовное ведение, **тот возьми его, также и суму** – то есть изобилие добродетелей, щедро окормляющих душу, **а у кого нет** – разумеется, мешка и сумы, то есть ведения и добродетели, **продай одежду свою и купи меч**; то есть [Господь] говорит предай плоть свою трудам добродетели и мудро веди брань со страстями и бесами ради достижения мира Божиего. Или [Он говорит тебе]: приобрети в Слове Божиим тот навык, который, [подобно мечу], отделяет худшее от лучшего (Евр. 4:12)» [Избранные творения, 2004, с. 306].

Следует также вспомнить слова Апостола Павла: «Ибо мы, хотя во плоти, не по плоти воинствуем; оружия воинствования нашего не плотские» (2 Кор. 10:3-4). То есть речь идет о духовной борьбе, при помощи которой Бог приобщает человека к союзу с Собой, и это приобщение носит эсхатологический характер. Видимо, в этом кроется одна из причин того, что в первые века нашей эры христиане мыслили себя как «не от мира сего» и поэтому отказывались служить в армии и выступали противниками войн. И в этом смысле первых христиан можно считать пацифистами. Но было ли так всегда?

Отношение к военной службе в ранней христианской церкви

Как отмечает американский исследователь Нового Завета Ричард Беван Хейз, «хотя христианская традиция I–III веков имела решительно пацифистскую ориентацию, со времен Константина христиане обычно легитимировали войну (по крайней мере, допускали ее при определенных обстоятельствах)» [Хейз Р., 2005, с. 389]. Сам Р. Хейз не находит прямых указаний Священного Писания на легитимацию воинской службы и войны и как убежденный пацифист стремится доказать, что военная служба не соответствует духу Евангелия. Вот на чем строится аргументация протестантского мыслителя: «Как еще можно обосновать участие христиан в занятиях, требующих использования силы? Разве что ссылкой на позитивные новозаветные упоминания о солдатах, обратившихся к вере... Но ни в одном из этих упоминаний не говорится, что эти солдаты сражались или использовали насилие во имя Бога. Да, они были военными. Но это само по себе не больше легитимирует военное дело, чем обращение мытарей и блудниц легитимирует мошенничество и проституцию» [Там же, с. 388]. Поставив воинов в один ряд с мытарями и блудницами, зарубежный исследователь тем самым приходит к выводу о незаконности военной службы, как и мытарства и проституции. Однако следует упомянуть эпизод, описанный в книге Деяний с крещением Апостолом Петром сотника (центуриона) Корнилия с всем его домом (Деян. 10:1-48). Примечательно, что Апостол Петр при крещении не требует от Корнилия отказа от военной службы, что тоже на наш взгляд может являться основанием для легитимации последней.

Как справедливо отмечает отечественный исследователь Н.И. Соловьянов, «не может быть и речи о массовом присутствии христиан в строевых частях римской армии не только во II веке, но и в III веке, т. е. до религиозных реформ столь любимого Отцами Церкви императора Константина Великого» [Соловьянов, 2016, с. 170]. С точки зрения отечественного исследователя это вполне объяснимое обстоятельство, поскольку до конца III века отношение к религии в Римской империи было частным делом, и христианство не имело популярности среди полноправных граждан, собственно, только последние могли стать легионерами. Автор отмечает, что «в начале IV в. христиане вряд ли составляли более 10–15 % населения римской державы. Соответственно, количество христиан во II–III вв. было значительно меньше» [Там же, с. 170]. Как видно, столь низкое количество христиан в рядах римской армии обусловлено не только отрицательным отношением христиан к военной службе, но и незначительным в масштабах империи распространением христианства среди ее граждан.

По утверждению зарубежного исследователя Дэвида Б. Копела, исторические источники опровергают утверждение современных сторонников пацифизма о том, что христианская церковь до правления императора Константина была пацифистской. Опираясь на исторические свидетельства, автор утверждает, что раннехристианские писатели не были в этом вопросе единогласны. «Свидетельства, касающиеся обычаев мирян, показывают, что христиане служили римскими солдатами с самых ранних дней существования церкви, что подтверждается самим Новым Заветом. Свидетельства указывают на то, что до Константина пацифизм был законной позицией христиан, и что другие христиане могли и действительно законно занимали иные позиции либо в своих писаниях, либо в своей личной практике» [Korel, 2008].

Один из выдающихся христианских писателей и апологетов Тертуллиан (ок. 160 – ок. 220) в трактате «О венце воина» ставит вопрос «подобает ли христианину вообще заниматься военным делом?» [Тертуллиан, 2014, с. 201]. И в данном вопросе христианский апологет противопоставляет присягу на верность императору присяге на верность Богу. «Безусловно, те, кого вера нашла после их вступления в воинское звание, находятся в ином положении, похожем на то, в каком были те [воины], которых Иоанн допускал к крещению

(Лук. 3:3), и один из наиболее верных сотников, о котором одобрительно отзывается Христос (Мф. 8), и которого наставляет в вере Пётр (Деян. 10)» [Тертуллиан, 2014, с. 202]. Таким образом, Тертуллиан допускает нахождение христианина на воинской службе в том случае, если последний уверовал, будучи воином. И все же Тертуллиан предостерегает христиан вступать в армию после крещения: «Но в тоже время после принятия веры и её запечатления [божественной крещальной] печатью следует либо немедленно оставить [военное дело], как многие и сделали, либо [продолжая им дальше заниматься] всеми возможными способами изворачиваться, чтобы не совершить что-либо противное Богу, – то, что не решается и за пределами воинской службы, – либо, наконец, стоит ради Бога твёрдо сносить то, что беспристрастно назначила ему языческая вера [в качестве наказания]» [Тертуллиан, 2014, с. 202]. Таким образом христианский автор III в. н.э. заявляет о невозможности совмещения христианской веры и воинской службы.

Идея справедливой войны в средневековой западно-христианской традиции

Все же, несмотря на пацифистскую направленность ранней христианской церкви, отношение христиан I–III вв. к войне и военной службе было неоднозначным, о чем говорят вышеприведенные примеры. По мере усиления позиций христианства в Римской империи, особенно в период правления императора Константина (306–327), отношение христианской церкви к войне и военной службе меняется в направлении от пацифизма к оправданию справедливой войны. Роль христианской церкви в политической жизни Римской империи возрастала и, обретая статус государственной религии, церковь должна была обосновать войны, которые вела империя. Первым из Отцов Церкви, кто начал разработку концепции, допускающей войну ради восстановления попорченной справедливости, был Амвросий Медиоланский (ок. 340–397). В одной из своих работ он пишет: «Такова истинная храбрость, которой обладает атлет Христов, получающий венец только в том случае, если он сражается законно» (I, 36, 182) [Амвросий Медиоланский, 1995, с. 155]. Прославленный на Западе Отец Церкви считает обязанностью защищать своих союзников: «Тот, кто не избавляет своего союзника от обиды, – буде иметь к тому возможность, – столь же виноват, сколь и тот, кто наносит эту обиду. Вот почему и Моисей (Исх. I, 11 и сл.) свою воинскую храбрость проявил прежде всего (в защите притесняемого)... так, когда он увидел еврея обижаемого египтянином, он подвигся на защиту (его)... Так же и Соломон говорит: «Спасай того, кого ведут на смерть» (Притч. XXIV, 11)» (I, 36, 178) [Там же, с. 152]. Однако же позиции Амвросия в отношении союзнической войны и самообороны расходятся: «Если на кого с оружием в руках нападет разбойник, он не должен защищаться, дабы, защищая (свою) жизнь, он не изменил благочестию. Об этом имеется весьма ясное наставление и в евангельских книгах: «Вложи меч твой (в ножны), кто будет поражать мечем, погибнет от меча (Мф. XXVI, 52)». Какой разбойник гнуснее того, который пришел, чтобы убить Христа? Но Христос не захотел защищать себя (нанесением) ран гонителям, – (напротив) Он желал, чтобы Его раню все исцелились» (III, 4, 27) [Там же, с. 313].

Тем не менее Амвросий Медиоланский был первым христианским мыслителем, отбросившим радикальный пацифизм раннего христианства, и его «следует считать сторонником справедливости оборонительной войны. ... У миланского епископа появляется идея войны, санкционированной Богом, войны, которая ведётся с божественного благословления и буквально руководимая им. Эта идея закрепится в христианском дискурсе войны, будучи усиленной Августином» [Куманьков, 2019, с. 36]. Амвросием впервые были сформулированы принципы ведения справедливой войны: гуманное отношение к солдатам противника; отказ от жестокости в отношении гражданского населения. Кроме того, по замечанию отечественного исследователя А.Д. Куманькова: «Амвросий Медиоланский внес существенный вклад в развитие христианской доктрины справедливой войны (*bellum justum*),

зафиксировав принципиальное для нее различие двух сфер – *ad bellum* и *in bello*. Комплекс *jus ad bellum* (в переводе с латинского буквально – «право на войну») и *jus in bello* («право во время войны») представляет собой набор правил, которые необходимо соблюдать, чтобы война получила статус справедливой» [Там же, с. 38].

Ученик Амвросия Медиоланского Аврелий Августин продолжил развивать идеи своего учителя в направлении создания теории справедливой войны, согласующейся с христианским вероучением. Августин выступает как сторонник насилия, которое, по его мнению, является необходимостью и одним из средств борьбы с грехами в жизни града земного, ибо мир и безопасное существование возможны только в граде небесном. Справедливая война ведется не только с целью наказания, но и спасения грешников, – так Августин приходит к идее о войне как инструменте, обеспечивающем поддержание мира. Теологическое обоснование справедливой войны строится Августином на идее справедливости божественных повелений и отсутствия в тексте Священного Писания радикального запрета на применение силы: «Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем» (Лк. 3:14). Таким образом, Августин опирается на слова Иоанна Крестителя, который не призывает воинов оставить военную службу после принятия ими крещения.

В произведении «О граде Божием» Августин подчеркивает, что война является неизбежной обязанностью мудрых правителей, поскольку продиктована Божьей волей: «Заповеди "не убивай" отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, т. е. в силу самого разумного и правосудного распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью» [Блаженный Августин, 1998, с. 35]. В представлении Августина армия, управляемая справедливым и мудрым правителем, является лишь инструментом для борьбы со злом. Более того, отказ от исполнения воинского долга является грехом [Куманьков, 2019, с. 46]. По мнению отечественного исследователя А.Д. Куманькова, «Августин христианизировал и "платонизировал" учение о справедливой войне» [Куманьков, 2019, с. 47]. Следует отметить, что Августин внес весомый вклад в развитие христианской этики ведения войны, обозначив критерии, по которым война может считаться справедливой: справедливая война может быть санкционирована только законным правителем; запрет на участие в войне духовных и гражданских лиц; христианский воин жертвует собой ради всеобщего блага; конечной целью справедливой войны является достижение мира.

Следующим западно-христианским мыслителем, кто «не только систематизировал и упорядочил аргументы Августина и Грациана, но и обогатил аргументационную базу христианской этики войны» [Там же, с. 48], был Фома Аквинский (1225–1274). Используя аргументы Августина Блаженного и политическую философию Аристотеля, Аквинат приходит к выводу о том, что «все войны происходят постольку, поскольку люди стремятся к миру, который был бы совершенней того, который был у них прежде» [Фома Аквинский, 2011, с. 379]. Логика рассуждений Аквината о допустимости войны исходит из умозаключения о том, что не всякий мир является благом и не всякая война является греховной. Аквинат солидарен с Августином в том, что право на применение насилия принадлежит исключительно правителю и лицам наделенным властью: «Убийство злодея законно постольку, поскольку оно определено к благополучию всего общества, и потому совершать его надлежит только тому, кому поручено оберегать благополучие общества» [Фома Аквинский, 2013, с. 210]; «...лишать человека жизни имеет законное право только действующая ради общего блага общественная власть, то человек не имеет законного права убить человека при самозащите преднамеренно, если только он не наделен соответствующими полномочиями, предполагающими убийство при самозащите полезным для общества, как это имеет место в случае сражающегося с противником солдата» [Там же, с. 219]. Причинами для объявления справедливой войны могут быть наказание грешников (вероотступников

и еретиков), самооборона и выступление против тирании. Как отмечает отечественный исследователь А.Д. Куманьков, «важной составляющей концепции справедливой войны Фомы Аквинского следует признать приверженность принципу добрых намерений» [Куманьков, 2019, с. 53]. Применение вооруженного насилия может быть оправданным, если оно призвано предотвратить еще большее зло или же восстановить попорченное добро.

Дальнейшее развитие учения о справедливой войне было продолжено в творчестве кардинала доминиканца Томмазо де Вио (Фома Каэтан), для которого справедливая война есть средство карающего правосудия, а также другими богословами Саламанкской школы (Франсиско де Витория, Луис де Молина, Франсиско Суарес), в творчестве которых учение о справедливой войне существенно эволюционирует от оправдания самообороны до обоснования захватнических войн.

Возникновение пацифистских движений

Несмотря на поворот церкви в сторону милитаризма, в христианстве продолжали существовать движения с отчетливо выраженной пацифистской направленностью. Уже на рубеже I–II тысячелетий во Франции в монастыре Ключни было поднято движение под лозунгом утверждения «Божьего мира» (*paх Dei*). Призывы объединиться в единое сообщество христианскому миру породили практику заключения договоров о вечном мире, согласно которым светские власти и духовенство осуждали войны и насилие, давали клятвы не развязывать войн и препятствовать распрям и междоусобицам. Однако, как показала практика, договоры эти постоянно нарушались. По инициативе аббата монастыря Ключни Одилона (944–1048) стали звучать более приземленные призывы к временным божьим перемириям (*treuga Dei*). Практика заключения временных Божьих перемирий оказалась более действенной по сравнению с требованиями всеобщего Божьего мира. На синоде в Монтре было установлено требование прекращать военные действия на время празднования Рождества Христова и Пасхи. Следует отметить, что подобная практика осуществлялась и в годы Первой мировой войны.

Не стоит забывать о том, что движение «Божьего мира» как предтеча пацифистских движений, возникших на западноевропейской почве, имело узко конфессиональную направленность и было ориентировано только на представителей римско-католической церкви. Фактически в представлении идеологов движения за Божий мир последнего были достойны только христиане-католики, еретики же на такое отношение к себе рассчитывать не могли, что подтверждает факт разорения Константинополя западно-христианскими рыцарями-храмовниками во времена IV крестового похода. Как итог, движение за Божий мир вскоре слилось с борьбой за божью справедливость. Уже в 1095 году папа Урбан II призвал всех христиан к священной войне за освобождение Гроба Господня, что послужило началом эпохи крестовых походов. Концепция справедливой войны Августина Блаженного освятила образ рыцарства как Христова воинства. И все же следует отметить, что, несмотря на милитаристские тенденции в римско-католической церкви, вышеперечисленные концепции справедливой войны были не только направлены на оправдание справедливых войн, но и призваны ограничить насилие.

Пацифистские идеи звучали в проповедях и учении Франциска Ассизского, Иоахима Флорского, а также в религиозных движениях оппозиционных официальной католической церкви, таких как катары, вальденсы и другие. Однако ни средневековый католицизм с его идеей Божьего мира, ни ренессансный гуманизм, провозгласивший гимн достоинству человека, не смогли утвердить идею мира. Позиции пацифизма усилились в учениях протестантских течений квакеров, Моравских братьев, меннонитов-анабаптистов, которые, по сути, стояли у истоков современного христианского пацифизма. Именно квакерам принадлежит заслуга в разработке первых принципов пацифистской доктрины (отказ от участия в войнах,

мятежах, от применения оружия и физического насилия в каких бы то ни было обстоятельствах), которые впоследствии были положены в основу пацифистской концепции эпохи Нового времени. Квakerская теология столкнулась с одной из наиболее трудных проблем для пацифистской идеологии во все периоды ее существования – это «вопрос о сопротивлении насилию и в связи с этим – о роли гражданских властей и возможности участвовать в их деятельности» [Павлова, 1998, с. 43]. Квakerский лидер Роберт Баркли в книге «Апология истинного христианского богословия» (1676 г.) в одном из параграфов, посвященном вопросу о справедливой войне, стремясь к компромиссу с английскими властями, заключает, что в силу несовершенства многих европейских правительств, войны, которые ведутся ими во имя справедливости, не могут считаться полностью незаконными. Он не требует безоговорочного пацифизма от властей и других христиан, не принадлежащих к квакерам, но для самих квакеров требование непротивления является неукоснительным.

Эпоха Просвещения с ее революционными потрясениями и войнами не стала исключением. Идеологи Просвещения не приняли идеи пацифизма, хотя отголоски квакерских идей можно встретить в творчестве Вольтера. В XIX веке идеи о безнравственности и бессмысленности войн, невозможности насилия даже для достижения благих целей звучат в учениях патриархов раннего социализма Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Хотя этика раннего социализма основывалась на христианской традиции, тем не менее его идеологи видели средство для предотвращения войн и насилия в исчезновении социально-политических порядков, которые их порождают.

Заключение

Подводя итог, отметим, что с момента утверждения христианства как официальной религии пацифизм на протяжении многовековой истории христианских государств оставался маргинальной линией развития религии. Все пацифистские движения в рамках христианства рассматривались государством и церковью не только как отход от ортодоксальной линии официальной церкви, но и как угроза устоям государственности.

На протяжении истории христианства и в наши дни пацифизм никогда не являлся доктринальной линией ни в западно-христианской, ни в восточно-православной традиции. Камнем преткновения на пути христианских пацифистских движений к безоговорочному пацифизму был и остается вопрос о том, как придерживаться евангельского пацифизма, не вступая при этом в конфронтацию со светскими властями и официальной церковью.

Список источников

- Амвросий Медиоланский 1995. Об обязанностях священнослужителей (*De officiis ministrorum*). Творение св. Амвросия, епископа Медиоланского; пер. с латин. Гр. Прохорова; под ред. Л. Писарева. Москва: Благовест; Рига: Благовест. 379 с.
- Блаженный Августин 1998. О граде Божием. Книги I–XIII. Творения в 4 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс. 597 с.
- Избранные творения преподобного Максима Исповедника 2004. М., Паломникъ, 493 с.
- Квинт Тертуллиан «О венце воина». 2014. Богомыслие. № 15. С. 189–209.
- Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II. Вопросы 1–46. Ника-Центр. 2011. 576 с.
- Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II. Вопросы 47–122. Ника-Центр. 2013. 832 с.

Список литературы

- Куманьков А.Д. 2019. Современные классики теории справедливой войны. М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. СПб., Алетейя, 268 с.
- Лисицына А.А. 2022. Генезис идеи пацифизма в социально-философской мысли. *Вестник Вятского государственного университета*, 1(143): 60–67.
- Митрополит Иларион (Алфеев). 2016. Иисус Христос: жизнь и учение: в 6 кн. Кн. 1: Начало Евангелия. М., Изд-во Сретенского монастыря, Эксмо. 799 с.
- Овсиенко Ф.Г. 2009. Религиозный пацифизм. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, S3: 157–159.

- Павлова Т.А. 1998. Джордж Фокс, ранние квакеры и проблемы пацифизма. Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М., ИВИ РАН. 290 с.
- Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. 1998. М., ИВИ РАН. 290 с.
- Прохоров К. 2008. О христианском пацифизме. *Богословские размышления*, 9: 105–123.
- Соловьянов Н.И. 2016. Христианство и римская армия во II–III вв. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 7(69): 168–171.
- Хейз Р. 2005. Этика Нового Завета. М., Библейско-богословский институт св. апостола Андрея (ББИ). 688 с.
- Kopel D.B. 2008. Christian Pacifism Before Constantine. 32 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=1144924> (дата обращения 19.05.23)

References

- Kumankov A.D. 2019. Modern classics of the theory of just war: M. Walzer, N. Foushin, B. Orend, J. McMahan. St. Petersburg: Aleteya, 268 p. (in Russian).
- Lisitsyna A.A. 2022. The genesis of the idea of pacifism in socio-philosophical thought. *Bulletin of Vyatka State University*, 1(143): 60–67 (in Russian).
- Metropolitan Hilarion (Alfeyev) 2016. Jesus Christ: Life and Teaching: in Book 6. Book 1: The Beginning of the Gospel. Moscow, Sretensky Monastery Publishing House: Eksmo. 799 p. (in Russian).
- Ovsienko F.G. 2009. Religious pacifism. State, Religion, Church in Russia and Abroad, S3: 157–159 (in Russian).
- Pavlova T.A. 1998. George Fox, early Quakers and the problems of pacifism. In: *Pacifism in history. Ideas and movements of the world*. Moscow: IVIRAS. 290 p. (in Russian).
- Pacifism in history. Ideas and movements of the world. 1998. М., ИВИ РАН. 290 с. (in Russian).
- Prokhorov K. 2008. About Christian pacifism. *Theological Reflections*, 9: 105–123 (in Russian).
- Solovyanov N.I. 2016. Christianity and the Roman army in the II-III centuries. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 7(69): 168–171 (in Russian).
- Hayes R. 2005. Ethics of the New Testament. Translated from the English by G. Yastrebov. М., The Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle (BBI). 688 p. (in Russian).
- Kopel D.B. 2008. Christian Pacifism Before Constantine. 32 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=1144924> (accessed 19.05.23)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.08.2022

Поступила после рецензирования 02.11.2022

Принята к публикации 01.05.2023

Received August 2, 2022

Revised November 2, 2022

Accepted May 01, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Резник Сергей Васильевич, доктор философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Reznik, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Alexey V. Rimsky, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

УДК 101.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-383-395

Религия и философия: возможность синтеза (С. Кьеркегор и П. Флоренский)

Спирин Т.В.

Волгоградский государственный университет,
Россия, 400062, Волгоград, пр. Университетский, д. 100.
E-mail: spirin.tikhon@gmail.com

Аннотация. Понимание истоков, развития и современного состояния философии показывает неоднозначность проблемы взаимодействия философии и религии, далеко выходящей за пределы привычного противопоставления «теизм – атеизм». В настоящей статье рассматривается вопрос о возможности синтеза философии и религии в контексте европейской философии и христианства. Показано проведенное С. Кьеркегором противопоставление философии свободы и философии разума, причем философия свободы веры, осмысливаемая поначалу исключительно в логических категориях, доходит до предела, становится парадоксом наличного существования. Аргументировано, что, согласно философии П.А. Флоренского, все, в том числе философия, исходит из культа, а культ содержится в религии; следовательно, синтез религии и философии не столько возможен, сколько необходим, а модус возможного относится, наоборот, к их разъединению. Сделан вывод, что религия как носитель культа может находиться в составе философской системы, построенной на атеистической основе, либо как рудимент, либо как центр, соединяющий совершенно различные культурные практики.

Ключевые слова: религия, философия, синтез, свобода, культ, герменевтика, европейская философия, русская философия, аналитическая философия

Для цитирования: Спирин Т.В. 2023. Религия и философия: возможность синтеза (С. Кьеркегор и П. Флоренский). *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 383–395. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-383-395

Religion and Philosophy: The Possibility of Synthesis (S. Kierkegaard and P. Florensky)

Tikhon V. Spirin

Volgograd State University,
100 University Prospect, Volgograd 400062, Russian Federation
E-mail: spirin.tikhon@gmail.com

Abstract. Understanding the origins, development and current state of philosophy shows the ambiguity of the problem of the interaction between philosophy and religion, which goes far beyond the usual opposition "theism – atheism". This article considers the possibility of synthesis of philosophy and religion in the context of European philosophy and Christianity. The opposition between the philosophy of freedom and the philosophy of reason, carried out by S. Kierkegaard, is shown, with the philosophy of freedom the belief, comprehended at first exclusively in logical categories, reaches its limit, becoming a paradox of present existence. It is argued that, according to P.A. Florensky's philosophy, everything, including philosophy, comes from a cult, and the cult is contained in religion; consequently, the synthesis of religion and philosophy is not so much possible as necessary, and the modus possible of the possible refers, on the contrary, to their disconnection. The conclusion is drawn that religion, as a bearer of a cult, may be within a philosophical system built on an atheistic basis, either as a rudiment or as a center linking very different cultural practices.

Key words: religion, philosophy, synthesis, freedom, cult, hermeneutics, European philosophy, Russian philosophy, analytical philosophy

For citation: Spirin T.V. 2023. Religion and Philosophy: The Possibility of Synthesis (S. Kierkegaard and P. Florensky). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 383–395 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-383-395

*Цель занятий философией – узнать не то,
чему учили люди, но истину относительно положения дел.*

Thomas Aquinas

Введение.

Дискуссионность и проблемность синтеза философии и религии

История философии представляет множество подходов к исследованию религии. Строго говоря, при чтении философских текстов разных эпох можно с уверенностью утверждать: редкий философ не предложил свое осмысление феномена религии. Это обстоятельство вносит трудности в новые исследования, т. к. многие идеи, являющиеся несомненно важными за счет того, что их предложили философы, считающиеся знаковыми фигурами в истории философии, требуют своего упоминания и оценки (в очередной раз имеет место главенство истории философии над живой мыслью). Ситуация исследователя осложняется также и тем, что сциентистские направления, начиная с XX века и до настоящего времени, имеют широкое влияние, и исследователю, решившемуся использовать столько непопулярные методы, как, например, феноменология, приходится для начала защитить право использования именно этого метода (т. е. доказать, что менее популярный метод также дает адекватный результат, как и более популярный) в череде других, прежде чем приступить к изложению результатов своей работы.

Все вышесказанное непосредственно относится к более глубокой проблеме – проблеме соотношения религии и философии, их синтеза в формах философии религии и/или религиозной философии, что породило дискуссию, длящуюся не одно столетие.

Казалось бы, традиционным подходом, встречающимся во многих изданиях, является разделение философии и религии по принципу рационального объяснения бытия и сущего, в этом заключается «разница между философией, религией и искусством» [Реале, Антисери, 1997, с. 12]. Такое разделение исходит из понимания философии: во-первых, как попытки создания особого языка, не ангажированного установками или пресуппозициями какой-либо внешней идеологии (т. е. системы идей, ориентирующей человека в его жизнедеятельности); во-вторых, как особого вида системы идей, через которую индивид может осмыслить происходящее исключительно в рациональных категориях. Религия же зачастую в таком разделении с философией понимается, во-первых, как язык, ангажированный отдельно взятой религией (т. е. идеологической системой), во-вторых, как особый вид системы идей, через которую индивид может осмыслить происходящее исключительно в смешанной форме иррационального и рационального, отдавая предпочтение первому. Но сами понятия религиозной философии как философии контекстуально относящейся к определенной религии, которую исповедует мыслитель, и философии религии как попытки осмысления религиозного взгляда на бытие категориями философии субъектом, сохраняющим дистанцию с предметом исследования, показывают признание таких способов мысли именно как философских, конечно, зачастую с определенными оговорками.

Более того, углубленное понимание истоков, развития и современного состояния философии показывает неоднозначность проблемы взаимодействия философии и религии, да-

леко выходящей за пределы привычного противопоставления «теизм – атеизм», что, например, продемонстрировал В.В. Бибихин в статье «Философия и религия»: «...Философия сама по себе с самого начала уже религиозна тем, что снова и снова возвращается к началам вещей, повторно вчитывается в мир... Только не заметившие этого... хотят делать ее «религиозной». Негласная причина этого занятия – неспособность вынести напряжение открытых вопросов. Другое дело, что мысли нужна вера, как правой руке левая, и неумение работать обеими не надо считать особым преимуществом» [Бибихин, 1992, с. 44].

По мысли Х.-Г. Гадамера, вопрос вводит опрашиваемое в определенную перспективу, появление вопроса как бы вскрывает бытие опрашиваемого [Гадамер, 1998, с. 427].

В настоящей статье основным вопросом выступает следующий: возможен ли синтез религии и философии? Вопрос очевидно дополняется рядом других, открытых: если возможен, то «как»? Может ли называться такой синтез философией и какие для этого существуют основания?

Рассматриваемый вопрос и порожденное им поле дискуссии в основном затрагивают осмысление соотношения и возможности синтеза философии и религии в контексте европейской философии и христианства. Постараемся, осмысливая традиционную европейскую дискуссию, вывести проблематику к более универсальным категориям.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо уйти от привычного освещения дискуссии с точки зрения обозначения и объяснения общих положений антагонизма сторонников и противников какого-либо синтеза религии и философии. Автор настоящей статьи определяет цель и ставит задачи, исходя из установки углубления проблематики опрашиваемого, для этого будет использоваться философский метод работы с текстом – герменевтику. Герменевтика позволяет интерпретатору не только приблизиться к пониманию текстов, но и выявить идеи, которые помогут с нового ракурса взглянуть на привычное опрашиваемое в исследуемой теме. В исследовании сущностной составляющей выступает идейная часть, выводимая из рассматриваемых философских текстов.

Прежде чем рассмотреть возможность синтеза философии и религии, рассмотрим наследие двух философов, которые, как станет понятно далее, очевидно являются сторонниками синтеза. Придерживаясь методологической установки основателя философской герменевтики Фридриха Шлейермахера о равнозначности грамматического и психологического толкований [Шлейермахер, 2004, с. 46], для начала покажем особенности биографии авторов (что будет подкреплять суждения о них как о религиозных индивидах и сторонниках синтеза философии и религии), после чего перейдем к демонстрации результатов грамматического толкования, т. е. к описанию выявленных идей из их текстов. Далее противопоставим выявленные идеи нетривиальной противоположной им позиции, не обусловленной привычным аксиоматически радикальным атеистическим отрицанием.

Философия свободы Серена Обю Кьеркегора

В 1843 году увидели свет работы двух абсолютно отличных друг от друга философов: «К критике гегелевской философии права» Карла Маркса и «Страх и трепет» Серена Обю Кьеркегора. Карл Маркс как ярчайший представитель философии подозрения (позднейший термин, введенный Полем Рикером [Рикер, 2008, с. 159]) развивает свою философию как набор эмансипационных практик: освобождение, например, от религии, т. к. понимается она как довлеющая структура над сознанием человека, которую сам он и породил. Религия как бы вводит человека в иллюзию, которая позволяет забыть о насущном страдании. Коротче, религия предстает как некий феномен, уводящий людей от реальности. Серен Обю Кьеркегор, наоборот, видит в религии, точнее, в христианстве, более точнее – в иудео-христианской традиции, возможность реализации свободы и возможность для человека избавиться от бесконечных иллюзий, в которых он пребывает. Такими иллюзиями выступают, например, отношение к религии как к поводырю, за которым человек должен следовать, совершенно не осмысливая свое в ней, религии, положение. Явные противоречия, как видно

из текстов Кьеркегора, между религией и другими системами, например, этикой, должны осмысливаться и проживаться, чтобы человек понял противоречивость своего положения, узрел трудности превозмочь их, увидел и использовал возможности выхода к парадоксальности и сделал шаг навстречу к Богу, ходить перед которым – это не легкая задача, а мужественное решение, которое ведет к состоянию радостной чуждости миру.

Не лишним будет отметить, что Серен Обю Кьеркегор является одним из выдающихся философов XIX века прежде всего потому, что именно он ввел такие понятия, как «экзистенциальный», «экзистенция», углубил понимание и проблематику человека как такового, исследовав единичного субъекта и наличное существование. Работы датского Сократа повлияли на философию М. Хайдеггера, Р. Бульмана, Э. Бруннера, К. Ясперса, Э. Муанье, М. Бубера, Ж. Лакана, Ж. Делеза и многих других мыслителей. Основная тема работ Кьеркегора – осмысление религиозного опыта, который прежде всего относится к личному опыту датского философа: «...в 1838 г. он переживает некий особый религиозный опыт, своего рода "откровение", сопровождавшееся ощущением мучительной, почти непереносимой радости... И как оборотная сторона этого опыта приходит страсть к писательству, философствованию, которое становится настоящей потребностью, личным, субъективным приключением, захватывающим собою всю жизнь» [Кьеркегор, 2022, с. 8], – отмечают исследователи и переводчики трудов Кьеркегора Н.В. Исаева и С.А. Исаев в предисловии к работе датского мыслителя «Понятие страха». Религиозный опыт не побуждает, а требует творческого акта, что видно из биографии С. Кьеркегора, что видно, если смотреть шире, из того огромного корпуса текстов, которые были созданы и создаются до сих пор религиозными людьми. Религия не дает молчать, она требует говорить, потому что для человека, если он осознает себя прикоснувшимся к истине и хоть что-то знающим о ней, необходимо делиться, т. к. человек находится в отношениях с другими людьми, зачастую проявляя заботу о них.

Кьеркегор актуален не только как протоэкзистенциалист, но как философ, выступающий в истории идей ярким критиком тех постулатов, вещей и движений, которые зачастую кажутся в философии очевидными. В предисловии к работе «Страх и трепет» он иронизирует над теми, кто сложнейшую и глубокую идею сомнения представляет как нечто простое и очевидное: «То, что древние греки, которые кое-что понимали в философии, считали задачей всей жизни (сомнение. – Т. С.), поскольку способность сомневаться нельзя обрести за считанные дни и недели... с этого в наши дни запросто начинает каждый» [Кьеркегор, 2021, с. 21]. И высмеивает тех, кто думает, что идея веры также легко усваивается; говоря о Рене Декарте, отце сомнения, казалось бы, родителя «философа-машины» (подробнее см. ниже), Серен Кьеркегор замечает: «Но и сам Картезий, как он достаточно часто повторял, никогда не сомневался в том, что касалось веры» [Кьеркегор, 2021, с. 20]. Датский философ ставит проблему веры, иронично замечая, что сам не является философом, а скорее «свободным творцом» [Кьеркегор, 2021, с. 22], объясняя это тем, что философы создают систему, а он – нет; но рефлексировав историю философии, не сложно прийти к выводу, что уже отмечалось не раз, – система не является критерием определения человека как философа или нет, иначе Фридрих Ницше, Поль Рикер и Жан Бодрийяр не философы.

Второй шаг размышления о философии Кьеркегора – поиск ответа на главный закрытый вопрос настоящего исследования; ответ будет виден из основания рассуждений Серена Кьеркегора, от чего его мысль отталкивается и к чему возвращается – Библии. Философию С. Кьеркегора и П.А. Флоренского, о котором подробнее будет изложено ниже, роднит важная особенность, которую можно концептуализировать как «амифологичность». С. Кьеркегор: «Давайте теперь рассмотрим рассказ Книги Бытия подробнее, стараясь при этом отрешиться от навязчивой идеи, согласно которой это всего лишь миф, и памятуя о том, что никакое время не было столь расторопно, как наше, в создании мифов рассудка, причем это время само создает мифы, пытаюсь выкорчевать все эти мифы до основания» [Кьеркегор, 2022, с. 64]. И П.А. Флоренский: «... как цепкий плющ вьется около дерева, так

обвивает святыню миф... миф, окутав собою святыню, скрывает и уничтожает ее. Миф делает восприятие святыни опосредствованным. И она оттого теряет собственную жизнь, теряет смысл сама по себе, выделив свой смысл, объективировав его в мифе... мифы, лишённые опоры, сами падают, истлевают, обращаются в почву новых святынь. На прахе святынь – мифы, на прахе мифов – святыни» [Флоренский, 2018, с. 76–77]. Амифологичность обоих философов является не просто методологической, а онтологической установкой, т. к. миф (который в бытии мыслится как некий оторванный от реальности рассказ за счет того, что язык, на котором повествуется миф, не относит мысли слушателя напрямую к реальности, а создает особое смысловое пространство, которое необходимо декодировать, чтобы перейти в область практики) дает слишком широкое поле для интерпретаций и при соответствующем влиянии идеологии, как, например, идеологии, заключающейся в культуре разума, оказывает на человека скорее негативное влияние, помещая в иллюзию. Человек приходит к ложным трактовкам, которые, как видно из истории XX века, приводят к ситуации, когда индивидом легко ставится знак равенства между мифом и вымыслом.

Здесь уместно сказать о противоположной позиции, которая напрашивается. А.Ф. Лосев, для которого миф – это не вымысел, а серьезная идея, пишет в своей, пожалуй, самой знаменитой работе «Диалектика мифа»: «...*миф есть развернутое магическое имя*» [Лосев, 2018, с. 267]. Конечно, мыслится миф в контексте прежде всего христианства, т. к. Лосев уточняет, что христианская «магия» не имеет ничего общего с языческой. С. Кьеркегор и П.А. Флоренский противопоставляют в своей философии весьма открыто простую и одновременно глубокую идею: миф вводит в иллюзии. Если понятие «миф», тем более «магия» прочно скрепились с понятиями «вымысел» и «мракобесие», и без них прекрасно можно передать те смыслы, пропозиции, которые необходимы для бытия человека, то эти элементы, не имеющие столь важной смысловой окраски, можно просто отсечь. Более того, если эти элементы вредны, то тем более с ними необходимо распрощаться: одно дело – очищать глубокое и важное понятие от позднейших наслоений в духе Р. Отто, совсем другое – цепляться за акциденции. События, описанные в Библии, воспринимаются Кьеркегором буквально, но эта буквальность все равно оставляет массу вопросов, которые он рассматривает. Буквальность в данном случае не относится к позиции, отвергающей символизм. Буквальность здесь – это представление о библейском рассказе как совершенно точно соответствующего действительности: если говорится, что терновый куст горит, но не сгорает, то именно так и было. Стоит отметить, что Серен Кьеркегор и Павел Флоренский не предлагают программу демифологизации в духе Бультмана.

Датский философ с этой мыслью о библейском рассказе как о совершенной данности, как о непосредственной реальности, описанной так фрагментарно и немногословно, приступает к проникновению в один из самых удивительных и важных для авраамических религий моментов – жертвоприношение Исаака, как Бог испытывал – *fristede* (дат.) – Авраама: «Его (некоторого человека, т. е. Серена Кьеркегора. – Т. С.) желанием было находиться рядом в тот час, когда Авраам поднял глаза и увидел вдали гору Мориа... когда он отпустил ослон и один взшел на гору с Исааком; ибо то, что им двигало, было не искусственным трепетом фантазии, но содроганием мысли» [Кьеркегор, 2021, с. 28]. Уже здесь Серен Кьеркегор демонстрирует свой особый философский подход, в этой главе труда «Страх и трепет» он показывает, как тяжело осознать, осмыслить те события, которые аксиоматически устанавливаются как совершенно реальные, он перебирает различные варианты-гипотезы происходящего с Авраамом и тем самым демонстрирует движение мысли, которое имеет свои некие пределы, но всегда остается возможность пойти дальше этих пределов с помощью веры.

Логика – не всегда помощник философу, – именно такой тезис отстаивает С. Кьеркегор. Человек, сталкиваясь, например, с понятием греха, будь то рассуждение об этике, морали или религии, понимает, что «стремиться объяснить приход греха в мир логически – это глупость, это может прийти в голову только людям, которые смехотворно озабочены

тем, чтобы всюду находить разъяснения» [Кьеркегор, 2022, с. 68]. Здесь мы наблюдаем созвучие с идеей рационализации, т. е. с механизмом психологической защиты, желанием все объяснить, только чтобы избежать страха, т. к. страх порождается исключительно неизвестностью и непонятностью. Перманентное рациональное объяснение не делает философа философом, потому что бытие, сущее и экзистенцию не «впихнуть» в логику и здравый смысл, что прекрасно демонстрирует отец всей европейской философии Платон: когда ты ухватываешь смысл, но не можешь его артикулировать в рациональных категориях, то на помощь приходит миф, но помимо мифа есть и другие формы повествования. В этом аспекте можно вспомнить работы современного философа Алвина Карла Плантинга, который, освещая проблемы христианской философии, показывает, как момент торжества позитивизма в науке и философии удивительным образом потряс христианских философов, которые старались, вместо дискуссии, угодить позитивистам, хотя место для дискуссии было открыто, т. к. «верификационисты никогда не представляли убедительных доводов – на самом деле они вообще редко предоставляют какие бы то ни было аргументы» [Аналитический теист: антология Алвина Плантинга, 2014, с. 474].

Исходя из понимания христианства как религии свободы: «Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаёте истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:31-32) и «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу» (Гал. 5:13), – Серен Кьеркегор развивает свою философию свободы, понимая человека как синтез души, тела и духа [Кьеркегор, 2022, с. 61], показывает суеверие и неверие как несвободу [Кьеркегор, 2022, с. 168], предлагая человеку проявить мужество верить [Кьеркегор, 2022, с. 143]. Здесь обнаруживается важнейшее: Кьеркегор философию свободы противопоставил и философии разума. Философия тем и отличается от науки, что не ставит человека в ситуацию исключительно рациональную, вынося за скобки Бога, грех, страх и прочее, философия тем и отличается от науки, что она не может воспринимать Бога как гипотезу, в которой ученый не нуждается. В философии свободы вера, осмысливаемая поначалу исключительно в логических категориях, доходит до предела, становится парадоксом наличного существования. Вера, по мысли датского философа, может привести человека от обыденности, через бесконечное самоотречение к состоянию рыцаря веры, но именно здесь есть слишком много «но», которые связаны с пределами. Человек, осмысливающий случай Авраама или, скажем, Девы Марии, принимая всего лишь одну аксиому: все это непосредственная реальность, – доходит до пределов, которые требуют мужества веры, признаться в ограниченности своего понимания, тем более вера требует динамики [Кьеркегор, 2021, с. 140], т. к. это новое состояние, а любое состояние не может быть статичным.

Философия культа П.А. Флоренского

Павел Александрович Флоренский (1882–1937) наиболее явно синтезирует в своих текстах философию и религию, более того, и другие области человеческой деятельности, что исходило из желания русского философа привести к целому различные области знания. Особенное внимание в настоящем исследовании уделено изучению его работы «Философия культа», в которой наиболее ясно видна возможность рассматриваемого нами синтеза.

Из исследователей творчества русского Леонардо (так некоторые именуют П. А. Флоренского за широту его исследовательских интересов, простирающихся на области науки, философии, искусства и религии) наиболее всего выделяется игумен Андроник (Александр Сергеевич Трубачев, внук П.А. Флоренского). В работе «Теодицея и антроподицея в творчестве священника Павла Флоренского» он охарактеризовал философию о. Павла как христианскую, приводя следующий аргумент: «От христианской философии следует отличать... религиозную философию, которая ставит своей целью не привести людей в Церковь, а лишь поднять религиозные вопросы...» [Андроник (Трубачев), 1998, с. 7]. Такая позиция,

очевидно, исходит из ориентации, пожалуй, самой известной книги П.А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» на определенную целевую аудиторию – оглашенных [Андроник (Трубачев), 1998, с. 14], т. е. людей, проходящих катехизацию, готовящихся к таинству крещения. Критерием для определения христианской философии, следовательно, предлагается интенция философа на увеличение количества членов церкви. В настоящей статье философия о. Павла определяется как религиозная, что будет видно из последующего текста, здесь же стоит указать, что первый шаг такого определения – это нахождение родового понятия: христианство – одна из религий; христианская философия, следовательно, относится к религиозной философии.

П.А. Флоренский замечает важное обстоятельство относительно дискуссий на религиозные темы: «И не внешнее сопоставление обрядов требуется, а внутреннее проникновение в жизнь культа – путем жизни в культе... Что же до возражений о непонятности культов, то и тут разговор короток: для того, кто не может или не хочет вжиться в культ, – разумеется, он – не только нем и не говорит ничего, но и более того – насквозь бессмыслен» [Флоренский, 2018, с. 73]. Ссылаясь в данном фрагменте на Э. Дюркгейма (которого П.А. Флоренский называет «врагом религии», но все же сумевшего ухватить смысл лучше многих религиозных людей), который писал об особом состоянии человека, следующего какой-либо религии [Дюркгейм, 2018, с. 690], П. А. Флоренский, строго говоря, указывает на необходимость религиозного опыта у человека, чтобы вступить в дискуссии о культе.

Углубим этот важный момент: полемика об условиях исследования религий – классическая религиоведческая дискуссия, но в приложении именно к философии она вскрывает еще большую проблему, которую можно назвать проблемой «философа-машины» и «философа-человека». Кто такой философ? Человек, обладающий личным опытом, или это объективная абстрактная машина, в которой запускаются определенные алгоритмы, позволяющие устранить все субъективное? Зададим более точный вопрос: можно ли философу избавиться от всех предсуждений (пресуппозиций)? Скорее нет, чем да, потому что чувственное и физиологическое влияет на философа, он не может устраниваться от всех отношений с людьми, которые как раз порождают запуск чувственного компонента, а для осмысления этого опыта необходима рефлексия, которая идет уже после опыта, также и подготовиться к опыту нельзя, т. к. многообразие ходов внешнего мира нельзя просчитать. Именно поэтому «философ-человек» существует, а «философ-машина» является лишь мечтой, смутно воплощающейся в рамках семинаров, на которых строго используется определенная методология.

Исследуя историю философии, П.А. Флоренский выделяет две основные ее фигуры: Платона и Иммануила Канта, утверждая, что в философии и у первого, и у второго имплицитно содержится идея культа, более того, из культа оба и исходят: «...Кант от культа тоже отправляется (как и Платон. – Т. С.) и культом всецело содержится, но ориентируясь на нем не положительно, как Платон, а отрицательно...» [Флоренский, 2018, с. 106].

Обратимся в начале к герменевтике текста П.А. Флоренского, который содержит рассуждения о Платоне. Выбор ключевой фигуры европейской философии, о которой, например, А.Н. Уайтхед (сам называвший себя платоником [Бушуева, 2006, с. 12]) писал: «Наиболее правдоподобная общая характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она представляет собой ряд примечаний к Платону» [Whitehead, 1978, p. 39], не случайна. Платон – тот, кто создал язык философии. Для П.А. Флоренского «мысль Платона – существенно культо-центрична» [Флоренский, 2018, с. 106]. Это усматривается русским философом прежде всего в платонической идее о возможности философом созерцать идеи, т. е. горние сущности; сама философия Платона мыслится о. Павлом Флоренским следующим образом: «...это, в сущности, не более как философское описание и философское осознание мистерий» [Флоренский, 2018, с. 106]. Здесь он апеллирует, например, к диалогу «Федон», где Сократ в начале диалога говорит: «Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним – умиранием и смертью» [Платон, 1993, с. 14] – и к концу диалога заключает: «Те из их числа, кто благодаря философии очистился полностью,

впредь живут совершенно бестелесно и прибывают в обиталища еще более» [Платон, 1993, с. 75]. В этом диалоге Флоренский видит процесс посвящения, осмысленный Платоном в философском ключе: Сократ, используя различные «инструменты», посвящает учеников в тайны бытия и посмертного существования человека, особо выделяя фигуру философа, тем самым перед смертью передает им истину, выводя их из профанного уровня (обыкновенного обучения и освоения техник мышления) в сакральную область.

Осмысливать фигуру и наследие Платона как связанные с культом – вполне традиционный подход. Данная тема разрабатывалась непосредственно в платонизме, достаточно вспомнить сочинение неоплатоника Прокла Диадоха «Платоновская теология», в которой он осмысливает Платона именно как теолога, усматривая корни теологии Платона у орфиков и пифагорейцев (о чем и говорит П. А. Флоренский). Прокл Диадох пишет о диалоге «Федон»: «Как мне кажется, более отчетливым и совершенным является бессмертие частных душ, которое было детально рассмотрено в "Федоне"» [Прокл, 2001]. Флоренский, по всей видимости, связывает это, названное Проклом, детальное рассмотрение бессмертия частных душ и идею посвящения не случайно, потому что любое посвящение – это ряд ритуальных (обрядовых) действий, направленных на конкретного индивида. Посвящение сугубо индивидуально, субъект связывается с сакральным, речь всегда идет о конкретной частной душе. Указанное обстоятельство не исключает того, что можно проводить посвящение нескольких человек одновременно, не исключает также и важность коллектива, но посвящение конкретным индивидом переживается не как нечто, опять же, коллективное, а как свое личное (коллектив может являться условием, но переход от профанного к сакральному осуществляется именно над ним и им). Разворачивая тезис П.А. Флоренского, скажем, Сократ говорит о посмертном существовании: а) с учениками, которые прошли обучение, т. е. готовы перейти на новый уровень; б) говорит о частной душе (что каждый должен применить к себе), хотя и в коллективе.

Отношение к Иммануилу Канту и его философии у П.А. Флоренского сугубо негативное. С его точки зрения, как уже описывалось выше, И. Кант исходит из культа, но отрицательно. П.А. Флоренский, не стесняясь в выражениях, так описывает философскую систему немецкого гения: «Нет системы более уклончиво-скользкой, более "лицемерной", по апостолу Иакову, более "лукавой", по слову Спасителя, нежели философия Канта: всякое положение ее, всякий термин ее, всякий ход мысли есть: ни да, ни нет... Кантовская система есть воистину система гениальная – гениальнейшее, что было, есть и будет... по части лукавства. Кант – великий лукавец» [Флоренский, 2018, с. 103]. Также в своем творчестве о. Павел охарактеризовывал Канта как «столп злобы богопротивный» [Андроник (Трубачев), 1998, с. 14]. Эту позицию о. Павел раскрывает и углубляет через понятие мужества в философии, которое воплощается в установке говорить «да» или «нет», что постулируется в Евангелии (Мф. 5:37), а также было открыто Платоном в его диалогах, где Сократ требует качественного различения представлений о мире от своих собеседников. Критикуя Канта, П. А. Флоренский указывает, например, следующий момент: «...его (Канта. – Т. С.) явления-феномены – в которых ничто не является; его умопостигаемые ноумены – которые именно умом-то и не постигаются и вообще никак не постижимы; его вещи в себе, которые оказываются именно отнюдь не в себе и не вещами, а лишь в разуме и понятиями, к тому же – ложными, предельными понятиями, т. е. особыми способами рассмотрения чувственного...» [Флоренский, 2018, с. 103]. Тем самым П.А. Флоренский предлагает посмотреть читателю на противоречивость системы Канта, не верить гению философии, потому что его считают гением, а критически подойти к его системе, с вопросом: «а верна ли эта система?». П.А. Флоренский представляет трансцендентальную философию как некое затягивание человека в иллюзию. Многими исследователями отмечалось, что И. Кант кажется предельно логичным, а его система верной, если мы разделяем одну аксиому, которую он предлагает, не обосновывая, – принципиальную непостижимость реальности. П.А. Флоренский не может принять эту аксиому, т. к. культ является реальностью непосредственной, а если принять позицию И. Канта, то придется отказаться от этой идеи, приняв, что культ такой, какой

он есть, – не постичь. Тем самым Павел Флоренский указывает на иллюзорность и размытость мировоззрения, которое предлагает И. Кант, ставя в противовес ему Платона, предлагающего строгое разграничение, разведение и различие в человеческой мысли о бытии и сущем. Здесь необходимо отметить характерную для истории христианской мысли идею, что античные авторы занимались философской теологией, или естественной теологией (в данном фрагменте будем использовать эти два понятия как синонимы), т. е. разумно приходили к идее Бога.

Перейдем к важной части рассуждений в рамках настоящей статьи, определению культа. П. А. Флоренский дает, как он сам называет, «первое, основное и прочнейшее определение культа» [Флоренский, 2018, с. 30]: культ – это «выделенная из всей реальности та ее часть, где встречается имманентное и трансцендентное, дольнее и горнее, здешнее и тамошнее, временное и вечное, условное и безусловное, тленное и нетленное» [Флоренский, 2018, с. 30]. Исследуя текст, можно увидеть, что понятие культа все больше и больше с одной стороны очерчивается, а с другой – «размывается». Парадоксальная ситуация возникает во многом по двум причинам. Во-первых, исходя из христианских установок, точнее: это видно хотя бы из того, что христианский культ мыслится как «культ культов» [Флоренский, 2018, с. 41], что весьма характерно для европейского сознания: разделение религий на высокие (т. е. иудаизм, христианство и ислам) и примитивные, что отмечает, например, М. А. Пылаев [2017, с. 118], когда анализирует феноменологию молитвы, указывая и на философию Флоренского. Во-вторых, восприятие культа как нечто, что освящает все бытие (поэтому понятие приобретает черты некоего сложного ухватывания), П.А. Флоренский очерчивает не в античном смысле – определить границы, а в смысле – понять самому. То есть у автора есть, как он сам отмечает, первое определение, но предполагается постоянное увеличение количества определений для лучшего понимания, но не как модификаций, с оглядкой на первое определение, которое задает некое главное значение, а рассмотрение под разными ракурсами с постоянным уточнением тех или иных моментов. Так, культ предлагается понимать как связанный со страхом и прорывом эмпирического [Флоренский, 2018, с. 41]; истинный [Флоренский, 2018, с. 42]; подлинное бытие реальности [Флоренский, 2018, с. 45]; составляющее в себе символическое и реальное [Флоренский, 2018, с. 279]; совпадающее, благодаря христианству, своими границами с границами бытия [Флоренский, 2018, с. 310]; Бого-человеческая со-деятельность [Флоренский, 2018, с. 397].

Итак, исходя из идеи, что культ – это древнее понятие (что соответствует историческим данным, религия появляется раньше философии), П. А. Флоренский предлагает рассматривать культуру как исходящую от культа, а процесс секуляризации – как желание той или иной сферы отойти от культа. Философия Платона мыслится как культоцентричная, данное редуцирование и концептуализация соответствует платонической традиции, которую о. Павел продолжает (на это указывает его разделение взгляда с древними апологетами на Платона как на «христианина до Христа» [Флоренский, 2003, с. 7]), Платон как бы осмысливает культ (например, пифагорейские практики), создавая новый язык, которым можно описать бытие и сущее. Тем самым, если все из культа исходит, философия в том числе, а культ содержится в религии (по П.А. Флоренскому, в христианстве в качестве культа культов), то синтез религии и философии не то, чтобы возможен, он необходим, а возможность относится, наоборот, к его разъединению. Скажем короче, возможность необходимо рассматривать в разделении философии и религии, а не в их синтезе.

Основания для такой позиции П.А. Флоренский видит также через антропологический взгляд. П.А. Флоренский, рассуждая о культе, выводит, что, так как культ – это соединение имманентного и трансцендентного, то ему должна соответствовать определенная деятельность, и русский философ выделяет такую – это литургическая деятельность. Человек, который участвует в литургии, приходит к целостности, именно в литургии целостно выражается природа человека. Исходя из этого П.А. Флоренский называет человека *homo liturgus* [Флоренский, 2018, с. 59].

Цель дискуссии и битва за религию

Изложив взгляды на возможность синтеза религии и философии с точки зрения С. Кьеркегора и П. А. Флоренского, необходимо сделать следующий шаг, который заключается в поиске ответа на вопрос: зачем нужен данный синтез? При исследовании идеи датского и русского философов неизбежно возникает вопрос о цели разработки, представленной выше, позиции (если объединять идеи С. Кьеркегора и П. А. Флоренского). С одной стороны, мы можем «списать» данную позицию на отстаивание религиозных людей примата религии, следовательно, возможность ее соединения почти с чем угодно, говоря о пресуппозиции или аксиоматичности универсальности религии как элемента синтеза. С другой стороны, первый вариант кажется наиболее простым и, скорее, показывает нежелание углублять осмысление истории идей. Вернее будет предположить, что разработка идей культа, свободы, непосредственной реальности библейского рассказа и прочего – это решение определенного класса задач, которые не решаются в противном представленном случае. Для попытки доказательства данной гипотезы мы постараемся противопоставить эту позицию иной, которая говорит о невозможности синтеза, используя критерий «мыслительной ангажированности», т. е. когда философ выступает против синтеза, исходя не из религиозных или атеистических побуждений, а из желания достичь некоей «чистоты мысли», непосредственно познать бытие и сущее, и видит в синтезе философии и религии проблему, которая мешает этому.

В целом в дискуссии сторонников и противников исследуемого синтеза можно говорить о *метафизическом повороте* и *возрождении* философской теологии, которые с религиозной стороны заключаются, например, в позиции Алвина Плантинги: «...христианский философ имеет полное право начинать философствовать с Бога. Он имеет право принимать существование Бога как само собой разумеющееся и исходить из этого в своей философской работе, как другие философы принимают на веру, скажем, существование прошлого, других личностей или основные утверждения современной физики» [Аналитический теист: антология Алвина Плантинги, 2014, с. 478].

Немецкий философский гений XX века Мартин Хайдеггер еще в своей ранней работе, написанной для соискания должности профессора, «Феноменологические интерпретации Аристотеля» (1922 г.) писал об *атеистичности* философии в ее основе [Хайдеггер, 2012, с. 81], в машинописной сноске рукописи уточняя: «...атеистический означает здесь держаться подальше от соблазнительного, лишь подстрекающего религиозность озабочения. Не является ли уже чистейшей нелепостью идея некоей философии религии, если к тому же она совершенно не принимает в расчет фактичность человека?» [Хайдеггер, 2012, с. 82]. Спустя без малого двадцать лет эта мысль более точно высвечивается в осмыслении М. Хайдеггером европейского нигилизма. Понятие христианской философии (как и религиозной), по мысли Хайдеггера, еще более нелепо, чем мысль о четырехугольном круге. Две системы, христианская вера и философия, как считает М. Хайдеггер, принципиально отличаются друг от друга [Хайдеггер, 2007, с. 115]. Мысль М. Хайдеггера (опускаем в настоящей статье подробное описание его воззрений) редуцируется до противостояния идей доктрины и самостоятельности. Действительно, если в религии, особенно стоящей в авангарде дискуссий – христианстве, доктрина определяет те или иные характеристики, свойства и, наконец, структуру реальности, то в чем заключается философия религиозной философии? Ответ, который дают С. Кьеркегор и П. А. Флоренский, можно выразить следующим образом: все зависит от той ситуации, в которой наличный субъект себя осознает, и в какую ситуацию он себя сам помещает. Строго говоря, мировоззренческая позиция заполнена до отказа определенными установками, задача наличного субъекта расчистить поле для мысли и определить от чего он отталкивается. Если Я признает реальность и непосредственную данность библейского рассказа, то это не мешает осмысливать ее в философских категориях, а как раз наоборот, побуждает выйти на уровень абстракций, потому что мир будет непонятен, если не стянуть его в своем сознании концептуальными схемами.

Библейский рассказ, воспринятый С. Кьеркегором и П. А. Флоренским как совершенно реальный, оставляет массу *темных мест*, требующих философского подхода, в частности герменевтики. Серен Кьеркегор демонстрирует, например, перебор вариантов ситуации Авраама [Кьеркегор, 2021, с. 25–27], которому Бог сказал принести в жертву сына, – почему? Потому что библейский рассказ требует мужества пробраться между строк, т. к. ортопраксия показывает, что библейское повествование – лишь отправная точка, даже если это не миф, а буквальный пересказ событий (что может в случае Кьеркегора объясняться в том числе и его протестантизмом). Также и фигура Авраама требует осмысления, потому что на ней выстраиваются верования авраамических же религий, но в ситуации включения человека в сферы этики и эстетики требуется философский подход для осмысления того, каким образом кто-то может выйти за пределы этих сфер и не нарушить их, каким образом тот, кого никто не мог понять [Кьеркегор, 2021, с. 137], может быть все же понят.

Но можно продолжить критику с позиции М. Хайдеггера. Допустим, человек принимает эти аксиомы, допустим, он может философствовать, используя соответствующие методы, но какой класс проблем таким образом решается? Философия, как показывают многие ее представители, может прекрасно справляться и без религии, – зачем этот синтез? Философия культа отвечает на этот вопрос следующим образом: философия желает космоса, порядок можно установить только в гармоничном взаимоотношении всех элементов, находящихся в поле нашего осмысления (включая бытовой уровень, бессознательный и проч.); религия, как носитель культа, может находиться либо как рудимент в философской системе, построенной атеистично, либо как центр, который соединяет совершенно различные *культурные практики*.

Уместно сравнение исследуемой дискуссии с природой нынешних моральных разногласий, пристально исследованной современным философом Аласдером Макинтайром в работе «После добродетели: исследования теории морали». Приводя примеры актуальных моральных дебатов, он выделяет три их особенности, первая из которых подходит и для дискуссии о возможности синтеза религии и философии: концептуальная несоизмеримость конкурирующих аргументов. В частности, интересна следующая мысль: «Каждый аргумент (из приведенных ранее трех вариантов дискуссий. – Т. С.) является логически правильным... заключения в самом деле следуют из посылок. Но конкурирующие послылки таковы, что мы не обладаем рациональным способом сравнения одного утверждения с другим в смысле их силы. Поскольку каждая посылка использует некоторые нормативные или оценочные концепции, совершенно отличные от подобных концепций, используемых в других послылках, утверждения, основанные на разных послылках, радикально отличны друг от друга по своему типу» [Макинтайр, 2022, с. 21]. Казалось бы, если судить таким образом не об этике, а о возможности синтеза религии и философии, то наше суждение приводит к невозможности объективного исхода в исследуемой дискуссии, на уровне заявлений об автономности, независимости и неприкосновенности мнений людей. Но нам важна объективность хотя бы потому, что указанное ранее суждение еще сильнее размывает границы философии и религии, вводя человека в хаос, а автор настоящей статьи тешит себя мыслью, как и многие исследователи, что философия – о космосе, об объективности, а не о беспорядке и субъективности.

Но все же основным критерием выступает *вера* – не только религиозная, а сама идея. Мало тех, кто будет это отрицать. Возможность хоть сколько-нибудь продуктивной дискуссии коренится в нахождении общего места (топоса). В исследуемой нами дискуссии о возможности синтеза может выступать отправной точкой исключительна *вера*.

Заключение

Идеи С. Кьеркегора и П. А. Флоренского в свете возрождения философской теологии, активного практического применения идей экзистенциализма и все более нарастающего интереса к русской философии актуальны, но в определенных выделенных областях. Закат

больших всеобъемлющих философских систем дает о себе знать. Являются ли идеи Кьеркегора и Флоренского вызовами – несомненно да, будут ли на них отвечать в условиях множественности областей кардинально отличных друг от друга философий – остается под вопросом.

Синтез философии и религии, несомненно, возможен, но эта возможность реализуется, как уже было указано выше, лишь в отдельных областях, другие области ей сопротивляются, а многие попросту игнорируют. Необходимы всечеловеческие глобальные вызовы для того, чтобы вопрос о религии и философии стал принципиальным, потому что в условиях теплого и уютного мира, в котором уживается абсолютно любая мысль, рассматриваемый вопрос – лишь вопрос интересов отдельных субъектов. Предчувствую возражения. События последних трех лет не стали таким вызовом. Критерием предполагаемого вызова является высокая вероятность уничтожения определенной позиции из различных пространств, прежде всего социальных.

Список литературы

- Аналитический теист: антология Алвина Плантинги. 2014. Сост. Джеймс Ф. Сеннет. Науч. ред. В. К. Шохин. М., ЯСК, 568 с.
- Андроник (Трубачев А. С.). 1998. Теодицея и антроподицея в творчестве священника Павла Флоренского. Томск, Водолей, Издание А. Сотникова, 192 с.
- Бибихин В. В. 1992. Философия и религия. *Вопросы философии*, 7: 34–45.
- Бушуева Т. С. 2006. Философия науки А. Н. Уайтхеда. Екатеринбург, Банк культурной информации, 96 с.
- Гадамер Х.-Г. 1998. Истина и метод. М., Прогресс, 704 с.
- Дюркгейм Э. 2018. Элементарные формы религиозной жизни. М., Элементарные формы, 808 с.
- Кьеркегор С. 2022. Понятие страха. М., Академический проект, 217 с.
- Кьеркегор С. 2021. Страх и трепет. М., Академический проект, 154 с.
- Лосев А. Ф. 2018. Диалектика мифа. СПб., Азбука, 320 с.
- Макингайт А. 2022. После добродетели. М., Канон-Плюс, 368 с.
- Платон. 1993. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М., Мысль, 528 с.
- Прокл. 2001. Платоновская теология. СПб., РХГИ, Летний сад, 624 с.
- Пылаев М. А. 2017. Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX века. М., РГГУ, 222 с.
- Реале Д. Антисери Д. 1997. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. СПб., Петрополис, 336 с.
- Рикер П. 2008. Конфликт интерпретаций. М., Академический Проект, 695 с.
- Флоренский П. А. 2003. Столп и утверждение истины. М., АСТ, 634 с.
- Флоренский П. А. 2018. Философия культа. М., Академический проект, 685 с.
- Хайдеггер М. 2007. Ницше. Т. 2. СПб., Владимир Даль, 456 с.
- Хайдеггер М. 2012. Феноменологические интерпретации Аристотеля. СПб., Гуманитарная Академия, 224 с.
- Шлейермахер Ф. 2004. Герменевтика. СПб., Европейский Дом, 242 с.
- Whitehead A. N. 1978. Process and reality an essay in cosmology Gifford lectures delivered in the university of Edinburgh during the session 1927-28. New York, The Free Press a division of Macmillan Publishing CO, 398 p.

References

- Analiticheskiy teist: antologiya Alvina Plantingi [The Analytic Theist: An Alvin Plantinga Reader]. 2014. Sost. Dzheyms F. Sennet. Ed. V.K. Shokhin. Moscow, Publ. YaSK, 568 p.
- Andronik (Trubachev A. S.). 1998. Teoditsey a i antropoditsey a v tvorchestve svyashchennika Pavla Florenskogo [Theodicy and anthropodicy in the work of the priest Pavel Florensky]. Tomsk, Vodoley, Publ. A. Sotnikova, 192 p.
- Bibikhin V. V. 1992. Philosophy and religion. *Voprosy filosofii*, 7: 34–45. (In Russian).
- Bushueva T. S. 2006. Filosofiya nauki A. N. Uaytkheda [A. N. Whitehead's Philosophy of Science]. Yekaterinburg, Publ. Bank kul'turnoy informatsii, 96 p.

- Gadamer Kh.-G. 1998. Istina i metod [Truth and Method]. Moscow, Publ. Progress, 704 p.
- Dyurkgeym E. 2018. Elementarnye formy religioznoy zhizni [The Elementary Forms of the Religious Life]. Moscow, Publ. Elementarnye formy, 808 p.
- K'yerkegor S. 2022. Ponyatie strakha [The Concept of Anxiety]. Moscow, Publ. Akademicheskii proekt, 217 p.
- K'yerkegor S. 2021. Strakh i trepet [Fear and Trembling]. Moscow, Publ. Akademicheskii proekt, 154 p.
- Losev A. F. 2018. Dialektika mifa [Dialectic of myth]. Saint-Petersburg, Publ. Azbuka, 320 p.
- Makintayr A. 2022. Posle dobrodeteli [After Virtue]. Moscow, Publ. Kanon-Plyus, 368 p.
- Platon. 1993. Sobranie sochineniy. [Collected works in 4 volumes]. V. 2. Moscow, Mysl', 528 p.
- Prokl. 2001. Platonovskaya teologiya [The Theology of Plato]. Saint-Petersburg, Publ. RKhGI, Letniy sad, 624 p.
- Pylaev M. A. 2017. Kategoriya «svyashchennoe» v fenomenologii religii, teologii i filosofii XX veka [The Category of the Sacred in the Phenomenology of Religion, Theology and Philosophy in the 20th century]. Moscow, Publ. RGGU, 222 p.
- Reale D. Antiseri D. 1997. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney [Western Philosophy from Its Origins to the Present Day]. Antichnost'. Saint-Petersburg, Publ. Petropolis, 336 p.
- Riker P. 2008. Konflikt interpretatsiy [The Conflict of Interpretations]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 695 p.
- Florenskiy P. A. 2003. Stolp i utverzhdenie istiny [The Pillar and Ground of the Truth]. Moscow, Publ. AST, 634 p.
- Florenskiy P. A. 2018. Filosofiya kul'ta [Philosophy of Cult]. Moscow, Akademicheskii proekt, 685 p.
- Khaydegger M. 2007. Nitsche. T. 2 [Nietzsche, Volume 2]. Saint-Petersburg, Publ. Vladimir Dal', 456 p.
- Khaydegger M. 2012. Fenomenologicheskie interpretatsii Aristotelya [Phenomenological Interpretations with Respect to Aristotle]. Saint-Petersburg, Publ. Gumanitarnaya Akademiya, 224 p.
- Shleyermakher F. 2004. Germenevtika [Hermeneutics]. Saint-Petersburg, Evropeyskiy Dom, 242 p.
- Whitehead A. N. 1978. Process and reality an essay in cosmology Gifford lectures delivered in the university of Edinburgh during the session 1927-28. New York, The Free Press a division of Macmillan Publishing CO, 398 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.05.2022
Поступила после рецензирования 13.08.2022
Принята к публикации 01.05.2023

Received May 13, 2022
Revised August 13, 2022
Accepted May 01, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Спирин Тихон Викторович, аспирант кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tikhon V. Spirin, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-396-405

Авторство в современном культурно-технологическом дискурсе

¹Егоров Н.С., ²Кузнецов А.В.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, д. 7;

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308000, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: jvaturik@yandex.ru

Аннотация. Проблема авторства занимает значимое место в философских, культурологических и филологических исследованиях. В 1960-х годах ряд постструктуралистских идей, высказанных М. Фуко и Р. Бартом, дали проблеме импульс, сохранившийся до нашего времени. Однако объяснительный ресурс теорий, появившихся более полувека назад, не вполне подходит для анализа ситуации авторства в современном информационном обществе. Несмотря на многочисленность публикаций, посвященных автору, современные технологические аспекты авторства практически не рассматриваются в рамках культурологических и философских работ. Целью данного исследования является анализ авторства в современном культурно-технологическом контексте. В ходе исследования применялся метод восхождения от абстрактно к конкретному, сравнительно-философский и контекстный методы. Исследование культурно-технологических аспектов проблемы позволило выявить основные явления, сопутствующие современному авторству: субъектно-объектная синергия, автоматизация текстуального производства, перемещение центра смыслообразования на полюс читателя.

Ключевые слова: автор, современное авторство, искусственный текст, автоматизированный текст, скриптор, автоматизация творчества, созидательный потенциал ИИ

Для цитирования: Егоров Н.С., Кузнецов А.В. 2023. Авторство в современном культурно-технологическом дискурсе. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 396–405. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-396-405

Authorship in the Modern Cultural and Technological Context

¹Nikita S. Egorov, ²Andrey V. Kuznetsov

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russia;

² Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308000, Russia

E-mail: jvaturik@yandex.ru

Abstract. The problem of authorship occupies a significant place in philosophical, cultural and philological research. In the 1960s, a number of post-structuralist ideas expressed by M. Foucault and R. Barth gave the problem an impulse that has survived to our time. However, the explanatory resource of theories that appeared more than half a century ago is not quite suitable for analyzing the situation of authorship in the modern information society. Despite the numerous publications devoted to the author, modern

technological aspects of authorship are practically not considered in the framework of cultural and philosophical studies. The purpose of this study is to analyze authorship in the modern cultural and technological context. In the course of the study, the method of ascent from the abstract to the concrete, comparative philosophical and contextual method was used. The study of the cultural and technological aspects of the problem made it possible to identify the main phenomena accompanying modern authorship: subject-object synergy; automation of textual production; moving the center of meaning formation to the reader's pole.

Keywords: Author, modern authorship, artificial text, automated text, scriptwriter, automation of creativity, creative potential of AI

For citation: Egorov N.S., Kuznetsov A.V. 2023. Authorship in the Modern Cultural and Technological Context. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 396–405 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-396-405

Введение

Вопрос об авторе, тексте и читателе относится к числу классических и едва ли не «вечных» в философско-филологических исследованиях. Исторически выкристаллизовавшийся в контексте герменевтической познавательной традиции, он имеет принципиально междисциплинарный характер, возникает и становится актуальным в ситуации обновления как парадигмальных оснований, так и эмпирических возможностей взаимодействия того, кто создает текст, с самим текстом, и с тем, кто его воспринимает. Представая как открытый, этот вопрос приобретает особую эпистемологическую специфику в эпоху цифровой культуры в обществе, которое принято называть информационным. Под вопрос поставлено незыблемое в эпоху развитого письменного общества право на текст, или, точнее, радикально проблематизированы гуманитарные аспекты власти автора – в «социокультурной ипостаси творца» [Басина, 2003, с. 16].

Еще одним важнейшим аспектом исследования является вопрос о ценности биографического ресурса авторства при анализе текстов. С одной стороны, в современной художественной литературе сохраняется значимость гендерной, этнической, классовой и расовой идентификации автора. Так, роль автора-женщины поднимается на щит в западном литературно-феминистическом дискурсе [Fong, 2008]. С другой стороны, современные информационные технологии, позволяющие устранить человека из процесса производства текста, обозначают противоположенную тенденцию.

Исследование автора как социокультурной ипостаси творца позволяет не только выявить отношения между создателем и текстом, но и определить место созидающего субъекта в контексте современной социокультуры.

Фигура автора давно стала предметом философских и филологических исследований. В 1960-х годах прошлого века значительный вклад в философию авторства внесли французские постструктуралисты [Барт, 1994; Фуко, 1996]. Среди советских и российских исследователей фигуры автора выделяются классики отечественной филологии [Лихачев, 1954; Бахтин, 1979; Аверинцев, 1994].

Современная ситуация авторства, осложненная появлением технологических возможностей искусственного создания произведений, в основном исследуется через призму юридических коллизий [Моргунова, 2019; Максимов, 2021]. Таким образом, несмотря на многочисленность публикаций, посвященных автору, современные технологические аспекты авторства практически не рассматриваются в рамках культурологических и философских работ.

Целью нашего исследования является анализ авторства в современном культурно-технологическом контексте. Однако для того, чтобы прояснить нынешнее состояние необходимо вернуться к историческим основаниям осмысления авторства.

Исторические основания осмысления авторства

С древнейших времен, когда само письмо было наделено теологическим статусом, понятие «автор» было связано с «авторитетом». Об этом свидетельствует этимология. Латинское *auctor*, от которого происходят немецкое *autor*, французское *auteur*, английское *author* и русское «автор» имеют общий корень со словами *auctorita* (влияние, власть) и *augeo*. Последнее означает «приумножаю», «содействую», этот глагол в первую очередь относится к богам как источникам космической инициативы [Аверинцев, 1994].

Эта связь автора с властью создавать и учреждать новое характерна для древнееврейской, античной и частично для древнекитайской культуры. Царь Давид и Ликург – фигуры сакральные, распространяющее *auctorita* на созданное ими, будь то псалмы или государственный строй.

Понятие авторства как права художественной собственности однозначно существовало в древнегреческой культуре как минимум с классической эпохи. Феогнид пишет: «Кирн! Мои поученья тебе да отмечены будут прочно печатью моей. Их не украдет никто, худшим никто не подменит хорошего, что написал я» [Феогнид, 1999, с. 255].

В иных древних культурах авторство (как человеческая деятельность) размывается. Вместо инновации для них характерна консервация и ретрансляция. Вместо новаторства – дополнение и доработка имеющегося. Такой культурой была, например, древнеиндийская.

Эпоха европейских Средних веков уделяла автору гораздо меньше внимания, чем Античность. Границы между автором и читателем в Средневековье были столь незначительны, что мы можем наблюдать двоеение авторства в виде основного текста и маргиналий, написанных читателем. То же можно сказать про автора и переписчика.

Не меньшее пренебрежение автором мы найдем в русском Средневековье. Д.С. Лихачев пишет: «Любая повесть, житие, слово, «хождение» постоянно изменялись. Средневековье не знало авторского права и очень мало считалось с авторским текстом. Произведения литературы древней Руси жили почти так же, как живут произведения устной народной словесности, – постоянно изменяясь в процессе «коллективного творчества»» [Лихачев, 1954].

Эпоха Возрождения на уровне идей и книгопечатание на уровне практики восстановили автора в правах. Начиная с Нового времени авторство стало постоянным предметом европейской мысли. Во Франции XVII–XVIII века «спор о древних и новых» затрагивал вопрос независимости автора от традиции. Романтическая литература и романтическая мысль утвердили «тираническое присутствие автора» [Аверинцев, 1994, с. 35] в произведении. Романтизм, по мысли С.С. Аверинцева, сблизил «художника» и «человека», а декадентство подчинило жизнь творчеству, превратив творца в безличного медиума [Аверинцев, 2006, с. 27]. Однако и декадентство не подвергло сомнению наличие автора как категории.

Незыблемая инстанция автора подверглась сомнению в западной философии XX века. В центре внимания постструктуралистов оказалось изменение, редукция или исчезновение означаемого в термине «автор». В своей знаменитой работе Р. Барт оппонирует биографическому подходу к осмыслению фигуры автора [Барт, 1994]. По его мнению, текст и язык произведения самодостаточны. Вместо «автора» Р. Барт предлагает использовать термин «скриптор». Этот новый субъекта письма, по мысли Р. Барта, не предшествует тексту, а рождается вместе с ним. Вместо отношений автор – текст Р. Барт обращает внимание на отношения между текстами – цитатность, гипертекстуальность, интертекстуальность. Скриптор всего лишь комбинирует эти текстуальные потоки. После создания текста он умирает, растворяясь в произведении.

Другой классик философии авторства М. Фуко выступил с докладом «Что такое автор» в 1969 году, через 2 года после выхода эссе Р. Барта. Смысловое начало своих размышлений М. Фуко сформулировал словами С. Беккета: «Какая разница, кто говорит?» [Фуко, 1996]. Интересно, что этот вопрос М. Фуко поставил в первую очередь по отношению к философским текстам, к концептам и терминам, которыми пользовался он сам.

М. Фуко вслед за Р. Бартом фиксирует смерть автора. Объясняется она стиранием индивидуальных характеристик пишущего субъекта. Автор приравнивается к дискурсу. На французском слово *discours* обозначает речь, выступление, разговор. Автор есть то, что он говорит. Имя автора обеспечивает функцию классификации; оно позволяет сгруппировать, классифицировать ряд текстов. Особым статусом обладают не авторы текстов, но авторы дискурсивностей, такие как Фрейд и Маркс.

Отталкиваясь от позиций М. Фуко, А. Нехамас пишет о том, что автор – это не тот, кто написал текст, а наша интерпретация его фигуры [Nehamas, 1986].

Современный теоретик авторства С. Берк вновь наделяет автора субъектностью. Проект С. Берка о «возвращении автора» был разработан в книгах «Авторство: от Платона до постмодерна» [Burke, 1995] и «Этика письма» [Burke, 2008]. С. Берк пишет: «Не существует теории литературы или текста, которая не подразумевает определенной позиции» [Burke, 1995, p. 9].

В русскоязычной литературе наиболее цитируемыми исследователями авторства, кроме Р. Барта и М. Фуко, являются М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Д.С. Лихачев и С.С. Аверинцев.

Для М.М. Бахтина тема автора была одной из центральных. Ключевые идеи были сформулированы М.М. Бахтиным еще до «Проблем поэтики Достоевского». Перечислим эти идеи. Во-первых, автор – иерархически организованное явление. Кроме биографического автора, есть «первичный (не созданный) и вторичный автор (образ автора, созданный первичным автором) <...> Создающий образ (то есть первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ» [Бахтин, 1979, с. 353]. Во-вторых, герой – другой, по отношению к автору; автор не должен владеть героем, а герой автором. В-третьих, эстетическое событие возможно только в момент встречи автора с читателем. Эстетическое событие с одним участником невозможно.

В фундаментальном труде В.В. Виноградова «Проблема авторства и теория стилей» [Виноградов, 1961] изложена история филологического осмысления авторства; исследованы индивидуальные составляющие авторского стиля русских литераторов.

В работах Д.С. Лихачева и его последователей исследовались основные элементы авторского характера текстов (авторская воля, авторская правка, авторская самоцензура, авторское сомнение и другие), являющиеся основаниями текстологической и комментаторской работы.

С.С. Аверинцев неоднократно исследовал фигуру автора в своих историко-филологических статьях. Он отмечал, что авторство исторично: оно имеет точку возникновения (после «безавторской» литературы), а возникнув, не остается неизменным. Также С. С. Аверинцев выделил два основных противоречия авторства: 1) личное – внеличное; 2) человек – художник [Аверинцев, 2006, с. 24]. Внутренняя диалектика авторства тоже исторична. Одно соотношение личного и внеличного мы видим у библейских и древнекитайских авторов, у которых «авторство», как было сказано выше, сближается с категорией «авторитета». Совсем другое, лично-индивидуалистическое, авторство мы наблюдаем, начиная с возрожденческой литературы.

Завершая обзор истории философско-филологического осмысления авторства, мы можем сказать, что ни один крупный исследователь не считал автора неизменной константой творческой деятельности. Наиболее ясную формулировку использует В.В. Виноградов: «понятия автора и литературного произведения не являются стабильными для разных эпох

истории народной культуры и литературы» [Виноградов, 1961, с. 27]. Другие авторы говорят об этом имплицитно или иллюстративно. Так или иначе в этом пункте исследователи неизменно повторяют друг друга.

Итак, авторство – исторически детерминированное явление. Динамика авторства определяется изменением социокультурной среды. Эти тезисы важны не только для ретроспективного философско-культурологического анализа, но и для фиксации современной ситуации авторства.

Таким образом, для того чтобы определить нынешнее состояние авторства, нам следует обратить внимание на информационное общество, на новые технологические способы производства и распространения культурных продуктов.

Современная ситуация авторства в условиях технологизации творчества

В. Беньямин писал о распаде ауры произведения искусства в эпоху технической воспроизводимости [Беньямин, 1996], с неменьшим основанием мы можем констатировать потерю авторской ауры. На сегодняшний день дегуманизация идей и технологий, принадлежащих корпорациям, а не отдельным индивидам, стала нормой. Та же тенденция наблюдается в сфере словесности. Тексты, написанные искусственным интеллектом, давно перестали быть экзотикой. Зачастую они используются в коммерческих целях (AI копирайтинг), а в некоторых случаях претендует на художественную значимость. В Нидерландах искусственный интеллект дописал продолжение сборника рассказов А. Азимова «Я, Робот». В России еще в 2011 году стихи, созданные программой-компилятором, были отмечены литературной премией «Золотая осень»¹. Таким образом, вопрос авторства получил точки соприкосновения с философией техники.

Несмотря на то, что в академической среде давно принято говорить о вспомогательном и подражательном характере ИИ [Карпенко, 2001, с. 442], нынешние достижения искусственного интеллекта заставили говорить о его возможностях менее пренебрежительно. Не будет преувеличением сказать, что современное понимание авторства невозможно без учета продуктов, созданных искусственным интеллектом.

Отметим, что зарубежные и отечественные исследования ИИ часто касаются темы его созидательного потенциала. Однако, во-первых, значительная часть таких исследований проводится за рамками философских и филологических наук. Например, существуют работы в области юриспруденции [Кудряшев, Елхова, 2016; Моргунова, 2019] и менеджмента [Guptab, Mikalefa, 2001]. Во-вторых, гораздо чаще, чем творчество, в фокусе внимания оказываются технооптимистические и технопессимистические настроения, риски трансгуманизма и т.д. [Булычев, 2021; Neubauer, 2021]. В-третьих, даже философские исследования искусственного интеллекта, как правило, говорят о творчестве вообще [Алексеев, 2013; Пушкарев, 2014; Стрижаков, 2019].

Мы же предпримем попытку рассмотреть искусственный интеллект в контексте его участия в производстве культурного продукта. Для этого предпримем попытку расширить определение термина «автор» в соответствии с новыми технологическими реалиями культурного производства. Автор – это институция социокультурного признания субъекта, вольно или невольно детерминирующего своей деятельностью появление произведения. Однако даже такое расширительное определение не снимает всех затруднений, касающихся отнесения создающих технологий к числу авторов. Остается вопрос о субъектности технологии.

¹ Огрызко В. 2011. Почему жульничество? Московская писательская организация себя полностью дискредитировала. Литературная Россия. 16 декабря.

На нынешнем этапе развития научно-технического прогресса уместно говорить субъектно-объектной синергии. Целостность субъекта творчества, «единственно активной формирующей энергии» [Бахтин, 1979, с. 353], по выражению М.М. Бахтина, трансформируется в сложное единство человека и технологии, созданной им. Даже автоматическое исправление ошибок в тексте уже есть интервенция в продукт творческой деятельности.

Техносфера вновь актуализирует традиционные философско-культурологические проблемы. Поиск Другого наталкивается на технологический аналог Другого. Так, сегодня можно поговорить не только с голосовым помощником, но и с «воссозданным» интеллектом И. Канта в калининградском музее. В этом случае И. Кант репрезентируется как автор. При этом в действительности он находится в пассивном соавторстве с технологией¹.

Если в случае с И. Кантом призрак человеческого авторства существует, то в других случаях мы не можем сказать и этого. Кто является автором машинного перевода? Кто создает семантику конечного текста? Нередко, ввиду отсутствия всякой авторской маркированности, мы называем перевод именем корпорации-создателя переводчика. Таким образом технологии становятся важным агентом изменения бытового дискурса.

Тут же скажем, что остается один шаг для того, чтобы выявить существование искусственного машинного/информационно-технологического дискурса, к которому принадлежит автоматизированный перевод и все тексты, созданные с помощью искусственного интеллекта. Однако делать этот шаг преждевременно, пока информационные продукты, появившиеся искусственным путем, имитируют дискурсы, уже существующие в человеческом сообществе.

В сфере изобразительного искусства уже существуют известные прецеденты популярных объектов, созданных ИИ. Картина «Портрет Эдмонда де Белами», созданная с использованием алгоритма на базе искусственного интеллекта, была продана на аукционе Christie's за 432 тысячи долларов. Цифровая музыка, создаваемая ИИ, стала отдельным жанром. В области словесного творчества мы не можем найти примеров такого успеха. Из этого можно сделать предположение, что общий фонд культуры все еще неспособен принять безавторский текст. Так, премия «Золотая осень» была вручена «автору» Б. Сивко (в расшифровке – «бред сивой кобылы»), за маской которого скрывалась программа-компилатор. Присудило бы жюри премию тексту без имитации человеческого авторства (Б. Сивко), остается вопросом.

Именно в словесности автор больше, чем где бы то ни было, остается авторитетом и собеседником. Ведь литература, лишенная предметно-чувственной формы, предполагает длительный и деятельный акт постижения в понимающем сотворчестве читателя и автора (по М.М. Бахтину). Для того чтобы встать на место такого автора, искусственному интеллекту понадобится прорыв в сферу мыслящей экзистенции. Но возможен ли такой прорыв? Может ли ИИ выйти за рамки имитации и достичь уровня творческой деятельности? Этот вопрос имеет непосредственное отношение к известной гипотезе слабого и сильного искусственного интеллекта. Слабый ИИ – тот, что мы имеем сейчас, а термин «сильный ИИ» используется для обозначения «общего искусственного интеллекта человеческого уровня» [Kurzweil, 2005, p. 260]. На сегодняшний день исследователи отмечают спекулятивный характер сильного ИИ [Ramamoorthy, 2018]. Во многом он является мифологизированным, голливудским образом. В реальности же мы имеем искусственный интеллект, суть работы которого сводится к количественным ответам и количественному прогнозированию [Брусард, 2020]. В контексте творчества эта ограниченность количественными факторами ведет к проблеме в идентификации ценностей и выражения их в вычислительной форме. Еще одна проблема заключается в том, что творческая деятельность, в отличие от деятельности

¹ В музее Иммануила Канта в Калининграде появился портрет философа, с которым можно поговорить. <https://kgd.ru> URL: <https://kgd.ru/news/society/item/98725-v-muzee-immanuila-kanta-v-kaliningrade-poyavilsya-portret-filosofa-s-kotorym-mozhno-pogovorit> (дата обращения: 9.02.2023).

ИИ, предполагает неопределенное состояние, нелинейность познающего субъекта [Кудряшев, Елхова, 2016, с. 1128].

Важный аспект творчества – целеполагание. В случае с искусственным интеллектом цель определяется автором – человеком, создавшим технологию. В этом смысле человек становится автором высшего порядка. Вспомним способы творения из средневековой онтологии: креация, генерация и фабрикация. Человек поднимается на уровень креации, ИИ – фабрикации.

Интересную апологию творчества ИИ предлагают А.Ф. Кудряшев и О.И. Елхова. По их мнению, если приравнять творчество к созданию нового, то человек не вправе это «новое» узурпировать: «Если мы будем различать результаты по их субъектам, то получим два ряда новизны: в одном ряду находятся новые результаты, получаемые человеком, а в другом ряду – новые результаты, получаемые искусственным интеллектом. И сопоставлять надо новое со старым в каждом ряду отдельно!» [Кудряшев, Елхова, 2016 с. 1128].

Однако в целом исторически сложившаяся конвенция о термине «творчество» включает в объем этого понятия мотивацию, эмоциональность, влияние личностных факторов. Здесь же мы можем сделать оговорку: эмоциональная сторона произведения может быть раскрыта на стороне реципиента без участия автора. То есть при отсутствии эмоциональности автора она может быть приписана ему читателем. Современные модели искусственного интеллекта, разумеется, лишены эмоциональности и в основном ориентированы на когнитивную часть творческой деятельности [Стрижаков, Чирикова, 2019].

Юридическая доктрина, так же как и практика словоупотребления, склонна считать творчество исключительно человеческой деятельностью [Максимов, 2021]. При этом некоторые эксперты предлагают предоставить авторскую защиту текстам, созданным искусственным интеллектом [Motovilova, 2019]. Однако здесь возникает новая развилка: автором можно назвать и создателя нейросети, и любого из пользователей, нажавших кнопку и запустивших процесс работы над конкретным продуктом [Давтян, 2022].

Некоторые исследователи предлагают оставить авторское право и придумать новый правовой институт для защиты разработчика программ искусственного интеллекта [Моргунова, 2019].

Исследования в области юриспруденции косвенным образом ведут к философским выводам. Технология способна создавать, но не способна владеть. Владение – власть над вещью. Эта власть свойственна всемогущей воли субъекта творчества, автора, до его «смерти». Технология же производит текст, не властвуя над ним ни до, ни после акта создания.

Заключение

Автоматизация сферы творческой деятельности – процесс, открывающий новые философско-культурологические горизонты. Прежние повествовательные инстанции (автор, нарратор, сценарист) не вполне соответствуют современным реалиям культурного производства и требуют переосмысления в рамках новой информационно-технологической парадигмы.

Необходимость теоретического осмысления «нового авторства» обусловлена практическими проблемами, все чаще возникающими на стыке человеческого и автоматического производства текста. Так, одним из требований голливудских сценаристов, объявивших забастовку в 2023 году, стал отказ от искусственного интеллекта при написании сценариев. Таким образом, вопрос об авторе-машине уже вошел в культурную и общественную повестку. Возникают новые морально-этические, правовые измерения проблемы автора, пока что не имеющие конвенционального решения. В связи с этим приходится констатировать кризис авторства.

В ходе нашего исследования была предпринята попытка фиксации нынешнего кризисного состояния авторства в современном культурно-технологическом контексте. Были проанализированы новые практики человеко-машинного сотворчества в процессе культурного производства.

Подведем итог. Технология способна на решение творческих задач имитационным и компилятивным способом, но не способна на творчество в полном смысле этого термина. Возможны различные формы соавторства человека и технологии, а также полностью автоматизированного создания текстов. Таким образом, наблюдается дегуманизация письма, отчужденность человека от производства текста. Элиминируется не только автор, но и скриптор. При этом потребитель искусственно созданного информационного продукта изменился меньше, чем его производитель. В связи с этим сместился центр смыслообразования. Бахтинское «сотворчество понимающих» (автора и читателя) трансформируется в «творчество понимающего» читателя.

Список литературы

- Аверинцев С.С. 2006. Автор. В кн.: София-Логос. Словарь. Киев, ББИ: 24–49.
- Аверинцев С.С. 1994. Авторство и авторитет. В кн. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., Наследие: 105–125.
- Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. 1994. Категории поэтики в смене литературных эпох. В кн.: Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., Наследие: 3–38.
- Алексеев А.Ю. 1994. Проблема творчества в исследованиях искусственного интеллекта. В кн.: Эпистемология креативности. М., Канон+: 374–415.
- Барт Р. 1994. Смерть автора. В кн.: Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., Прогресс: 384–391.
- Басина Н.И. 2003. Проблема автора в культуре: автореф. дис. ... д-р. филос. наук: 24.00.01. Ростов-на-Дону, 44 с.
- Бахтин М.М. 1979. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 422 с.
- Беньямин В. 1996. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., Культурный центр имени Гете, 240 с.
- Бруссард М. 2020. Искусственный интеллект. М., Альпина нон-фикшн, 362 с.
- Булычев И.И. 2021. Искусственный интеллект в зеркале настороженного философского дискурса. *Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки.* 2: 98–108.
- Виноградов В.В. 1961. Проблема авторства и теория стилей. М., Гослитгиздат, 614 с.
- Давтян М.А. 2022. Проблемы признания искусственного интеллекта одним из объектов авторского права. *Вестник науки,* 2: 88–94.
- Карпенко И.Д. 2001. Искусственный интеллект. В кн.: Новейший философский словарь. Минск, Интерпрессервис; Книжный Дом: с. 442.
- Кудряшев А.Ф., Елхова О.И. 2016. Процесс творчества в системах с искусственным интеллектом. *Вестник Башкирского университета.* 4: 1124–1129.
- Лихачев Д.С. 1954. Итоги и перспективы изучения древнерусской литературы в свете задач построения истории литературы. *Известия АН СССР. Отд-ние лит, и яз,* 13(5): 414–433.
- Максимов А.Г. 2021. Искусственный интеллект как автор и соавтор литературного произведения. *Вестник ННГУ,* 1: 108–110.
- Моргунова Е.А. 2019. Охраноспособность результатов художественного творчества, созданных с использованием искусственного интеллекта. *Пермский юридический альманах,* 2: 264–272.
- Пушкарев А.В. 2014. Творчество и искусственный интеллект: постановка проблемы. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки,* 12: 93–96.
- Стрижаков Е.А., Чирикова М.В. 2019. История и перспективы развития творческих способностей искусственного интеллекта. *Известия Лаборатории древних технологий,* 2: 248–258.
- Феогнид. 1999. Элегии. В кн.: Эллинские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М., Научно-издательский центр «Ладомир»: 254–273.
- Фуко М. 1996. Что такое автор? В кн.: Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., Касталь: 8–48.
- Burke S. 2008 *The Ethics of Writing: Authorship and Legacy in Plato and Nietzsche* Edinburgh, Edinburgh University Press, 256 p.
- Burke, S. 1995. *Authorship from Plato to the Postmodern: A Reader.* Edinburgh, Edinburgh University Press, 384 p.

- Fong, G.S., 2008. *Herself an Author: Gender, Agency, and Writing in Late Imperial China*, Honolulu. Honolulu, University of Hawaii Press, 244 p.
- Guptab, M. and P. Mikalefa, 2021. Artificial intelligence capability: Conceptualization, measurement calibration, and empirical study on its impact on organizational creativity and firm performance. *Information & Management*, 58(3): 103–434.
- Kurzweil, R. 2005. *The Singularity is Near*. New York, Viking Press. 652 p.
- Motovilova, D.A., 2019. Prospects of copyright protection of results created by artificial intelligence systems, from the position of American law. *Journal of the Court of Intellectual Rights*, 23: 56–67.
- Nehamas, A., 1986. What An Author Is. *The Journal of Philosophy, Eighty-Third Annual Meeting American Philosophical Association, Eastern Division*, 83(11): 685–691.
- Neubauer, A.C., 2021. The future of intelligence research in the coming age of artificial intelligence – With a special consideration of the philosophical movements of trans- and posthumanism. *Intelligence*, Elsevier, 87.
- Ramamoorthy, A. and R. Yampolskiy, 2018. Beyond Mad?: The Race For Artificial General Intelligence. *ITU Journal, ICT Discoveries*, 1 (Special Issue).

References

- Averintsev S.S. 2006. Avtor [Author]. Sofiya-Logos. Slovar'. Kiev, Publ. BBI, 24–49.
- Averintsev S.S. 1994. Avtorstvo I avtoritet. [Authorship and authority]. *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi I tipy khudozhestvennogo soznaniya*. Moscow, Publ. Nasledie: 105–125.
- Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grintser P.A., Mikhaylov A.V. 1994. Kategorii poetiki v smene literaturnykh 404sevier404 [Categories of poetics in changing literary eras]. *Istoricheskaya poetika*. In: *Literaturnye epokhi I tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical poetics. Literary eras and types of artistic consciousness]. Moscow, Publ. 3–38 (in Russian).
- Alekseev A. Yu. 1994. Problema tvorchestva v issledovaniyakh iskusstvennogo intellekta [The Problem of Creativity in Artificial Intelligence Research]. *Epistemologiya kreativnosti*. Moscow, Publ. Kanon+, 374–415.
- Bart R. 1994. The Death of the Author [Death of an author]. In: *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Publ. Progress, 384–391 (in Russian).
- Basina N.I. 2003. Problema avtora v kul'ture [The Problem of the Author in Culture]. *Abstract. dis. ... d-r. filos. sciences*. Rostov-na-Donu, 44 p.
- Bakhtin M.M. 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Publ. Iskusstvo, 422 p.
- Ben'yamin V. 1996. *The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility*. Moscow, Publ. Kul'turnyy tsentr imeni Gete, 240 p. (in Russian).
- Brussard M. 2020. *Iskusstvennyy intellect* [Artificial intelligence]. Moscow, Publ. Al'pina non-fikshn, 362 p.
- Bulychv I.I. 2021. *Iskusstvennyy 404sevier404 v zerkale nastorozhennogo filosofskogo diskursa* [Artificial intelligence in the mirror of wary philosophical discourse]. *Vestnik IvGU. Seriya, Gumanitarnye nauki*, 2: 98–108.
- Vinogradov V.V. 1961. *Problema avtorstva i teoriya stilei* [The problem of authorship and the theory of styles]. Moscow, Publ. Goslitizdat, 614 p.
- Davtyan M.A. 2022. Problemy priznaniya iskusstvennogo intellekta odnim iz ob'ektov avtorskogo prava [Problems of recognizing artificial intelligence as one of the objects of copyright]. *Vestnik nauki*, 2(47): 88–94.
- Karpenko I.D. 2001. *Iskusstvennyy 404sevier404* [Artificial intelligence]. *Noveyshiy filosofskiy slovar'*. Minsk Publ., Interpressservis; Knizhnyy Dom, 442 p.
- Kudryashev A.F., Elkhova O.I. 2016. *Protsess tvorchestva v sistemakh s iskusstvennym intellektom* [The process of creativity in systems with artificial intelligence]. *Vestnik Bashkirsk. Un-ta*, 4: 1124–1129.
- Likhachev D.S. 1954. *Itogi I perspektivy izucheniya drevnerusskoy literatury v svete zadach postroeniya istorii literatury* [Results and Prospects of the Study of Old Russian Literature in the Light of the Tasks of Building the History of Literature Moscow]. Publ. AN SSSR. Otd-nie lit. Vol. 13: 414–433.
- Maksimov A.G. 2021. *Iskusstvennyy 404sevier404 kak avtor I soavtor literaturnogo proizvedeniya* [Artificial intelligence as the author and co-author of a literary work]. *Vestnik NNGU*, 1: 108–110.
- Morgunova E.A. 2019. *Okhranosposobnost' rezul'tatov khudozhestvennogo tvorchestva, sozdannykh s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta* [Protectability of the results of artistic creation created using artificial intelligence]. *Permskiy yuridicheskiy al'manakh*, 2: 264–272.

- Pushkarev A. V. 2014. Tvorchestvo i iskusstvennyy intellekt: postanovka problemy [Creativity and artificial intelligence: problem setting]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 12: 93–96.
- Strizhakov Ye. A., Chirikova M. V. 2019. Istoriya i perspektivy razvitiya tvorche-skikh sposobnostey iskusstvennogo intellekta [History and prospects for the development of the creative abilities of artificial intelligence]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 2: 248–258. Feognid. 1999. Elegii [Elegies]. Ellinskie poety VII–III vv. Do n.e. Epos. Elegiya. Yamby. Melika [Hellenic poets VII–III centuries. do n.e. Epic. Elegy. Iambi. Melika.]. Moscow, Publ. Lodomir: 254–273 (in Russian).
- Fuko M. 1996. Chto takoe avtor? [What is the author?] In: *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Volya k estine: knowledge, power and sexuality on the other side. Robots are different]. M., Kastal': 8–48 (in Russian).
- Burke S. 2008 *The Ethics of Writing: Authorship and Legacy in Plato and Nietzsche* Edinburgh, Edinburgh University Press, 256 p.
- Burke, S. 1995. *Authorship from Plato to the Postmodern: A Reader*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 384 p.
- Fong, G.S., 2008. *Herself an Author: Gender, Agency, and Writing in Late Imperial China*, Honolulu. Honolulu, University of Hawaii Press, 244 p.
- Guptab, M. and P. Mikalefa, 2021. Artificial intelligence capability: Conceptualization, measurement calibration, and empirical study on its impact on organizational creativity and firm performance. *Information & Management*, 58(3): 103–434.
- Kurzweil R. 2005. *The Singularity is Near*. New York, Viking Press. 652 p.
- Motovilova, D. A., 2019. Prospects of copyright protection of results created by artificial intelligence systems, from the position of American law. *Journal of the Court of Intellectual Rights*, 23: 56–67.
- Nehamas, A., 1986. What An Author Is. *The Journal of Philosophy, Eighty-Third Annual Meeting American Philosophical Association, Eastern Division*, 83(11): 685–691.
- Neubauer, A. C., 2021. The future of intelligence research in the coming age of artificial intelligence – With a special consideration of the philosophical movements of trans- and posthumanism. *Intelligence*, Elsevier, 87.
- Ramamoorthy, A. and R. Yampolskiy, 2018. Beyond Mad?: The Race For Artificial General Intelligence. *ITU Journal, ICT Discoveries*, 1 (Special Issue).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.02.2022

Received February 12, 2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Revised May 2, 2022

Принята к публикации 01.05.2023

Accepted May 01, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Егоров Никита Сергеевич, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Nikita S. Egorov, postgraduate student of the Department of Philosophy, Culturology, Science of Science, Belgorod Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Кузнецов Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Andrey V. Kuznetsov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 008

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-406-412

Потенциал инноваций музыкального образования КНР

¹ Есман О.С., ² И Лань

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308000, г. Белгород, ул. Королева, 7;

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308000, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: Olga5462@mail.ru, yilanajiaxi@163.com

Аннотация. Представлены результаты исследования становления музыкального образования Китая на фоне культурного контекста. В ходе работы выявлена проблема инноваций на фоне процессов вестернизации и глобализации, которая берет начало со времени окончания монархического режима в Китае в XX веке, но в условиях современности носит нарастающий характер. Определено обоснование ценностных ориентиров инноваций музыкального образования Китайской Народной Республики. Сделан вывод о том, что инновации как новый виток развития должны базироваться на национальных традициях культуры в синтезе с освоением и переосмыслением западных ценностей (на фоне глобализации) в контексте национальной культуры. Результаты исследования могут быть применены при формировании учебных планов на музыкальных факультетах высших учебных заведений Китая.

Ключевые слова: музыкальное искусство Китая, инновации в культуре, проблема национального в искусстве, проблема ценностей, глобализация

Для цитирования: Есман О.С., И Лань. 2023. Потенциал инноваций музыкального образования КНР. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(2): 406–412. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-406-412

The Innovation Potential of Music Education in China

¹ Olga S. Esman, E Lan

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308000, Russia;

² Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308000, Russia

E-mail: Olga5462@mail.ru, yilanajiaxi@163.com

Abstract. The results of the study of the formation of music education in China against the background of the cultural context are presented. In the course of the work, the problem of innovation against the background of the processes of Westernization and globalization, which originates from the end of the monarchical regime in China in the XX century, is revealed, but in the conditions of modernity is of an increasing nature, the substantiation of the value orientations of innovations in music education of the People's Republic of China is determined. It is concluded that innovations as a new round of development should be based on national cultural traditions in synthesis with the development and reinterpretation of Western values (against the background of globalization) in the context of national

culture. The results of the study can be applied in the formation of curricula at the music faculties of higher educational institutions in China.

Keywords: musical art of China, innovations in culture, problem of national in art, problem of values, globalization

For citation: Esman O.S., E Lan. 2023. The Innovation Potential of Music Education in China. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 406–412 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-406-412

Введение

Современная картина мира с ее размыванием культурных границ на фоне глобализации демонстрирует все большую тенденцию к взаимному внедрению, осмыслению и освоению культур. Так осуществляется процесс взаимной или невзаимной интеграции культурного опыта. Мы видим в этом некоторый положительный аспект: подобно тому, как на микроуровне научные исследования носят междисциплинарный характер, на макроуровне познание культур других стран помогает глубже осознать особенности родной культуры на фоне полярных явлений. Однако здесь возникает проблема сохранения национального самосознания, не подавления исходной культуры культурой сторонней путем обоснования ценностных ориентиров как базы инновационных процессов.

Понимание общего культурно-исторического становления образования, музыкального искусства и культов Китая в исследовании основано на внушительных работах Л.С. Васильева и Van Binchzhao. Небольшие исследования Ху И Цзюань и Чень Го посвящены историческим аспектам музыкального образования. Ряд авторов дают представление о современной системе образования КНР, среди них Сяньюй Хуан, Цихэн Ван. Культурные особенности китайского музыкального образования начала XX века исследует Чунь Шинь Е. Проблемы вестернизации и глобализации рассмотрены в статьях Ван Мэнъюнь и Е.Н. Яковлевой. Вопросы национального самосознания касаются Чжан Цзюнь, Юй Шэн-линь и А.В. Торопова. В ракурсе нашего исследования также значимой оказалась работа Л.В. Боевой, рассматривающая проблему взаимодействия аксиологии и онтологии.

Панорама исследованной литературы позволяет рассматривать потенциал инноваций в музыкальном образовании Китайской народной республики на пересечении вопросов глобализации и национальных традиций. Несмотря на многочисленность исследований особенностей того или иного этапа в истории музыкального образования в Китае, мы находим пробел в отношении ценностных ориентиров потенциальных инноваций образования, что и определяет цель нашего исследования.

Соответственно междисциплинарному характеру проблемы, в работе применен критический анализ философской, культурологической, искусствоведческой, педагогической литературы. Специальный аксиологический метод определяет ценностно-ориентированную направленность исследования; дискриптивный позволил обосновать генезис и особенности становления музыкального образования в Китае; компоративный применен в ходе формулирования выводов относительно проблем выбора перспектив развития музыкального образования в современном Китае.

История развития музыкального искусства династического Китая

Музыкальное искусство древности предполагает два основных пласта: искусство странствующих музыкантов и искусство аристократии. Именно последнее попадает в поле нашего исследования, как заложившее основы для образовательного процесса.

Говоря о музыкальном образовании, мы учитываем, что музыка как вид искусства всегда являлась важной частью философско-мировоззренческой картины мира в Китае. Чень Го пишет о философско-буддистском основании музыки: «Согласно представлениям древних китайцев, музыка способствовала слиянию человека с природой, обретению им гармонии. Как следствие, она не могла быть доступна всем. Буддизм говорил о мистических началах музыки, которые становились отражением личности и божественного начала в ней» [Чень, 2021, с. 298]. Однако мы отмечаем, что, несмотря на разнообразие религиозных направлений, китайское мировоззрение преимущественно не склонно к мистификации и иррационализации. У Васильева читаем: «Сущность их (*верований – О.С. Есман*) уже тогда, задолго до Конфуция, сводилась к ослаблению иррационального начала религии и возвышению рационального начала этики, к подчинению религиозно-этических норм требованиям социальной политики и администрации» [Васильев, 2006, с. 159]. Понимая музыкальную культуру как важную часть духовной конструкции китайского общества, для первой всегда было характерно государственное регулирование. «Социальная этика и административная практика здесь всегда играли значительно большую роль, нежели мистические абстракции и индивидуалистические поиски спасения», – пишет Васильев [Васильев, 2006, с. 151].

С 700-х гг. до н.э. (эпоха Восточной Чжоу) музыкальное искусство и образование Китая находилось под началом ценностных ориентиров конфуцианства. Конфуций – главный «теоретик» этико-философского учения, отождествляемого с религиозным, – есть обычный человек; тем не менее он, в упорстве опыта жизни достиг кульминации единства телесного и духовного становления. Васильев пишет: «...истинный китаец выше всего ценил как раз материальную оболочку, т.е. свою жизнь. Величайшими и общепризнанными пророками здесь считались прежде всего те, кто учил жить достойно и в соответствии с принятой нормой, жить ради жизни, а не во имя блаженства на том свете или спасения от страданий» [Васильев, 2006, с. 151]. Музыка в этой системе ценностей есть средство к воспитанию добродетельного поведения, одно из средств духовного становления. Ее задача состоит не в том, чтобы порадовать чувства человека, но в том, чтобы способствовать его духовному развитию. «Трезвый и рационалистически мыслящий китаец никогда не задумывался слишком много над таинствами бытия и проблемами жизни и смерти, зато он всегда видел перед собой эталон высшей добродетели и считал своим священным долгом ему подражать», – пишет Васильев [Васильев, 2006, с. 151]. В этой связи музыкальное искусство входит в сферу этического и гораздо меньше – эстетического.

Конфуций говорит: «Характер является основой нашей человеческой культуры. Музыка – это расцвет характера».

Конфуций называет ориентирами человека честность, любовь и уважение к родителям, которые вырабатываются в опыте владения шестью видами искусств: музыкой, ритуалами, стрельбой из лука, искусством управлять колесницей, письмом и счетом [Чунь-Шинь, 2009, с. 66]. Доминантность идей конфуцианства в Китае организует все сферы жизни человека, в том числе и культуру не только исполнения, но и слушания музыки. Прослушивание музыки способствует гармонии в иерархии общественных связей (как внутри семьи, так и за ее пределами), таким образом, осуществляя воспитательную функцию. Чунь-Шинь Е в начале XXI века пишет: «Что касается Китая, музыка здесь рассматривается как средство обучения, так что она в очень значительной мере функциональна» [Чунь-Шинь, 2009, с. 65].

Итак, мы делаем выводы относительно культурного контекста возникновения музыкального образования в Китае:

1. Становление феномена обусловлено философско-мировоззренческой картиной мира и трактовкой значения музыкального искусства в рамках этой картины мира.
2. Генезис культурного феномена базируется на идеях конфуцианства как ведущей доктрине исследуемой геолокации.

Отсюда – функционал, цели и задачи музыки как искусства и образования. Как искусство музыка есть средство к духовному становлению человека. Направленность обусловлена социальным устройством и потребностями. Деление на высшие и низшие слои изначально подразумевало обучение лишь высших рангов. Впоследствии возникла необходимость обучения класса музыкантов с целью исполнения на ритуалах, в домах аристократии и обучения новых кадров.

XX век – Китай социалистический

Отметив древность истоков музыкальной культуры и музыкального образования в Китае, обратим внимание на то, что зачатки *современной системы* музыкально-педагогического образования начали формироваться только к началу XX в.

Чунь-Шинь Е выделяет три стадии развития музыкального образования в Китае: «(а) Запад встречается с Востоком – годы 1903–1948; (б) новый Китай – годы 1949–1976; (в) современный Китай – после 1976 года» [Чунь-Шинь, 2009, с. 67]. В данном исследовании мы руководствуемся такой периодизацией, но принимаем во внимание, что сейчас, в 2023 году, мы вправе говорить о новом этапе, характеризующемся мультикультурностью на фоне общей культурной мировой глобализации.

В начале XX века, после падения династии Цин (1636–1911), назревает проблема реформации культурных отраслей страны. В музыкальной сфере мы наблюдаем курс на установление европейских принципов образования. В условиях новой политики принимается положение о важности музыкального образования для воспитания личности человека («Об ориентации образования») [Van, 1994, р. 45]. Органы власти в рамках стратегии повышения эффективности обучения выявляют важность гуманитарного воспитания детей и молодежи. В этой связи отмечено положительное целенаправленное воздействие музыки на развитие образного мышления и интеллекта. В исследовании Сяньюй Хуан мы читаем: «...важным фактором в повышении качества педагогического процесса во второй половине XX века стала деятельность представителей русской и советской музыкальных школ, работавших в Китае» [Сяньюй, 2021, с. 155].

Высшее музыкальное образование в начале XX века китайские студенты в основном получали в Японии. Те, что вернулись на родину, стали основателями школы; используя приобретенные за рубежом профессиональные знания, умения и навыки, они перерабатывали отечественные и зарубежные песни в дидактический материал для обучения детей и молодежи. «Их творческое участие в музыкальной жизни Японии, знакомство с иностранной системой музыкального образования по возвращении на родину способствовали возрождению и развитию музыкальной жизни в Китае Нового времени», – пишет Ху И Цзюань [2008, с. 110]. В это время в условиях новой государственной политики происходит популяризация искусства хорового пения; одним из таких хоровых жанров стала так называемая «школьная песня». Это можно объяснить созданием общеобразовательных школ по европейскому образцу, в которых преподавали музыку и пение как отдельный учебный предмет. На этих уроках хоровое пение занимает центральное место. Весомый вклад в развитие жанра «школьной песни» сделали такие известные китайские музыканты-просветители, как: Ли Шутун, Цзэн Чжимин, Шэнь Синьгун и другие. «Публикация стольких сборников песен говорит о подтверждении важности признания школьных песен и всестороннего развития класса пения в Китае», – пишет Чень Го [Чень, 2021, с. 299].

В период «нового Китая» мы говорим о *становлении и развитии высшего* музыкального образования. Установление социалистического строя в 1949 году потребовало образовательных реформ соответственно новым ценностям. Все сферы образования должны были служить построению социалистического общества. Чунь-Шинь Е пишет: «Моральное, интеллектуальное, физическое и эстетическое развитие направлено на модернизацию социалистического государства со специфически-китайскими характеристиками» [Чунь-Шинь, 2009, с. 66]. Последнее говорит нам о *самобытной* культурной направленности социализма

в КНР. Политическая направленность музыкального образования второй половины XX века определяет функционал программы обучения музыке в начальных и средних классах школьного образования.

В 1978 году Китай утвердил политику «открытых дверей» в отношении западной музыки и взаимной музыкальной интеграции между Китаем и Западом. Новое время характеризуется развитием культурной *глобализации*, присущей общемировой тенденции. Длительный период распространения европейской музыки в КНР повлиял на ослабление популярности национального; вестернизация, внедрение европейских ценностей вместе с европейской культурой нивелирует ценность национальных традиций. Чжан Цзюнь пишет: «С одной стороны, сказалось давление идеологического принципа: "Европа – центр мира", вследствие которого у многих сложилось мнение о прогрессивности европейской музыки и отсталости китайской национальной музыки. С другой стороны, отсутствие глубоких познаний китайских музыкальных традиций приводило к отрыву народа от своих исторических корней и национальной музыкальной культуры, в результате чего стерлись древние знания о национальной музыке» [Чжан, 2007, с. 298]. Однако политика «открытости» государственных деятелей дала ход обратному процессу, когда уже Китайская культура обнаруживает свое влияние на международной арене. Таким образом, мы наблюдаем процесс *глобализации* музыкального образования как неотъемлемую часть мировой культурной глобализации. Ван Мэнъюнь и Е.Н. Яковлева пишут о средствах такой интеграции: «Развитие научно-технического прогресса, свободный информационный доступ к образовательным технологиям, компьютерные возможности и сети Интернет определили современную тенденцию взаимоотношений на международную интеграцию в образовательных системах страны» [Ван, Яковлева, 2021, с. 2].

Так, в условиях нового времени, музыкальное образование становится инструментом политическим и социальным. Вначале 1990-х гг. правительство формулирует задачи музыкального образования детей, которые экспонируют вектор направления культурной политики государства [Чунь-Шинь, 2009, с. 66]. На основе анализа перечня задач мы выявляем воспитательную функцию музыкального образования. Ценность – патриотизм, любовь к Родине. Средства – национальная музыка; общее эстетическое развитие. Такие положения в целом отвечают социалистическим ценностям, заложенным еще во времена Французской буржуазной революции. Вспомним школу Сен-симона, которая учитывала нравственно-воспитательный потенциал музыкального искусства.

XX век в целом для китайской музыкальной культуры характеризуется активной европейской интеграцией: многовековая культурная закрытость предыдущего времени и особенности идейного базиса музыкального искусства задавали тон его развитию. В результате такого становления к началу XX века возникла проблема реформации музыкального образования как проблема создания *системы* образования. Подобно тому, как некогда в России XIX века становление национальной школы происходило на базе преподавателей зарубежных стран, отсутствие высшей школы в Китае побудило студентов отправиться за образованием в Японию. За короткий промежуток времени, благодаря «способности к оперативной и продуктивной адаптации» [Цихэн, 2016, с. 44] сложилась современная система образования. Далее – повсеместное открытие музыкальных факультетов (первый период) и высших музыкальных заведений (второй период). Но преподаватели таких школ зачастую были иностранцами либо получили свое образование за рубежом, следовательно, несли ценности чужих культур.

Заключение

Сегодня, в XXI веке, в русле аксиологической основы музыкального искусства вообще и музыкального образования в частности мы наблюдаем проблему взаимоотношения традиционных ценностных ориентиров и ориентиров, адаптированных в контексте западных ценностно-эстетических позиций. Что касается процесса вестернизации – вопрос

состоит в том, чтобы при знакомстве с чужой культурой изучать ее с целью более полного понимания культуры своей. Методы музыкальной педагогики Европы не могут быть чисто, «стерильно» перенесены в Китай без учета его традиций и культурного контекста, даже если последний нуждается в обновлении методологии. Важно учитывать культурный контекст страны.

Кроме того, проблема вестернизации должна быть рассмотрена в ракурсе наличия и содержательного наполнения программ разных музыкальных специальностей. Национальная самобытность китайской культуры может и должна быть сохранена. Ценность развития в мировоззрении Востока связана с осмыслением своей особенности.

Богатое музыкальное наследие Китая представляет большой интерес как явление, имеющее в своей основе оригинальный философский базис. Так, важно сохранять и поощрять культуру древних времен, которая является живым источником истории, философии, культуры. Мы имеем ввиду внедрение комплекса методов освоения культур на основе стилевого подхода, в результате чего надеемся на положительную динамику развития мышления и кругозора молодых людей в условиях культурного диалога.

В изучении многообразия культур нам видится не отождествление национального и чуждого, но поиск своих путей развития в новом мире. «取其精华, 去其糟粕» (возьми лучшее и отбрось шелуху), – говорит древняя китайская поговорка.

Итак, в условиях современности невозможна закрытость культуры. А значит, *инновации как новый виток развития*, должны быть найдены на пересечении почвенных оснований родной культуры с изучением многообразия культур мира. В этом контексте важно определение общего для страны вектора развития (обоснование задач специальностей и написание программ).

Авторы выражают благодарность научным руководителям: доктору философских наук, профессору Римскому В.П.; кандидату философских наук, профессору Кузнецовой А.В. А также студентам из КНР Хуан Гуану и Ши Цзяминь.

Список литературы

- Ван Мэньюнь, Яковлева Е.Н. 2021. Современное музыкальное образование в Китае: тенденции и перспективы. Ученые записки. *Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 2(58).
- Васильев Л.С. 2006. История религий Востока. М., КДУ, 227 с.
- Сяньюй Хуан 2021. Система музыкального образования в Китае. *Вестник СПбГУКИ*, 2(11): 155–159.
- Ху И Цзюань 2008. Музыкальное образование в Китае конца XIX и начал XX века. URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/7318/1/хуицзюань.pdf>
- Цихэн Ван 2016. Особенности современной системы музыкального образования в Китае. *Научные стремления*, 18: 37–46.
- Чень Го 2021. Исторические аспекты становления музыкального образования в Китае. *Мир науки, культуры, образования*, 4(89): 297–301.
- Чжан Цзюнь 2007. Китайская народная музыка в контексте подготовки педагогов-музыкантов. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*, 3: 298–301.
- Чунь-Шинь Е 2009. Китай. В кн.: Д. Дж. Харгривз, А. К. Норт. Как учат музыке за рубежом. М., Издательский дом «Классика-XXI»: 65–74.
- Van Binchzhao 1994. A Brief History of Education in China. Beijing, 319 p.

References

- Van Menyun', Yakovleva E. N. 2021. Sovremennoe muzykal'noe obrazovanie v Kitae: tendencii i perspektivy. [Modern music education in China: trends and prospects]. Uchenye zapiski. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(58).
- Vasil'ev L.S. 2006. Istoriya religij Vostoka [History of the Religions of the East]. M., Publ. KDU, 227 p.

- Syan'yuj Huan 2021. Sistema muzykal'nogo obrazovaniya v Kitae [Music Education System in China]. *Vestnik SPbGUKI*, 2(11): 155–159.
- Hu I Czyuan' 2008. Muzykal'noe obrazovanie v Kitae konca XIX i nachal XX veka [Music education in China of the late XIX and early XX century]. URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/7318/1/huiczyuan'.pdf>
- Cihen Van 2016. Osobennosti sovremennoj sistemy muzykal'nogo obrazovaniya v Kitae [Features of the modern music education system in China]. *Nauchnye stremleniya*, 18: 37–46.
- CHen' Go 2021. Istoricheskie aspekty stanovleniya muzykal'nogo obrazovaniya v Kitae [Historical aspects of the formation of music education in China]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 4(89): 297–301.
- CHzhan Czyun' 2007. Kitajskaya narodnaya muzyka v kontekste podgotovki pedagogov-muzykantov [Chinese folk music in the context of the training of music teachers]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 3: 298–301.
- CHun'-SHin' E 2009. Kitaj [China]. In: D. Dzh. Hargrivz, A. K. Nort. Kak uchat muzyke za rubezhom [How to teach music abroad]. M., Publ. Klassika-XXI: 65n74.
- Van Binchzhao 1994. A Brief History of Education in China. Beijing, 319 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.02.2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Принята к публикации 01.05.2023

Received February 12, 2022

Revised May 2, 2022

Accepted May 01, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Есман Ольга Сергеевна, старший преподаватель кафедры фортепиано факультета исполнительского искусства, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия

И Лань, аспирант кафедры философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Esman, Senior Lecturer of the Piano Department of the Faculty of Performing Arts of the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

E Lan, graduate student of the Department of Philosophy and Theology of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 291.1

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-413-418

Религиозные предпосылки Социальной концепции Русской Православной Церкви

Липич В.В., Маслакова А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308000, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: pressmiloserdie@mail.ru

Аннотация. Для современного общества характерна тенденция повышения значимости религиозного фактора в общественно-политической жизни. Во многих государствах людей настораживают проблемы нивелирования национальной идентичности и процессы глобализации. Поиск ресурсов противодействия этому традиционно начинается с собственных культурно-исторических и религиозных корней, и невозможен без разработки документов, отражающих общецерковный взгляд на проблемы современного общества и вопросы церковно-государственных отношений. Таким документом стала Концепция Русской Православной Церкви, разработанная рабочей группой, созданной Священным Синодом. Авторами данной работы рассмотрены религиозные предпосылки разработки Социальной концепции Русской Православной Церкви, проведен теоретический анализ основополагающих документов Русской Православной Церкви, Священных Книг. Полученные результаты вносят вклад в осмысление специфики Церковного служения и положения Церкви в светском обществе.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Социальная концепция Русской Православной Церкви, служение, Священное Писание, Священное Предание Церкви, религиозные предпосылки

Для цитирования: Липич В.В., Маслакова А.В. 2023. Религиозные предпосылки Социальной концепции Русской Православной Церкви. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 413–418. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-413-418

Religious Prerequisites of the Social Concept of the Russian Orthodox Church

Vasily V. Lipich, Anastasia V. Maslakova

Belgorod National Research University,
78 Preobrazhenskaya St, Belgorod 308000, Russia
E-mail: pressmiloserdie@mail.ru

Abstract. An important role in the life of believers is played by issues of relations between Church and state, including those affecting pressing social problems. Modern society is characterized by a tendency to increase the importance of the religious factor in socio-political life. Despite the availability of publications on this issue, in many states people are very concerned about the problems of leveling national identity and the processes of globalization. The search for resources to counteract this traditionally begins with its own cultural, historical and religious roots, and is not possible without the development of documents reflecting a church-wide view of the problems of modern society and issues of church-state relations in particular. Such a document was the Concept of the Russian Orthodox Church, developed by a working group created by the Holy Synod. When developing the Concept of the Russian Orthodox Church, it was important to cooperate with experts in various fields of knowledge, who, in order to reach agreement, used exactly the way to solve the issue that is rooted in the church tradition. Namely, the comparison of expert opinions by Divine revelation. The purpose of this study is to identify the religious prerequisites for the development of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. To study the problem, a theoretical analysis of the fundamental documents of the Russian Orthodox Church, Sacred Books was carried out. The results

obtained contribute to understanding the specifics of Church ministry and the position of the Church in secular society.

Keywords: Russian Orthodox Church, Social concept of the Russian Orthodox Church, ministry, Holy Scripture, Sacred Tradition of the Church, religious background

For citation: Lipich V.V., Maslakova A.V. 2023. Religious Prerequisites of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 413–418 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-413-418

Введение

Необходимость разработки Социальной концепции Русской Православной Церкви назрела давно. Но решение о выработке такого документа не было принято сразу. Это важное событие произошло в конце XX века (1994 год). Тема отношений Церкви и государства, с одной стороны, насущные социальные проблемы, с другой составляют содержание этого документа, принятого Архиерейским Собором Русской Православной Церкви.

Важность религиозных предпосылок этого документа очевидна: «Необходимо сформулировать общецерковную социальную концепцию – не партийную, "правую" или "левую", а укорененную в Священном Писании и Священном Предании, следующую в русле и духе нашей богословской традиции» (митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, 2000).

Разработка такой концепции напрямую связана с вопросами церковного права в целом. И источники, и тексты церковного права невозможно рассматривать вне контекста динамики отношений института Церкви и светской власти. Тексты священных книг, на которых основано церковное право, религиоведы рассматривают в качестве исторических источников, порой являющихся единственными историческими доказательствами. Одним из примеров, подтверждающих это, является обращение историков, изучающих русское средневековье, к вопросам церковного права, отраженным в текстах религиозного содержания (Кормчая/Устав древнерусских князей, Мерило праведное и др.).

«Институт прав человека сам по себе может наилучшим образом способствовать развитию человеческой личности и организации общества. При этом со ссылкой на защиту прав человека на практике нередко реализуются такие воззрения, которые в корне расходятся с христианским учением. Христиане оказываются в условиях, когда общественные и государственные структуры могут принуждать, а зачастую уже принуждают их мыслить и поступать вопреки Божиим заповедям, что препятствует достижению самой важной цели в жизни человека — избавлению от греха и обретению спасения» [Основополагающие..., 2008]. В сложившихся условиях Церковь обращает внимание людей на значение правильного поведения, понимание сути его догматов и их истоков.

Осмысление вопросов создания Концепции

Характер социальной концепции Русской Православной Церкви «определяется его обращенностью к нуждам Полноты Русской Православной Церкви в течение длительного исторического периода на канонической территории Московского Патриархата и за пределами таковой. Поэтому основным его предметом являются фундаментальные богословские и церковно-социальные вопросы, а также те стороны жизни государств и обществ, которые были и остаются одинаково актуальными для всей Церкви в конце XX века и в ближайшем будущем» [Основы социальной..., 2018].

А.Ю. Михайлов обращает внимание на то, что сегодня Концепция является очень востребованным документом, поскольку «Церковь находится в стадии выработки программ (идеологии, стратегии и практики) взаимоотношения с обществом и государством, в состоянии осмысления социальной реальности [Михайлов, 2006].

Социальную концепцию Русской Православной Церкви П.И. Горкунова предлагает рассматривать в качестве упорядоченной структуры. А именно: «принципов, позволяющих толковать и оценивать с религиозной точки зрения государственную политику в политико-правовой, экономической, культурной и социальной сферах общественной жизни» [Горкунова, 2011].

Содержание Концепции, включающее самые разнообразные сферы, «наметило ряд проблем культурологического и социального характера» [Доронина, 2022].

Социальная концепция Русской Православной Церкви содержит основополагающие позиции для различных сфер жизни христианина в светском обществе. Целостный подход к ним обусловлен, во-первых, значительными историческими преобразованиями на мировом уровне, имевшими место в конце XX века и оказавшими огромное влияние на сознание людей. Во-вторых, сегодня чрезвычайно важно создание документа перспективного характера о служении Церкви. В наши дни, когда религия не имеет прежней силы в общественной жизни и в сознании многих членов общества, воспитанных не просто в светских традициях, а на недопустимости обращения к сакральному, соотнесение своих действий с религиозными истоками стало остро необходимым. Ведь подавляющее большинство людей, которые сейчас приходят в Церковь, воспитаны на сугубо атеистических ценностях. А также нельзя упускать из внимания тот факт, что современное общество, в целом, характеризуется не только светской направленностью, но и систематически подвергается негативному и дестабилизирующему влиянию религиозного экстремизма. Такого массового негативного влияния история не знала в прошлые столетия.

Социальная концепция Русской Православной Церкви является первым официальным церковным документом, выражающим целостную позицию Церкви по ряду сфер жизни общества. Безусловно, позиция Церкви по отдельным вопросам, актуальность которых изменялась хронологически, нашла отражение в работах отдельных православных богословов, обращениях к верующим священников. Но субъективность этого очевидна. Кроме того, мнение отдельного человека нельзя рассматривать в качестве официальной позиции Церкви. В этой ситуации для выработки официальной позиции Церкви обращение к первоисточникам – Священным книгам – необходимо.

Анализ разделов Концепции

Более всего религиозные предпосылки изложены в первом разделе Социальной концепции Русской Православной Церкви, что отражено даже в его названии: «Основные богословские положения».

На основании обращения к таким первоисточникам, как послания к Ефесянам, Евангелие по Иоанну, Евангелие от Луки, Евангелие от Матфея, послание к Коринфянам святого апостола Павла, в Концепции приводятся в следующих видах отношений:

- 1) Церковь → светское общество,
- 2) светское общество → Церковь,
- 3) Церковь → служение.

Согласно Евангельской проповеди, верующие люди не должны быть изолированы от общественной жизни, построенной в соответствии с христианской нравственностью и верой, транслирующей идею всеобъемлющей Божественной любви, преображения и очищения человеческого общества, основанного на любви Бога.

В этом же разделе дается православное понимание патриотизма. Ярким примером патриотизма для верующих людей были и остаются русские князья и вселенские святые (святой благоверный князь Михаил Тверской, святой великомученик Димитрий Солунский, преподобный Сергий, игумен и чудотворец Радонежский, благоверный князь Димитрий Донской, святитель Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси, Святой праведный Иоанн Кронштадтский).

В разделе «Церковь и государство» разработчики Концепции обращаются к Священному Писанию, богословию святых отцов и истории Церкви. Предметом рассмотрения в данном разделе являются такие особенности Церкви и государства, как происхождение, функций, целеполагание. Например, происхождение земного государства рассматривается как дар Божий. Его суть – в создании государства на основе свободной воли людей. Но нельзя исключить факт того, что человеческая природа не лишена греха. Поэтому государственная власть должна быть регламентированной и сберегающей, сдерживающей дальнейшее грехопадение, помня Его заповеди на эту тему. Это явление должно иметь следующее выражение: «Проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2. 2).

Основы раздела «Христианская этика и светское право» восходят к раннему бытию человечества: «дело закона» написано Богом в сердцах человеческих (Рим. 2. 15). Право существует столько, сколько существует человек. Еще в раю человек получил первые законоустановления (Быт. 2. 16-17). Грехопадение (нарушение божественного закона) является стимулом для рассмотрения недопустимости превышения своих прав, поскольку это приводит к разрушению и личности, и человеческого общежития.

В основу следующего раздела – «Церковь и политика» в Концепции положены евангельские традиции, идеи единства справедливости и милосердия (Пс. 84. 11). Это обусловлено тем, что все люди находятся под заботой Церкви. И политикам, управляющим государством, надлежит всегда помнить идеи Господа нашего Иисуса Христа о мире и месте человека в нем. В основе политической деятельности должны быть идеи патриотизма, нравственные нормы, отношение к человеку как к ценности.

Основанием раздела «Труд и его плоды» является трактовка труда в книге Бытия как творческого раскрытия человека, отношения Бога к человеку как сотворцу и соработнику. Доказательством этого являются следующие слова. Сначала «не было человека для возделывания земли» (Быт. 2. 5). После создания райского сада, Бог поселяет в нем человека, «чтобы возделывать и хранить его» (Быт. 2. 15). Все изменяется так: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3. 19).

Христианское отношение к труду не безусловно: богоугоден труд, являющийся соработничеством Господу, исполняющий Его замыслы о мире и человеке. Не богоугоден труд, побуждаемый греховными стремлениями.

Рассмотрим раздел «Собственность». Чувство искренней любви является постулатом, которым должен руководствоваться верующий человек в вопросах относительно собственности. А именно: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13. 34).

Раздел «Война и мир» основан на христианском понимании справедливой войны. Признавая войну злом, Церковь допускает войну как вынужденное средство при некоторых обстоятельствах. Их немного – надо защитить людей и восстановить справедливость. В сердце верующего всегда есть место словам: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15. 13). Эти слова столетиями вели на подвиг русское воинство.

В разделе Концепции «Преступность, наказание, исправление» духовные причины преступности связываются с обеднением души человека. Печальным итогом этого является грехопадение. Поэтому альтернативой преступлений является деятельность по формированию основ нравственного самосознания, созданию и закреплению правильной иерархии ценностных ориентаций. Это касается и преступивших закон людей, и сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Идеи раздела «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности» для Церкви не являются случайными. Семейные традиции, отношения между членами семьи, нормы поведения в семье должны быть основаны на Церковных правилах, Божьем слове. Заповедей, в которых отражено отношение Церкви к личной, семейной и общественной

нравственности, немало. Они касаются и различий между полами, и целостного единения мужчины и женщины друг с другом в любви, и продолжения человеческого рода в благословенном Богом супружеском союзе. Приведем лишь некоторые:

1. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1. 27).
2. «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть» (Быт. 2. 24).
3. «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1. 28).

Большое внимание в данном разделе Концепции уделено вопросам извращения отношений полов в падшем мире, что сегодня является достаточно распространенным явлением, игнорировать которое крайне безнравственно.

Отношение Церкви к здоровью в целом нашло отражение в разделе «Здоровье личности и народа». Ключевым моментом здесь выступает Церковное восприятие нераздельного единства души и тела. В Концепции физическое здоровье рассматривается в тесной связи со здоровьем духовным. Ведь Господь Иисус Христос врачевал не только тело людей, но и заботился о душе: врачевал «всего человека» (Ин. 7. 23). Так, например, приход на исповедь Церковь рассматривает в качестве прихода во врачебницу, дабы отойти исцеленными.

Раздел «Проблемы биоэтики» выражает отношение Церкви к таким вопросам, как прерывание беременности, противозачаточные средства фактически абортного действия, суррогатное материнство, фетальная терапия, эвтаназия и т.д.

Раздел «Церковь и проблемы экологии» посвящен рассмотрению норм отношения человека к природе, анализу причин экологических проблем.

Главная идея Церкви, регламентирующая поведение человека в окружающей среде, взята из книги Бытия: человек является носителем образа небесного Домовладыки. Недопустимо проявление разного рода деструктивного воздействия на окружающую среду, а тем более властвования над ней. Альтернативой этому должно стать поведение в окружающей среде, основанное на «возделывании» и «хранении» величественного царства природы. Человек несет ответственность за это перед Богом (Быт. 2. 15).

«Церковь и светские средства массовой информации» – следующий раздел Концепции. Ведь именно через эту сферу Церковное слово может быть массово услышано народом. И это тоже имеет веские религиозные основания, а именно – слова Святого апостола Петра: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3. 15).

Основанием раздела «Светские наука, культура, образование» является то, что наука может являться одним из средств познания Бога (Рим. 1. 19–20). Но с православной точки зрения, достижения науки следует разумно и рационально использовать для повышения качества земной жизни.

Призыв Церкви к деятелям сферы культуры в Концепции выражен словами Апостола Павла: «Преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12. 2).

В разделе «Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма» рассмотрено отношение Церкви к многим современным проблемам в сфере международных отношений, в первую очередь к глобализации и секуляризму. Церковь занимает активную позицию использования христианской этики в качестве регулятора не только личной жизни отдельных людей, но и человека как представителя своего народа. В качестве основы не только личных, но и международных отношений в Концепции взяты слова из Евангелия по Матфею: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7. 12).

Заключение

Социальная концепция Русской Православной Церкви является современным долгосрочным проектом. В документе отражена специфика Церковного служения и положения Церкви в светском обществе.

Все без исключения разделы Социальной концепции Русской Православной Церкви охватили широкий спектр сфер жизнедеятельности общества, отношения к ним и роли Церкви. В целом Социальная концепция Русской Православной Церкви затрагивают актуальные сегодня темы, основаниями которых являются религиозные предпосылки в русле и духе нашей богословской традиции.

Список источников

- Об основах социальной концепции Русской Православной Церкви». Доклад председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/422562.html> (дата обращения: 26.09.2022).
- Основополагающие Документы Русской Православной Церкви URL: <http://project03.ru/PR/grc.php> (дата обращения: 26.09.2022).

Список литературы

- Горкунова П.И. 2011. Формирование социально-политической доктрины Русской православной церкви: автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Санкт-Петербург, 23 с.
- Доронина В.С. 2022. Основы социальной концепции Русской православной церкви: разработка социальной доктрины русского православия. *Молодой ученый*, 26(421): 72–73.
- Михайлов А.Ю. 2006. Социальная доктрина православной церкви в трудах И.С. Бердникова: дис.... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 242 с.

References

- Gorkunova P.I. 2011. Formation of the socio-political doctrine of the Russian Orthodox Church: abstract of the dissertation of the Candidate of Political Sciences : 23.00.02. St. Petersburg, 23 p.
- Doronina V. S. 2022. Russian Orthodox Church social concept basics: Development of the social doctrine of Russian Orthodoxy, *Young Scientist*, 26(421): 72–73.
- Mikhailov A.Yu. 2006. The Social doctrine of the Orthodox Church in the Works of I.S. Berdnikov: dis. ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.09. Kazan, 242 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.11.2022

Поступила после рецензирования 10.01.2023

Принята к публикации 01.05.2023

Received November 10, 2022

Revised January 10, 2023

Accepted May 01, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маслакова Анастасия Валерьевна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Липич Василий Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasia V. Maslakova, PhD Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University Belgorod, Russia

Vasily V. Lipich, Doctor of Philology, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia